This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P 3 1 2 V 104.50

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

12/3-1 1264 12-18

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ II, № 3.

КОРЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ НАЗВАНІЯХЪ РОДСТВА

У

СЛАВЯНЪ.

П. ЛАВРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

1867.

PSlaw 109.50 (2, Pt. 3-7)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 12 1963

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10 іюля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

PSlaw 109.50 (2, Pt. 3-7)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10 іюля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

КОРЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ НАЗВАНІЯХЪ РОДСТВА У СЛАВЯНЪ.

П. ЛАВРОВСКАГО.

Читано въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности 26 Января и 3 Февраля 1867 года.

Въ ряду выраженій, опредѣленіе понятій которыхъ сопровождается особенно богатыми результатами въ сравнительномъ языкознаніи, безспорно, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ термины родства. Отмѣтить по возможности полное количество ихъ и указать на коренное ихъ значеніе, подъ руководствомъ строгихъ и точныхъ правилъ современной науки языкознанія, тоже самое, что опредѣлить первобытную, по крайней мѣрѣ, основную идею, какую соединялъ древнѣйшій человѣкъ съ разными степенями родственности, а такое опредѣленіе само въ себѣ должно уже заключать и данныя о взглядѣ его вообще на связь родственную. Этотъ же выводъ, въ свою очередь, не можетъ не разъяснить передъ нами значенія и свойствъ первоначальной семьи, изъ которой, сообразно съ тѣмъ или инымъ характеромъ ея, развились такія или иныя родовыя отношенія, только сравнительно позднѣйшими уже своими проявленіями входящія въ собственно такъ называемую исторію.

Понятно послѣ этого, почему и новѣйшіе ученые филологи въ изслѣдованіяхъ своихъ не забывали терминовъ родства, почему и историки позднѣйшіе не уклоняются отъ пользованія результатами такихъ изслѣдованій.

Такъ какъ славянскій народъ составляетъ самостоятельную часть племени арійскаго и какъ славянскій языкъ довольно давно

принятъ въ пособіе и западными учеными въ ихъ сравнительно-лингвистическихъ изысканіяхъ, то не удивительно, что многія и изъ славянскихъ выраженій родства получили уже надлежащее объясненіе. Но это касается исключительно выраженій общихъ съ другими индо-европейскими народами. Между тѣмъ у Славянъ успѣлъ образоваться еще въ доисторическую пору значительный запасъ особыхъ терминовъ, которые должны обратить на себя тѣмъ большее вниманіе, что въ нихъ можетъ по преимуществу высказаться и особенность семейнаго и родоваго быта и своебытность взгляда на разнообразіе родственныхъ отношеній. Обильная масса словъ съ поразительно заботливымъ опредѣленіемъ отдѣльныхъ членовъ самыхъ отдаленныхъ степеней родства служитъ лучшимъ доказательствомъ бытовой важности родственныхъ связей у Славянъ.

Предлагая въ настоящее время собраніе подобныхъ терминовъ съ посильнымъ объясненіемъ ихъ, я считаю не лишнимъ захватить и тѣ выраженія, значеніе которыхъ давно обслѣдовано и уяснено. Дѣлаю это, во первыхъ, для того, чтобы родственная терминологія Славянъ представляла по возможности нѣчто цѣльное, во вторыхъ потому, что не всѣ термины и ближайшаго и общаго родства попали въ изслѣдованія западныхъ ученыхъ, наконецъ, въ послѣднихъ до того разбросаны свѣдѣнія и часто такъ не согласны выводы, что сведеніе ихъ въ одно цѣлое нельзя не признать удобнымъ.

Отъ какихъ либо общихъ выводовъ я удерживался, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что для объективной ихъ истины требуется весьма много условій, выходящихъ далеко за границы исключительной лингвистики; тѣмъ не менѣе, я считалъ не лишними частныя замѣчанія, какія, казалось, вытекали необходимо изъ подробнаго объясненія отдѣльныхъ словъ. Подобныя замѣчанія, хотя и носятъ на себѣ не рѣдко характеръ субъективности, не всегда однакоже лишены значенія по крайней мѣрѣ матеріала при общихъ выводахъ. На этомъ основаніи, и въ способѣ изложенія я не только не чуждался указаній историческихъ, а напротивъ хватался за каждое свидѣтельство, какое только удавалось подмѣтить мнѣ, и сопоставлялъ его объясненіямъ лингвистическимъ. Такое направленіе казалось не неважнымъ въ томъ отно-

шеніи, что посредствомъ его можно бы легко опредѣлить постепенное ослабленіе родовыхъ связей чрезъ замираніе и окончательное исчезновеніе изъ жизни терминовъ родства. Къ сожалѣнію, отсутствіе подробнаго словаря, который бы обнималъ выраженія древней и старой письменности въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, дѣлаетъ желательную полноту въ этомъ отношеніи рѣшительно невозможною. Потому же самому я прибѣгалъ кое-когда и къ народной словесности, съ одной стороны способной до нѣкоторой степени очертить объемъ семьи или народа въ настоящій моментъ, съ другой — своими эпитетами и объяснительными выраженіями часто опредѣляющей первобытный или коренной смыслъ забытаго въ основномъ своемъ значеніи родственнаго термина.

Родство у Славянъ рѣзко распадается на два вида: 1) родство кровное, въ тѣсномъ смыслѣ *родство*, въ основаніи котораго лежитъ связь посредствомъ рожденія отъ одной первоначальной четы; 2) родство свойственное или *свойство*, образуемое посредствомъ брака членовъ двухъ отдѣльныхъ, чужихъ семей. Языкъ славянскій явственно отдѣляетъ это различіе какъ значеніемъ, такъ и происхожденіемъ самыхъ названій, и не только при общемъ опредѣленіи родства, но и въ частныхъ обозначеніяхъ отдѣльныхъ членовъ.

Разсмотримъ прежде первый видъ родства и начнемъ съ терминовъ *мужъ* и *жена*, составляющихъ основу послѣдующей семьи и многочисленнаго рода.

I. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ КРОВНАГО РОДСТВА, ВЪ ИСХОДЯЩЕЙ И ВОСХОДЯЩЕЙ ЛИНІЯХЪ.

Мужъ, ст. слав. мѫжь приравнивается Шимкевичемъ(1) къ скр. мануджа; къ тому же склоняется и Шлейхеръ(2): «мѫжь homo, wol auss skr. manuǵa (mann geborner)», не отвергая, впрочемъ, возможности и самостоятельнаго славянскаго образованія отъ корня man (-слав. мьн.), при посредствѣ гортаннаго окончанія. Что касается перваго мнѣнія Шлейхера, то нельзя не замѣтить, что въ словѣ мѫжь не видно ни малѣйшаго призна[illegible]ности, подобно слову manuǵa, явившемуся въ санскритѣ изъ господ-

ствовавшаго миоа о рожденіи человѣчества послѣ всемірнаго потопа отъ Ману, спасеннаго за высокорелигіозную жизнь. Отсюда человѣкъ-manúga т. е. рожденный отъ Ману. Самое опущеніе звука *у* послѣ *и* едва-ли не способно говорить противъ тожества слав. мѫжь съ скр. manúga. Миклошичъ (3) производитъ слово мѫжь непосредственно отъ корня мьи (-скр. man-думать, мыслить), съ гортаннымъ усиленіемъ г, сближая, такимъ образомъ, слав. мѫжь съ готскимъ manna, съ нѣм. mann.

Не имѣя ничего противъ формальной стороны такого производства, остановимъ свое вниманіе на смыслѣ, придававшемся и придающемся слову мужъ въ степеняхъ возраста человѣческаго: здѣсь встрѣчаемъ понятіе силы, крѣпости, мощи, въ слѣдствіе чего образовались и слова мужество, мужественный, мужаться и т. п. Самое слово мужъ употреблялось, а частію употребляется и теперь, какъ синонимъ человѣка крѣпкаго, сильнаго; возмужалый — тотъ, кто достигъ до извѣстной степени возраста, неразлучнаго съ физическою крѣпостью человѣка. Въ опредѣленіяхъ послѣдовательнаго возраста человѣческаго, какъ предлагаются они въ старинныхъ памятникахъ, мужъ занимаетъ мѣсто самаго зрѣлаго, самаго цвѣтущаго возраста, именно время отъ 29 до 35 года (4).

Казалось бы, послѣ этого, и въ корнѣ сущ. мужъ можно ожидать основнаго значенія силы, крѣпости, подобно латинскому vir, тожественному по значенію съ слав. мужъ и объясняемому скр. глаголомъ vîr — быть сильнымъ, крѣпкимъ, откуда существ. vîrah — герой. Не удобнѣе ли сопоставить и слав. мужь съ глагольнымъ корнемъ mâh, въ значеніи расти, быть сильнымъ (crescere, potentem esse). Бопп (5) сравниваетъ съ нимъ готск. mag, нынѣшнее нѣм. mögen, и существ. mahst, а также и слав. могу, мощи. Образованіе изъ корня mâh существительнаго мѫжь не противорѣчитъ звуковымъ законамъ слав. языка, требующаго перехода г въ ж передъ темою на ja: изъ мѫг (-mâh) произошло мѫжь-мѫгja, какъ изъ бог образовалось прилагательное божь посредствомъ богja. Опущеніе носоваго звука въ глаголѣ могу и удержаніе его въ существ. мѫжь, при одинаковости корня, могло бы найти оправданіе и въ томъ, что въ самомъ санскритѣ употребительны обѣ формы mâh и mah.

Переходъ отъ кореннаго значенія расти къ силѣ, господству и къ возрасту, соединяющему въ себѣ эту силу, объясняется и оправдывается другимъ скр. глаголомъ vṛdh, прежде всего съ значеніемъ crescere, потомъ augere; и какъ въ языкахъ родственныхъ удержалось въ развившихся изъ этого корня словахъ понятіе власти, господства (какъ въ готск. и слав. valda, влада), такъ въ самомъ санскритѣ выразился въ словѣ vṛddha переходъ понятія расти къ возрасту: vṛddha означаетъ возмужалаго человѣка, старца, adultus, senex. Не забудемъ, что съ понятіемъ старца въ древнее время не только не соединялось идеи слабости, дряхлости, а, напротивъ, выражалась мысль объ установившейся, о возросшей крѣпости и мужествѣ. Въ скр. словѣ sthavira, при общемъ значеніи устойчивый, твердый (stabilis, firmus), находимъ и значеніе старика, senex. Такимъ почитался и у Римлянъ senex; таково было значеніе и седьмой степени возраста у Славянъ, старчества, не переходившаго за 56-й годъ отъ рожденія, какъ видѣли выше (6).

При подобномъ взглядѣ на происхожденіе и основное значеніе слова мужъ было бы понятно, почему оно у Славянъ не замѣтно въ общемъ значеніи человѣкъ, какъ это было съ словомъ manuśa, или что встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ mensch, а выражало и выражаетъ собою только людей извѣстнаго положенія, именно свободныхъ, сильныхъ, владѣвшихъ полнымъ правомъ гражданства, иногда вождевъ. Въ такомъ смыслѣ весьма обыкновенно встрѣчается оно и въ древней письменности, и не только русской, но и вообще славянской. Для примѣра укажу нѣсколько случаевъ: «и нача (Ростиславъ) думати съ Святославомъ и съ Мьстиславомъ... и съ мужи своими, хотя поити Чернигову»; для заключенія договора съ Греками, «посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники»,— здѣсь, очевидно, послѣдніе сопоставляются съ мужами Игоря; «начаша праздновати всимь новымъ городомъ вси мужи новгородци», — и тутъ мужи не то, что люди. Забой, задумавши освободить Чеховъ отъ ига нѣмецкаго, bystro spěchaše ot muže k mužu, ot silna k silnu, po všickej vlasti, гдѣ мужъ, конечно, употребленъ въ смыслѣ сильнаго, вліятельнаго, и едва-ли выраженіе ot silna k silnu не справедливѣе понимать въ смыслѣ обычной въ поэзіи славянской

тавтологіи; въ такомъ лишь значеніи является и слѣдующее обращеніе Забоя, когда высказываетъ онъ планъ своего заговора: mužie bratrských srdec i jiskerných zrakóv! Юнгманъ предлагаетъ въ своемъ словарѣ не одинъ примѣръ синонимичности словъ мужъ и воинъ (7). И до сихъ поръ въ Бѣлоруссіи подъ именемъ мужа понимается староста, а глаголъ мужевать въ великорусской народной поэзіи употребляется въ значеніи разсуждать, размышлять: «и мужевалъ тутъ старой, разговаривалъ».

Но какъ латинское vir отъ общаго понятія перешло къ частному, къ обозначенію супруга, какъ homo во французскомъ l'homme стало обозначать и человѣка вообще и супруга въ частности, или какъ малороссіянка называетъ своего мужа чоловикомъ, такъ и въ языкѣ славянскомъ слово мужъ получило частный смыслъ супруга. Это перенесеніе значенія способно еще больше подкрѣпить коренной смыслъ существ. мужъ, какъ человѣка взрослаго и, по отношенію къ женѣ, сильнаго, господина.

Вмѣстѣ съ существительнымъ мужъ употребляется и слово супругъ. Послѣдній терминъ кажется намъ гораздо древнѣе уже потому, что болѣе вещественъ, матеріаленъ, обозначая и въ историческую пору пару воловъ, соединенныхъ, сопряженныхъ однимъ ярмомъ (8). Конечно, пріуроченіе понятія связи отъ животныхъ къ супружеской четѣ между людьми могло совершиться и позднѣе, въ историческое время, даже въ періодъ христіанства; но несомнѣнность брака у Славянъ въ язычествѣ, при употребленіи слова супругъ съ его производными примѣнительно къ человѣку уже въ древнихъ памятникахъ старославянскихъ, говоритъ скорѣе въ пользу господства этого выраженія за долго до христіанства. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что слова супругъ и супруга остались чуть-ли не исключительно у Славянъ русскихъ, будучи вовсе неизвѣстны въ примѣненіи къ мужу и женѣ у другихъ Славянъ. Но идея вещественной связи, по крайней мѣрѣ въ понятіи жены, предлагаетъ примѣры и въ языкѣ иныхъ народовъ: вспомнимъ латинскія conjunx и uxor отъ jungere, скр. jug (-соединять); въ парѣчіи Ведъ jošâ, jošit, jošana (женщина, жена) отъ корня ju, съ тѣмъ же значеніемъ соединять, откуда и сложное сущ. скр. gôjuga, готск. gajuk (ярмо, пара воловъ) вполнѣ равносильное слав. сѫпрѫгъ.

Но въ языкахъ индоевропейскихъ, въ понятіи супруги, жены, гораздо извѣстнѣе, распространеннѣе и общѣе другая идея, идея рожденія. Происхожденіе самаго славянскаго слова жена давно уже опредѣлено положительно отъ корня gan, откуда скр. ǵan, греч. γεν-νάω, лат. gi-gno, и т. д., всѣ съ значеніемъ рождать. Отсюда, для обозначенія существа раждающаго образовались термины: скр. ǵanî или несклоняемое ǵan, греч. γυνή, слав. жена, прус. литов. ganna, готск. kuni и т. д. Такимъ образомъ, коренное понятіе жены есть раждающая и, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ необходимое условіе произведенія дѣтей: образованія семьи. На основаніи этого-то условія находимъ въ старой Руси и названіе жены семьей, семьишкой. Такъ въ письмѣ одной женщины къ своему мужу читаемъ: «государю моему Петру Ооанасьевичу семьишка твоя, Марьица, челомъ біетъ», хотя у нея, какъ видно изъ письма, и нѣтъ дѣтей вовсе (9). Замѣчательно, что нѣсколько подобный же переходъ значенія находимъ и въ скр. словѣ griha, которое съ понятіемъ дома, жилища соединяетъ и понятіе жены. Идея рожденія выразилась и въ скр. словѣ для женщины — strî, по мнѣнію Потта происходящемъ отъ su (generare, рождать) (10).

Конечно, при господствѣ участія въ образованіи языка впечатлительности человѣка отъ качества предмета или такого—иного проявленія его въ жизни, народъ не могъ ограничиться однимъ выраженіемъ и въ настоящемъ случаѣ. И въ славянскомъ языкѣ находимъ мы нѣсколько, восходящихъ къ глубокой, языческой старинѣ и своимъ образованіемъ иногда свидѣтельствующихъ о самомъ способѣ бракѣ у Славянъ. Христіанство, говоря вообще, отвергло такіе термины, по крайней мѣрѣ низвело ихъ къ значенію незаконныхъ женъ, наложницъ, часто просто къ значенію распутныхъ существъ. Но не разомъ могло совершиться такое превращеніе; и въ этой маленькой сферѣ тоже была своего рода борьба, поддерживавшая прежнее значеніе языческихъ терминовъ и въ позднюю пору исторіи, сберегшая его для нѣкоторыхъ словъ у нѣкоторыхъ поколѣній славянскихъ до настоящаго времени. Въ числѣ такихъ выраженій встрѣчаемъ: ведомая, веденица, ведовица, водимая, хоть, женима. Что касается до словъ, происходящихъ отъ вести, водить, то отдаленная древность

ихъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуется самымъ способомъ брака у Славянъ язычниковъ, совершавшагося посредствомъ увода дѣвицъ, какъ говорятъ объ этомъ не только древніе памятники русскіе, но и продолжающійся обычай доселѣ у нѣкоторыхъ расколышковъ и у Сербовъ, даже православныхъ. Но уже съ первыхъ вѣковъ христіанства, въ первыхъ памятникахъ письменности церковно-славянской, выраженія веденица, ведовица ([11]) употребляются или по отношенію къ язычникамъ, или въ случаяхъ многоженства, разумѣется, незаконнаго въ глазахъ христіанина. Такъ: «бысть комоу жень ведениць седмь сьть», но тутъ же находимъ и прибавленіе: «хотіи триста», что очевидно доказываетъ, что взглядъ на большую законность веденицъ, сравнительно съ обыкновенными наложницами, еще продолжался. Это различіе существовало и у русскихъ Славянъ языческихъ, какъ видно изъ словъ Нестора о В. К. Владимірѣ: «и быша ему водимыя», подъ чѣмъ разумѣются собственно жены, въ отличіе отъ 800 наложницъ ([12]). Существительное хоть, какъ замѣтно изъ выше приведеннаго примѣра, и примѣнительно къ язычеству употреблено въ смыслѣ наложницы, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ значеніи за нимъ, въ языческое время, настоящей жены уже потому, что на Руси, напримѣръ, синонимомъ жены является слово хоть еще въ XII столѣтіи, какъ въ словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ хотью называется Ольга Глѣбовна, жена князя Всеволода, а чешское chot употребляется и въ настоящую пору вмѣсто общеупотребительнаго жена. Между тѣмъ, въ памятникахъ церк. славянскихъ слово хоть уже не выходитъ изъ значенія наложницы, какъ въ приведенномъ прежде примѣрѣ и во множествѣ другихъ ([13]); какъ распутная, прелюбодѣйка, живетъ хотница и донынѣ въ хорватскомъ нарѣчіи. Съ упроченіемъ христіанства, съ освященіемъ брака церковью, все больше и больше утверждалась за терминомъ жена исключительность законной жены, такъ что даже и выраженіе женима, столь неразрывно связанное по формѣ и происхожденію съ послѣднимъ, употребляется въ церковныхъ памятникахъ только какъ синонимъ наложницы ([14]). О терминѣ кавъка, какъ рѣдкомъ и исключительномъ для ц. слав. памятниковъ, гдѣ попадается онъ въ смыслѣ наложницы, мы ничего сказать не можемъ.

Такимъ образомъ, слово жена, отъ общаго понятія, заключеннаго въ его корнѣ, существа раждающаго, перешло къ болѣе тѣсному — замужней женщинѣ, и стѣснилось еще болѣе въ періодъ христіанства, начавши обозначать жену въ единоженствѣ, одну законную жену.

Мужъ и жена по отношенію къ родившимся отъ нихъ дѣтямъ становятся отцемъ и матерью.

Во множествѣ языковъ (если только не во всѣхъ на земномъ шарѣ) не только уже родственныхъ по племенному происхожденію народовъ, но совершенно чужихъ другъ другу, даже противоположныхъ по своему строю и развитію, выраженія для упомянутыхъ понятій отзываются замѣчательною близостью, поразительнымъ сходствомъ, едва не до тожества. Понятно, слѣдовательно, что первая причина такого явленія должна крыться въ какомъ либо общемъ, прирожденномъ человѣку основаніи. И трудно отрицать мнѣніе о физіологической необходимости дѣтей прежде всего произносить именно тѣ звуки, изъ которыхъ образовались названія для отца и матери. Едва-ли легко и утверждать, что названія эти обязаны происхожденіемъ своимъ не дѣтямъ, а уже взрослымъ, самимъ родителямъ, какъ потому, что требовательнѣе они для первыхъ, такъ еще болѣе по общему сходству выраженій, которое не можетъ, кажется, не указывать на прирожденное единство голосовыхъ органовъ, не успѣвшихъ еще разнообразиться въ развитіи и направленіи своемъ мѣстными и національными условіями. Четыре сочетанія звуковъ господствуютъ главнымъ образомъ въ сходственныхъ названіяхъ отца и матери, это па и та, ма и на, съ ихъ обратными слогами: ап и ат, ам и ан ([15]). Если же дѣйствительно названія изъ этихъ сочетаній произошли отъ дѣтей, то, очевидно, искать въ нихъ какого либо значенія въ моментъ ихъ образованія было-бы трудомъ совершенно напраснымъ. Но какъ нельзя отвергать, что въ послѣдствіи народъ соединилъ и съ ними опредѣленное значеніе и, на его основѣ, образовалъ цѣлыя семейства словъ, то, въ сущности, важность остается таже самая, если бы данныя сочетанія составили и взрослые люди, слѣдовательно, въ самомъ рожденіи словъ, съ извѣстнымъ смысломъ, именно потому, что въ приданномъ смыслѣ полу-животнымъ звукамъ ребенка народъ выразилъ

все таки свой взглядъ на взаимное отношеніе родителей къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, вскрытіе первоначальнаго значенія и этихъ словъ не лишено научнаго интереса.

Имѣя въ виду славянскій языкъ и выше приведенныя сочетанія звуковъ, слѣдуетъ замѣтить вообще, что а) всѣ они господствуютъ и у Славянъ, какъ у другихъ народовъ, б) что какъ у послѣднихъ, такъ и у Славянъ, одни и тѣже сочетанія служатъ для названія обоихъ родителей, — въ одномъ нарѣчіи отца, въ другомъ матери, иногда того и другой въ одномъ и томъ же нарѣчіи. Уже это одно обстоятельство доказываетъ довольно убѣдительно, что основной взглядъ на отца и мать, относительно дѣтей, не вызывалъ особеннаго различія. Фактическій разборъ подтвердитъ это положеніе.

Общеупотребительнѣйшее выраженіе у всѣхъ Славянъ для мужа, въ такомъ случаѣ, есть отецъ, ст. славянская форма отьць. Если бы славянская письменность и вовсе не сохранила намъ первоначальной формы этого слова, то уже одинъ взглядъ на его образованіе, еще болѣе производные отень, отній, отеникъ([16]), неисчезнувшіе и доселѣ изъ языка русскаго, останутся навсегда положительнымъ свидѣтельствомъ уменьшительной его формы и происхожденія отъ отъ. Но первыя строки одного изъ наидревнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ, Суда Любушина, предлагаютъ и фактическое подтвержденіе справедливости теоретическаго вывода: vsak ot swej čeledi vojevodi. Этимъ указываютъ они на коренную форму от и на употребленіе ея нѣкогда всѣми Славянами. Какъ коренная форма, слово от и должно быть принято въ соображеніе при опредѣленіи родственныхъ терминовъ въ другихъ языкахъ и того основнаго значенія, какое утвердилось за нимъ въ индоевропейскомъ племени.

Господство въ родственныхъ языкахъ для понятія отца корня па дало поводъ нѣкоторымъ пріурочивать къ нему и слово отъ и объяснять его потерею въ началѣ звука п, въ концѣ звука р ([17]). Согласіе на подобное объясненіе потребовало бы слишкомъ много натяжекъ самаго ненаучнаго свойства, а потому объясненіе это давно и отвергнуто, какъ несостоятельное ([18]). При томъ, какъ ни преобладаетъ господство корня па, въ языкахъ родственныхъ, все же не исчезъ вполнѣ изъ нихъ и соот-

вѣтствующій корень славянскому. Такъ, въ готскомъ языкѣ находится выраженіе atta, въ значеніи отца; сюда же можно и, кажется, должно отнести и греч. ἄττα, какъ названіе, употреблявшееся дѣтьми, при обращеніи ихъ къ старикамъ, и древнелатинское atta, какъ, по свидѣтельству Феста, дѣти называли отца ([19]). Въ санскритѣ также извѣстно это слово въ формѣ attâ, но въ значеніи матери, а не отца. Принимая, впрочемъ, въ соображеніе одинаковость названія для отца и матери вообще въ языкахъ, даже, какъ увидимъ, и въ самомъ славянскомъ, едва-ли сдѣлаемъ ошибку, допустивъ, что и древне индѣйскій языкъ имѣлъ слово atta для названія отца.

Но какъ бы высоко ни поднимались мы въ древность, основное значеніе термина atta, а слѣдовательно и нашего отецъ, не встрѣтитъ удовлетворительнаго объясненія. Самый санскритъ остается въ этомъ отношеніи молчаливымъ, предоставляя свободное поле для произвольныхъ догадокъ и предположеній. А какъ послѣднія не могутъ быть терпимы въ наукѣ, то едва-ли и не основательнѣе будетъ допустить, что дѣтское сочетаніе звуковъ въ обратномъ слогѣ at не развило изъ себя въ языкѣ семейства словъ, къ которымъ привязалъ бы народъ какое-либо опредѣленное значеніе. По крайней мѣрѣ, сопоставленіе atta съ глаголомъ ад (ѣсть), что дѣлаетъ Диффенбахъ, едва-ли должно имѣть цѣну, бо́льшую личной догадки; не убѣдительнѣе и сближеніе этого термина съ предлогомъ ati, означающимъ чрезвычайно, весьма, слишкомъ, что, какъ будто, говоритъ въ пользу коренной идеи высокости, верховности, съ точки зрѣнія дѣтей — почтенія и уваженія, хотя бы и близко къ ней подходило санскр. выраженіе для родителей — gurû, родственное съ прилагат. guru (gravis, eximius).

Употребительнѣе въ арійскихъ языкахъ обозначеніе отца словами, происходящими отъ прямаго слога ta, посредствомъ его удвоенія: польское и чешское tatuś, tatuń, tata, tatek, tatík, русское — тятя, литов. tẽtis tajtis, греческое τάτα, гомерич. τέττα и т. д.; этотъ же корень господствуетъ съ полною силою и въ германскихъ нарѣчіяхъ, и въ англійскомъ языкѣ, даже въ цыганскомъ, — въ послѣднихъ съ превращеніемъ t въ d ([20]). Главное значеніе остается всюду отецъ, хотя кое гдѣ въ не славянскихъ

языкахъ и переходитъ къ опредѣленію иныхъ родственниковъ. Подобію сочетанію at, и значеніе образовательнаго слога ta, кажется, не пріобрѣло себѣ опредѣленнаго понятія, какое легло бы въ основу происшедшихъ отъ него новыхъ выраженій; даже и тутъ точно также не видно послѣднихъ, что̀ снова приводитъ къ мысли о дѣтскомъ образованіи самыхъ терминовъ atta и tata. Одинъ звательный падежъ tâta уцѣлѣлъ въ санскритѣ съ спеціальнымъ значеніемъ: любезный, другъ, но и оно слишкомъ обще, чтобы пріурочивать его къ понятію объ отцѣ, со стороны дѣтей.

Послѣ сказаннаго объ общемъ распространеніи однихъ и тѣхъ же названій на отца и мать, не придется удивляться и тому, что терминъ tata является и для обозначенія матери, какъ это мы видѣли въ скр. tâta (мать) и въ гот., греч., лат. atta (отецъ). Такъ, древне-нѣмец. tota, литов. tetta, слав. тётя, teta, tetka. Правда, современное значеніе приведенныхъ словъ уже не относится къ матери, а къ ближайшей ея родственницѣ, сестрѣ, но это служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія подобныхъ названій отъ дѣтей, не различавшихъ точно степеней родства: въ послѣдующее время, при желаніи разграничить ихъ точнѣе, удержались для матери другія сочетанія, а сочетаніе ta примѣнилось къ теткѣ. Тоже должно замѣтить и о муж. родѣ. Если у однихъ Славянъ для брата отца и матери образовались выраженія изъ другихъ корней, какъ покажемъ, также опредѣляющихъ первоначально отца, то у Хорватовъ и Хоругвъ находимъ термины tetac, tetec, очевидно заимствованные отъ tata — отецъ. Подобному заимствованію не могло не способствовать и перегласованіе a въ e. Съ такими явленіями придется встрѣтиться не разъ намъ и при другихъ корняхъ.

Но самое распространенное сочетаніе въ языкахъ родственныхъ для отца, есть ra (-ра), съ образовательнымъ окончаніемъ дѣйствующихъ лицъ tar, видоизмѣняемымъ въ каждомъ языкѣ согласно съ особенными его законами: скр. pitṛ, первоначальное patar, греч. πατηρ, латин. pater, готск. fadar, древ. нѣмец. fatar и т. д. На первый взглядъ, изъ всѣхъ арійцевъ одни Литовцы и Славяне не имѣютъ выраженія изъ того же корня. Но достаточно немного вникнуть въ терминологію славянскую и сообразить этимологическое ея происхожденіе, чтобы и въ пастоя-

щемъ случаѣ не выдѣлять изъ общаго состава Индо-европейцевъ по крайней мѣрѣ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, слав. батя, при всемъ разногласіи значеній въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, можетъ объясняться только происхожденіемъ отъ коренаго сочетанія ба, видоизмѣнившагося, по общему родству губныхъ, изъ па. Придавая слишкомъ много значенія звуку б и опираясь на значеніе слова батя, въ чешскомъ и мадьярскомъ языкахъ употребляемаго вмѣсто братъ, покойный Ганка не задумывался отожествлять его съ послѣднимъ, объясняя очень просто выпускомъ р передъ а ([21]). Повидимому, не прочь былъ склониться къ такому отожествленію батя съ братомъ, и въ происхожденіи и въ значеніи, и знаменитый Гриммъ; по крайней мѣрѣ онъ уклонился отъ своего мнѣнія ([22]). Но ежели и несомнѣнно опущеніе р въ концѣ слова братъ (вмѣсто братръ) въ наибольшей части нарѣчій славянскихъ, то было бы непростительнымъ скачкомъ заключать отсюда и къ выпуску р въ серединѣ слова (батя вм. братя), гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ причинъ его, и на что не сохранилось ни малѣйшаго доказательства ни изъ древней исторіи языка славянскаго, ни въ нынѣшнемъ употребленіи говоровъ славянскихъ. Тогда какъ форма слова батя не оправдываетъ объясненія выпускомъ р, значеніе въ немъ брата изъ первоначальнаго отца, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, объясняется и подтверждается самымъ бытомъ Славянъ. Переходною ступенью является при этомъ значеніе бати у Словаковъ, именно старшаго брата, который въ патріархально-родовомъ быту Славянъ заступалъ обыкновенно мѣсто отца, въ случаѣ его смерти. Напрасно Шафарикъ полагалъ, что значеніе брата въ разсматриваемомъ словѣ сохранилось только у Мадьяръ (batya) ([23]): оно существуетъ не только у Словаковъ, но и у Сербовъ (бата), и у Чеховъ (batia, batjček, batek-братъ матери), даже иногда и у Русскихъ ([24]), и не только въ настоящее время, а было и въ старину, какъ видно изъ лѣтописи ипатьевской: «Романъ Ростиславичь посылаетъ изъ Смоленска попа своего къ Изяславу, река тако: отдаваетъ ти батя Черниговъ» ([25]). Переходу значенія бати отъ отца къ старшему брату соотвѣтствуетъ вполнѣ переходъ значенія отъ матери къ старшей сестрѣ, занимающей также мѣсто матери, послѣ ея смерти, относительно младшихъ сестеръ; отсюда скр. atti,

очевидно родственное съ attâ (мать), означаетъ старшую сестру. На этомъ основаніи, и толкованіе Ганкой выраженія batjo въ слѣдующемъ мѣстѣ краледварской рукописи: batjo ty mluvi k niem oteckymi slovy — старшимъ братомъ ([36]) кажется намъ вѣроятнѣйшимъ и справедливѣйшимъ, такъ какъ слова эти произносятся умирающимъ отцемъ. Но ежели въ приведенномъ случаѣ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ, батя и означаетъ брата, все же значеніе это есть уже второстепенное, заимствованное отъ отца; на это указываетъ не только происхожденіе самаго слова отъ кореннаго сочетанія ба (-па), но и господство употребленія его въ этомъ смыслѣ у всѣхъ Славянъ: русск. батя, батюшка, батенька, болг. баштa, словац. бача, серб. бата и т. д.; происшедшія отсюда термины: болг. баштина, великорус. батьковщина означаютъ наслѣдство, доставшееся имѣнію отъ отца. Замѣтимъ, что и сирійское bat значитъ также отецъ. Едва-ли требуетъ разъясненія употребленіе кое-гдѣ въ Моравіи слова бача въ смыслѣ начальника, предводителя пастуховъ, во время выгона скота на пастбище: пастухи образуютъ изъ себя общину, задругу, какъ бы семью, подчиняющуюся выбранному старшему.

Въ образованіи своемъ отъ основнаго корня ба, существительное батя отступаетъ отъ указаннаго выше термина для отца: въ немъ встрѣчаемъ мы не удвоеніе, какъ въ tata, а особый образовательный суффиксъ та, тя. Но сербское бабо (отецъ) сберегло и въ настоящемъ случаѣ образованіе посредствомъ удвоенія, и въ то же время представило ближайшую форму къ обще-европейскому дѣтскому названію папа, столь очевидно происходящему отъ сочетанія па. Выраженіе бабо не можетъ не быть важно для филолога по несомнѣнному родству съ обще-славянскимъ названіемъ баба, бабица, бабка: понятно, если бабо, происходя отъ ба (па), означаетъ отца, то и баба должно было означать первоначально мать, и какъ тета, тетка, отъ сочетанія та, съ теченіемъ времени уступили мѣсто для названія матери другому корню, такъ и баба, вмѣсто матери, стало обозначать мать матери или отца, а потомъ и всякую женщину, хотя непремѣнно замужнюю. Здѣсь снова находимъ мы оправданіе положенію, что первоначальныя термины для родителей были общи

какъ для отца, такъ и для матери. Въ родственныхъ языкахъ, корень па, кажется, нигдѣ не обнаружилъ примѣненія къ матери.

Какъ наиболѣе распространенное, сочетаніе па глубже проникло въ языкъ индо-европейскій и рано сдѣлалось основою для образованія иныхъ словъ. Самыя формы pitŕ, πατηρ, pater и т. д., очевидно, противорѣчатъ слабымъ органамъ дѣтей и ясно обнаруживаютъ уже отчетливое чутье къ установившемуся значенію образовательныхъ приставокъ: дитя точно также не могло идти далѣе папа, какъ не пошло оно дальше atta или tata. Понятно, что при такомъ условіи къ сочетанію па не замедлилъ привязаться и опредѣленный смыслъ, сдѣлавшее уже и самое сочетаніе данныхъ звуковъ корнемъ. Этотъ смыслъ, находящійся въ основѣ всѣхъ развившихся изъ него словъ, есть питать, кормить, оберегать, охранять. Къ такому значенію могло привести народъ отнесеніе тѣми же дѣтьми сочетанія па къ указанію на хлѣбъ, на пищу. Стоитъ только сравнить бѣлор. и польск. папа (хлѣбъ), литов. papas (сосецъ женской груди). Отсюда явились и слова, означающія оберегателя, покровителя и господина, какъ скр. patiћ, со всѣми его сложными и производными, такъ близко подходящее по образованію къ слав. батя, или греч. δεσπότης, въ послѣдней составной части. Идея питанія такъ тѣсно срослась со взглядомъ народа на отца, что вызвала для послѣдняго обыкновеннѣйшій эпитетъ кормильца, какъ въ говорѣ и словесности простаго народа, или питателя, какъ, напр., въ сербскомъ Родословѣ епископа Данила: коею злобою моею прогнѣвахъ тебе благаго питателя моего, говоритъ Стефанъ Душанъ своему отцу, Стефану Дечанскому ([27]).

Обратный слогъ ап, по видимому, не встрѣчается въ терминологіи отца; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ индоевропейскихъ языковъ не предлагаетъ ни одного слова для отца или матери, которое бы указывало на сочетаніе ап именно въ этомъ видѣ. Но ежели принять во вниманіе подвижность губныхъ звуковъ при взаимной ихъ мѣнѣ другъ на друга, то едва-ли не будетъ основательно въ сочетаніи ав видѣть только измѣненіе первоначальнаго ап отъ па. А сочетаніе ав очень распространено, и прежде всего въ примѣненіи къ отцу. Распространенность его

доказывается и тѣмъ, что, на равнѣ съ па, и ав сдѣлалось корнемъ въ языкѣ, образовавшимъ изъ себя семейство словъ, въ основѣ которыхъ лежитъ идея охраненія, помощи, защиты. Правда, одинъ санскритъ удержалъ этотъ корень для понятія отца, — âvuka, за то рѣдкій языкъ индоевропейскій не сберегъ его для обозначенія другихъ старшихъ родственниковъ, не выходя, впрочемъ, изъ степеней дяди и дѣда, или тетки, въ примѣненіи того же корня къ женщинѣ. Вспомнимъ латин. avus, atavus, avunculus, готск. avô, литов. avynas и т. д. И въ слав. языкѣ осталось отъ него нѣсколько родственныхъ названій, которыя мы укажемъ на своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что ежели ни па, ни обратное сочетаніе ап не обнаруживаютъ примѣненія къ матери, то ав, приравниваемый нами къ ап, своими названіями, отнесенными къ старшей родинѣ именно женскаго пола, дастъ достаточное ручательство, что и отъ него существовали нѣкогда термины для матери.

Третье звуковое сочетаніе, обращенное при посредствѣ удвоенія въ названіе для отца, есть па. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ пана является лишь въ немногихъ языкахъ, перешедши въ большинствѣ къ обозначенію дѣда. Съ лужицкимъ пап и словацкимъ panjo, употребляющимися въ значеніи отца, можно сопоставить албанское пап, панна, ([28]) въ томъ же значеніи; между тѣмъ, персид. pânâ, кимвр. pain означаютъ уже дѣда. Гораздо живучѣе удержалось это сочетаніе въ примѣненіи къ матери, особенно укрѣпившись въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ въ польскомъ нарѣчіи, на ряду съ mama, извѣстно и nana([29]); въ малорусскомъ неня, нянька; сюда же можно отнести и ирланд. naing, также мать. Но и съ этимъ корнемъ большинство языковъ образовало выраженіе для обозначенія другой родственницы, именно тетки, или женщины, заступающей мѣсто матери. Такъ, греч. νάννη и νέννα — тетка, рус. няня, нянька, откуда нянькить. Такому перенесенію значенія не могло не способствовать вошедшее въ особую силу для обозначенія матери звуковое сочетаніе ма у всѣхъ народовъ индоевропейскаго племени. Что касается до обратнаго слога, ан, то онъ еще менѣе распространенъ въ языкахъ индоевропейскихъ; съ значеніемъ отца попадается онъ, кажется, въ одномъ осетинскомъ языкѣ

(ana, anna); другіе случаи его употребленія относятся уже къ названію дѣда и бабки, какъ въ древне-германскомъ anô и ana (30).

Господству сочетанія ра въ индоевропейскихъ языкахъ для обозначенія отца вполнѣ соотвѣтствуетъ, если еще не превосходитъ своею распространенностью и общностью у всѣхъ народовъ арійскихъ, четвертое сочетаніе ma, почти исключительно назначенное служить терминомъ для матери. Дѣйствительно, кромѣ грузинскаго mama, отецъ, нѣтъ ни одного языка, который бы образовалъ изъ него названіе отца. Но и этотъ единичный остатокъ достаточенъ, чтобы оправдать мысль объ общности дѣтскихъ названій, изъ одного и того же звуковаго сочетанія, для обоихъ родителей. Преобладающая сила сочетанія ma въ языкѣ обнаружилась одинаковыми явленіями съ разсмотрѣннымъ нами господствомъ ра. И тутъ точно также народъ не ограничился первобытнымъ и безсмысленнымъ образованіемъ посредствомъ удвоенія (мама), а соединилъ съ сочетаніемъ ma образовательный суффиксъ tar и, придавши ему свойственную идею, сдѣлалъ его корнемъ для образованія новыхъ словъ. И тогда какъ выраженіе mama, подобное papa, осталось лишь въ дѣтскомъ лексиконѣ, языкъ взрослыхъ, и чрезъ нихъ языкъ литературы, удержали новообразованную форму, которая безъ исключенія во всѣхъ языкахъ поражаетъ доселѣ своимъ сходствомъ, не смотря на всѣ перевороты, въ нихъ совершавшіеся, и на послѣдующее развитіе особыхъ законовъ звукосочетанія. Большая часть ихъ сохранила оба характеристическихъ звука окончанія, t-и r, и только нѣкоторые ограничились какимъ-либо однимъ изъ двухъ, и то далеко не во всѣхъ случаяхъ этимологическихъ измѣненій. Такъ: скр. mâtar (имен. mâtâ), греч. μητηρ, лат. mater, англосакс. modor, древне нѣмец. môter, литов. móte (род. motere), церков. слав. мати (род. матере). Не будемъ, однакоже, думать, чтобы значеніе матери исключало всякое другое въ разсматриваемомъ корнѣ; противъ такой исключительности говорятъ рѣшительно: албанск. motra, въ смыслѣ сестры, литов. motere, съ значеніемъ женщины вообще. Слѣдовательно, и тутъ, какъ и въ вышe приведенныхъ выраженіяхъ, языкъ слѣдовалъ общему пути, распространяя одно и то же названіе на различныя однородныя

лица, чему толчокъ данъ былъ тѣми же первоначальными образователями этихъ названій, дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, преобладающее господство значенія въ сочетаніи ma осталось за матерью, и къ нему, въ силу этого господства, не замедлила пріурочиться соотвѣтствующая идея.

Въ санскритѣ корень mâ является въ значеніи мѣрить, измѣрять; но такое значеніе есть уже второстепенное: въ немъ не замѣтно уже опредѣленнаго отношенія къ положенію матери относительно дѣтей. Соображая латинское выраженіе для женскихъ грудей mamma, mammae (франц. mammelles) и сопоставляя его съ литов. papas (въ томъ же значеніи), съ польскимъ и др. слав. papa (хлѣбъ), отразившимися и на придашномъ значеніи корню pa (кормить, покровительствовать и т. п.), и здѣсь можно было бы всего скорѣе ожидать идею кормленія, что еще ближе сходствовало бы съ назначеніемъ матери. Вспомнимъ при этомъ и русское названіе для кормилицы — мамка, въ которомъ такъ наглядно выступаетъ сочетаніе мама въ значеніи матери и которое такъ родственно съ переходомъ значенія малорос. нени, неньки къ великорус. няня, нянька. Но древнѣйшій народъ видимо сосредоточилъ свое вниманіе на важнѣйшей и существеннѣйшей дѣятельности матери, на рожденіи; эту идею онъ и придалъ первоначально корню mâ, что несомнѣнно по значенію сложнаго глагола nirma (efficere, creare) и что еще явственнѣе выразилось въ попадающемся въ Ригвѣдѣ существительномъ mâtar, въ муж. родѣ, въ значеніи — творецъ, производитель, создатель ([31]). Согласно съ этимъ взглядомъ на мать, какъ на существо раждающее, и народная словесность обыкновеннѣе всего сопровождаетъ ее эпитетами, заключающими въ себѣ ту же идею, въ родѣ того, какъ: «ты мати, мати, порода моя».

Обратное сочетаніе отъ ma-am извѣстно гораздо менѣе. Во всякомъ случаѣ, если бы было и трудно согласиться съ происхожденіемъ отъ него скр. ambâ (-мать), уменьш. ambika, то едвали можно сомнѣваться въ ближайшей съ нимъ связи латин. amita (-тетка) и древ. нѣмецкаго amma (-кормилица).

Эта идея рожденія, отнесенная по преимуществу къ названію мать, сдѣлалась общею идеею и для обоихъ родителей, въ терминологіи всѣхъ языковъ арійскихъ. Какъ славянское слово

родитель, очевидно происходитъ отъ родъ, родить, и одинаково можетъ быть отнесено и къ отцу и матери (родительница), такъ скр. ǵanitar (отецъ), ǵanitrî (γενετηρ, γενετωρ и γενέτειρα, латин. genitrix происходятъ отъ общаго корня gan, рождать.

Оставляя въ сторонѣ необъяснимое для насъ слово ljolja, употреблявшееся въ значеніи отца Славянами люнебургскими (32), и обобщая сказанное нами о названіяхъ для отца и матери, можемъ отмѣтить, что а) у Славянъ сохранились всѣ тѣ сочетанія, которыя существуютъ у родственныхъ народовъ въ тѣхъ же случаяхъ, б) что сочетанія эти въ разсматриваемомъ ихъ примѣненіи принадлежатъ первоначально дѣтскимъ органамъ и состоятъ изъ двухъ звуковъ, согласнаго съ гласнымъ, в) что въ нихъ участвуютъ согласные звуки прежде всего доступные этимъ органамъ, именно зубные и губные съ носовымъ и, г) что сочетанія эти, въ примѣненіи своемъ къ обозначенію родителей, брались въ прямомъ и обратномъ видѣ, д) что по безсознательному происхожденію ихъ нельзя и думать о какомъ либо понятіи, принадлежащемъ имъ въ моментъ самаго происхожденія, е) что нѣкоторыя сочетанія, какъ ta и at, na и an, такъ и остались безъ понятія въ языкѣ, другія же получили его уже сравнительно позднѣе и чрезъ это сдѣлались корнями въ языкѣ, образовавшими изъ себя новыя слова, какъ ra и av, ma и am, ж) наконецъ, что почти всѣ указанныя сочетанія не ограничились примѣненіемъ только къ отцу и матери, а перешли въ названія и другихъ родственниковъ, не выходя, однакоже, изъ степеней ближайшихъ: брата и сестры, дяди и тетки, дѣда и бабки, кормилицы и няньки.

Понятія рожденія и питанія, заключенныя въ названіяхъ отца и матери, сами собою предполагаютъ новыя существа, рожденныя и вскормленныя. Только при существованіи послѣднихъ могли явиться въ жизни данныя понятія, а слѣдовательно выразиться и въ языкѣ: мужъ и жена могли стать отцемъ и матерью лишь тогда, когда родились у нихъ дѣти. Въ силу какой идеи получили названіе послѣднія, относительно отца и матери; какая идея высказалась въ названіи дѣтей и по отношенію ихъ другъ къ другу, — вопросы, которые не могутъ считаться лишенными основанія уже потому, что такія названія, очевидно

имѣютъ виновниками своего происхожденія родителей, дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ не по внушенію животнаго инстинкта, подобно дѣтямъ, а подъ вліяніемъ установившихся законовъ языка, съ неизбѣжнымъ обозначеніемъ опредѣленнаго понятія въ каждомъ его словѣ. Имѣя въ виду языкъ славянскій, и здѣсь будемъ мы прибѣгать къ родственнымъ языкамъ на столько, на сколько окажутся они необходимыми для объясненія перваго.

Господствующее названіе для рожденныхъ отъ мужа и жены у всѣхъ славянскихъ народовъ есть дѣти. Коренная основа этого слова состоитъ въ слогѣ дѣ. Звукъ д въ языкѣ славянскомъ, соотвѣтствуя тому же звуку въ родственныхъ языкахъ самаго древнѣйшаго вида, обыкновенно соотвѣтствуетъ и соединенію его съ придыхательнымъ h въ послѣднихъ: скр. dhûma, madhu, vidhava и др. въ славянскомъ звучатъ: дымъ, медъ, вьдова и т. д. Звукъ ѣ, нѣкогда двоегласный, соотвѣтствуетъ первобытному ai, видоизмѣнившемуся въ санскритѣ въ двоегласное è. Принимая въ соображеніе эти свойства языка славянскаго, мы смѣло можемъ сопоставлять коренной слогъ дѣ, въ словѣ дѣти, съ первоначальною формою dhai, равносильною въ санскритѣ съ dhê. Это санскритское dhê существуетъ съ значеніемъ пить, питаться молокомъ, и дало отъ себя не мало производныхъ выраженій, находящихъ себѣ родство и въ другихъ соплеменныхъ языкахъ, гдѣ, какъ и въ санскритѣ, удержалось то же основное значеніе. Ежели, такимъ образомъ, сопоставимъ, съ одной стороны, эти производныя, какъ: dhâtrî, кормилица, dhênu, млекодающая корова, съ другой — сблизимъ готск. daddjan, кормить молокомъ, давать груди, и слѣдующія выраженія греческаго языка, въ которомъ органически и постоянно замѣняется скр. dh посредствомъ θ, а скр. ê посредствомъ η: θῆ-ση, кормить грудью, θη-λη, женскія груди, то едва-ли будетъ основательно сомнѣніе относительно кореннаго понятія славянскаго названія дѣти, какъ сушествъ, питаемыхъ грудным молокомъ.

Такимъ образомъ, коренная идея питанія въ словѣ дѣти есть одна изъ идей, которая придана и названію родителей, по крайней мѣрѣ отца. Естественная связь между тѣми и другими способна лишь оправдывать такое соотношеніе: родители питаютъ,

дѣти питаются; первые имѣютъ значеніе дѣйствующихъ, послѣдніе страдательное.

Для большаго разъясненія и оправданія этой идеи не лишне остановиться и на латинскомъ терминѣ foetus, тѣмъ болѣе, что корень этого слова, при внимательномъ взглядѣ на его происхожденіе, откроетъ идею питанія для жены или женщины вообще, замѣненную въ другихъ языкахъ идеею рожденія, какъ въ словахъ: жена и мать. Въ опредѣленіи кореннаго значенія латин. femina мы именно рѣшаемся отступить отъ замѣчанія Потта, утверждающаго, будто femina означаетъ рождающая (die Gebärende), а не питающая (die Säugende) ([33]). Замѣтимъ, что санскритское dh столь же послѣдовательно переходитъ въ латинскомъ языкѣ въ f ([34]), какъ въ греческомъ въ θ, въ славянскомъ въ d: dhûma-fumus, dhîra-firmus и др.; двогласное же ai, равное скр. ê, замѣняемое въ латинскомъ посредствомъ oe (прежде ai, потомъ ae), не даромъ такъ строго удерживалось въ древнемъ правописаніи: faemina и faetus-foetus. На этомъ основаніи, мы позволяемъ себѣ смѣло сближать корень fae, въ данныхъ латинскихъ выраженіяхъ, съ скр. dhê, а черезъ это foetus съ славян. дѣти, и видѣть въ значеніи обоихъ первоначальную идею питанія, кормленія ([35]).

Идея питанія, въ примѣненіи къ дѣтямъ, выразилась въ индо-европейскихъ языкахъ и въ другихъ корняхъ. Такъ, скр. bâlâ, дитя, отъ bal, кормить, питать; такъ, въ языкѣ кельтскомъ употребленъ съ этою цѣлью корень al, замѣтный въ латинскомъ alimentum, откуда въ гаэльскомъ нарѣчіи ala, питаніе, кормленіе, въ валлійскомъ же al означаетъ молодыхъ животныхъ, кормимыхъ матерью, глаголъ alu — имѣть, кормить молодыхъ дѣтей ([36]). Отнесеніе этого корня къ животнымъ не можетъ противорѣчить нашему сравненію: и собственное выраженіе дѣти мы обыкновенно примѣняемъ къ животнымъ для обозначенія новорожденнаго, молодаго ихъ поколѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нарѣчіи валлійскомъ нѣкогда общій терминъ для людей и животныхъ удержался за послѣдними. Болѣе развитая жизнь, далеко отошедшая отъ патріархальнаго быта, въ которомъ непосредственное, чувственное воззрѣніе производило столь разнообразное богатство частныхъ выраженій для каждаго

знакомаго вида, должна была неизбѣжно вытѣснять ихъ больше и больше и замѣнять названіями родовыми, общими (37). И нашъ, такъ называемый, образованный языкъ видимо тратитъ обиліе частныхъ терминовъ и въ разбираемомъ случаѣ, употребляя вмѣсто спеціально назначенныхъ для того или иного рода животныхъ названія общія для всѣхъ, не исключая и людей.

Если въ названіи дѣти языкъ славянскій сохранилъ одну изъ идей, приданныхъ названію родителей, именно питаніе, то менѣе употребительный въ народѣ славянскомъ терминъ чадо удержалъ другую идею, рожденіе, особенно распространенную въ германскомъ языкѣ. Покойный Шишкевичъ въ основаніе понятія чадо поставилъ идею дѣйствія, сравнивши его съ синонимическимъ словомъ ребенокъ (-робенокъ), по мнѣнію его, отъ робити, польск. robić, и сблизивши съ глаголомъ чинить, польск. czyn, czynić (38). Послѣднее сближеніе, конечно, справедливо; но коренное значеніе слова не всегда можетъ быть тождественно съ позднѣйшимъ, современнымъ: внутренняя часть слова подвержена такъ же измѣненію, какъ и внѣшняя его оболочка, и тѣмъ быстрѣйшему, чѣмъ подвижнѣе самая мысль. Считаемъ излишнимъ распространяться о связи между корнемъ существ. чадо, ст. слав. чадо, глаголомъ чьи, откуда чати, и другимъ глагольнымъ корнемъ къи, котораго первый составляетъ только смягченный видъ, согласно съ свойствами слав. звукосочетанія: объ этомъ говорено не разъ и много (39). Скажемъ только, что какъ въ родственныхъ языкахъ тождественные корни: въ праязыкѣ gan, въ скр. ǵan, въ греческ. γεν (въ γεννάω, γένος и др.), въ лат. gen (въ genus), въ древне герман. kan, въ готск. kin, являются съ основнымъ значеніемъ рождать, производить; такъ точно и въ основѣ славян. къи (въ кънязь)-кон и смягченнаго чьи-ча должна заключаться первоначально таже идея рожденія, и какъ въ готск. kind, такъ и въ славянскомъ отъ ча-чьи образовалось чадо. Замѣтимъ, что и нѣмецкое knabe, означающее теперь дитя мужескаго пола, мальчика, едва ли первоначально не имѣло общаго значенія дитяти; по крайней мѣрѣ и оно не можетъ имѣть иного корня, кромѣ kan, kin, какъ основательно, по нашему мнѣнію, заявилъ о томъ г. Лемке (40).

Оправданіе дѣйствительности идеи рожденія въ названіи

чадо находимъ мы и въ другихъ нѣкоторыхъ терминахъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ готское слово barn, дитя, стоитъ въ неразрывной связи съ глаголомъ bairan, рождать, отсюда и въ Ульфилиномъ евангеліи barne-barna, дѣти-дѣтей (kindes-kinder), отсюда же и названіе для отца bêruseis и для предковъ bêrusiôs. Подобное оправданіе встрѣчаемъ и въ кельтскихъ нарѣчіяхъ, хотя идея рожденія и относится въ частности къ сыну или дочери: въ гаэльскомъ gineadh и geneadh, рождать и рождаться, gein, рожденный, сынъ, gnae, человѣкъ, женщина; въ валлійскомъ — geni, рождаться, genill, поколѣніе, genett, дочь (41).

Менѣе этимологической ясности представляетъ славянское выраженіе ребенокъ — робенокъ, которое, впрочемъ, вполнѣ ясно указываетъ на первообразную форму робъ и на родство съ рабъ. Толкованіе Шимкевича и сближеніе имъ этого выраженія съ глаголомъ робить можно принять развѣ только подъ условіемъ обратнаго пониманія, т. е. что не отъ робить (дѣлать, производить) перешло значеніе къ робу и рабу, а на оборотъ, отъ труда раба образовалось значеніе въ производномъ глаголѣ. Этимологическая темнота не отнимаетъ, однакоже, права, безъ малѣйшаго нарушенія этимологическихъ законовъ языка, сопоставить существ. робъ, рабъ съ скр. arbha, въ значеніи дѣти, поколѣніе, потомство, а въ языкѣ Вѣдъ въ смыслѣ малый: перестановка въ славян. языкѣ согласныхъ звуковъ, особенно плавныхъ, впередъ гласныхъ, начинающихъ коренное слово въ родственныхъ языкахъ, довольно обыкновенна (сравнимъ, напр. лодия-алдия, ралие, рус. роля, ролья; рало, ратай и др. съ корнемъ ar, который и остается въ томъ же видѣ въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ родственныхъ языковъ: греческ. ἄρουρα, ἄροτρον, лат. arvum, aratrum и т. д.). Съ этимъ словомъ arbha сопоставляютъ и греч. ὀρφανός (нищій), лат. orbus (лишенный), и готск. arba (наслѣдство), arbja (наслѣдникъ), нынѣшнее нѣмецкое der Erbe (42). Идея малости, приданная выраженію arbha въ діалектѣ Вѣдъ, столь естественная для понятія ребенокъ, весьма легко и вполнѣ согласно со взглядомъ патріархально-народнымъ, способна объяснить и переходъ значенія къ рабу, такъ какъ съ понятіемъ малости у народовъ древ-

нихъ не отдѣлялось и понятіе слабости, бѣдности, ничтожности. На этомъ основаніи и самыя сословія дѣлились на большихъ людей и малыхъ, или большихъ, добрыхъ и худыхъ, т. е. бѣдныхъ. Согласно, быть можетъ, съ непривлекательнымъ возрѣніемъ старины на жену, образовался и терминъ роба (жена) въ словацкомъ нарѣчіи ([43]). Изъ обозрѣнія сказаннаго о терминахъ дѣти и чадо не трудно вывести заключеніе, что и въ нихъ заключены объ идеи, питанія и рожденія, какія пріурочены народомъ къ названію родителей, отца и матери.

Но дѣти могутъ быть двухъ половъ, сыновья и дочери. Какое впечатлѣніе, какая идея руководила человѣкомъ въ томъ и другомъ названіи. Казалось бы, скорѣе всего и здѣсь встрѣтить туже общую идею рожденія, заключенную въ общемъ понятіи чадо-kind. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ родственныхъ языковъ ее и находимъ мы въ обоихъ терминахъ. Такъ, скр. tanaja (сынъ) и tanajâ (дочь) указываютъ на корень tan, въ значеніи творить, рождать; припомнимъ кельтскія нарѣчія, въ которыхъ также отмѣтили мы туже идею въ названіяхъ и сына и дочери. Она же всецѣло принадлежитъ и господствующему, наиболѣе распространенному термину для сына во всѣхъ арійскихъ языкахъ.

Тождественность происхожденія славян. сынъ съ скр. sûnus, готск. sunus, древ. нѣмец. sunu, sun, нынѣшнимъ sohn, литов. sunas едва ли кто рѣшится отрицать; признавая же эту тождественность, нельзя не согласиться и съ способомъ образованія этого слова, и съ коренным значеніемъ его. Образовалось же оно отъ глагольнаго корня su, рождать, посредствомъ приставки nu, равносильной въ настоящемъ случаѣ съ причастнымъ окончаніемъ прошедшаго времени страдательнаго залога ta. Такая равносильность въ данномъ словѣ всего очевиднѣе опредѣляется и посредствомъ слова suta (сынъ), собственно причастія прошедшаго страдательнаго отъ того-же su; такимъ образомъ, основное значеніе сынъ есть — рожденный. Женскій родъ того же причастія и того же глагола перешелъ въ санскритѣ въ названіе для дочери, и sutâ значитъ дочь.

Видно, идея рожденія представлялась наиболѣе естественною и пригодною въ понятіи древнѣйшаго человѣка для дѣтей, даже

и при различеніи ихъ пола; въ славянскихъ нарѣчіяхъ удержалась она и въ синонимическихъ словахъ, происходящихъ отъ другаго корня. Такъ, въ соотвѣтствіе русскимъ пасынокъ и падчерица, встрѣчаемъ у Поляковъ paserb, paserbica, у Хорутанъ, Хорватовъ и Сербовъ пасторак, пасторка и пасторкиња. Эти слова происходятъ отъ корня ser, также въ значеніи рождать (44).

Впрочемъ, въ терминѣ для дочери, всѣ почти родственные языки, не исключая и санскрита, соединили другую идею, и ее сдѣлали наиболѣе господствующею, сколько можно судить по преобладающему, въ нѣкоторыхъ же языкахъ исключительному, господству самаго названія. Названіе это въ славянскомъ языкѣ есть дочь, одно и тоже по корню своему во множествѣ языковъ, съ требуемымъ только видоизмѣненіемъ звуковъ, согласно съ особенными законами каждаго языка. Скр. duhitŕ, греч. θυγάτηρ, готск. dauhtar, древне-нѣм. tochtar, нынѣш. tochter, литов. duktĕ, къ которому такъ близко древне персидское duckte; древнѣйшая форма въ слав. языкѣ есть дъштн, образовавшаяся изъ болѣе первичной дъкти (45). Не видя основанія сомнѣваться въ единствѣ происхожденія приведенныхъ выраженій, можно для опредѣленія коренаго значенія смѣло обратиться къ скр. duhitŕ, въ которомъ, по глубокой древности памятниковъ языка, не могла такъ сильно затмиться основная идея, какъ это замѣчаемъ въ языкахъ съ гораздо позднѣйшею сравнительно исторіею.

Существительное duhitŕ несомнѣнно образовалось изъ глагольнаго корня duh и приставки tar, ослабленной въ tŕ, обозначающей дѣйствующее лице (46). Глаголъ duh значитъ доить, равный по формѣ и по смыслу готскому tuh; отсюда, существительное duhitŕ должно выражать понятіе о лицѣ, которое доитъ. Лассенъ, принимая въ соображеніе пастушескій бытъ Арійцевъ, въ этомъ бытѣ думаетъ видѣть единственный поводъ къ такому названію дочери, на которой, по его мнѣнію, лежала обязанность доенья коровъ: auf das ursprüngliche Hirtenleben geht auch die Benennung duhitri, θυγάτηρ, tochter, d. h. Melkerin; es war ihr Amt in der alten Familie der Hirten (47). Не можемъ не согласиться съ нимъ, что опредѣленіе понятія duhitŕ значеніемъ питающаяся грудью (quae mammam sugit), сосущая

грудь, какъ полагаютъ нѣкоторые, едва ли основательно, такъ какъ и дѣти мужескаго пола не могутъ въ одинаковой степени съ дочерьми обойтись безъ молока матери. При томъ duh и не значитъ питаться или сосать. Но, съ другой стороны, не легко допустить въ первобытной жизни, отъ которой, разумѣется, идетъ названіе дочери, столь отчетливое распредѣленіе занятій, противорѣчащее даже и современнымъ порядкамъ въ тѣхъ странахъ и у тѣхъ народовъ, гдѣ существуютъ остатки пастушескаго быта и гдѣ доенье коровъ, какъ и другихъ животныхъ дойныхъ, далеко не исключительно составляетъ обязанность не только дочерей, но и вообще женщинъ. Другая, по нашему убѣжденію, идея и въ словѣ duhitṛ. Славянскія нарѣчія въ отысканіи этой идеи, думаемъ, не могутъ не быть посредниками. Въ нихъ глаголъ доить, тожественный съ скр. duh, значитъ не только безотносительно извлекать молоко изъ грудей, вымени, но и относительно, извлекать для питанія, кормить молокомъ. Такъ въ нарѣчіи старославянскомъ, откуда и доитель, въ смыслѣ питатель, кормитель, доилица и доильница — кормилица; такъ и въ сербскомъ, откуда дојкиња, кормилица, мамка; не справедливо было бы отрицать тоже самое и въ санскритѣ, и тѣмъ больше, что утверждать устойчивое однообразіе въ древнѣйшее время въ какомъ бы то ни было словѣ подъ вліяніемъ взгляда на позднѣйшіе языки — не совсѣмъ послѣдовательно. Санскритскій, напримѣръ, глаголъ dhê или dhâ, родственный по корню съ duh, (48) означаетъ вообще пить, питаться, и однакоже прошедшее отсюда dhâtṛ, какъ сказано выше, имѣетъ значеніе питательницы, кормилицы, а готское daddja, тожественное съ dhê, значитъ уже кормить молокомъ, давать грудь, съ чѣмъ только и можно сопоставить сербское дадиља (49). Такимъ образомъ, и въ словѣ duhitṛ ничто не препятствуетъ видѣть тоже значеніе, что и въ dhâtṛ, или въ серб. дојкиња, т. е. кормилица, и объяснять такое названіе идеей будущаго положенія дочери, какъ матери, а слѣдовательно и кормилицы, питательницы своимъ молокомъ. Пиктэ, склоняясь къ мнѣнію Лассена, затрудняется пристать къ объясненію, подобному нашей догадкѣ, по тому соображенію, что въ такомъ случаѣ не было бы видно отношенія дочери къ родителямъ, которое, по его мнѣнію, непремѣнно должно быть: а родители, конеч-

но, не могутъ назвать свою дочь нашей питательницей ([30]). Но, во первыхъ, на столько же закрыто отношеніе это и въ объясненіи Лассена; во вторыхъ, едва ли безусловно и необходимо выраженіе такого отношенія въ терминахъ для дѣтей. Послѣднее было бы основательно, если бы слово созидалось и примѣнялось къ данному предмету въ первый моментъ появленія предмета; но существительное duhitr, какъ и множество другихъ, могло получить жизнь въ періодъ значительной опытности народа, тѣмъ скорѣе при такомъ состояніи народа могло оно примѣниться къ дочери. Въ этомъ отношеніи, мы ничего не имѣемъ и противъ предположенія Бопна ([31]), будто duhitr значило первоначально вообще женщину, что находитъ оправданіе и въ основномъ значеніи латин. mulier, сопоставляемаго Лассеномъ съ mulgere, доить ([32]).

Взаимныя другъ къ другу отношенія рожденныхъ дѣтей, сыновей и дочерей, выразилъ народъ арійскій особыми названіями, распространенными съ большею или меньшею исключительностью по всему индоевропейскому племени. Названія эти братъ и сестра. Постараемся отыскать и въ нихъ коренную идею.

Существительное братъ, подобно многимъ другимъ родственнымъ терминамъ, также одинаково звучитъ въ языкахъ индоевропейскихъ: скр. bhrâtr, готск. brôthar, древне верх. нѣм. pruodar, нын. нѣм. bruder, лат. frater, литов. brolis([33]); въ греческомъ языкѣ, правда, утвердилось другое слово, ἀλελφός, но ежели взять въ соображеніе существ. φρατρία, братство, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что и въ немъ когда-то жило выраженіе φρητήρ или φρατήρ или φράτωρ. Во всѣхъ однакоже языкахъ, кромѣ уменьшительной формы литовскаго, господствуетъ въ окончаніи звукъ r; онъ принадлежалъ нѣкогда и цер. слав. нарѣчію, какъ, напр., въ Глаголитѣ Клоца и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, особенно глаголитскихъ; слышенъ и до-нынѣ въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ, хотя и въ превращеніи уже въ шепелеватое ř, какъ въ польскомъ, по крайней мѣрѣ въ производныхъ словахъ braterski и braterstwo, и въ чешскомъ. Все это, очевидно, заставляетъ съ увѣренностью допускать, что и въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, утратившихъ это r съ незапамятныхъ поръ, было оно также всеобще въ доисторическое

время. Такимъ образомъ, коренная форма и русскаго языка должна быть братръ.

Относительно коренаго значенія этого слова вопросъ нѣсколько сложнѣе. Бопп положительно говоритъ, что корень скр. bhrâtṛ не извѣстенъ([54]). Уважая мнѣніе знаменитаго филолога, не можемъ, однакоже, не позволить себѣ высказать сближеніе bhrâtṛ съ другимъ существительнымъ санскритскимъ, совершенно сходнымъ по подбору звуковъ и также выражающимъ понятіе родства, — это bhartṛ. Въ формальномъ отношеніи на близость обоихъ словъ уже было указано г. Бетлингомъ ([55]) и повторено въ слѣдующихъ выраженіяхъ Лассеномъ: bhrâtṛ-bhrâtar ist aus bhartar (-bharti) durch Umstellung von ar zu ra entstanden ([56]). Существительное же bhartṛ, имѣя въ основаніи своемъ глагольный корень bhṛ — bhar (носить, поддерживать, питать), означаетъ прежде всего того, кто поддерживаетъ, кормитъ, далѣе господина и, наконецъ, мужа, супруга. Взглядъ на взаимныя отношенія членовъ первобытнаго семейства только въ состояніи оправдать признаваемое формальное родство словъ bhartṛ и bhrâtṛ и повести къ заключенію о родствѣ и тождествѣ въ первобытное время и самаго значенія. Г. Пиктэ думаетъ видѣть въ одночленномъ названіи мужа и брата только общность основной идеи — покровительства и питанія, что братъ, значитъ, разсматривался какъ естественный покровитель сестры, какъ при жизни родителей, такъ и послѣ смерти ихъ. Но намъ кажется, что сходство названій ограничивается не одною общею идеею, а указываетъ на тождество и самыхъ предметовъ, другими словами, что братъ и мужъ нѣкогда были выраженіями синонимичными. При мысли или вовсе о несуществованіи множества семействъ въ первыя времена человѣчества, или ограниченности числомъ и разбросанности, враждебности, естественно, дѣти одной четы, сыновья и дочери, братья и сестры, могли стать въ отношенія мужей и женъ. Исторія древнѣйшаго человѣчества, не исключая и Ветхаго Завѣта, говоритъ объ этомъ ясно, какъ скоро касается первобытной эпохи. Отсюда, при двоякомъ отношеніи одного и того же лица, понятна и возможность, даже неизбѣжность и двухъ понятій въ одномъ и томъ же названіи этого же лица. Такимъ образомъ, слово bhartṛ

стало означать и мужа и брата, хотя для послѣдняго значенія и не замедлила утвердиться другая форма, отличенная отъ первой лишь усиленіемъ слабаго ar въ râ, столь обыкновенно употребительнымъ въ санскритѣ, даже безъ измѣненія кореннаго значенія. Намъ нѣтъ надобности рѣшать, когда произошло подобное отличеніе въ формѣ: тогда-ли, когда исчезла необходимость, въ слѣдствіе размноженія семействъ, ограничиваться браками между братьями и сестрами, когда вошло въ обычай, а потомъ въ законъ допускать соединеніе между лицами чужими или отдаленнѣйшаго родства, или еще прежде, въ періодъ безразличія въ бракахъ, — заключеніе наше объ упомянутыхъ названіяхъ ни мало отъ этого не пострадаетъ. Позволимъ себѣ только предположить, что формальное различіе въ словѣ могло состояться и въ одной семьѣ, въ силу различнаго возраста брата и способности его быть мужемъ: при отношеніи единственно братскомъ къ сестрѣ, онъ могъ называться bhrâtar, когда-же дѣлался мужемъ — bhartar. Какъ бы то ни было, но единство происхожденія обоихъ словъ не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно и въ названіи братъ необходимо допустить идею защиты и питанія. Взглянемъ на происхожденіе и значеніе ближайшаго къ брату названія — сестра.

И въ этомъ названіи сходится большая часть языковъ индоевропейскихъ, хотя и съ такимъ звуковымъ отличіемъ, которое значительно затрудняетъ положительность въ опредѣленіи корня слова и производитъ въ мнѣніяхъ ученыхъ то разногласіе, которое иногда приближается къ личнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Существенное отличіе состоитъ въ звукѣ т (t), котораго вовсе не видно въ однихъ языкахъ, и при томъ древнѣйшихъ, и который является необходимымъ въ другихъ. Къ первому разряду относятся: скр. svasṙ (-svasar), зенд. gañhar, лат. soror вм. sosor, а это вм. svosor; литов. sessů (род. sesser̃s, множ. sesseres); ко второму —языки германскіе и славянскіе: готское svistar, др. нѣм. süestar, нынѣш. schwester, обще славян. сестра. На этомъ основаніи, одни изъ филологовъ признаютъ ближайшими къ коренной формѣ германскія и славянскія нарѣчія, и ихъ берутъ въ основу своихъ объясненій, какъ, напр., Поттъ ([57]), утверждающій сложность этого названія изъ мѣстоимѣнія sva

(свой) и существительнаго stri (происшедшаго чрезъ сокращеніе изъ sutri, отъ глагольнаго корня su, рождать), въ значеніи женщина, жена; по такому толкованію, сестра означала бы свою жену. Къ этому же, очевидно, склоняется и Бопп ([38]). Другіе, напротивъ, хотятъ видѣть болѣе первоначальной чистоты въ формахъ санскрита и латинскаго языка, и если не прочь допускать и въ нихъ звукъ т, только выброшенный, то никакъ не думаютъ придавать ему значеніе въ самостоятельномъ корнѣ, а лишь въ окончаніи. Такъ Веберъ, переходя отъ svasṛ черезъ svasar къ svastar, предполагаетъ послѣднее образовавшимся изъ suastar, а это происшедшимъ изъ соединенія двухъ корней: su, хорошо, прекрасно, и as, быть, существовать, и образовательной приставки tar (-tṛ), участвующей въ названіяхъ санскритскихъ и при родственныхъ именахъ, какъ для отца, брата и др. Отсюда, по его мнѣнію, svasṛ, сестра, означаетъ хорошо существующую, дружелюбную, или, съ причинымъ значеніемъ, доставляющую счастіе, заботливую ([39]). Не говоря уже ничего противъ отвлеченности значенія, едва-ли согласной съ возрѣніями столь глубокой древности, изъ какой несомнѣнно идетъ слово сестра, мы позволимъ себѣ замѣтить касательно формальной стороны, что едвали основательно брать за образецъ первобытнѣйшей чистоты слова германскій и славянскій языки, сравнительно съ санскритомъ, зендомъ и латинскимъ, и не потому, чтобы мы не допускали возможности сохраниться крѣпче и чище той или иной формѣ въ языкахъ сравнительно новѣйшихъ, а потому, что звукъ т въ окончаніи существ. сестра въ славянскомъ языкѣ легко можетъ быть объясненъ весьма обычною его вставкою между с и р, какъ, на оборотъ, звучное д вставляется между звучными з и р: страженіе вм. сраженіе, страмъ вм. срамъ, пестрый вм. песрый, ноздри вм. нозри (изъ носри). Слѣдовательно, надобно бы было прежде доказать, что въ данномъ словѣ слав. языка звукъ т не есть евфоническая вставка и что форма сестра подкрѣпляетъ, такимъ образомъ, первобытность германской svistar, süestar, а не противорѣчитъ ей. Въ противномъ случаѣ, одни германскія нарѣчія ни въ какомъ случаѣ не въ силахъ перевѣсить согласія санскрита, зенда, латинскаго, литовскаго и славянскаго, который евфоничностью звука

т только подтверждалъ бы непринадлежность этого звука основной формѣ. Вотъ почему намъ и кажется гораздо вѣрнѣе взглядъ на образованіе разсматриваемаго названія, предложенный г. Пиктэ. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, онъ принимаетъ скр. svasṛ (svasar) за исходную форму, и видитъ въ ней болѣе древнее окончаніе ar (-ṛ), равносильное болѣе распространенному и позднему tar (-tṛ), какъ çâsar, повелитель, rathêshtar, воинъ, dêvar, деверь и др. Болѣе убѣдительности, на нашъ взглядъ, заключаетъ въ себѣ и толкованіе г. Пиктэ о происхожденіи самаго слова и его первоначальномъ значеніи. По такому толкованію, svasṛ составлено изъ предлога sa, вмѣстѣ, съ, и глагольнаго корня vas, обитать, жить, такъ что svasṛ означало бы первоначально живущую вмѣстѣ (съ братомъ, прибавляетъ Пиктэ). Звукъ a въ предлогѣ могъ утратиться точно такъ же, какъ утратилось u въ strî, изъ sutrî ([60]). Не имѣя сами ничего сказать новаго, мы только отмѣтимъ бо̀льшую вѣроятность и меньшую степень натяжекъ въ послѣднемъ объясненіи.

До сихъ поръ названія родства не выходили изъ круга самыхъ ближайшихъ лицъ: мужа и жены, отца и матери, сыновей и дочерей. Это количество родственныхъ лицъ неизбѣжно должно было умножиться, какъ скоро и послѣдніе, сыновья и дочери, дѣлались мужьями и женами. Образуя новую семью въ старой семьѣ, съ новыми дѣтьми, тѣмъ самымъ вводили они и новыя отношенія этого молодаго поколѣнія къ старому, которыя требовали и новыхъ названій, съ больше или меньше опредѣленнымъ выраженіемъ такихъ отношеній. Послѣднія естественно должны были выразиться въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи прямомъ, при указаніи взаимныхъ отношеній между дѣтьми дѣтей, съ одной стороны, и родителями родителей, съ другой, и въ направленіи боковомъ, между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами родителей. Остановимся прежде на первомъ.

Идя по нисходящей линіи отъ отца и матери къ дѣтямъ и отъ этихъ къ ихъ дѣтямъ, мы находимъ отношенія послѣднихъ къ первымъ и обратно выраженными въ слав. языкѣ словами: внукъ — внука и дѣдъ — баба.

Старославянскія формы унукъ — унука, сохранившіяся безъ приставнаго придыхательнаго в и въ нѣкоторыхъ живыхъ

нарѣчіяхъ, ясніе указываютъ на коренное значеніе, опредѣляя прямо происхожденіе отъ унъ, произносимаго въ русск. языкѣ юнъ, юный. Это названіе развилось, кажется, уже на почвѣ чисто славянской, соотвѣтствуя въ родственныхъ языкахъ иным словамъ. Наиболѣе распространенное изъ нихъ удержалось и въ славянскомъ языкѣ, только при обозначеніи иного родства, и мы остановимся на немъ, когда коснемся послѣдняго. Ежели сообразимъ соотвѣтствіе славянскаго унъ-юнъ санскитскому ûna, въ смыслѣ малый, слабый, то увидимъ, что народъ славянскій обозначилъ родственное отношеніе внуковъ къ отцу и матери ихъ родителей идеей молодости, юности, и съ тѣмъ вмѣстѣ малости и слабости ([61]).

Обратному отношенію ближе всего было выразиться въ такомъ терминѣ, который бы содержалъ противоположную идею, идею величины и старости. Нѣкоторые языки, дѣйствительно, эту идею и заключаютъ, прилагая только ее къ понятію отца. Отсюда, скр. pitâmaha, греч. μέγας πατήρ, нѣм. gross vater, т. е. великій, большой отецъ. Другіе, напротивъ, ограничиваются терминомъ, заимствованнымъ просто и только отъ отца, какъ латин. avus([62]); сюда, полагаемъ, принадлежитъ и славянскій языкъ, съ своимъ выраженіемъ дѣдъ. Мы уже сказали на своемъ мѣстѣ, что основной корень та, въ названіи отца, тата, въ нѣкоторыхъ языкахъ замѣняется посредствомъ звучнаго д, откуда произошло дад, съ тѣмъ-же значеніемъ отца. Такое-то видоизмѣненіе позволяемъ мы себѣ видѣть и въ словѣ дѣдъ, вполнѣ соотвѣтствующемъ, по формѣ, скр. tâta ([63]), гдѣ долгое а послѣдовательно превратилось у Славянъ въ ѣ. И какъ значеніе tâta отъ первоначальнаго отецъ перешло къ обозначенію человѣка почтеннаго, уважаемаго, такъ и литовское dĕdas, соотвѣтствующее нашему дѣдъ, и по формѣ и по значенію, употребляется и въ смыслѣ престарѣлаго человѣка, въ обращеніи къ которому патріархальный бытъ не отдѣляетъ извѣстнаго почтенія. Въ томъ же санскритѣ понятіе дѣда выражается и посредствомъ âryaka, что значитъ собственно почтенный человѣкъ, отъ ârya. Съ существительнымъ dĕdas соединено въ литовскомъ языкѣ и прилагательное didis, въ значеніи большой. Мы рѣшаемся, однакоже, думать, въ противность г. Гильфердингу, что не dĕdas

получило свое значеніе отъ прилагательнаго didis, а, на оборотъ, послѣднее обязано первому. Полагаемъ также, что нѣтъ нужды пріискивать какой либо особый знаменательный корень для дѣда и dêdas и въ санскритѣ, какъ это дѣлаетъ Пиктэ, сопоставляя приведенныя слова съ скр. dhâ, dhi, въ значеніи питать, покровительствовать ([64]). Такое словопроизводство можно признать развѣ только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ pitŕ производятъ отъ pa, т. е. что изъ дѣтскаго сочетанія pa, обратившагося въ названіе отца, въ послѣдствіи образовался корень съ соотвѣтственнымъ значеніемъ питать. Въ настоящемъ случаѣ, участвуетъ такимъ же образомъ сочетаніе та, давшее тата, съ видоизмѣненіемъ въ да (дада), чего не отрицаетъ и г. Пиктэ. Быть можетъ, что и изъ этого сочетанія образовался корень да и dha.

Что въ выраженіи дѣдъ заключалась первопачально идея объ отцѣ, кромѣ лат. avus, собственно отецъ, видно изъ соотвѣтствующаго ему термина женскаго пола, баба. О коренномъ тожествѣ баба и папа говорено нами выше; тамъ же указано и на замѣну кое-гдѣ послѣдняго первымъ, при отнесеніи этого слова къ отцу. Но славянскій языкъ преимущественно пріурочилъ выраженіе баба къ названію матери родителей, какъ соотвѣтствующее дѣду. Это соотвѣтствіе идетъ и дальше: какъ дѣдъ, дѣдушка обозначаетъ у Славянъ, кромѣ опредѣленной степени родства, и всякаго старика, такъ и баба, бабушка служитъ для обозначенія старухъ([65]). Мы видѣли, какъ названія отца и матери переходятъ къ значенію няньки, кормилицы (мр. неня — мать, словацк. nanjo — отецъ, вр. няня, нянька); тоже встрѣчаемъ и въ названіи баба, какъ въ сербскомъ нарѣчіи, гдѣ бабица означаетъ няньку: ће је много бабица килава су деца ([66]). Здѣсь невольно просится на сближеніе и скр. papu, одинаково происходящее отъ сочетанія pa, наравнѣ съ papa, pitŕ, pater, и означающее няньку. Подобный переходъ значенія не могъ не поддерживаться простымъ бытомъ народа, въ которомъ одною изъ существенныхъ обязанностей бабки есть уходъ за дѣтьми. Въ жизни семейно-родовой, разительные примѣры которой предлагаютъ намъ и теперь поселенія сербовъ и хорватовъ на военной границѣ, гдѣ на долю каждаго молодаго члена, безъ различія пола, воз-

лагается старѣйшиной часть хозяйственныхъ занятій, требующихъ свѣжихъ силъ, наблюденіе за дѣтьми само собою становится обязанностью престарѣлыхъ членовъ.

На основаніи сказаннаго о терминахъ дѣдъ и баба, едва ли мы не въ правѣ съ положительностью утверждать, что первоначальная идея въ нихъ не отдѣлялась отъ отца и матери, какими и могли представиться, дѣйствительно, дѣдъ и баба своимъ внукамъ; что только въ послѣдствіи связалось съ ними отдѣльное значеніе, съ указаніемъ на опредѣленную степень родства, а съ этимъ вмѣстѣ исключительно къ нимъ примѣнились и самыя слова, по крайней мѣрѣ въ славянскомъ языкѣ, и что только за этимъ пріобрѣли они и болѣе общій смыслъ — старика и старухи. Общія названія перваго бокового родства, надѣемся, еще сильнѣе подтвердятъ нашу мысль; но, держась прямой нисходящей и восходящей линій родства, остановимся прежде на выраженіи въ славянскомъ языкѣ отношеній между дѣтьми внуковъ и родоначальниками — родителями.

Въ этомъ случаѣ, какъ вообще Славяне, такъ и въ частности Русскіе не употребляютъ особыхъ словъ, а повторяютъ тѣже названія: внукъ, внука, дѣдъ, баба съ приставной частицей пра, единичной или двойной, смотря потому, разумѣются ли отношенія между родителями родоначальниками и дѣтьми внуковъ и т. д. Что касается до частицы пра, употребляющейся и въ литовскомъ, какъ pradĕdas (прадѣдъ), встрѣчающейся и въ санскритѣ, хотя и не прямо для обозначенія степени родства, какъ prabhava, начало, поколѣніе, семейство, prasava, рожденіе, потомство, поколѣніе, то ею обозначается отдаленность, если справедливо предположеніе Боппа, что она образовалась изъ пара([67]) (para). Съ этимъ объясненіемъ согласовалось бы и лат. at, въ atavus (прадѣдъ), которое, по мнѣнію Курція([68]), соотвѣтствуетъ скр. ati, съ тѣмъ же смысломъ отдаленности. Въ такомъ случаѣ, прадѣдъ значилъ бы отдаленный дѣдъ, прапрадѣдъ — еще болѣе отдаленный. Такъ точно и прабаба и прапрабаба, правнукъ и праправнукъ. Утроеніе пра, кажется, не употреблялось на Руси, по крайней мѣрѣ въ древнее время: вмѣсто прапрапрадѣда встрѣчаемъ выраженіе пращуръ. Такъ, Борисъ Александровичъ тверской говорилъ князю Василію Темному: «а которые

земли и воды потянли къ нашей вотчинѣ, къ Твери и къ Кашину, при моемъ пращурѣ, при В. К. Михаилѣ Ярославиче и при моемъ прапрадѣде, при В. К. Александрѣ Михаловичѣ.....» ([69]). Даже самое удвоеніе пра не вездѣ было въ ходу, какъ видно изъ слѣд. мѣста ипатіевской лѣтописи ([70]): «начало княженія въ Кіевѣ князя великаго Дюргя сына Владимира Мономаха, внука Всеволожа правнука Ярослава, пращюра великаго Володимира, крестившаго всю землю русскую». Отчисленіе термина пращуръ къ лицу исходящей линіи я считаю очевидною ошибкой и отношу его къ Владиміру святому, прапрадѣду Георгія владиміровича, названному здѣсь пращуромъ ([71]). Подобное различіе значенія пращура, равносильнаго въ одномъ памятникѣ прапрадѣду, въ другомъ прапрапрадѣду указываетъ, полагаемъ, на смѣшеніе этихъ родственныхъ терминовъ, которое легко могло произойти отъ рѣдкости употребленія ихъ, въ слѣдствіе слишкомъ уже отдаленнаго родства. Какъ бы то ни было, но выраженіе пращуръ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, есть самая высшая степень восходящаго родства.

Коренное значеніе слова щуръ довольно темно. Въ старинной письменности церк. славянской оно означало кузнечика, въ нынѣшнемъ употребленіи у Славянъ значеніе довольно разнообразно, переходя отъ насѣкомаго къ ужу и даже къ крысѣ. Сближеніе этого слова съ скр. çura (герой, мужъ), предложенное и объясненное г. Буслаевымъ, во всякомъ случаѣ, кажется намъ гораздо согласнѣе съ свойствами языка славянскаго, нежели сравненіе его съ скр. sthûra (человѣкъ), приведенное г. Гильфердингомъ ([72]). Такимъ образомъ, по первому объясненію, въ словѣ пращуръ слились бы въ одно двѣ идеи: о предкѣ и о героѣ; подобное сліяніе нашло-бы подтвержденіе и въ понятіяхъ древнѣйшаго и патріархальнаго народа вообще о предкахъ, возводимыхъ не только въ рядъ героевъ, но и домашнихъ божествъ: они являлись покровителями дома, очага, рода; ихъ боготворили въ качествѣ пенатовъ. Нынѣшнее значеніе щура не только не опровергаетъ такого понятія о предкахъ, а скорѣе подтверждаетъ и оправдываетъ его: въ этомъ значеніи заключается олицетвореніе душъ умершихъ въ тѣхъ насѣкомыхъ и животныхъ, которыя тѣсно связаны съ домомъ, которыя, въ

силу такаго олицетворенія, пользуются и благоговѣйнымъ почеомъ (73). Сила и общераспространенность почтенія и боготворенія предковъ выразилась и въ первые вѣка христіанства у Славянъ, въ перенесеніи терминовъ прадѣда и дѣда на Бога: «аще ли мя творящи прадѣдом или дѣдом себѣ, то чему мя не чтеши, якож добри уницы прадѣды и дѣды чтят.» (74) На боготвореніе предковъ указываютъ и примѣры производства язычниками своего рода и народа отъ боговъ, какъ, напр., въ Словѣ о Полку Игоревѣ: стри божи внуци, дажьбожь внукъ и т. п.

Боковое отношеніе между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами ихъ родителей выразилось у Славянъ точно также особыми названіями. Наиболѣе общія изъ этихъ названій, наиболѣе распространенныя и въ настоящее время суть: дядя и тетка. Коренное значеніе обоихъ сводится къ тому же понятію отца, изъ котораго образовались термины для дѣда и бабки. Что касается до слова дядя, то въ немъ нельзя не видѣть подобнаго же видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ и въ дѣдъ; въ звукѣ д легко могъ скрываться и носовой звукъ, слышный доселѣ въ значительной части нарѣчій славянскихъ, какъ дундо въ нарѣчіяхъ сербскомъ, хорватскомъ, хорутанскомъ, словацкомъ и лужицкомъ. Въ самомъ старославянскомъ нарѣчіи попадается форма дада (75). Не говоря о замѣнѣ звука т посредствомъ д, о чемъ сказано выше, замѣтимъ, что переходъ коренного а въ славян. языкѣ въ а и ѫ довольно обыченъ, какъ и усиленіе а въ ѣ. Такимъ образомъ, корень сад, обращаясь въ славян. языкѣ въ сѣд, является и въ видѣ сѧд. Примѣнимость идеи отца къ дядѣ, неоднократно указывавшаяся нами прежде, подтверждается и ближайшимъ къ нему по родству тета — тетка, единство происхожденія котораго съ тата не можетъ подлежать сомнѣнію (76). Литовскій языкъ служитъ близкимъ поясненіемъ; въ немъ также находится выраженіе teta, съ значеніемъ сестры отца или матери, и въ тоже время tetis, отчимъ tėtajtis, tėtàtis, tėtùttis, отецъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ терминъ для дяди есть лишь легкое звуковое видоизмѣненіе выраженія для отца, именно vetter.

Послѣ того, что говорено нами о сліяніи идеи отца и матери въ самыхъ названіяхъ въ языкахъ родственныхъ, изъ которыхъ одни удержали извѣстный корень для выраженія отца, другіе

тотъ же корень для матери, и наоборотъ, не можетъ казаться особенно страннымъ отнесеніе идеи отца къ сестрѣ отца или матери, т. е. къ теткѣ. Русскій языкъ, сколько извѣстно, съ первой поры исторіи, не дѣлалъ точнаго различія въ выраженіяхъ дядя и тетка, употребляя первое одинаково и для мужа тетки, или матери сестры, второе и для жены дяди, брата отцова. Принимая, однакоже, въ соображеніе другія нарѣчія и говоры славянскіе, едва-ли мы въ правѣ отрицать строгое нѣкогда отличеніе родства въ древней Руси и въ этомъ отношеніи. Такъ, въ сербскомъ и хорватскомъ нарѣчіяхъ доселѣ еще мужъ называется тетак (хорв. tetac); Бѣлоруссы же и Малоруссы именуютъ жену дяди — дядина (дзядзина) ([77]). Сводя, въ заключеніе, сказанное о названіяхъ: дѣдъ и баба, дядя и тетка, приходимъ къ тому выводу, что во всѣхъ нихъ содержится общая идея отца — матери, и что первое и два послѣднихъ суть только видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ баба есть подобное же видоизмѣненіе общеупотребительнаго папа. Такимъ коренным значеніемъ дяди легко объясняется и значеніе слова дядька, какъ воспитателя, нѣстуна, одинаково извѣстнаго и въ древнее и въ нынѣшнее время ([78]).

Названія дядя и тетка, какъ выражающія понятія слишкомъ общія, безъ различія разнообразныхъ оттѣнковъ родства, не удовлетворяли Славянъ, — и въ ихъ языкѣ съ незапамятныхъ поръ усматриваемъ мы нѣсколько новыхъ терминовъ, въ сущности для тѣхъ же понятій, только болѣе точно и подробно опредѣляющихъ самыя мелкія особенности. Вниманіе къ подобному разграниченію родства въ одной и той же степени необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совмѣстной жизни цѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а черезъ это и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираніемъ родственныхъ названій въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распадался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ, которые приходится намъ собирать отрывками, относится къ самому полному развитію семейно-родо-

вой жизни. Въ такомъ состояніи для членовъ въ родѣ сама собою представилась надобность выдѣлить изъ общаго понятія дядя брата отца и брата матери; та же, конечно, надобность побуждала къ болѣе строгому опредѣленію и племянниковъ съ племянницами, которые могли быть дѣтьми братьевъ и сестеръ. Эта чуткость къ особенностямъ родственныхъ отношеній и породила особыя выраженія, которыя въ большемъ или меньшемъ количествѣ существуютъ и донынѣ у Славянъ, разумѣется, всего сильнѣе тамъ, гдѣ успѣхи новѣйшей цивилизаціи не проникли слишкомъ глубоко въ старину патріархальную. — Укажемъ прежде частныя названія дядей и тетокъ съ племянниками и племянницами, извѣстныя изъ древнихъ памятниковъ письменности славянской, а затѣмъ взглянемъ, что изъ нихъ уцѣлѣло въ древне-русской жизни.

Дядя по отцу, или братъ отца, именовался у всѣхъ безъ исключенія Славянъ стрыемъ или стрыйцемъ. Происхожденіе этого слова затемнилось, и мы отказываемся опредѣлить его ([79]). Думаемъ, однакоже, что литовское strujus, старикъ, родственно славянскому стрыю и сохранило болѣе общее значеніе. Единственно съ подходящимъ значеніемъ уцѣлѣло это слово, въ нѣсколько измѣненной формѣ, и въ русскомъ простонародьи, какъ въ слѣд. мѣстѣ одной сказки: «объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать, баба рыдать, верси хохотать» ([80]). Здѣсь строй, вполнѣ соотвѣтствуя правописанію древнихъ памятниковъ старо-славянскихъ стрый (стръı), употреблено въ смыслѣ нищаго, калѣки, что указываетъ на старость, подобно малорусскому диду, тоже нищему.

Тетка по отцу, или сестра отца, называлась тѣмъ же словомъ, только въ женской формѣ, стрыıа или стрыıна. Вѣроятно, это же выраженіе относилось и къ женѣ стрыя; по крайней мѣрѣ, польско-чешскія: stryjenka, streyna, stryjna, stryna, а также и хорутанское strina до сихъ поръ удерживаютъ это значеніе.

Обратное отношеніе стрыя и стрыıа къ дѣтямъ брата выражалось двоякими названіями: сыновья-братаничи или сыновцы, дочери-братаны, братаньны или сыновицы. Общее имя, безъ различія пола, было братучада или собирательное брату-

чадье. Въ этихъ выраженіяхъ обращаютъ наше вниманіе термины сыновецъ и сыновица: своимъ первообразнымъ словомъ и приставками они весьма убѣдительно говорятъ въ пользу указаннаго нами основнаго значенія дяди. Какъ послѣдній представлялся отцемъ относительно племянниковъ и племянницъ, такъ эти, въ свою очередь, являются дѣтьми, только меньшими, сравнительно съ собственными его сыновьями и дочерьми.

Но и у стрыя и стрыни могли быть дѣти, и взаимныя отношенія ихъ къ братучадамъ опредѣлялись также особыми терминами. Исторія языка и простонародное кое-гдѣ употребленіе сберегли для насъ лишь названіе для мужескаго пола, для сыновей стрыя и стрыни, это стрычичъ или, употребляя древнее правописаніе, какъ въ Кормчей книгѣ, стрычишть. Впрочемъ, отсутствіе имени для дочери стрыя или стрыни въ дошедшихъ памятникахъ ни мало не останавливаетъ насъ утверждать положительно, что въ древности пользовалось всеобщею извѣстностью и слово стрычьна([31]). Такимъ образомъ, то, что называемъ мы въ наше время двоюродными братьями или сестрами по отцу, выражалось въ старину терминами: стрычичи и стрычны. Отсюда въ нарѣчіяхъ польскомъ и чешскомъ и теперь прилагательныя: stryjeczny, streyčeny живутъ съ значеніемъ двоюродный. Нарѣчіе старославянское, въ древнихъ своихъ произведеніяхъ, оставило на память и такія степени стрыйнаго родства, какихъ уже не встрѣчаемъ въ живыхъ говорахъ славянскихъ. Такъ Кормчая книга, имѣвшая, между прочимъ, задачею строго обозначить степени родства для браковъ христіанскихъ, упоминаетъ о стрыѣ великомъ, т. е. братѣ дѣда или бабки, о стрыѣ маломъ, т. е. двоюродномъ братѣ отца или матери. Тутъ же находимъ и прилагательное стрыйный съ присоединеніемъ числительныхъ: первый, второй, третій, для опредѣленія двоюродности, троюродности, четверородности, или втораго, третьяго и четвертаго стрыйнаго родовъ. Само собою разумѣется, что въ соотвѣтствующихъ отношеніяхъ родства женщины удерживали названія: великая стрыня и малая стрыня. Отсюда стрыйный первый братъ есть братъ двоюродный, т. е. стричичь, стрыйный второй братъ — троюродный братъ; тоже и относительно сестеръ: стрыйная третья сестра — сестра четверородная. Хорутан-

ское нарѣчіе, съ поразительною цѣлостью сберегшее родственные термины, употребляетъ для великаго стрыя и стрыи общій терминъ съ приставкою пре, равносильною въ русскомъ языкѣ пра: престрицъ, препрепрестрицъ. Едва-ли основательно сомнѣваться въ общеупотребительности этого способа въ старину и у всѣхъ остальныхъ Славянъ. То же хорутанское нарѣчіе дастъ намъ право допускать во всемъ славянствѣ и господство нѣкогда особыхъ единичныхъ выраженій для троюродныхъ братьевъ и сестеръ: тамъ находимъ мы еще въ свѣжей силѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, термины: стрычичичь или стрыпичичичь.

Дядя по матери, или братъ матери, назывался также у всѣхъ Славянъ безъ изъятія уемъ или вуемъ; сестра матери или жена уя называлась уйка или вуйка. Коренное происхожденіе этого слова гораздо яснѣе. Уже Линде и Юнгманъ сопоставляли его съ латинскимъ avus, хотя послѣднее и осталось у нихъ безъ коренного опредѣленія; г. Гильфердингъ сблизилъ уй съ скр. avi, въ значеніи господинъ([82]). Послѣ разбора нами основныхъ корней для названій отца, едва ли можемъ усомниться въ непосредственномъ родствѣ славянскаго термина съ скр. глаголомъ av, защищать, покровительствовать, откуда, какъ видѣли, образовалось въ скр. âvuka, отецъ. Формальная сторона слова ни мало не препятствуетъ этому родству: скр. av вполнѣ обыкновенно замѣняется въ славянскомъ посредствомъ *y*, какъ и наоборотъ ([83]). Корень av, взятый индѣйцами для понятія отца, у Славянъ перешелъ къ обозначенію дяди на томъ же основаніи родственной близости, въ глазахъ младшихъ членовъ рода: отца, дяди и дѣда, на какомъ у древнихъ Германцевъ отнесенъ онъ къ дѣду и бабкѣ. Такъ, въ древ. нѣмецкомъ сѣвер. afi (дѣдъ), въ готск. avô (бабка) ([84]). Вмѣстѣ съ Славянами, этотъ же корень отнесенъ къ дядѣ и теткѣ, также по матери, и Литовцами: awýnas, братъ матери, awynėne, жена его или сестра матери, т. е. уй и уйка ([85]).

Обратное отношеніе уя и уйки къ дѣтямъ сестры указываетъ на полное соотвѣтствіе родству стрыйному. Въ послѣднемъ сыновья, какъ сказано, называются братанчи, дочери — братаны, братаньны; здѣсь сынъ сестры есть сестреничь или се-

стричъ; дочь сестры — сестреница или сестричьна. Но въ первомъ случаѣ, при стрыѣ, находимъ и другой терминъ: сыновецъ и сыновица. Старославянское нарѣчіе, при всей древности письменности, не предлагаетъ въ настоящемъ случаѣ полнаго соотвѣтствія. Тѣмъ не менѣе, оно сберегло хотя одинъ терминъ, который даетъ право изслѣдователю утверждать и тутъ господство этого соотвѣтствія, если не въ пору письменности старославянской, то незадолго до ея появленія, — хотя рѣшительно отрицать параллелизмъ и во время письменности было бы не послѣдовательно, такъ какъ далеко же не все могла захватить она изъ жизни народа. А въ Кормчей XIII вѣка читаемъ: «аще кто поиметъ сестреницѣ ли дъщерьшю»; тоже находимъ у Ефрема Сирина, въ памятникѣ XIV вѣка ([86]). Отсюда, позволяемъ заключить во а) что сестреница или дщерша одно и тоже родство; во б) что если употреблялось названіе дщерша, соотвѣтствующее термину сыновица, то, при господствѣ соотвѣтствія братанича и братаны сестричичу и сестричынѣ, естественно допустить и названіе дщеричь, равносильное сыновцу. Что замѣтили мы о названіяхъ сыновецъ и сыновица, по отношенію къ стрыю и стрыѣ, тоже слѣдуетъ повторить и о дщеричѣ и дщершѣ относительно уя и уйки, т. е. что и тутъ указывается на отеческое и материнское ихъ отношеніе; въ свою очередь, всѣ эти выраженія вмѣстѣ оправдываютъ и другую нашу мысль, какъ языкъ, при одинаковости основнаго значенія, старается оразнообразить различныя отношенія хотя внѣшнимъ видомъ, измѣненіемъ коренныхъ звуковъ, какъ въ словѣ дядя, или присоединеніемъ особыхъ окончаній, какъ дщерша, дщеричь. Общаго имени для дѣтей сестры, подобнаго братучаду, мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ, что, впрочемъ, едва-ли способно ослабить предположеніе о существованіи нѣкогда термина сестрѣчадо или сестрычадо. Такое предположеніе, однакоже, не можетъ имѣть силы несомнѣнности, по отсутствію этого названія и въ живыхъ говорахъ славянскихъ, и въ старыхъ произведеніяхъ ихъ письменности. Иное дѣло относительно дѣтей уя или уйки.

Нарѣчіе старославянское, сколько удалось подмѣтить намъ, не сохранило терминовъ для отношеній родства между дѣтьми сестры и дѣтьми ея брата или другихъ сестеръ. При словѣ

стрый, мы указали на бывшія въ ходу названія: стрычичь, стрыйный братъ, стрыйная сестра и т. д.; при названіи уй не находимъ имъ соотвѣтствующихъ выраженій въ памятникахъ старо-славянскихъ, повторяю, на сколько извѣстны намъ послѣднія по рукописямъ или по словарямъ. Но что и здѣсь было полное соотвѣтствіе, что и эта линія родства опредѣлялась словами отъ коренаго уй въ давнее время у всѣхъ Славянъ, доказываютъ разбросанно уцѣлѣвшіе остатки въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ, а частью въ старинныхъ по нимъ памятникахъ. Такъ, въ соотвѣтствіе стрычичу встрѣчаемъ у Хорватовъ уйчичъ или вуйчичъ, сынъ уя; дочь его — вуйчишна, что оправдываетъ предложенное выше мнѣніе о несомнѣнности нѣкогда господства термина стрычна, въ смыслѣ дочери стрыя. Двоюродное родство по ую опредѣляется донынѣ въ польскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ прилагательнымъ wujeczny, vujeczev или vujczov; по женской половинѣ, по уйкѣ, прилагательнымъ вуйнинъ. Въ старинномъ польскомъ языкѣ находимъ, въ соотвѣтствіе старо-слав. великому и малому стрыю, названія: starszy wuj, братъ прабабки, stary wuj, братъ бабки ([87]); въ старо-чешскомъ попадается praujec, какъ терминъ, вполнѣ равносильный польскому stary wuj, т. е. братъ бабы. Отсюда, и двоюродный братъ по польски есть wujeczny brat. Полагаемъ, что неумѣстно сомнѣваться и въ томъ, что степени родства и въ этомъ случаѣ опредѣлялись также, какъ при стрыйномъ родствѣ, т. е. посредствомъ числительныхъ: первый, второй, третій, съ прилагательнымъ уйный. Нарѣчіе хорутанское и тутъ замѣняетъ прилагательныя великій и малый частицею пре (или предлогомъ пред), повторяемою дважды и трижды. Понятно, что и двоюродные братья, по матери, назывались уйчичи, вуйчичи, сестры — уйчишны; троюродные — уйчичичи, уйчичишны ([88]).

Перейдемъ ко второй части вопроса: какія изъ приведенныхъ названій родства являются въ древней жизни русскаго народа и до какого времени держались они въ ней. Само собою понятно, что далеко не относительно всѣхъ названій можно высказываться положительно: письменность древне-русская, составляющая въ настоящемъ случаѣ единственное пособіе, конечно, не могла во всей подробности выразить всѣхъ особенностей жизни, а потому

естественно допустить возможность многихъ въ ней пропусковъ и по части родственныхъ названій, хотя на самомъ дѣлѣ, въ жизни, многія изъ нихъ могли существовать въ такой же силѣ, какъ и у другихъ Славянъ. Но есть и въ письменности очевидные слѣды забвенія нѣкоторыхъ названій, когда частныя родственныя отношенія опредѣляются уже не частными именами, а общими, утвердившимися въ языкѣ до послѣдняго времени. Слѣдовательно, хотя приблизительно, есть основаніе не безъ отвѣта пройти вопросъ: въ полной ли цѣлости представляется намъ родъ въ древней Руси, или уже съ потрясеніемъ, и въ чемъ прежде всего выразилось это потрясеніе.

Названіе стрый употреблялось долгое время въ памятникахъ; принимая же во вниманіе правильность значенія этого слова, являющагося постоянно въ смыслѣ брата отца, слѣдуетъ заключить, что и родство этой степени и линіи не подвергалось колебанію и смѣшенію. Форма стръи, исключительная въ древнѣйшей части лѣтописи Новгородской, вообще отличающейся строгимъ соблюденіемъ древнихъ свойствъ языка ([89]), указываетъ прямо на упомянутое уже нами сходство съ литовскимъ strujus, по родству ъ-ра преимущественно съ звукомъ у. Такъ, подъ 1158 годомъ этой лѣтописи ([90]) читаемъ: «и посла (Мстиславъ Изяславичъ) Ростислава стръя своего Кыеву на столъ»; подъ 1175 годомъ той же лѣтописи: «томь же лѣтѣ вышде самъ въ Новъгородъ, бився съ стръемъ своимъ Михалкомъ»; подъ 1177 годомъ: «слѣпленъ бысть Мстиславъ Князь отъ стръя своего Всеволода»; подъ 1269 годомъ: «не хочю (говорилъ Дмитрій Александровичъ) взяти стола передъ стръемъ своимъ». Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1164 годомъ: «стрый ти умерлъ, а по Олга ти послати». Впрочемъ, въ послѣдней лѣтописи господствуетъ преимущественно форма строй: «Ростиславъ же поклонися строеви своему Гюргеви и пойде въ Смоленскъ», читаемъ подъ 1155 годомъ. Находимъ и уменьшительную форму стрыйко: стрыйко нашь Швидригайло ([91]). Женскій родъ стрыня составляетъ рѣдкость въ памятникахъ, но и одного случая въ Ипатьевской лѣтописи достаточно, чтобы считать и его столь же обычнымъ терминомъ въ древнее время на Руси, какъ и мужескій родъ стрый. Подъ 1155 годомъ находимъ такое выраженіе: «Ростиславъ же

поима стрыню свою съ собою и поиде къ строеви своему». Этотъ Ростиславъ, Князь Смоленскій, былъ сынъ Мстислава; слѣдовательно, братъ послѣдняго, Юрій Долгорукій, былъ ему стрыемъ, а жена Юрья, о которой идетъ здѣсь рѣчь, должна считаться стрыней. Въ современномъ русскомъ языкѣ самое слово стрый уцѣлѣло какъ рѣдкость, въ формѣ строй, и уже безъ всякаго намека на какое бы то ни было родство.

Столь же обыкновенны въ старину и названія братаничъ и сыновецъ. Первое попадается въ памятникахъ въ двухъ формахъ: братаничь и братанъ: Князь великій Святославъ Ивановичь Смоленскій съ вокупи около себе силу велику, а съ нимъ братаничь его, Князь Иванъ Васильевичь; и онъ (кн. Константинъ Дмитріевичъ) не хотя быти подъ своимъ братаничемъ (т. е. подъ сыномъ В. Кн. Василья Димитр.), и Князь Василій въ зверже нелюбье пань; се Яропълкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему; и почася молити о братанѣхъ своихъ; прибѣже изъ Царя града братанъ царевъ, Кюръ Андроникъ. Отсюда и названіе дочери брата братанична или братаньна: призва Всеволодъ Гюргевичь Володимера Святославича къ себѣ Володимерю, и вда зань свою братанъну (по другому списку братаничну), Михалкову дочерь. Ипатьевская Лѣтопись, удержавъ и общее названіе для сыновей и дочерей брата — братучадье, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ этомъ сложномъ словѣ двоякимъ окончаніемъ отличила первыхъ отъ послѣднихъ: братучадо, сынъ брата, братучада, дочь брата: другій свѣтъ створиша на убьенье его со Александромъ братучадомъ его; бѣ братучада его за нимъ, дочи Александрова, именемъ Настасья ([92]). Всѣ эти выраженія, хотя и не всегда съ строго опредѣленнымъ значеніемъ древности, существуютъ и донынѣ въ языкѣ простаго народа русскаго, образовавшаго и особый при этомъ терминъ братаниха, для обозначенія жены брата ([93]).

Не менѣе въ ходу было и второе названіе сыновецъ съ женскимъ сыновица: и ту пріѣха къ нему (къ кн. Юрью) Святославъ Олговичь, веля ему пріяти въ любовь сыновца своего, Всеволодича; преставися Князь Смоленскыи Давидъ, постригъ ся въ схиму, и сѣде сыновець его въ Смоленску Мьстиславъ; пріѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Все-

володичь ([94]). Въ нынѣшнемъ языкѣ русскомъ, кажется, безслѣдно пропалъ этотъ терминъ, если позволительно заключать такъ по областному великорусскому словарю, изданному Акад. Наукъ, и по дополненію къ нему.

Видимо слабѣе удерживались и въ старину термины для потомственнаго стройнаго родства: кромѣ существительнаго стрычичь, кажется, не уцѣлѣло въ русской письменности другихъ названій отъ имени стрый: и посла Мстислава по стрыйчича своего ([95]). Самое прилагательное стрыйный, служившее долго у древнихъ Славянъ, отчасти служащее и донынѣ у нѣкоторыхъ поколѣній для обозначенія, при пособіи числительныхъ, двоюродности, троюродности и т. д., какъ видно, забыто было издавна русскимъ народомъ; не замѣтно у него изстари и отличія между великимъ и малымъ стрыемъ, какъ въ старо-славянскомъ, или между старшимъ и старымъ, какъ въ старо-польскомъ. Во всякомъ случаѣ, родство стрыйное сберегалось въ бо̀льшей силѣ, нежели уйное, какъ сейчасъ увидимъ.

Существительное уй, въ значеніи брата матери, было обыкновенно въ древней Руси. Въ лѣтописи Нестора читаемъ: «Володимеръ бѣ отъ Малуши..., сестра же бѣ Добрыня, бѣ Добрыня уй Володимеру; и выиде противу имъ Володимеръ... къ Теребовлю, и угры приведъ, бана, королева уя ([96]). Женскій родъ уйка, прилагательное уйный, равно уйничъ и другія производныя отъ уй названія родства ни разу не встрѣтились мнѣ при чтеніи чисто русскихъ памятниковъ. Когда сообразимъ, что и по другимъ нарѣчіямъ славянскимъ, не исключая и старо-славянскаго, находимъ въ этомъ родствѣ болѣе забытаго, чѣмъ въ стрыйномъ, то едва ли не въ правѣ заключить о болѣе раннемъ его забвеніи и Русскими, не сберегшими отъ него ни одного термина, съ самой первой поры письменности, кромѣ коренного уй. И въ низшей степени, въ названіяхъ для племянника и племянницы по сестрѣ, замѣчаемъ также больше потерь уже въ глубокой древности. Въ письменности встрѣчается лишь одинъ родъ названій: сестричичь и сестричьна, а о соотвѣтствующихъ сыновцу и сыновицѣ нѣтъ и намека: Изяславъ же посла напередъ Святослава, сестричича своего, Чернигову; послаша Новогородци Кузьму Твердиславля и Олександра Борисовича..., а отъ владыкы сестричича его

Матвея; вельядскій Кумендерь Гостило и сестричичь местеровъ Тимооси. Попадается и форма сестричь: пожаловати игумену и святой братьѣ взяти въ монастырь сестричя моего, Василья Иванова сына Плещеева ([97]).

Изъ всѣхъ частныхъ названій боковаго родства, употреблявшихся въ древнее время на Руси, уцѣлѣли въ говорѣ простаго народа только два, это: братанъ, о которомъ уже сказали мы, и сестреница или сестрія, но съ значеніемъ уже иным, именно, двоюроднаго брата и двоюродной сестры. Послѣдній терминъ находимъ съ такимъ значеніемъ еще подъ 1572 годомъ: «а понялъ Князя Володимера дочерь Настасію, сестрію Борисову» ([98]). Вмѣсто осталыныхъ названій, какъ для обозначенія племянниковъ съ племянницами, такъ и дядей съ тетками, установились общіе термины, появленіе которыхъ въ языкѣ замѣтно весьма издавна. Самыя слова, кромѣ приведенныхъ двухъ, да рѣдчайшаго строя, кажется, исчезли безслѣдно изъ языка русскаго: въ немъ рѣшительно не слыхать уже ни объ уѣ, ни о сыновцѣ и сыновицѣ, ни о братаннѣ и сестричичѣ, ни о стрынѣ и стрычичѣ. Между тѣмъ, замѣчательнѣйшая часть ихъ принадлежитъ нарѣчію польскому, и всѣ они, безъ исключенія, пользуются полнымъ практическимъ примѣненіемъ у югославянскихъ народовъ, у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ. Само собою понятно, что утративши частныя названія, народъ русскій долженъ былъ замѣнить ихъ другими, болѣе общими; среди такихъ названій наиболѣе древними встрѣчаемъ мы тетку и нетія, за тѣмъ племянниковъ и племянницъ. Что касается до дяди, то позднее его укорененіе въ языкѣ видно уже изъ продолжительнаго сохраненія, какъ показали мы, частныхъ выраженій: уя и стрыя.

Значеніе и происхожденіе слова тетка намъ извѣстно; давнее же его употребленіе вмѣсто стрыни и уйки замѣтно изъ слѣдующихъ мѣстъ: «родися у Князя Всеволода четвертая дчи, и крести ю тетка Олга», читаемъ подъ 1179 годомъ, въ лѣтописи ипатьевской; «пріѣха Мьстиславъ Мьстиславичь и тетка ея (Евфросиньи, дочери Ростислава Рюриковича) Передслава», тамъ же, подъ 1198 годомъ. Замѣнивши такъ рано частныя названія, слово тетка издавна стало употребляться и съ опредѣлительными великій и малый, вмѣсто велпкая и малая стрыня или уйка,

для обозначенія сестры дѣда или бабки и сестры двоюроднаго дяди. Такое, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе находимъ въ Кормчей книгѣ, а трудно допустить, чтобы послѣдняя не сближалась въ этомъ случаѣ, въ спискахъ русскихъ, съ жизнію народа русскаго.

Второе общее названіе, успѣвшее уже утратиться изъ языка русскаго, есть нетій, употреблявшееся въ значеніи племянника, безъ различія происхожденія отъ брата и сестры, съ первыхъ страницъ лѣтописи отечественной. Въ договорѣ Русскихъ съ Греками, 945 года, два раза упоминается нетій Игоревъ; въ лѣтописи Никоновской также читаемъ: «Волкъ же служа царю Мусулману съ нетии своими, рекше съ сестричи» ([99]). Послѣдняя объяснительныя слова, очевидно, свидѣтельствуютъ о забвеніи настоящаго смысла нетія и, на оборотъ, о знакомствѣ съ значеніемъ сестрича: и мы видѣли, что послѣдній, дѣйствительно, пользовался правильнымъ употребленіемъ на Руси еще въ XV столѣтіи. Почему объяснитель сопоставилъ нетія съ сестричемъ, а не съ братаничемъ, рѣшить, конечно, не легко, но думаемъ, что онъ не оставался при этомъ безъ вліянія сербскаго нарѣчія. Въ послѣднемъ, въ самомъ дѣлѣ, нећак и жен. нећака употребляются теперь, употреблялись и въ старину въ смыслѣ племянника и племянницы по сестрѣ и, слѣдовательно, вполнѣ соотвѣтствуютъ сестричу и сестренницѣ. Кормчая книга, перенесенная къ намъ отъ южныхъ Славянъ, въ которой читается: сестричищь нети глаголетьсѧ, могла служить объяснителю весьма подручнымъ пособіемъ. Но это, однакоже, не даетъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы нетій и въ старо-русскомъ языкѣ обозначалъ частное, а не общее понятіе: въ пользу именно послѣдняго говорятъ и примѣры старо-славянскаго нарѣчія ([100]), и древнее и нынѣшнее чешское нарѣчіе, въ которомъ уцѣлѣла замѣчательная форма женская: neti, род. neteře, съ значеніемъ вообще племянницы. На тотъ же общій смыслъ указываетъ и происхожденіе, по крайней мѣрѣ родство славянскаго выраженія съ родственнымъ названіемъ другихъ языковъ индоевропейскихъ.

Отрицать коренное родство слав. нетии съ скр. naptṛ, съ латин. nepot (is), съ древне-нѣмецкимъ neft, nefo и съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ neffe, родство, указываемое всѣми современными филологами, касавшимися этого предмета, думаемъ, рѣ-

шительно несосновательно. Звуковая сторона не предлагаетъ никакого къ тому повода. Образовательное окончаніе ar, являющееся въ санскритѣ (naptṛ-naptar) и вовсе невидное въ славянскомъ нетии, оправдывается потерею и въ латинскомъ, и въ древнегерманскомъ, оправдывается утратою, хотя и болѣе позднею и не столь всеобщею, и въ другихъ родственныхъ названіяхъ, напр., въ словѣ братъ. Но чешская форма neti (neteře) осталась и фактическимъ доказательствомъ дѣйствительнаго нѣкогда присутствія приставки ar и въ выраженіи нетии, и въ латинск. nepot, и въ германск. nept. Что касается до отсутствія звука п (-р) передъ т, въ нетии, принадлежащаго и латинскому и нѣмецкому языкамъ, хотя въ послѣднемъ и съ обычнымъ превращеніемъ его въ родственное f, то законы славянскаго звукосочетанія способны объяснить такое отсутствіе самымъ убѣдительнымъ образомъ: выпаденіе губныхъ п и б передъ т — явленіе весьма обыкновенное; стоитъ, напримѣръ, припомнить хотя образованіе неопредѣленнаго наклоненія въ старо-славянскомъ нарѣчіи отъ корней, оканчивающихся на губные: чрѣти, вм. чрьпти, грети, вм. гребти, и др. Такимъ образомъ, и нетии предполагаетъ первоначальную форму нептии.

Гораздо сложнѣе, запутаннѣе и труднѣе вопросъ о происхожденіи слова naptṛ и основномъ его значеніи. Не удивительно поэтому и замѣчательное разнообразіе въ объясненіяхъ самыхъ первокласныхъ филологовъ, до сихъ поръ не установившихся твердо ни на одномъ рѣшеніи. Послѣднее сводится у каждаго больше къ догадкамъ и предположеніямъ, которыя имѣютъ цѣну только субъективнаго убѣжденія и весьма мало объективной убѣдительности. Подобная нерѣшительность и нетвердость служитъ очевиднымъ доказательствомъ затемненности корня и въ самой древней формѣ слова. По нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ и звуковой стороны и значенія этого загадочнаго выраженія новѣйшее толкованіе, предложенное господиномъ Пиктэ, давшимъ мѣсто и критической оцѣнкѣ всѣхъ прежнихъ толкованій: Потта, Боппа, Куна, Бенфея, Вебера ([101]). По мнѣнію его, существительное naptṛ (-naptar) сложено изъ трехъ частей: а) na, вмѣсто gna, ǵna, съ значеніемъ семья, поколѣніе; б) изъ причастія pât (вм. pânt), отъ глагольнаго корня pâ,

съ значеніемъ охранять, оберегать; и наконецъ, в) образовательнаго окончанія ar(=ŕ). Опущеніе звука g (ǵ) въ первой составной части объясняетъ онъ примѣрами изъ санскрита и изъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ такое опущеніе не подлежитъ сомнѣнію, какъ скр. nâ, значеніе, отъ ǵnâ, знать; nâman, имя, отъ того же глагола ǵna; латинск. nomen, natus; англо-саксонск. cnafa, knapa, новоанглійское knave, въ произношеніи теряютъ k, какъ now, вм. know; ирландск. gnia употребляется на ряду съ nia (племянникъ) и т. д. Ослабленіе причастной формы pât объясняется ослабленіемъ въ зендскомъ pitar въ ptar, отъ того же, какъ извѣстно, корня pâ. Коренное значеніе, такимъ образомъ, слова naptŕ должно быть: хранитель, продолжатель семьи, рода, поколѣнія. И это значеніе, какъ ни кажется оно съ перваго взгляда натянутымъ, находитъ поддержку и оправданіе въ соотвѣтственныхъ выраженіяхъ санскрита, какъ: kula dhâraka, сынъ, собственно хранитель племени (изъ kula и dhŕ), или kulavardhana, тоже сынъ, а собственно увеличивающій, умножающій родъ, семью (отъ vŕdh, расти).

Столь общее значеніе, заключенное въ корнѣ существ. naptŕ, слав. нетии, примѣнимое вообще къ младшимъ членамъ рода, объясняетъ, прибавимъ мы, и разнообразное примѣненіе этого термина къ степенямъ родства у разныхъ народовъ. Такъ у однихъ онъ отнесенъ къ сыну ([102]), какъ gnabat у Галловъ, nidr у Скандиновъ; у другихъ къ внуку, какъ у Индѣйцевъ, Римлянъ, отчасти у древнихъ Германцевъ; у третьихъ къ племяннику, какъ у Нѣмцевъ и у Славянъ; у четвертыхъ, наконецъ, къ потомку вообще, какъ въ греческ. выраженіи νέποδες.

Раннее забвеніе Славянами русскими названія нетій, замѣтное изъ рѣдкаго употребленія его въ старину и изъ смѣшенія въ позднихъ памятникахъ съ сестричемъ, до нѣкоторой степени объясняется продолжительнымъ употребленіемъ частныхъ терминовъ, попадающихся въ письменности, какъ видимъ, вплоть до XVI столѣтія. Съ запраніемъ въ языкѣ послѣднихъ, народъ остановился на другомъ общемъ выраженіи, которое, вѣроятно, казалось ему болѣе понятнымъ и удобнымъ, нежели нетій. Быть можетъ, на введеніе новаго общаго термина имѣло вліяніе и неудобство составить изъ прежняго женскій родъ. Какъ бы то ни

было, но съ XVII вѣка, а можетъ быть и съ XVI, входитъ въ письменность названіе племянникъ и племянница, съ нынѣшнимъ его знаменованіемъ; съ этимъ, кажется, вмѣстѣ, изгоняетъ частные термины и общій дядя.

Еще въ половинѣ XV вѣка, названіе племянникъ имѣетъ самый широкій смыслъ, именно лица, принадлежащаго одному и тому же племени, роду, т. е. смыслъ, какой и долженъ прежде всего принадлежать этому слову, согласно съ его образованіемъ и происхожденіемъ отъ существительнаго племя. Въ судебникѣ Іоанна III читаемъ: «а ѣздити недѣльщикомъ и на поруку давати самимъ съ приставными или своихъ племянниковъ и людей посылати съ приставными» (103). Въ началѣ XVII столѣтія, тоже самое слово употребляется уже въ современномъ, ограниченномъ значеніи, на ряду съ дядей. Въ грамотѣ 1512 года читаемъ: «а будетъ которые крестьяне, отъ отцовъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядъ племянники... похотятъ взяти»... или подъ 1640 годомъ:» и намъ бы изъ слободъ крестьянъ и отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью и отъ дядь племянниковъ... велѣть выпускать» (104). Такъ какъ и само слово племя входитъ въ рядъ родственныхъ названій, то въ настоящемъ случаѣ находимъ удобнымъ остановиться на основномъ его значеніи, тѣмъ болѣе, что и въ современномъ употребленіи значеніе его далеко не однообразно.

Существительное племя въ языкѣ древнихъ русскихъ памятниковъ обозначаетъ собою совокупность всѣхъ лицъ, сознающихъ единство происхожденія, свою родственность, какъ бы ни была далека она. Съ этой стороны, оно является какъ бы синонимомъ роду. На синонимичность обоихъ словъ указываетъ, полагаемъ, и самое происхожденіе.

Ближе всего корень существительнаго племя стоитъ въ связи съ скр. par (-pṛ), съ греко-латинскимъ πλεω, pleo, въ смыслѣ наполнять, умножать, въ страдательномъ значеніи — умножаться, расти. Отъ этого корня образовались и въ родственныхъ языкахъ выраженія, вполнѣ соотвѣтствующія въ славянскомъ не только племени, но и плъку (рус. полку), имѣющему въ основѣ своей тотъ же корень pṛ и означающему первоначально множество, толпу (105). Такъ, литов. pulkas и по формѣ и по значенію равное слав. плъкъ, древне-верхне нѣмецкое folc, нынѣшнее нѣ-

мецкое volk, съ обычнымъ переходомъ p въ f, древне-сѣверно германское flockr, латин. populus, образованное посредствомъ удвоенія, наконецъ, греч. πλῆθος, — всѣ съ значеніемъ толпы, множества и, наконецъ, народа. Этотъ естественный переходъ значенія отъ умноженія, нарощенія къ народу находитъ подтвержденіе во многихъ примѣрахъ индоевропейскаго языка. Не говоря уже о словѣ народъ, происходящемъ отъ родъ, которое, по своему корню rudh, рости, означаетъ прежде всего возросшее, умножившееся, сравнимъ корень tu, также рости, отъ котораго пошли слѣдующія выраженія: оское tovto, умбрійское tutu, община, готск. thiuda, летск. tauta, народъ, страна, древне-ирское tuath, народъ, и др. ([106]).

Коренное значеніе слова племя дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ и простонародное русское выраженіе: оставить на племя (о животныхъ), т. е. на приплодъ, на умноженіе. Съ такимъ общимъ значеніемъ умножившагося, возросшаго отъ одного корня, отъ одного родоначальника мы и застаемъ слово племя въ древнѣйшей письменности славянской. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1195 годомъ, читаемъ: и позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя; или въ русской припискѣ къ апостолу XIV вѣка: дахъ книгы си отъ стажанія своего къ сѣмоу въскресенію собѣ въ здравіе и братіи своеи и подроужію моемоу и чадомъ своимъ и всѣмоу плѣмени своемоу а отцю своемоу на память и мтри своеи и всѣмоу племени своемоу изъ мѣршимъ ([107]). Равносильнымъ такому значенію слова племя находимъ въ тѣхъ же памятникахъ и существительное родъ: шедъ бо въ гору синайскую (Воишелъ) отъ отца своего и отъ рода своего... позна истиную вѣру ([108]); въ припискахъ къ рукописямъ церковнымъ не рѣдко встрѣчаемъ замѣну слова племя словомъ родъ. Первоначальное тожество обоихъ существительныхъ знаменательно удержалось до сихъ поръ въ простонародной русской словесности: въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ: оба слова весьма обыкновенно являются въ нихъ нераздѣльно, въ видѣ тавтологіи ([109]). Поэтому нисколько не удивительно, что и существительное племянникъ является въ старину синонимомъ слову родственникъ, слѣдовательно съ общимъ смысломъ, на что примѣры указали мы еще изъ XV столѣтія. Это общее зна-

ченіе сохраняетъ слово племянникъ и донынѣ у Черногорцевъ, которые называютъ имъ всякаго, кто принадлежитъ племени. Согласно съ образованіемъ и съ основнымъ значеніемъ племянника, въ отдаленное время, въ языкѣ русскомъ, явились и выраженія родникъ, родимецъ, въ смыслѣ принадлежащихъ къ тому же роду, родственниковъ: а иные его эргекины родники къ ясачному зимовью не бывали; и намъ тое вотчину отъ тѣхъ ото всѣхъ родимцевъ и отъ иныхъ, кто будетъ вступатца, очищать ([110]). И какъ отъ родъ образовалось существительное родичъ, столь обыкновенное въ древне-русскомъ языкѣ, для опредѣленія происхожденія отъ того же рода, слѣдовательно, тоже родственника, какъ въ слѣд. примѣрѣ: вставша сами на ся и убиша князя велика Миндовга свои родици ([111]); такъ и отъ слова племя съ подобною же цѣлію составилось существительное племичъ, сохранившееся въ языкѣ сербо-хорватскомъ, хотя въ немъ и получило оно частный смыслъ: благородства происхожденія.

Но по мѣрѣ умноженія племени, съ потерею сознанія родства отдѣльныхъ его членовъ, въ силу огромнаго ихъ распложенія и разбросанности въ самой жизни, и слово племя начало выражать понятіе обширнѣйшее, совокупность уже нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ, развившихся изъ одного первоначально рода. Мало по малу, эта обширность понятія перешла въ общность для обозначенія уже цѣлаго народа, — и въ такомъ смыслѣ племя встрѣчается издавна въ памятникахъ русскихъ. Такъ, лѣтописецъ русскій, при описаніи нашествія Татаръ, выражается: «по грѣхомъ нашимъ придоша языци не знаеми, ихъ же добрѣ никто же не вѣсть, кто суть и отколѣ изъидоша и что языкъ ихъ и котораго племене суть и что вѣра ихъ», — здѣсь, очевидно, племя употреблено вмѣсто народъ. Отсюда и иноплеменникъ, обозначавшій сначала человѣка другаго племени, рода, сталъ означать человѣка другой народности, какъ въ словахъ того же лѣтописца: придоша иноплеменницы, безбожніи татарове, на землю Рязаньскую. Одинаковый переходъ въ понятіи и по тѣмъ же основаніямъ совершился и въ словѣ родъ; и оно не только въ сложной съ предлогомъ формѣ, народъ, съ незапамятныхъ поръ получившей тотъ общій смыслъ, съ какимъ исключительно живетъ въ настоящее время у всѣхъ Славянъ, но и въ первообразной, родъ, стало

означать націю, народъ, какъ въ выраженіи договора Игоря съ Греками: мы отъ рода руськаго, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ древнѣйшаго перевода греч. ἔθνος ([112]). Впрочемъ, еще въ XVI столѣтіи замѣтенъ слѣдъ болѣе тѣснаго и частнаго понятія въ словѣ народъ; въ статутѣ Литовскомъ нѣсколько разъ употребляется оно въ смыслѣ сословія, напр., въ слѣдующемъ постановленіи: «коли бы который съ подданныхъ нашихъ, будучи народу шляхетскаго ([113])»... Отсюда же, по сходству съ иноплеменникъ, составилось выраженіе инородецъ, въ которомъ нѣтъ и намека на первобытное частное понятіе рода, т. е. совокупности лицъ, сознающихъ единство происхожденія. Обобщеніе понятія рода—племени совершилось, конечно, постепенно, послѣдовательно, не раздѣльно съ умноженіемъ рода въ жизни. Связующимъ элементомъ при этомъ, въ обоихъ понятіяхъ, служитъ степень и сила сознанія. Въ племени-родѣ сознаніе единства родственнаго ясно и опредѣленно, отчетливо выразившись въ особыхъ терминахъ для членовъ, составляющихъ родъ; въ понятіи племя — народъ сознаніе это уже утратилось; въ слѣдствіе постояннаго размноженія и раздробленія рода, оно должно было больше и больше затемняться, пока не изгладилось, наконецъ, во все, оставивъ вмѣсто себя темное преданіе и внѣшній связующій органъ, языкъ. На этомъ основаніи, вмѣсто иноплеменникъ или инородецъ, столь же обычнымъ сдѣлался терминъ иноязычникъ. Было время, хотя до него и можно доходить только мысленно, посредствомъ наведенія, когда не были иноязычниками и самые далекіе теперь по языку народы: Славяне, Греки, Германцы, и др.; наступило время, когда сдѣлались иноязычниками многіе и изъ Славянъ между собою; вѣчное время, быть можетъ, внесетъ подобное иноязычество и въ отдѣльныя части нынѣ цѣлаго, одноязычнаго народа. Примѣръ перехода значенія племени, какъ рода, къ болѣе общему понятію, хотя и не успѣвшему еще обратиться въ синонимъ народу, предлагаетъ черногорское племе, въ смыслѣ округа, населеннаго уже нѣсколькими родами.

Такимъ образомъ, въ современномъ выраженіи племянникъ-племянница, какъ сынъ или дочь брата или сестры, сохранился очевидный слѣдъ господствовавшаго нѣкогда родоваго быта. Позднее, не раньше XVI вѣка, присоединеніе къ нему этого частнаго,

исключительнаго смысла не можетъ не служить свидѣтельствомъ продолжительной на Руси силы рода. Дѣти братьевъ и сестеръ первые выводятъ семью въ родъ; они служатъ тѣми звеньями, которыя связуютъ членовъ начальной семьи съ членами умножающагося рода — племени; отсюда и понятно, почему, при начавшемся распаденіи этого рода — племени, удержалось именно за ними названіе, принадлежавшее прежде всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ его членамъ.

По всей вѣроятности, въ одно время съ утвержденіемъ въ языкѣ русскомъ слова племянникъ въ частномъ значеніи, вмѣсто древнихъ: братаничъ, сыновецъ и сестричъ, исчезли изъ памяти русскаго народа и частные термины: уй и стрый, замѣнившись общимъ словомъ дядя. По крайней мѣрѣ, съ самаго начала XVII столѣтія, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, терминъ дядя въ общемъ ходу, между тѣмъ какъ древніе уй и стрый не слышны уже вовсе въ русскомъ народѣ.

II. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ РОДСТВА СВОЙСТВЕННАГО.

До сихъ поръ имѣли мы въ виду одну семью безъ всякаго отношенія къ другимъ чужимъ; разбирали членовъ ея въ восходящей и нисходящей и боковой линіяхъ, во все не принимая въ соображеніе связи съ другими родами посредствомъ брака. Но въ жизни Славянъ, какъ и всякаго иного народа, стоявшаго и стоящаго на одинаковой съ ними ступени патріархальнаго развитія, имѣло важное значеніе и это родство, семьи съ семьею, рода съ родомъ, и точно также отличались разнообразныя его степени посредствомъ особыхъ терминовъ.

Связующимъ звеномъ родовъ другъ съ другомъ является женщина, дѣвица, на которую, потому самому, столь долгое время и смотрѣлъ Славянинъ, кое-гдѣ смотритъ и до нынѣ, какъ на принадлежащую не тому роду, гдѣ родилась она, а чужому, въ которой должна войти черезъ замужество. Отсюда понятно, почему родъ считался бѣднымъ, какъ скоро большинство его членовъ состояло изъ дѣвицъ, и на оборотъ, онъ былъ богатъ, если это большинство составляли мужчины: послѣдніе не только не выходили изъ рода, но еще увеличивали его вводомъ въ свой родъ, въ качество женъ, дѣвицъ изъ чужихъ родовъ.

Со вступленіемъ новаго лица въ данный чужой родъ, въ силу патріархальной жизни въ древности, трудно было избѣжать точнаго опредѣленія отношеній не только всѣхъ членовъ этого рода къ новому лицу, но и къ его родичамъ, отъ которыхъ оно отдѣлилось. Вмѣстѣ съ этимъ, подобныя отношенія не могли не отразиться особыми терминами въ языкѣ. Количество такихъ терминовъ въ настоящее время значительно уменьшилось: причина въ позднѣйшей жизни, неизбѣжно сопровождавшейся и сопровождающейся ослабленіемъ и паденіемъ стародавнихъ родственныхъ отношеній. Въ свою очередь, обиліе родственныхъ названій, встрѣчающееся въ первое время исторіи славянской, не можетъ не служить доказательствомъ прочности и широты родственныхъ узъ въ ту пору.

Постараемся разсмотрѣть и термины взаимнаго родства между членами двухъ родовъ, употреблявшіеся въ старину у Славянъ, отчасти слышимые и теперь, и, по возможности, уяснить основную мысль, выражавшуюся въ нихъ.

Соединеніе двухъ родовъ, какъ сказано, совершалось введеніемъ дѣвицы, въ такомъ случаѣ уже невѣсты, въ родъ жениха. Условіемъ ввода былъ бракъ, въ слѣдствіе котораго невѣста и женихъ становились мужемъ и женою. Первый относительно родителей жены своей становился зятемъ, послѣдняя, по отношенію къ отцу и матери своего мужа, дѣлалась снохою. Вотъ самыя начальныя новыя отношенія. Но идея этихъ отношеній въ приведенныхъ славянскихъ словахъ совершенно затемнилась, и для разъясненія ея предстоитъ такая же потребность обратиться къ сплеменнымъ языкамъ, какая была побужденіемъ предыдущихъ сравненій и сближеній.

Родственные языки далеко не всѣ предлагаютъ выраженія, которыя бы соотвѣтствовали славянскому зять и по происхожденію, и по значенію. Ближе всего стоятъ къ нему скр. ǵâmâtṛ, латин. gener, литов. žentas и, быть можетъ, греч. γάμβρος. Звуковое сходство особенно поразительно въ литовскомъ выраженіи, гдѣ все различіе заключается лишь въ темѣ склоненія: здѣсь оно есть a, въ славянскомъ же первоначально і, согласно съ звуковыми особенностями обратившееся въ ь. Я не говорю о литовскомъ слогѣ ėn, сохранившемся вполнѣ въ

старославянскомъ правописаніи съ носовымъ знакомъ зать (-зенть, польск zięć). Что же касается до звуковъ ж и з., то ихъ родство и взаимная мѣна даже въ одномъ языкѣ, даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ разныхъ говорахъ, слишкомъ извѣстны, чтобы не дѣлать препятствія къ отожествленію литов. žentas съ слав. зять. Но близость литовскаго названія не объясняетъ ни мало, въ настоящемъ случаѣ, значенія славянскаго: и оно на столько же отдѣлилось отъ коренной формы, что само нуждается въ пособіи другихъ языковъ. Останавливаясь на начальныхъ коренныхъ слогахъ санскритскаго и латинскаго выраженій, не трудно отмѣтить, что въ основаніи ихъ лежитъ сочетаніе ga, gan, такъ какъ скр. звукъ ǵ (-дж) развился изъ первобытнаго g, которое уцѣлѣло въ латинскомъ. Къ этому сочетанію подводятся естественнымъ путемъ и слова славянское и литовское. Звуки ж и з, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, не коренные и принадлежатъ сравнительно позднѣйшей исторіи языка литво-славянскаго. При внимательномъ сравненіи послѣдняго съ языками древнѣйшаго вида, оказывается, что они замѣняютъ коренные ĝ (-g) и г. Въ настоящемъ случаѣ находимъ мы ĝ въ латинскомъ и, съ обычнымъ измѣненіемъ въ ǵ, въ санскритскомъ. Въ слѣдствіе этого, и въ другихъ словахъ славяно-литовскіе звуки ж—з являются соотвѣтствующими скр. ǵ, латино-греческому g, какъ ǵna, вм. gna, греч, γνω, въ γνῶσις γνώσκω, латин. gna, gno, въ gnarus, cognosco,—въ литовскомъ žinnau, žinnė, въ славянскомъ знаю, знаніе (1). Соображая такое относительное свойство языка литво-славянскаго, едва-ли мы въ правѣ сомнѣваться въ одинаковомъ происхожденіи словъ зать и žentas съ скр. ǵa, въ ǵâmâtṛ, и съ латин. ge, въ gener, и въ нихъ, какъ въ болѣе сберегшихъ коренный смыслъ, не искать объясненія.

Первая составная часть санскритскаго существительнаго ǵâmâtṛ, очевидно, указываетъ на корень ǵan, образовавшійся изъ gan (сохранившаго первобытный звукъ въ греческомъ языкѣ въ формахъ: γένος, γεννάω, въ латинскомъ — въ словѣ gen-us), въ значеніи рождать, производить. Въ этомъ отношеніи разногласія нѣтъ; совсѣмъ другое относительно второй половины слова: рѣдкій языкоизслѣдователь не предлагаетъ особаго объясненія, изъ которыхъ не одно приходится считать за личную

догадку, а иногда и произвольное предположеніе. Такъ Бопп разлагаетъ его на ǵâ, вм. ǵâja, женщина, жена, и mâtṛ, мать: qui uxoris matrem tanquam matrem suam habet (2). При такомъ толкованіи пришлось бы допустить слишкомъ сложную идею въ двусложномъ словѣ, а потому въ предположеніи и не трудно подмѣтить произволъ. Лассенъ сравниваетъ ǵâmâtṛ съ jâmatṛ, отъ jam (обуздывать, укрощать, соединять), откуда сложный глаголъ upajam, взять въ замужество (uxorem accipere, in matrimonium ducere) (3). На это сближеніе ǵâmâtṛ съ jam, upajam указывалъ въ свое время и Поттъ (4), но тутъ же не скрылъ и сомнѣнія, не найдши въ греко-латинскомъ языкѣ подобнаго перехода j въ g, какъ въ санскритѣ j въ ǵ, и хотя въ соотвѣтствіе санскр. upajam представилъ гречес. δαμᾶν, первоначально укрощать, потомъ жениться, при всемъ томъ для gâmâtṛ счелъ болѣе основательнымъ подставить корень ǵan. Несмотря на сравненіе съ jâmâtò, и Лассенъ держится того же корня ǵan, отъ чего и ǵâmâtṛ, по его послѣднему толкованію, есть der erzeuger von Kindern, имѣетъ, слѣдовательно, значеніе одинаковое съ выраженіемъ для отца: pitṛ, pater, батя. По мнѣнію Пиктэ (5), словообразованіе существительнаго gâmâtṛ представляется, напротивъ, вполнѣ яснымъ (parfaitement claire); и дѣйствительно, разложеніе имъ даннаго слова на ǵa, въ смыслѣ поколѣніе, потомство, что̀ видно въ словахъ gâvat, имѣющій потомство, и ǵâspati, отецъ семейства, и mâtar, въ муж. родѣ, въ значеніи производитель, отъ mâ, производить, рождать, не только имѣетъ за себя всю силу вѣроятности по отношенію къ понятію, но едвали способно вызвать и какое-либо рѣшительное препятствіе съ внѣшней звуковой стороны. Въ такомъ случаѣ ǵâmâtṛ, зять, означалъ бы того, кто производитъ, распространяетъ родъ, потомство. Подобное значеніе находитъ и фактическое оправданіе въ языкѣ карибскомъ, указанномъ тѣмъ же Пиктэ, гдѣ зять, hibàli muku, собственно значитъ — производящій внуковъ, разумѣется, относительно родителей мужа и жены.

Но ни слав. зать, ни литов. zĕntas не предлагаетъ ни малѣйшаго слѣда второй составной части въ санскритскомъ языкѣ (mâtar), слѣдовательно, переносить къ нимъ цѣликомъ и значеніе послѣдняго было бы не совсѣмъ основательно. Санскритъ,

въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть только руководителемъ, пособіемъ; болѣе точное значеніе приходится искать въ самомъ славянскомъ и литовскомъ. Его, полагаемъ, отыскать и не трудно, если примемъ въ соображеніе извѣстный уже корень и взглянемъ внимательнѣе на приставку. Послѣдняя въ языкѣ славянскомъ есть ть, образовавшееся изъ первоначальнаго ти (-ti), на что указываетъ и особенность склоненія слова зать въ старо-славянскомъ нарѣчіи, объясняемая единственно основною темою на и (-i). Сопоставляя существительное зать съ однородными по формѣ словами: тать, гость, тьсгь и др., склоняющимися точно также по темѣ на и (-i), съ увѣренностію можемъ заключать, что приставка ть (-ti) служила и въ славянскомъ языкѣ для обозначенія лицъ муж. рода, подобно санскритской ti, въ pati, господинъ, латинской также ti, въ hosti, греческой τι въ πότι и т. д. Что же касается до литовскаго окончанія ta, то, принадлежа причастію прошедшаго страдательнаго, она не рѣдко черезъ него переходитъ къ существительнымъ, съ означеніемъ также лицъ муж. рода, какъ и славян. ть (6). Сопоставляя съ такою приставкою корень ǵan-gan (слав. за, литов. žen), смѣемъ думать, не уклонимся отъ истины, предположивъ въ словахъ зать, zĕntas основное значеніе раждающаго, производящаго. Въ сущности, идея эта ни мало не отличается отъ той, какая заключена въ скр. ǵâmâtṛ, только послѣднее выражаетъ ее съ большею распространенностью. Эта же идея, какъ видѣли выше, принадлежитъ всецѣло и нѣкоторымъ выраженіямъ для родителей, отца и матери, а слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, ежели въ какомъ либо другомъ родственномъ языкѣ встрѣтимъ мы выраженіе, вполнѣ соотвѣтствующее по формѣ славянскому зать и употребляющееся съ значеніемъ отца. За такое выраженіе и позволяемъ себѣ считать скр. ǵati, отецъ, съ обычною утратою носоваго n передъ нѣкоторыми звуками, въ томъ числѣ и передъ t (7).

Славянское названіе сноха хотя и затеряло также первоначальную идею, изъ которой образовалось, тѣмъ не менѣе въ внѣшнемъ составѣ своемъ удержало прочнѣе образовательный корень, а потому представляетъ и меньше затрудненій для объясненія, при пособіи родственныхъ языковъ. Ближайшимъ къ нему по звукамъ

стоитъ санскритское snusă, вм. sunusă, изъ существит. sunus, сынъ. Приставку să позволяемъ мы разсматривать за равносильное и родственное окончаніе родит. падежа въ санскритѣ — sja, и какъ существительное manusă, человѣкъ, указываетъ на род. падежъ manusja, отъ manu, собственно принадлежащій Ману, происходящій отъ Ману, такъ и слово snusă выражало бы прежде всего то, что принадлежитъ сыну.

Взаимная мѣна въ санскритѣ звуковъ s и š на столько обыкновенна, родство ихъ такъ очевидно, проявляясь и въ словообразованіи и во флексіяхъ (8), что, думаемъ, едва ли въ окончаніяхъ să и sja не справедливо будетъ видѣть и генетическую связь. Правда, перенося эту связь къ слову snusă, не можемъ не замѣтить, что въ историческую пору санскритскаго языка родительный падежъ отъ темы на u (-у) сблизился съ формою ablativi на ôs, и въ мужскомъ и женскомъ родахъ, но употребленіе нѣкогда общаго окончанія sja и при темѣ u, въ родительномъ падежѣ, удерживалось долго въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ въ amušja отъ мѣстоименнаго слова amu, тотъ, сей, и при томъ съ измѣненіемъ зубнаго s въ язычное š (9). Родственные другъ съ другомъ въ санскритѣ, звуки s и š одинаково замѣняются и въ славянскомъ языкѣ, именно посредствомъ с и х. Первый способъ замѣны, въ окончаніи словъ, по преимуществу сохранился въ древнѣйшихъ формахъ нарѣчія старо-славянскаго; послѣдній сдѣлался господствующимъ сравнительно въ позднюю пору, и въ этомъ отношеніи языкъ славянскій совпалъ съ Зендомъ, замѣняющимъ упомянутые звуки посредствомъ гортаннаго h. На основаніи этого, вмѣсто šu или su санскритскаго языка, нарѣчія славянскія удержали окончаніе хъ для мѣстнаго падежа множественнаго числа, а въ силу смѣшенія съ нимъ родительнаго множественнаго, и для послѣдняго; потому же самому, санскритское окончаніе аориста sam перешло въ славянскомъ въ хъ, хотя непосредственно соотвѣтственное санскриту славянское съ не погибло безслѣдно и въ томъ и другомъ случаяхъ (10).

Языки греческій и латинскій, какъ замѣтно, весьма рано забыли основное значеніе въ словѣ сноха, сколько можно судить по искаженному его виду, съ потерею существеннаго звука s передъ n: νυός, nurus, вм. nusus (11). Прочнѣе сохранилось оно

въ древне-нѣмецкомъ языкѣ, который своими формами: snur, snura служитъ какъ бы посредникомъ между санскрито-славянской и греко-латинской формами. Нынѣшній нѣмецкій языкъ замѣняетъ выраженіе snura описательнымъ schwiegertochter. Такое явленіе естественнѣе всего обусловливается забвеніемъ древнихъ свойствъ языка; въ силу этого забвенія, исчезло и сознаніе о коренномъ родствѣ сына и снохи (sunu и snura), столь яснымъ въ пору нераздѣльной жизни сплеменныхъ народовъ, когда ихъ языкъ слѣдовалъ общему закону, и мало по малу затемнившемся, со времени ихъ раздѣленія, когда языкъ каждаго изъ нихъ, въ силу различныхъ вліяній, сталъ вырабатывать свои спеціальныя особенности, и въ звукакъ и въ этимологическихъ формахъ. Вслѣдствіе сего, изъ первобытнаго sunu образовались формы: sun, son, sohn, все меньше и меньше казавшіяся родственными съ snura. Отсюда, стремленіе осмыслить выраженіе, сознаніе о происхожденіи котораго, а вмѣстѣ и объ основномъ его значеніи, уже исчезло: отсюда и schwiegertochter, вмѣсто snura. Стремленіе къ подобному же осмысленію становится замѣтнымъ и между нарѣчіями славянскими, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ отъ языка нѣмецкаго, что въ нихъ употреблено не описательное выраженіе, а тоже коренное слово только въ томъ видѣ, какой получило оно въ языкѣ славянскомъ въ отдѣльномъ употребленіи: изъ основнаго sunu въ славян. языкѣ явилась форма сынъ, откуда и вмѣсто снoха, въ нарѣчіи хорутанскомъ, образовалось sinaha (-сынаха), въ польскомъ synowa. Какъ первое, такъ особенно послѣднее довольно наглядно свидѣтельствуетъ о значеніи древняго термина—снoха, представляя какъ бы переводъ его на новѣйшій языкъ, согласно съ требованіями позднѣйшей системы звуковъ и формъ. Окончаніе ова, подобно мужескому овъ, находящееся въ словѣ synowa, выражаетъ тоже свойство принадлежности, какое присуще санскритскому ša (близкому къ sja) въ snusă ([12]). И такъ, основное значеніе термина зять есть раждающій, производящій (поколѣніе, потомство); снoха — принадлежащая сыну, жена сына, сынова ([13]).

Родители перваго, относительно снохи, получили въ славян-

скомъ языкѣ названія свекра и свекрови, родители сохи, по отношенію къ зятю, — тестя и тещи.

Выраженія свекоръ и свекровь, какъ общія всѣмъ кореннымъ языкамъ индоевропейской отрасли, тѣмъ меньше способны затруднять въ объясненіи, чѣмъ съ большею послѣдовательностью можно слѣдить за постепеннымъ видоизмѣненіемъ ихъ формы и чѣмъ прочнѣе выдерживаются въ каждомъ изъ языковъ свойственные имъ и значительно уже уясненные законы фонетики. Приведенныя славянскія выраженія принадлежатъ именно къ разряду такихъ словъ. Въ языкахъ сплемешныхъ представляются они въ такомъ видѣ: скр. çvaçura (свекоръ), çvaçrû (свекровь), греч. ἑκύρος, ἑκυρά, лат. socer, socrus, готск. svaihra (изъ svaihran), svaihrô, древне-нѣмец. suehur, suigar, литов. szeszuras. Санскритское çvaçura съ большею наглядностью указываетъ на сложность своего образованія: первая составная часть его, очевидно, есть çva, вторая — çura. Если послѣднее не возбуждаетъ сомнѣнія, то çva можетъ объясниться только предположеніемъ, правдоподобіе и вѣроятность котораго обусловливаются лишь сравненіемъ съ формами въ остальныхъ языкахъ родственныхъ. Дѣйствительно, не смотря на небный звукъ ç, развившійся въ санскритѣ изъ первобытнаго k, форма слова çva, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ позднѣйшей формаціи, вмѣсто древнѣйшей sva. Надежнѣйшимъ ручательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ именно другіе родственные языки, въ томъ числѣ и славянскій. Небное ç санскрита соотвѣтствуетъ въ греко-латинскомъ языкѣ обыкновенно звуку k, какъ это видно и изъ второй половины даннаго слова (çvaçura — ἑκυρ — socer); между тѣмъ въ обѣихъ этихъ языкахъ, въ первой половинѣ слова, находимъ: въ греч. ἑ, равное se, при чемъ v могло быть опущено на общемъ основаніи не любви древнихъ Грековъ къ этому придыхательному звуку (14); въ латинскомъ so, вѣроятнѣе всего, вмѣсто suo или svo, что имѣли случай замѣтить и въ выраженіи soror, вполнѣ соотвѣтствующемъ скр. svasrû. На первоначальное sva вмѣсто çva указываетъ и готскій языкъ съ древне-нѣмецкимъ, а также и славянскій съ литовскимъ, изъ которыхъ послѣдній, одинаково съ греческимъ и латинскимъ, отбросилъ v, какъ поступилъ и славянскій языкъ въ словѣ сестра. Принимая,

такимъ образомъ, во вниманіе большинство языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые по письменности восходятъ къ глубокой древности, мы рѣшаемся признать вѣроятнѣйшимъ то объясненіе çvaçura, которое видитъ въ первой части этого слова притяжательное мѣстоимѣніе sva, свой.

Что касается второй половины, çura, то и въ несложномъ видѣ слово это было въ употребленіи у древнихъ Индѣйцевъ (çûra) прежде всего съ значеніемъ человѣка, мужа, отъ глагольнаго корня çur, быть сильнымъ, крѣпкимъ; потомъ человѣка храбраго, мужественнаго, героя, господина. Съ послѣднимъ значеніемъ живетъ оно и въ языкѣ греческомъ, гдѣ санскритскому ç обыкновенно соотвѣтствуетъ k, которое и видимъ въ κύριος, господинъ, повелитель. Латинскій языкъ, на ряду съ греческимъ, не измѣнившій гортаннаго кореннаго, удержалъ это слово въ сложномъ socer (=soker); тоже встрѣчаемъ и въ древне германскомъ, въ которомъ также обычно скр. небному ç соотвѣтствуетъ придыхательный гортанный h, что и есть въ svaihra, suehur. Языкъ славянскій обнаруживаетъ въ отношеніи этого звука знаменательную для исторіи народа въ дописьменную пору непослѣдовательность: въ немъ находимъ въ соотвѣтствіе скр. ç звуки с, к, щ; иногда одно и тоже коренное слово предлагаетъ два звука, дѣлая, такимъ образомъ, невозможнымъ опредѣленіе родства ихъ безъ пособія сравнительнаго метода (15). Такъ и слово çûra извѣстно въ простонародномъ языкѣ русскомъ въ формѣ суръ, съ значеніемъ храбреца, молодца; въ формѣ щуръ, нами уже разсмотрѣнной, наконецъ, въ формѣ куръ (-стар. слав. къръ), равной греческому κυρ, въ κύριος, латин. ker, въ socer, какъ видно въ сложномъ свекръ (=свекъръ). Отсюда, коренное значеніе этого термина есть — свой господинъ, какимъ естественно долженъ былъ стать отецъ мужа для молодой жены, покинувшей свой родъ и вступившей въ чужой, сдѣлавшійся ей теперь своимъ (16). Послѣ этого не требуетъ особаго поясненія и значеніе свекрови: оно тоже самое лишь съ примѣненіемъ къ женѣ свекра, матери мужа (17).

Рѣшаемся думать, что слово çura, съ первобытнымъ гортаннымъ к, уцѣлѣло въ славянскомъ языкѣ не въ одномъ сложномъ свекоръ. По крайней мѣрѣ, попадающееся въ переводахъ

церковныхъ сочиненій слово коуригъ, соотвѣтствующее греческому νυμφαγωγός, слѣдовательно, равносильное нынѣшнимъ выраженіямъ: сватъ, дружка, по мнѣнію нашему, не можетъ имѣть другаго происхожденія, какъ отъ того же çura, греч. κυρ (ος). Примѣнимость коренного смысла къ данному значенію коурига, думаемъ, не можетъ встрѣтить затрудненія. Гораздо отдаленнѣе уже отъ этого смысла другое слово, распространенное у всѣхъ Славянъ и которое кажется намъ происходящимъ отъ того же корня: это коуръва, въ значеніи непотребной женщины. Быть можетъ, это значеніе и отсутствіе, на первый взглядъ, посредствующихъ терминовъ и было причиной того, что въ существующихъ объясненіяхъ этого слова, мы не видимъ доселѣ никакой опредѣленности и положительности; встрѣчаемъ, напротивъ, до такой степени произвольныя догадки, не рѣдко противорѣчащія законамъ словообразованія и звуковой системы, что допустить ихъ несравненно труднѣе, нежели предположить даже непосредственный скачокъ въ значеніи отъ çura къ коуръвѣ. Казалось бы, близкое отношеніе славянскаго выраженія къ германскимъ формамъ: hors, готск. huora, древне верх. нѣмецкое, huor, hôrr, huore, средне верх. нѣмец., наконецъ, нынѣшнее нѣмецкое hure, съ тѣмъ же значеніемъ, что и коуръва, могло естественно побудить изслѣдователей къ опредѣленію общаго происхожденія ихъ, съ одной стороны; съ другой, столь очевидною близостью, доходящею до тожества германскихъ формъ съ окончаніями въ suehur. svaihra, указать на очевидную родственность тѣхъ и другихъ,—и тѣмъ не менѣе, самые нѣмецкіе филологи считаютъ удобнѣйшимъ обратиться лучше къ самымъ туманнымъ и гадательнымъ объясненіямъ и сближеніямъ, нежели взглянуть внимательнѣе и въ этомъ случаѣ на корень çur (-kur), въ тожествѣ котораго съ hur и hrô въ окончаніи сложныхъ словъ (suehur и svaihrô) почти никто изъ нихъ не сомнѣвается ([18]). Причина ясна: отдаленность значенія, доходящаго до противоположности. Между тѣмъ современный смыслъ далеко не можетъ служить порукою того же значенія и въ глубокой древности; напротивъ, каждый языкъ въ состояніи представить не одинъ десятокъ примѣровъ того, какъ древнѣйшій смыслъ даннаго слова переходитъ

въ обратный въ позднѣйшемъ употребленіи, отъ хорошаго къ дурному, и на оборотъ. Отъ нынѣшняго, напримѣръ, значенія польскаго выраженія kobieta, женщина, не легко также заключать къ значенію его, всецѣло соотвѣтствующему общеславянскому слову коуръва, тогда какъ въ произведеніяхъ литературы польской даже 17 столѣтія оно не сомнѣнно ([19]). Встрѣчая же въ новогреческомъ языкѣ существительное χυράνα или κοιράνα, въ значеніи хозяйка дома, госпожа ([20]), родство котораго съ κύριος, а слѣдовательно съ çura, конечно, не возбудитъ ни въ комъ недоразумѣнія, мы рѣшительно не видимъ ни съ какой стороны препятствія сопоставить съ нимъ славянское слово коуръва, а съ этимъ вмѣстѣ и не считать его родственнымъ по происхожденію съ коръ въ свекоръ, съ hur въ suehur, а черезъ это и съ старогерманскими huora, huor, huore, нынѣшнимъ hure. Въ основѣ всѣхъ, такимъ образомъ, приведенныхъ реченій лежитъ одинъ корень, kur, видоизмѣнившійся въ санскритѣ въ çur. Какъ бы, впрочемъ, ни было, по мнѣніе Миклошича о возможности заимствованія Славянами выраженія коуръва отъ нѣмцевъ, въ томъ случаѣ, если hure послѣднихъ родственно съ скр. gâra, свидѣтельствуетъ лишь о крайнемъ увлеченіи ([21]).

Говоря о терминахъ свекоръ и свекровь, вспомнимъ о формахъ чешской и малорусской, оправдывающихъ наше мнѣніе объ образованіи слова сноха и о родствѣ его съ скр. snusă. Свекровь по чешски svegrusĕ, гдѣ g вмѣсто k появилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ языка нѣмецкаго, употребляющаго съ незапамятныхъ временъ гортанные звучные, вмѣсто отзвучныхъ славянскихъ; конечное e, въ še, представляетъ перегласованіе коренаго a, въ силу позднѣйшаго свойства нарѣчія чешскаго замѣнять широкія гласныя узкими, послѣ смягченныхъ, какъ lud — lid, duša — duše и т. под. Так. образ., svegrusĕ вмѣсто старинной формы svekrusă. Кажется, несокнѣнно, что окончаніе здѣсь ša одного происхожденія и одного значенія съ скр. šă въ snusă, т. е. соотвѣтствуетъ sja съ означеніемъ принадлежности, въ настоящемъ случаѣ жены свекра. Но какъ скр. šă въ snusă въ славянскомъ вообще перешло въ ха, такъ и чешскому окончанію ša въ svekrusă находимъ соотвѣтствующее ха въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ господствующая форма, замѣняющая древ-

нее свекръ, есть свекруха. При такомъ взглядѣ на окончаніе ха, вмѣсто ша, уясняется и значеніе существительныхъ на ха въ названіи женъ по фамиліи мужей, распространенномъ по преимуществу въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ: смирниха, жена Смирнова, шепиха, жена Шепа, соколиха, жена Соколова, никитиха, жена Никитина; подобное же образованіе иногда приходится слышать изъ устъ Малороссіянъ и отъ фамилій на скій. Едва ли, послѣ этого, покажется лишеннымъ всякаго основанія и предположеніе наше о происхожденіи окончанія ха изъ ша и о соотвѣтствіи послѣдняго окончанію sja, служившему въ прадревнюю пору языка индоевропейскаго для опредѣленія принадлежности вообще, а при имени мужа, въ частности, жены его (22).

Сплеменные народы разобранныя названія, свекоръ и свекровь, относятъ въ одинаковой степени и къ родителямъ мужа и къ родителямъ жены; у Славянъ для обозначенія послѣднихъ искони существуютъ особые термины, хотя, какъ увидимъ, не исключенъ общій смыслъ и первыхъ. Эти особые термины суть тесть и теща. Уединенности ихъ, а черезъ это и затруднительности сравненія, слѣдуетъ приписать затемненность корня и неизвѣстность основнаго значенія. Тому же должна была содѣйствовать и замѣна этихъ названій другими словами среди самихъ Славянъ, какъ у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, употребляющихъ вмѣсто тесть существительное пунац, вмѣсто теща — пуница, равно не всегда и не всюду одинаковость значенія тестя и тещи, какъ родителей жены. Въ письменности церковно-славянской первое не однажды является въ смыслѣ зятя, переводя греческое γάμβρος, латин. gener, какъ въ пандектахъ Антіоха (23); послѣднее, теща, въ старыхъ памятникахъ польскаго языка замѣняетъ иногда сноху, употребляясь въ формѣ teyść. (24). Не удивительно поэтому, что нѣкоторые ученые славянскіе, принимая послѣднее значеніе разсматриваемыхъ выраженій за основное, сопоставили славянскія выраженія тьсть и теща съ еврейскимъ tachen, означающимъ зятя. Такъ поступилъ и Юнгманнъ, руководясь, очевидно, чешскими формами: tchan и tchyně (25). Формы эти, конечно, заслуживаютъ вниманія со стороны филолога, но едва ли простое созвучіе съ ними еврейскаго слова дастъ достаточное ручательство

даже въ вѣроятности родства, не только въ несомнѣнности его. Гораздо прочнѣе искать сближенія въ средѣ языковъ родственныхъ.

Сравнивая старославянскую форму тьсть съ только что указанною чешскою tchan, не трудно подмѣтить различіе лишь въ образовательномъ суффиксѣ, такъ какъ х чешское, очевидно, равносильно родственному с. Но эта замѣна показываетъ ясно, что с въ словѣ тьсть принадлежитъ корню, окончаніе же составляетъ ть, одинаковое и въ выраженіяхъ зать, гость, тать и др., и которое, какъ имѣли мы случай видѣть, употребляется Славянами и для обозначенія лицъ. Такимъ образомъ, корень слова есть тьс, гдѣ ь замѣняетъ какой либо одинъ изъ основныхъ гласныхъ звуковъ, именно а или і. Соображая разнообразный характеръ славянскаго звука с, соотвѣтствующаго, между прочимъ, санскритскому kš ([26]), нельзя не остановиться на глаголѣ takš, употребляющемся въ языкѣ Ведъ въ значеніи производить, приготовлять, работать, и составляющемъ желательную форму глагольнаго корня tak, въ смыслѣ поддерживать, переносить. Участіе этого глагола въ образованіи родственныхъ терминовъ очевидно изъ скр. выраженій takman, tôkman, tôka, съ означеніемъ дитя, потомство; еще болѣе изъ зендскаго taokhma, въ смыслѣ сѣмя, поколѣніе, перешедшаго въ персидскомъ въ формы tuchm, tuchum, столь близкія къ чешской tchan (=tъchan). Этотъ же глаголъ въ старо-прусскомъ языкѣ звучалъ tikint, дѣлать, откуда существительное teikusna, твореніе ([27]); въ греческомъ — τέκτω изъ τέκω, рождать, производить, откуда, наравнѣ съ санскритомъ, греческое τέκος, τόκος, τέκνον, дитя. Въ языкѣ славянскомъ отъ первообразной формы tak, кажется, нѣтъ глагола; за то отъ желательной takš явилось тесать, подобно литовскому taszan, съ тѣмъ же значеніемъ. Рѣшаемся думать, что слово тесть идетъ непосредственно отъ первообразнаго tak, хотя по формѣ и нѣтъ препятствія сопоставлять его съ takš; но въ этомъ отношеніи едва ли бы соотвѣтствовало ему значеніе глагола тесать, получившее, конечно, отъ отдаленнѣйшей древности свой техническій, спеціальный смыслъ, такъ какъ въ этомъ только смыслѣ извѣстенъ глаголъ этотъ во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Но изъ tak не могло ни-

какимъ образомъ явиться въ славянскомъ тьс (=тсс); звукъ k санскритскаго языка прежде всего соотвѣтствуетъ славянскимъ гортаннымъ, и уже посредствомъ ихъ, въ силу чисто славянской фонетки, свистящимъ и шипящимъ. Что и тутъ, дѣйствительно, первоначально слѣдуетъ предполагать звукъ гортанный, наглядным и убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ упомянутая форма чешская, teh-an, непосредственно сближающаяся съ скр. глаголомъ tak: согласно съ правописаніемъ старо-славянскимъ, она должна была звучать нѣкогда тъх-анъ, съ глухимъ гласнымъ середи корня. При посредствѣ этой уже формы образовалась и господствующая въ славянскихъ нарѣчіяхъ тьсть, гдѣ переходу х въ с способствовалъ новый суффиксъ ть (=ti), а это, въ свою очередь, потребовало измѣненія широкаго ъ въ узкое ь.

Значеніе, смѣемъ думать, не только не противорѣчитъ нашему производству, а скорѣе поддерживаетъ и подкрѣпляетъ его. Въ названіяхъ отца и матери, какъ сказано выше, господствующая идея есть рожденіе, покровительство; эта же идея лежитъ и въ основаніи глагольнаго корня tak, — а тесть съ тещей суть родители жены. Ежели припомнимъ при этомъ, что и въ названіи зять заключено тоже самое основное понятіе, то не удивимся, встрѣтивши кое-гдѣ изрѣдка терминъ тьсть замѣняющимъ выраженіе зать; съ этимъ вмѣстѣ и теща могла заступить мѣсто снохи, т. е. жены сына: двѣ отдѣльныхъ семьи соединяются въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, мужчины и дѣвицы, которые завязываютъ собою узелъ новой семьи, новаго рода, имѣющаго стать въ одинаковыя отношія къ той и другой. Но если въ славянскомъ языкѣ форма тьсть способствовала дѣйствительному значенію, то санскритское окончаніе man потребовало страдательнаго, будучи само въ связи съ страдательнымъ причастнымъ окончаніемъ ([28]); отсюда takman значитъ собственно рожденное, дитя. Согласно съ санскритомъ пошелъ и греческій языкъ, образовавшій τέκνον, также въ значеніи чадо, дитя ([29]). На примѣненіе идеи рожденія къ дѣтямъ мы указали выше, при разборѣ выраженій сынъ и чадо.

Образованіе женской формы теща (= старославян. тьшта) отъ тесть (=ст.-слав. тьсть) объясняется вполнѣ естественно требованіемъ славянскаго словообразованія и звукосочетанія. Су-

ществительное тьсть принадлежитъ къ числу немногихъ словъ, сохранившихъ въ формахъ склоненія родственность съ склоненіемъ древнихъ языковъ на тематичное и (=i), подобно словамъ: нжть, зать, гость и др.; въ немъ, какъ и въ послѣднихъ, конечное ь замѣняетъ основное и, такъ что первоначальный видъ слова тьсть долженъ быть тьсти. Въ слѣдствіе приставки роднаго суффикса а для образованія женскаго рода, конечное и превращается въ j и своимъ вліяніемъ, по общему въ славянскомъ языкѣ закону, превращаетъ или смягчаетъ ст въ шт или щ, сливаясь съ ними въ одинъ звукъ. Отсюда тьстја = тьшта или русская форма теща. Попадающуюся форму въ древне-русскихъ памятникахъ: цтя или цьтя, вмѣсто тьстя, какъ въ слѣдующемъ выраженіи: «братъ наистарѣйшій, Романъ, умастъ волости у наю, слушая цтя своего, Святослава» ([31]), — объяснить весьма легко, какъ составившуюся отъ сліянія двухъ звуковъ тс, равносильныхъ звуку ц.

Какъ очевидно, Славяне воспользовались и въ этихъ терминахъ родства общимъ корнемъ индоевропейскимъ, но пошли своимъ особымъ путемъ въ примѣненіи ихъ къ степени родства. Выраженія тесть и теща въ томъ смыслѣ, въ какомъ преимущественно употребительны они у Славянъ, принадлежатъ исключительно имъ; для обозначенія родителей жены, по отношенію къ ея мужу, другіе сплеменные народы пользуются тѣми же названіями, какія пріурочены родителямъ мужа по отношенію къ его женѣ, т. е. свекоръ и свекровь. Это находимъ мы въ санскритѣ, латинскомъ, древнемъ и новомъ германскомъ. Безъ сомнѣнія, подобной самостоятельности и особенности данныхъ терминовъ, указывающимъ на сравнительную ихъ новость въ языкѣ, слѣдуетъ приписать и ту неопредѣленность, не устойчивость въ ихъ употребленіи, какая бросается въ глаза наблюдателя надъ совокупностью нарѣчій славянскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, только сравнительною новостью появленія этихъ названій съ господствующимъ значеніемъ и можно объяснить замѣну ихъ кое-гдѣ, какъ напр., у Хорутанъ, свекромъ и свекровью: не есть ли это остатокъ памяти о нѣкогда всеобщемъ употребленіи ихъ, на равнѣ съ Индійцами, Римлянами и Германцами? Въ свою очередь, не о томъ же ли говоритъ и смѣшанность понятій въ выраженіяхъ тесть и

тещa, когда примѣняются они и къ зятю съ снохою? Едва ли не этой шаткости должно приписать и распространенность во всемъ юго-славянствѣ, у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, особыхъ терминовъ для тѣхъ же понятій. Извѣстно, что у поименованныхъ только что народовъ славянскихъ гораздо въ большемъ ходу названія пунац и пуница, вмѣсто тесть и тещa.

Было бы не безполезно и не неважно опредѣлить происхожденіе указанныхъ юго-славянскихъ выраженій, чтобы видѣть, на сколько сродна или отдалена идея, въ нихъ заключенная, отъ разъясненной идеи въ соотвѣтствующихъ имъ словахъ тесть и тещa. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи рѣшить этого вопроса положительно, и только путемъ отрицанія существующаго толкованія, быть можетъ, пособимъ окончательному рѣшенію. Толкованіе словъ пунац и пуница принадлежитъ въ послѣднее время г. Гильфердингу. Въ своемъ сочиненіи «о сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», онъ сближаетъ пуница съ скр. глаголъ van, любить, откуда vanitâ, женщина. Конечно, значеніе послѣдняго выраженія, какъ оно ни обще, не противорѣчитъ понятію о тещѣ; но уважаемый авторъ должно быть опустилъ изъ виду мужескій родъ, пунац, къ которому vanitâ не имѣетъ уже никакого отношенія. Независимо отъ этого, мы не можемъ не замѣтить, что въ подобномъ сближеніи играетъ роль больше кажущееся созвучіе, съ предположеніемъ при томъ равенства санскритскаго v славянскому п, нежели историческій взглядъ на звуковое развитіе сербо-хорватскаго нарѣчія. Даже допущеніе дѣйствительнаго равенства скр. v славянскому п ни мало не устраняетъ и не ослабляетъ подрывающаго подобное сближеніе вопроса: почему и какимъ путемъ скр. an замѣнилось посредствомъ ун въ сербскомъ нарѣчіи? Такая замѣна не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Между тѣмъ, гласный звукъ у, въ пунац, пуница, прежде всего долженъ остановить вниманіе, какъ скоро то или иное явленіе языка касается исключительно Сербовъ и Хорватовъ. И у тѣхъ и у другихъ звукъ у, кромѣ общаго происхожденія и значенія во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, представляетъ и свою спеціальную особенность, развившись изъ древнѣйшаго лъ, какъ: пук, вук, вм. плъкъ, влъкъ. Предположить въ настоящемъ случаѣ именно такое происхожденіе звука у въ дан-

ныхъ терминахъ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ неизвѣстнѣе послѣдніе другимъ Славянамъ. Предположеніе это получитъ несомнѣнность, когда примемъ въ соображеніе посредствующую форму, уцѣлѣвшую въ хорутанскомъ нарѣчіи, въ которомъ нерѣдко старо-слав. лъ, согласно съ русскимъ языкомъ, обращается въ ол; существительное же polnica, въ значеніи тещa, попадается въ переводѣ Новаго Завѣта Трубера и указываетъ на плънъ = серб. хорватск. пун. ([32]). Такимъ образомъ, уже не пунац или пуница приходится сравнивать съ скр. van и vanitâ, а плънац или плъница; но противъ такого сравненія, надѣемся, возстанетъ не послѣ другихъ и самъ г. Гильфердингъ ([33]).

Новыя отношенія между двумя родами не ограничились новыми названіями только для главныхъ лицъ, родоначальниковъ, для родителей мужа и жены. Патріархальность быта не разлучна съ силою и живостью родственнаго чувства, а потому не могла не вызвать болѣе широкаго и точнаго опредѣленія и дальнѣйшихъ отношеній между родственниками соединенныхъ чужихъ родовъ. Братъ мужа не могъ въ такой же силѣ быть братомъ и для жены, подъ вліяніемъ этого быта; уравненіе замѣчается лишь въ позднѣйшей жизни народа, напр. русскаго, часто уже не отличающаго вовсе брата отъ деверя: родственныя отношенія, входившія въ составъ существенныхъ условій древнѣйшаго быта народнаго, всецѣло его проникавшія, необходимо вызывали и строгое отличіе разнообразныхъ степеней, что, въ свою очередь, неизбѣжно отражалось и на языкѣ. Отсюда, какъ для брата и сестры мужа, такъ и на оборотъ, для брата и сестры жены, какъ скорю роды вступили въ связь посредствомъ брака ихъ членовъ, образовались и особыя выраженія, въ первомъ случаѣ деверь и золовка, во второмъ — шуринъ и своякиня. Три первыхъ названія родились на почвѣ обще индо-европейской, и донынѣ, съ свойственными каждому отдѣльному языку видоизмѣненіями, распространены по всѣмъ составнымъ частямъ нѣкогда не раздѣльнаго племени.

Существительное деверь находитъ себѣ соотвѣтствующія выраженія, и по формѣ и по значенію, во всѣхъ коренныхъ языкахъ родственныхъ; такъ: скр. dêvar или dêvi, греч. δαήρ (= δᾱερ δᾱ-ερ), латин. levir, съ обращеніемъ d въ l ([34]), литов.

dĕweris, англо-саксон. tacur, tacor, древ. герм. zeihhur([35]). Не смотря, однакоже, на распространенность этого слова и на исключительное его значеніе брата мужа въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ, коренное его происхожденіе, а съ этимъ и основная идея до такой степени затемнены, что нѣкоторые изъ филологовъ признали лишнимъ даже и пускаться въ его объясненіе([36]). Но для правильнаго взгляда на происхожденіе слова не неважно и то понятіе о лицѣ, имъ обозначаемомъ, какое высказывается въ жизни народной; во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать этого условія хотя бы и въ качествѣ пособія. Посмотримъ, какую роль придаетъ деверю славянскій народъ.

Съ большею или меньшею распространенностью, выраженіе деверь знакомо всѣмъ Славянамъ до настоящаго времени: болгар., серб., хорват., хорутан. девер, чешск. dever, польск. dziewierz. Далеко однакоже не всюду замѣчаемъ одинаковое значеніе. У однихъ Славянъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, деверемъ называется и братъ жены, вмѣсто русскаго шурина; у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, деверь вообще тотъ, кто приводитъ къ алтарю жениха и невѣсту, слѣдовательно, равнозначущъ русскому дружкѣ. У Сербовъ, кромѣ того, означаетъ друга и секунданта, какъ въ слѣдующей пѣсни:

па ђевери од ны одступише,
и они се ударат стадоше.

Такое разнообразіе въ значеніи уяснится само собою, ежели мы вглядимся внимательнѣе въ обрядъ браковъ у Славянъ, доселѣ удержавшихъ такъ много знаменательныхъ обычаевъ, способныхъ поднять насъ къ глубочайшей старинѣ и тѣмъ облегчить уразумѣніе первоначальнаго смысла самыхъ выраженій. Дружкомъ и по сіе время обыкновенно бываетъ жениховъ братъ, замѣняемый ближайшимъ его родственникомъ или лучшимъ другомъ въ томъ только случаѣ, когда брата не имѣется или почему либо онъ признается неспособнымъ. Обязанность дружка состоитъ въ главномъ распоряженіи всѣми сложными обычаями при свадьбѣ, особенно при разгульномъ свадебномъ угощеніи; онъ же съ мечемъ стоитъ и около двери спальни молодыхъ. Послѣдняя обязанность брата женихова была, между прочимъ, поводомъ произво-

дить и самое слово деверь отъ двери ([37]). Понятно, что при замѣнѣ брата кѣмъ-либо другимъ, и названіе деверя, принадлежащее первому, могло перенестись на послѣдняго; отсюда значеніе деверя у Сербовъ и Хорватовъ, кромѣ брата жениха, и вообще того, кто ведетъ молодыхъ къ алтарю, у Хорутанъ — der für die Braut bestimmte Hochzeitdirector. А такъ какъ замѣнить въ подобномъ случаѣ брата всего скорѣе могъ или другъ жениха, или братъ невѣсты, то слово деверь, какъ у тѣхъ же Сербовъ, стало обозначать и друга, и брата невѣсты — жены, какъ у Чеховъ. Согласно съ этимъ, употребляется и слово женскаго рода, образовавшееся у Славянъ чешскихъ и сербскихъ: deverynĕ или deveřinĕ первыхъ означаетъ сестру мужа и жены, деверуша послѣднихъ жену деверя и тоже, что у Нѣмцевъ kranzjungfrau ([38]). Впрочемъ, значеніе деверя у Чеховъ, равно и у Поляковъ, скорѣе можетъ говорить въ пользу забвенія ими первоначальнаго смысла слова и, въ силу этого, смѣшенія съ названіемъ шуринъ; на это очевидно указываетъ и постепенная потеря въ языкѣ ихъ самаго выраженія деверь, вмѣсто котораго, и у тѣхъ и у другихъ, столь же обычно употребляется нѣмецкое schvager, одинаково для брата мужа и для брата жены, слѣдовательно, вмѣсто славянскаго деверь и шуринъ. Принимая въ соображеніе древнѣйшіе языки, а также господствующее по сіе время значеніе деверя у Славянъ и исключительное обозначеніе имъ брата мужа, по отношенію къ женѣ, въ древнѣйшую пору, можемъ смѣло заключить, что это значеніе и есть первоначальное, основное; всѣ остальныя развились уже позднѣе, подъ вліяніемъ частныхъ условій каждаго поколѣнія славянскаго.

Всматриваясь въ должность деверя при свадьбахъ славянскихъ, при всей ея сложности и многосторонности, нельзя не отмѣтить господствующаго въ ней направленія — распространять и поддерживать веселье и разгулъ: деверь шутитъ, остритъ, заводитъ игры; ему принадлежитъ главный надзоръ за невѣстой, ухаживанье за нею; онъ же и главный ея руководитель ([39]). Подобный характеръ деверя въ состояніи дать по крайней мѣрѣ толчекъ искать въ смыслѣ самаго выраженія что либо указывающее на него ([40]). Максъ-Миллеръ, а за нимъ и Пиктэ не задумываются производить скр. dêvar отъ div, свѣтить, потомъ играть, шутить;

пособіемъ имъ при этомъ служитъ и скр. терминъ родства bhâma, означающій мужа сестры и происходящій отъ глагола bha съ значеніемъ, подобнымъ глаголу div. Идея веселости, радости не чужда родственныхъ терминовъ, какъ замѣтно и изъ скр. названія сестры мужа nandini, собственно радующая. Мы позволимъ себѣ только нѣсколько ограничить непосредственный корень существительнаго деверь, производя его не прямо отъ div, господствующее значеніе котораго весьма далеко, а отъ dêv, уже второобразнаго глагола, употребительнаго съ исключительнымъ смысломъ играть, шутить. Присоединимъ къ этому, что и самое слово dêva является не рѣдко съ значеніемъ дитяти, любящаго играть (41) Допуская такое толкованіе слова деверь, мы далеки отъ того, чтобы признавать наличный характеръ деверя въ обрядовыхъ обычаяхъ Славянъ за основаніе къ названію: это потребовало бы признанія подобныхъ обычаевъ въ нераздѣльной еще жизни народовъ арійскихъ, что было бы слишкомъ смѣло и крайне сомнительно; напротивъ, мы охотнѣе готовы предположить обратное явленіе, что нынѣшній обрядовый характеръ деверя развился, быть можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ первобытнаго и, безъ сомнѣнія, очень долго сознававшагося основнаго значенія. Быть можетъ, ранніе браки востока, ставившіе младшаго мужчину брата въ положеніе соучастника въ играхъ съ женою послѣдняго, были первымъ основаніемъ къ такому названію: нельзя безусловно отрицать и вліяніе на него переворота въ отношеніяхъ между двумя родами, прежде чуждыми, часто враждебными, дѣлавшимися посредствомъ брака отдѣльныхъ членовъ ихъ близкими, родственными, что согласовалось съ общею радостью, весельемъ (42). Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни казалась шаткою эта догадка, все же она имѣетъ больше за себя, нежели производство Диффенбаха (43), относящаго слово dêvar къ скр. глагольному корню ju, связывать, соединять. Ни со стороны внѣшней, звуковой, ни со стороны понятія нельзя оправдать такого производства безъ самыхъ насильственныхъ натяжекъ (44).

Названіе золовка, принадлежащее сестрѣ мужа, также всеобще распространено въ мірѣ славянскомъ, хотя въ позднѣйшую пору и замѣтно въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ вытѣсненіе его другими словами. Старо-славянская форма, вѣроятно, ближайшая къ

основному корню есть злъва; рядомъ съ нею стоитъ болгарская залва, за нею полногласная русская форма золовка, малорусская уменьшительная зовиця, сербо-хорватская заова, зава, хорутанская zava, zavična, zvična, словацкая zolvice, чешская zelva, zelvice, употребительная только въ простомъ народѣ, и то изрѣдка, замѣняясь чаще, подобно нарѣчію польскому, нѣмецкимъ словомъ szwagrowa. Замѣна эта есть явленіе довольно новое у Поляковъ; по крайней мѣрѣ, еще въ XVI столѣтіи образцовые писатели и поэты польскіе не чуждались славянскаго выраженія. Вѣроятно тоже самое было и у Чеховъ (45).

Основная идея существительнаго золовка могла бы, повидимому, весьма легко объясниться сопоставленіемъ съ несомнѣнно родственнымъ выраженіемъ греческимъ и латинскимъ γάλως и glos, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ; но и въ нихъ одинаково оказывается утраченнымъ коренное происхожденіе; они являются у самыхъ древнихъ писателей уже исключительно съ тѣсно ограниченнымъ смысломъ опредѣленнаго родства. И здѣсь, слѣдовательно, всего ближе было бы обратиться къ санскриту, который оказывалъ и намъ, въ настоящемъ трудѣ, свое пособіе, и который скорѣе могъ бы привести къ желаемой цѣли, владѣя письменностью отдаленнѣйшихъ временъ. Но и санскритъ, въ словѣ золовка, осторожными филологами признается неспособнымъ безъ натяжекъ, которыхъ мы постоянно стараемся избѣгать, помочь опредѣленію коренного смысла въ такой степени, чтобы не возбуждать подозрѣній и сомнѣній въ изслѣдователѣ. По крайней мѣрѣ существительное çjâla, съ которымъ еще въ 1836 году (46) сравнивалъ Поттъ γαλως, glos и золовка, извѣстно съ инымъ значеніемъ, съ значеніемъ брата жены, и стоитъ такъ уединенно, особнякомъ, что гораздо основательнѣе, полагаемъ, отказаться вовсе отъ прiисканія коренного смысла, чѣмъ допускать предположенія, неимѣющія никакой объективной опоры. Обратимъ вниманіе, что поттово сравненіе не выдерживаетъ критики и со стороны звуковой: сродство скр. ç съ греко-латинскимъ g и съ слав. з такъ необыкновенно, что можетъ оправдываться развѣ чрезъ мѣру свободнымъ и ненаучнымъ обращеніемъ со звуками. Невѣроятность родства γαλως, glosu золовка съ çjâla доказывается еще положительнѣе мнѣніемъ Максъ-Миллера, уяснив-

шаго, еще въ 1856 году, образованіе небнаго ç въ скр. словѣ çjâla изъ зубнаго s, которое ни въ какомъ уже случаѣ не могло преобразиться въ греческомъ и латинскомъ въ g. Съ этимъ, какъ замѣтно, вполнѣ соглашается и Курціусъ (47). Съ этой точки зрѣнія и мы гораздо охотнѣе послѣдовали бы за Пикте, поставившимъ славянское, греческое и латинское выраженія совершенно отдѣльно отъ çjâla и не домогавшимся подыскивать какой-либо корень санскритскій (48), еслибы славянскій терминъ своимъ образованіемъ и своимъ звуковымъ отношеніемъ къ родственнымъ языкамъ не давалъ законнаго права къ естественному сближенію. Быть можетъ, понятное и отчасти извинительное невниманіе къ спеціальнымъ условіямъ славянскаго словообразованія со стороны германскихъ филологовъ и было причиною того, что имъ не удалось изъ предѣловъ одного греко-латинскаго языка подойти къ болѣе прямому пути.

Старославянская форма злъва, лежащая въ основѣ всѣхъ остальныхъ формъ нарѣчій славянскихъ, указываетъ прежде всего на первообразное злъв, которое гласнымъ л въ корнѣ своемъ свидѣтельствуетъ о корнѣ въ санскритѣ также съ гласнымъ л, или, по ближайшему родству его съ r, которое весьма обыкновенно и замѣняется первымъ, съ гласнымъ r; въ остальныхъ языкахъ родственныхъ слѣдовало-бы ожидать звукъ l или r, предшествуемый однимъ изъ чистыхъ гласныхъ: a, o, e, и. Въ греческомъ, дѣйствительно, и находимъ γαλω (49). Что касается до начальнаго согласнаго въ корнѣ, то онъ долженъ соотвѣтствовать въ санскритѣ славянскому з и греческому γ, а такой звукъ можетъ быть только g или равносильный ему, изъ него развившійся, ǵ (дж). Но при этомъ невозможно оставить безъ вниманія сербохорватскую форму заова. Соображая звуковую систему этого нарѣчія, по отношенію къ нарѣчію старославянскому, мы съ полнымъ правомъ можемъ замѣнить его, по правописанію послѣдняго, посредствомъ зълва, изъ котораго только и могла образоваться форма заова, такъ какъ старо-славянскому злъва соотвѣтствовало бы въ нынѣшнемъ сербскомъ и хорватскомъ зува, по общему и неизмѣнному правилу обращать гласное л (=ст. слав. лъ) въ у, какъ: влъкъ-вук, плъкъ-пук и т. под. Но зълва требуетъ уже въ корнѣ непремѣнно чистаго гласнаго, послѣ начальной со-

гласной, а потому и предполагаемый въ соотношеніе къ славянской формѣ злъв санскритскій корень gr или gl долженъ принять иной видъ, съ гласнымъ между g и r или l. Этотъ гласный звукъ, во первыхъ, необходимо считать короткимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ изъ него не образовалось бы слабое ъ въ славянскомъ языкѣ; во вторыхъ, имъ можетъ быть только a или y, потому что лишь эти звуки соотвѣтствуютъ гласному ъ. Мы позволяемъ себѣ видѣть этотъ корень въ санскритскомъ словѣ gar, смѣняемомъ въ большинствѣ словъ на gur или даже gurv, съ значеніемъ: возносить, поднимать, высоко ставить. Отсюда, прилагат. guru, въ смыслѣ высокій, почтенный, достоуважаемый. Тожественность gar и gur очевидна и изъ упомянутаго прилагательнаго, которое въ сравнительной и превосходной степеняхъ является съ a: garijas, garišta. Это прилагательное (guru) въ женскомъ родѣ звучитъ gurvî. Слѣдуя обратному пути, подставляя вмѣсто санскритскихъ соотвѣтствующіе славянскіе звуки, получимъ зълва, такъ какъ долгое î въ окончаніяхъ женскаго рода замѣняется въ славянскомъ обыкновенно черезъ а (срав. ǵanî-жена). Что касается до отношенія упомянутаго прилагательнаго, къ понятіямъ родства, то необходимо обратить вниманіе: 1) на подобное-же значеніе, съ понятіемъ почтенія и уваженія, въ терминахъ свекоръ и свекровь, на образованіе atta, въ смыслѣ почтенный, отъ слова отецъ; 2) на употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ санскритской литературы выраженія guru въ качествѣ существительнаго и съ видимымъ примѣненіемъ къ родству, почему Бопъ для такихъ случаевъ и выразилъ его значеніе слѣдующимъ образомъ: guru, subst., magister et quaevis utriusque sexus persona propinquae cognationis causa imprimis veneranda; 3) не забудемъ и двойственнаго числа gurû, попадающагося въ значеніи: parentes (=родители) ([50]). Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, равенство звуковъ a и u (въ прилаг. guru), мы легко поймемъ и греч. α въ γάλως; соображая, съ другой, женскій родъ gurvî, убѣдимся, что в въ слав. злъва принадлежитъ корню; это в мы смѣло подразумѣваемъ и въ греч. выраженіи, въ которомъ оно должно предполагаться въ качествѣ дигаммы, въ косвенныхъ падежахъ: родит. γαλο-ος вм. γαλοϝος, и именительный гомерическій γαλεως, вм. γαλοϝως. Нарѣчіе старо-

славянское, очевидно, слѣдуя господствующему употребленію, установившемуся въ немъ относительно корней съ гласнымъ р̀— л̀, и въ настоящемъ случаѣ сотетаніе ар или ур превратило въ гласное л̀ (=р̀) [51] и такимъ образомъ составило форму злъва [52].

Относительно высказаннаго нѣкогда г. Аксаковымъ производства золовки отъ прилагательнаго золъ, злой замѣтимъ, что такое производство можетъ имѣть основаніе только въ случайномъ и ненормальномъ отношеніи родственницъ (жены брата и сестеръ мужа) въ современномъ быту народа, а не въ исторіи языка и даже не въ историческомъ развитіи самыхъ отношеній упомянутыхъ родственницъ. Какъ бы ни смотрѣли на наше сближеніе съ guru, но несомнѣннымъ для насъ остается то, что существительное злъва возникло не на славянской почвѣ, а въ эпоху совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ; на это убѣдительно указываютъ греч. γαλως и латин. glos, отвергать родство которыхъ съ славянскимъ терминомъ едва-ли рѣшится самая строгая филологія.

Третье названіе, возникшее также въ эпоху общей жизни народовъ арійскихъ, есть шурінъ, съ значеніемъ брата жены. Основная форма этого названія въ славян. языкѣ должна быть шура, что и встрѣчается въ нарѣчіи сербскомъ, съ тѣмъ-же значеніемъ, какое принадлежитъ и русскимъ Славянамъ. На нее же указываетъ и старо-русское слово шурія, въ собирательномъ смыслѣ, въ выраженіи: «а что оу Ондрѣя вытягалыая грамота и рядная с шоурією своєю, шю дас Ондрѣи. [53]. Нарѣчія западно-славянскія окончательно забыли этотъ терминъ, замѣнивъ его нѣмецкимъ швагеръ, общимъ для родства между братьями и сестрами мужа и жены: такъ у Чеховъ, Лужичанъ и даже у Поляковъ. Но что существительное шуринъ забыто только ими, будучи знакомо въ древнее время и имъ, на равнѣ съ Славянами восточными и южными, видно изъ господствующаго употребленія въ XVI еще столѣтіи у Поляковъ слова szurzy (родит. szurzego).

Происхожденіе этого названія, думаемъ смѣло, должно быть отнесено къ тому же коренному выраженію, какимъ объяснили мы выше слово свекоръ. Коренное санскр. çura также послѣдовательно, не нарушая звуковыхъ законовъ, могло появиться въ славянскомъ въ формѣ шура, какъ и въ формахъ съ начальными

звуками с, к и щ, вмѣсто небнаго ç. Въ такомъ случаѣ, и здѣсь основная идея есть: господинъ, герой, что, съ одной стороны, весьма знаменательно объясняется обычнымъ скр. терминомъ для этого понятія — âtmavîra, изъ âtman (свой) и vîra (мужественный человѣкъ, герой), или прилагательнымъ çvaçurja ([54]), столь наглядно указывающимъ на одинаковость идеи въ шуринѣ и свекрѣ, съ другой — оправдывается характеромъ шурина въ обрядовой части свадебъ славянскихъ. Дѣйствительно, въ свадебныхъ обрядахъ до сихъ поръ, особенно у Славянъ русскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, шуринъ представляется въ качествѣ распорядителя судьбою своей сестры, невѣсты. Онъ выводитъ ее на показъ жениху; его проситъ зять отдать свое суженое, онъ продастъ сестру; онъ обуваетъ ее къ вѣнцу; онъ же первый встрѣчаетъ молодыхъ послѣ вѣнца и отворяетъ ворота свадебному поѣзду; его, наконецъ, откупаютъ з покути, съ передняго угла, куда садится онъ рядомъ съ своей сестрой, какъ вѣрнѣйшій ея защитникъ и хранитель ([55]). Также и у Сербовъ; братъ невѣсты не прежде передаетъ сестру деверю, какъ получитъ денежный окупъ; деверь не прежде получитъ и приданое невѣсты, какъ выкупивъ его у ея брата ([56]). Все это, перенесенное въ отдаленную эпоху браковъ посредствомъ похищенія, увода, не можетъ не характеризовать брата невѣсты дѣйствительнымъ и крѣпкимъ ея стражемъ, съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдующимъ ея похитителей, что на самомъ дѣлѣ и происходитъ доселѣ съ отмичарами сербскими. Понятно, что, съ точки зрѣнія жениха, шуринъ естественно становился господиномъ, властелиномъ его невѣсты, будущей жены. Съ такимъ понятіемъ легко могло соединиться и понятіе любезности, пріятельства, какъ скоро женихъ достигалъ своей цѣли, получалъ свою невѣсту отъ ея брата. На такое-то значеніе указываетъ областное слово шурка, употребляющееся въ тверской губерніи въ смыслѣ милый, любезный, и, конечно, одного происхожденія съ шуринъ.

Четвертое названіе, соотвѣтствующее въ родственныхъ степеняхъ золовкѣ, есть свѣсть, т. е. сестра жены, по отношенію къ ея мужу. Терминъ этотъ принадлежалъ нѣкогда всѣмъ Славянамъ, сохраняясь въ большинствѣ ихъ и до настоящаго времени. Его находимъ мы въ памятникахъ старо-славянскихъ, въ

формахъ свьсть и свѣсть; онъ занимаетъ видное мѣсто и въ кормчей книгѣ; господство его въ древности у русскихъ оправдывается частымъ присутствіемъ въ русской письменности ([37]); въ формѣ свѣсь живетъ онъ и донынѣ въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи. Что касается южной Россіи, то единственно только онъ и употребляется для обозначенія сестры жены, въ видѣ свисть, съ уменьшительною формою свистонька. Съ тѣмъ же значеніемъ находимъ мы его и у Сербовъ и Хорватовъ, въ формѣ сваст, и у Хорутанъ—сиваст. Въ нарѣчіяхъ западныхъ, у Чеховъ, Поляковъ, и Лужичанъ, и это родство обозначается въ настоящее время нѣмецкимъ названіемъ швагрова; но не такъ было въ старину. У Поляковъ świésć встрѣчаемъ въ полной силѣ еще въ XVI столѣтіи, какъ, напр., въ хроникѣ Стрыйковскаго: poslal Mendog do świeści, siostry żony swojej, aby przyjechala na pogrzeb siostry; чешское swĕst отмѣчено Вацерадомъ, попадается не разъ и послѣ въ письменности, хотя и въ разнообразномъ значеніи родства посредствомъ брака. По Вацераду, оно означаетъ и сестру жены, и сестру мужа (золовку), и жену брата; въ послѣднее время, ко всему этому присоединилось и значеніе свекрови. Въ современномъ нарѣчіи чешскомъ, равно и польскомъ, слово это погибло вовсе, замѣнившись упомянутымъ уже нами выраженіемъ žvagrova. Принимая въ соображеніе господство значенія у наибольшей части Славянъ существительнаго свѣсть, какъ сестры жены, его же находя у Чеховъ въ XIII столѣтіи и послѣ, можемъ смѣло утверждать, что обобщеніе понятія свѣсти у послѣднихъ не есть исконное, а произошло уже въ слѣдствіе ослабленія родственныхъ названій, что, въ свою очередь, могло быть результатомъ только потрясенія и самаго быта родоваго.

Происхожденіе слова свѣсть, а съ этимъ и коренной смыслъ его, полагаемъ, опредѣлить не трудно, если взять во вниманіе равносильное ему и замѣнившее его современное русское названіе и вообще другіе термины родства посредствомъ браковъ. Употребительнѣйшее выраженіе въ сѣверной Россіи для сестры жены теперь есть своякиня, своячина, свояченица. Въ основаніи всѣхъ этихъ словъ, очевидно, лежитъ мѣстоимѣніе свой; оно же несомнѣнно и въ соотвѣтствующемъ названіи мужскаго рода

своякъ, попадающемся и въ церк. славянскихъ памятникахъ, едва ли, впрочемъ, не подъ вліяніемъ русскаго говора ([58]); свояками называются въ настоящее время мужья, женатые на родныхъ сестрахъ. Въ нарѣчіяхъ чешскомъ, польскомъ и сербо-хорватскомъ рус. своякъ замѣняется свакомъ, въ чемъ нельзя не видѣть только иной формы того же самаго слова, образовавшейся посредствомъ обычнаго стяженія оя въ а, какъ въ пас изъ поясъ, сва изъ своя, ка изъ коя, стана изъ стояна и множество другихъ случаевъ, принадлежащихъ особенно сербохорватскому нарѣчію ([59]). Это же а рѣшаемся мы видѣть и въ сербохорватскомъ выраженіи сваст, хорутан. сиваст; въ нарѣчіяхъ чешскомъ, польскомъ, старо-славянскомъ, древнемъ и областномъ русскомъ стяженное а усилилось, по примѣру множества случаевъ въ языкѣ славянскомъ, въ ѣ, откуда и произошло свѣсть, съ переходомъ же ѣ въ и малорусское свисть. Единство происхожденія свѣсти черезъ сваст съ свакомъ очевидно изъ лужицкаго нарѣчія, въ которомъ вм. свѣсть употребляется свака. Можно бы на первый взглядъ видѣть въ сваст не стяженіе оя въ а, а первобытную тему мѣстоименія свой, санскр. sva; такое предположеніе, повидимому, оправдалось бы и древностью вообще родственныхъ названій, образованіе которыхъ относится въ большинствѣ къ порѣ нераздѣльной жизни индоевропейцевъ; но противъ подобнаго мнѣнія нельзя не выставить и нѣкоторыхъ сомнѣній. Такъ, въ то время, какъ родственные языки не предлагаютъ намъ тожественныхъ по формаціи терминовъ, тема скр. мѣстоимѣнія sva употребляется лишь съ короткимъ а, сохраненіе котораго въ томъ же видѣ въ славянскомъ языкѣ составляло бы необыкновенный случай. Между тѣмъ долгота а въ сваст до сихъ поръ слышится въ говорѣ Сербовъ, оправдывается она и формою свѣсть; эта же долгота указываетъ ясно на долгое а въ темѣ. На этомъ основаніи, мы и позволили себѣ выше замѣтить, что происхожденіе разсматриваемаго термина совершилось собственно на славянской почвѣ и обязано стяженію двухъ гласныхъ звуковъ въ одинъ долгій. Отсюда понятно, что и окончаніе сть принимаемъ мы за образовательную приставку, какъ въ словахъ: старость, младость и т. п.

Къ мѣстоименному же корню свой находимъ мы единственно

справедливымъ отнести и существительныя сватъ, сватья, сваха, за ними и глаголъ сватать и существительное сватьба. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что какъ серб. свак соотвѣтствуетъ рус. своякъ, гдѣ очевидно мѣстоимѣніе свой, такъ и древне-русскому сватьство, встрѣчающемуся, между прочимъ, въ уставѣ Владимировомъ, соотвѣтствуетъ нынѣшнее свойство, въ смыслѣ родства между двумя родами, соединенными посредствомъ брака; во вторыхъ, значеніемъ въ древне-русскомъ языкѣ глагола свататься, въ смыслѣ сближаться, сговариваться, осваиваться, какъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи: Изяславъ сватается со Всеславомъ мысля на наю (60). При такомъ объясненіи происхожденія словъ: сватъ, свататься, сватьба, мы отступаемъ отъ догадки Шимкевича, полагавшаго возможнымъ производить эти слова отъ глагола веду на томъ основаніи, что жена называлась иногда, въ древнее время, на Руси, водимая, какъ Босняками доселѣ называется доведена, а также и на попадающемся въ старшу правописаніи сватьба (61). Замѣчательно, что такое производство повторено въ 1858 году однимъ изъ молодыхъ чешскихъ филологовъ, г. Новотнымъ (62).

Говоря о происхожденіи свѣсть отъ свой, полагаемъ умѣстнымъ остановиться и на другихъ выраженіяхъ родства, образовавшихся изъ того же мѣстоименія, что, надѣемся, подтвердитъ еще болѣе мнѣніе наше и относительно образованія свѣсть и сватьба.

Мѣстоименіе свой во всѣхъ родственныхъ языкахъ, даже въ простомъ своемъ видѣ, служитъ общимъ терминомъ для названія родственниковъ. Такъ, скр. svaka, составленное изъ sva и суффикса ka, означаетъ propinquus, proximus, подобно тому какъ mamaka (собств. мой) употребляется дѣтьми въ значеніи родителей (63); это напоминаетъ употребленіе Славянами мой-моя, вм. мужъ-жена. Вмѣстѣ съ svaka, въ смыслѣ родственника (64), извѣстно въ санскритѣ съ тѣмъ же значеніемъ и сложное svagana, изъ sva и gana (рожденный). Тоже находимъ и въ латинскомъ suus, и въ слав. свой, какъ въ пословицѣ русской: *свой своему* по неволѣ другъ. Отсюда въ старо-славянскомъ свонть и своѥшь уже исключительно родственникъ, родичъ; серб. свойта собраніе, совокупность родныхъ (65). Но, кажется, съ незапамятныхъ поръ,

языкъ славянскій обозначеніе родства посредствомъ сложныхъ и производныхъ отъ свой отнесъ преимущественно къ опредѣленію отношеній двухъ родовъ, соединенныхъ бракомъ между ихъ отдѣльными членами. Особенно послѣдовательны при этомъ нарѣчія церковно-славянское и русское, въ которыхъ явственно отличаются два термина: родство, для восходящей и нисходящей, прямой и боковой линій, и свойство, для двухъ родовъ или семей, породнившихся, сдѣлавшихся своими, черезъ бракъ. Отсюда, въ первомъ случаѣ утвердилось названіе родственникъ или родичъ, во второмъ—свонть, свонынь или свойственникъ. Это общее названіе, съ различными видоизмѣненіями формы, сдѣлалось терминомъ и для частныхъ степеней свойственнаго родства, различныхъ у разныхъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ русскомъ, наряду съ своякиня, какъ сказано, стоитъ своякъ, т. е. мужъ женшной сестры, тогда какъ соотвѣтствующимъ ему, въ сербскомъ нарѣчіи, словомъ свак Сербка называетъ мужа своей сестры (66). Впрочемъ, у Сербовъ употребительна и форма свояк, вмѣсто свак, что убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу происхожденія послѣдняго отъ свой, какъ и въ пользу тожественности происхожденія свасти съ свакомъ. Въ самомъ значеніи ихъ очевидное соотвѣтствіе: свастью называетъ мужъ сестру своей жены; свакомъ называетъ каждая Сербка мужа родной своей сестры. Различіе, слѣдовательно, у Русскихъ съ Сербами, въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ томъ, что Сербы въ названіи сваст, какъ Лужичане въ свака, не усилили а въ ѣ, что, кромѣ русскаго нарѣчія, произошло въ чешскомъ и польскомъ, имѣющихъ свѣсть, и въ томъ, что Русскіе не стянули оя въ а въ выраженіи своякъ, какъ Сербы въ свак. Замѣна свѣсти посредствомъ своякиня едва ли не обязана формѣ своякъ, въ которой видѣе сохранился коренной смыслъ по наглядиѣйшему сбереженію коренпато мѣстоимѣнія. Само собою понятно, что чешское слово svak точно также не могло удержать однообразія въ значеніи, какъ и сродное ему svĕst', — и его употребленіе встрѣчаемъ мы и въ смыслѣ мужа сестры, и въ смыслѣ шурина, деверя и др.

Существительное сватъ, съ женскимъ родомъ сватья, которыя, не задумываясь, относимъ мы также къ корню свой, имѣютъ

самое разнообразное значеніе, но съ неизмѣннымъ у всѣхъ Славянъ ограниченіемъ родства между двумя родами или семьями. На Руси прежде всего сватами называютъ другъ друга отцы мужа и жены, какъ сватьями ихъ матери, за симъ сватами величаютъ и тѣхъ, кто при бракѣ заступаетъ мѣсто отца, или кто испрашиваетъ жениху невѣсту и предлагаетъ невѣстѣ жениха. Поэтому въ Сербіи сватами называютъ всѣхъ, кто отправляется вмѣстѣ съ женихомъ за невѣстою. У Чеховъ сватъ является столь же неопредѣленнымъ значеніемъ, какъ свакъ, выражая то общее понятіе родственника, хотя непремѣнно при содѣйствіи брака, то брата мужа или жены, т. е. шурина или зятя, подобно послѣднему. Не уступаетъ чешскому разнообразію и употребленіе термина сватъ въ польскомъ нарѣчіи; въ нарѣчіяхъ же хорватскомъ и хорутанскомъ не рѣдко сватомъ обозначается даже женихъ. Въ соотвѣтствіе свату во второмъ его русскомъ значеніи, для женщины употребляется слово сваха, т. е. лице, устраивающее бракъ посредствомъ взаимнаго предложенія жениха и невѣсты. Въ томъ же значеніи живетъ оно и у Чеховъ и Поляковъ. И какъ у Русскихъ стало обозначать это слово не рѣдко женщину, мѣшающуюся не въ свое дѣло, такъ точно и у послѣднихъ находимъ его въ этомъ смыслѣ въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Dobry on bardzo człowiek, by go nie psowała
Domowa swacha, ta go właśnie osiodłała (67).

Разнообразію значеній приведенныхъ словъ удивляться мы не будемъ, ежели сообразимъ общность понятія коренного мѣстоименія, изъ котораго всѣ они образовались. Само собою понятно, что при этомъ общемъ основномъ понятіи, каждый членъ двухъ семей, связанныхъ между собою въ лицѣ двухъ членовъ бракомъ, есть свой другу, свойственникъ, свакъ, своякъ, сватъ, или, въ женскомъ родѣ, свѣсть, свака, сватья, сваха. Но каждый народъ, удержавъ одну форму для общаго понятія, другія обратилъ въ частные термины, сообразно личнымъ своимъ желаніямъ. Отсюда неизбѣжно должно было появиться то разногласіе въ ихъ значеніи, о какомъ только что говорили мы. Но это же самое разнообразіе, распространившись не только на нарѣчія, по

отношенію ихъ другъ къ другу, а и на каждое отдѣльное нарѣчіе, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ развитія его изъ одного общаго понятія, выражавшагося нѣкогда всѣми этими словами, и лишь съ теченіемъ времени, частью при совмѣстной еще жизни, частью по разъединеніи славянскихъ народовъ, усвоившими частное значеніе.

Относительно внѣшняго разнообразія словъ нами уже высказано замѣчаніе на своемъ мѣстѣ; здѣсь прибавимъ только, что и независимо отъ стяженія оя въ а могли образоваться слова: свакъ, сваха, сватъ, а изъ послѣдняго сватьство, сватать, именно посредствомъ опущенія й въ мѣстоименіи свой и усиленія о въ а. По крайней мѣрѣ такой способъ образованія можетъ находить подтвержденіе въ формѣ существительнаго свотво, въ смыслѣ свойство, какъ въ слѣд. выраженіи: «сказаніе хытро о чювьствехъ телесныхъ и о душевынѣмъ свотвѣ»(68). Съ опущеніемъ того же й составилось, вѣроятно, и существительное свобода, соотвѣтствующее скр. svâira, имѣющему въ основаніи также мѣстоименіе sva и означающему буквально—господинъ надъ собою, самъ себѣ господинъ (69).

Представленными и, по мѣрѣ силъ, разъясненными названіями не ограничивается еще количество терминовъ въ языкѣ славянскомъ для междуродоваго или семейнаго родства. Мы видѣли одну сторону отношеній жены и мужа къ ихъ братьямъ и сестрамъ, выраженныхъ названіями деверь и золовка, шуринъ и свѣсть. Обратное отношеніе послѣднихъ къ первымъ, деверя и золовки къ женѣ (брата), шурина и свѣсти къ мужу (сестры), произвели выраженія: ятровь и своякъ.

Слово ятровь доселѣ сохраняется въ областномъ русскомъ говорѣ какъ названіе жены брата со стороны золовки и деверя; въ древнее время оно было всеобще употребительнымъ, что можно замѣтить изъ частой встрѣчи этого слова въ памятникахъ лѣтописныхъ и законодательныхъ: поимаютъ мачехи своя и ятрови; а жену его, свою ятровь, и съ дѣтми везоша въ Рязань; Богу же бывшю поспѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія ятровь свою и дѣтятѣ (70); аще безъ вины свекорь біеть сноху или деверь ятровь (71) — во всѣхъ этихъ случаяхъ значеніе ятрови тоже самое, жены брата. Но какъ братъ-

евъ можетъ быть двое и больше и всѣ они могутъ быть женатыми, то понятно, что жены ихъ, по отношенію ко всѣмъ братьямъ мужей своихъ, т. е. къ деверьямъ, должны быть тоже ятровями. Отсюда естественъ переходъ термина ятровь отъ жены брата къ опредѣленію взаимныхъ отношеній всѣхъ женъ братьевъ: здѣсь, полагаемъ, причина, почему ятровями стали называть другъ друга жены двухъ и болѣе братьевъ. Въ такомъ значеніи живетъ это слово у Сербовъ и Хорватовъ, какъ видно и въ слѣд. пословицѣ: bile se jetervice (жены братьевъ) preko svekervice ([72]). Въ настоящее время терминъ этотъ въ языкѣ русскомъ все больше и больше выходитъ изъ употребленія, даже въ быту простаго народа. У Великоруссовъ не слыхать его почти нигдѣ, у Малоруссовъ ятровка произносится кое-гдѣ, но какъ воспоминаніе о какомъ то старомъ родствѣ; у Бѣлоруссовъ ятрувка живетъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ не разъ попадается въ пѣсняхъ народныхъ ([73]). Нельзя не думать, что скоро придетъ время, когда и это выраженіе также забудется всюду, какъ забыто оно Чехами, употреблявшими нѣкогда и его, сколько можно судить по словарю Вацерада, въ которомъ объясненіе его вполнѣ сходится съ значеніемъ русскимъ и сербо-хорватскимъ: jatrvenice — janitrices, duorum fratrum inter se uxores, или Поляками, jątrew которыхъ попадается довольно обыкновенно еще въ XVI столѣтіи.

Происхожденіе и основное значеніе слова ятровь или, по правописанію старо-славянскому, ѩтръı (родит. ѩтръве) едвали представляютъ особое затрудненіе, если сообразить соотвѣтствующій терминъ въ скр. языкѣ, въ которомъ jâtṛ является съ тѣмъ же значеніемъ и съ тѣмъ же образованіемъ, какъ и въ славянскомъ языкѣ. Корень слова, очевидно, есть jam, равный въ ст.-слав. имъ, въ имѫ, и ѩ, въ ѩти, съ разнообразными значеніями, между которыми занимаютъ видное мѣсто и управлять, укрощать, поддерживать. Послѣдняя часть слова состоитъ изъ того же суффикса tṛ (tar), на который не разъ приходилось указывать намъ и въ другихъ терминахъ родства, какъ на выражающій собою дѣйствующія лица. Долгота звука ja обязана всего вѣроятнѣе выпуску посоваго m (вм. jamtṛ) ([74]); въ славянскомъ языкѣ послѣдній не погибъ, какъ видно изъ ст.-слав. формы

латры и польской jątrew. Мы не имѣемъ ничего противъ положенія Пактэ, видящаго въ выраженіи jâtr, съ господствующимъ значеніемъ жены мужнина брата (mariti fratris uxor), идею о помощницѣ, соучастницѣ въ трудѣ, какою естественно должна казаться жена втораго брата, по отношенію къ женѣ перваго. Съ этимъ вмѣстѣ вполнѣ соглашаемся и съ тожественностью происхожденія латин. термина janitrix, во множ. janitrices, какъ выражали взаимныя свои отношенія у древнихъ Римлянъ жены двухъ братьевъ ([75]). Понятно, что ятровь относительно родителей ея мужа есть сноха; отсюда легко образовалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великой Россіи и выраженіе сношенница, смѣнившее собою старшее ятровь: сношеницами въ Владимірской, напр., губерніи называются жены братьевъ, т. е. ятрови ([76]).

Соотвѣтствующій терминъ ятрови для мужескаго пола есть своякъ. Происхожденіе этого слова, а съ нимъ и коренное значеніе нами разсмотрѣно. Видѣли мы и то, что своякъ есть только особая русская форма употребительнаго у другихъ Славянъ существительнаго свакъ; упомянули, между прочимъ, и о томъ, что прежде всего своякъ или свакъ означаетъ вообще своего, свойственника, потомъ, въ частномъ смыслѣ, мужа сестры. Отсюда понятенъ переходъ къ тому значенію, какое исключительно соединено съ словомъ своякъ въ нарѣчіи русскомъ и какое, на ряду съ значеніемъ мужа сестры, извѣстно и другимъ Славянамъ, какъ Сербамъ и Хорватамъ, именно—взаимное обозначеніе двухъ лицъ, женатыхъ на родныхъ сестрахъ. Какъ ятровь отъ первоначальнаго понятія жены мужнина брата (= деверя), при нѣсколькихъ женатыхъ братьяхъ, перешло къ взаимному названію женъ послѣднихъ, такъ точно и своякъ или свакъ отъ понятія мужа сестры, при нѣсколькихъ замужнихъ сестрахъ, сдѣлался взаимнымъ терминомъ для мужей послѣднихъ.

Здѣсь умѣстно отмѣтить и синонимическое выраженіе для свояка, господствующее у югославянскихъ народовъ: Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ; ото — пашанац, пашеног и въ сокращенномъ видѣ паш. Къ сожалѣнію, мы находимъ себя внѣ возможности дать какое либо удовлетворительное объясненіе происхожденія этого термина и первобытнаго кореннаго его значенія.

Понятно, что отсутствіе подобнаго названія у родственныхъ народовъ составляетъ главное препятствіе; за то, въ свою очередь, отсутствіе это служитъ и убѣдительнымъ доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія самого названія, обязаннаго, вѣроятно, единственно народамъ югославянскимъ (77).

Этимъ мы можемъ и заключить исчисленіе и объясненіе терминовъ родства и свойства, извѣстныхъ и общеупотребительныхъ въ мірѣ славянскомъ. Не рѣшаемся утверждать, чтобы ихъ не было больше; напротивъ, скорѣе склоняемся въ пользу того, что среди многочисленнаго нашего племени живетъ не одинъ еще пятокъ подобныхъ терминовъ, не станемъ отрицать и того, что въ ряду послѣднихъ, быть можетъ, не одно выраженіе восходитъ своимъ образованіемъ къ глубокой старинѣ совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ и своимъ коренным значеніемъ способно освѣтить не одну ея сторону, сокрытую исторіей; но такія названія или вращаются въ узкой мѣстности, оставаясь доселѣ не тронутыми ни древнѣйшею, ни новѣйшею письменностью Славянъ, или и попались случайно въ послѣднюю, но не были нами замѣчены. Въ замѣнъ такихъ, невольно опущенныхъ нами названій, взглянемъ, хотя бѣгло, на тѣ выраженія, которыми опредѣлилъ народъ славянскій членовъ, связующихъ отдѣлыные роды, стоящихъ какъ бы на рубежѣ между родствомъ и свойствомъ и, своимъ соединеніемъ, производящихъ взаимность между тѣмъ и другимъ. Чѣмъ розобщеннѣе между собою рисуются роды въ древнѣйшей жизни, тѣмъ знаменательнѣе, конечно, долженъ былъ представляться и актъ ихъ объединенія, а черезъ то и важнѣе для изслѣдователя терминологія, опредѣляющая воззрѣніе глубокой старины какъ на самый актъ, такъ и на лицъ, занимающихъ въ немъ главное мѣсто.

Актъ самаго соединенія двухъ родовъ или семей выражается въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ весьма различными терминами. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ исключительно однимъ и вовсе неизвѣстны въ другихъ; тѣмъ не менѣе, почти всѣ они заслуживаютъ вниманіе изслѣдователя и способны, хотя и въ видѣ намековъ, броспть новый свѣтъ на отдаленнѣйшую эпоху. Въ ст. славянскомъ нарѣчіи общеупотребительнѣйшее выраженіе для этого акта было бракъ; оно же существуетъ и у русскихъ

Славянъ, преимущественно на сѣверѣ. Коренной смыслъ этого слова слишкомъ простъ и не выражаетъ собой ничего больше, кромѣ взятія, потому что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ происхожденіи его отъ корня бра-бер, въ скр. bhar-bhr. Чѣмъ проще и незатѣйливѣе идея событія, обставленнаго съ давнихъ временъ самыми сложными обрядами, тѣмъ естественнѣе, думаемъ, предположить глубокую ея древность, когда послѣднія не успѣли еще укорениться въ жизни и сдѣлаться необходимѣйшимъ условіемъ брака. Подобная идея не стоитъ уединенно въ славянскомъ языкѣ; она же очевидна и въ скр. выраженіи vid, совершать бракъ, жениться или выходить замужъ, собственно-же: пріобрѣтать, получать. Отсюда, vêttar, женихъ, собственно пріобрѣтающій, берущій. Этотъ корень замѣтенъ и въ греч. языкѣ, въ выраженіи, относящемся также къ браку, именно въ словѣ ἔδνον, вмѣсто Fέδνον, съ значеніемъ подарка невѣстѣ отъ жениха. Сюда же позволяемъ себѣ отнести и слав. вѣно, съ тѣмъ же самымъ, какъ извѣстно, значеніемъ, гдѣ ѣ служитъ поднятіемъ коренного и, какъ въ скр. vêttar, а д опущено передъ н, по весьма обычному правилу языка славянскаго ([78]). Оправданіемъ нашего мнѣнія могутъ служить и древне германскія выраженія: weotoma, weotuma, witma, wittemon, приданое, указывающія собою на тотъ же корень vid, посредствомъ германскаго wit ([79]).

Словомъ бракъ и ограничиваются всѣ славянскіе термины съ понятіемъ простымъ, общимъ и неопредѣленнымъ; рядъ другихъ выраженій вводитъ уже замѣтно какой либо частный оттѣнокъ, относящійся преимущественно къ способу брака. Такъ, чешское sňatek, происхожденіемъ своимъ отъ sníti, сходиться, откуда и sněm, сходка, собраніе, невольно напоминаетъ слѣдующее замѣчаніе Нестора о древнѣйшемъ бракѣ у Славянъ, такъ прозрачно рисующее первобытный на него взглядъ народа: «схожахуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». Идея схожденія, простаго физическаго соединенія, какъ первобытный способъ брака, даетъ себя чувствовать и въ греческ. терминѣ γάμος, бракъ (слѣдовательно тоже что чешское sňatek), имѣющемъ въ основѣ своей корень gam, съ значеніемъ идти, подходить, а потомъ соединяться съ женщиной.

Но по мѣрѣ того, какъ жизнь возвышалась нравственно и отбрасывала обычаи звѣрискіе при бракѣ, обставляя послѣдній все большею человѣчностью и болѣе чистою обрядностью, и новые термины для брака заимствовались уже отъ новыхъ обычаевъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести ст. слав. обрѫченіе, въ смыслѣ испрашиванья невѣсты, откуда обрѫчьникъ, женихъ, и обрѫчьница, невѣста. Корень этого сложнаго выраженія, конечно, есть рука, свидѣтельствующій объ установившемся уже обычаѣ передавать руку невѣсты жениху въ знакъ брака. Обычай этотъ восходитъ къ отдаленной старинѣ и принадлежитъ началомъ своимъ, безъ сомнѣнія, нераздѣльной еще жизни цѣлаго арійскаго племени. Санскритскія выраженія для брака: karagraha, pânigraha означаютъ собственно взятіе руки; нѣтъ надобности и распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ рука и донынѣ въ брачныхъ обрядахъ во всей Европѣ. У Индійцевъ строго опредѣлялось и лицо, которое обязано было передавать руку невѣсты жениху, въ случаѣ отсутствія отца (80). Польское gody, въ смыслѣ брака, являющееся въ чешскомъ уже съ опредѣлительнымъ прилагательнымъ svatebni hody, въ томъ же значеніи брака, сватьбы, переноситъ насъ снова въ глубокую древность и къ обрядности, свидѣтельствующей о пастушескомъ бытѣ народа. Вполнѣ основательно, думаемъ мы, сопоставляетъ славянское выраженіе Пикте съ скр. gôdâna, обозначающимъ приданое невѣсты, выдававшееся вмѣстѣ съ послѣднею съ извѣстными обрядами и состоявшее первоначально изъ коровъ (gô); отсюда эпитетъ Индра gôda или gôdatra, т. е. доящій коровъ. Въ древне-германскомъ faderfio, въ англо-саксонскомъ faedhering feoh, собственно скотъ отца, потому же самому стали обозначать приданое, выдававшееся отцемъ дочери при ея замужествѣ (81). Распространеніе, однакоже, всѣхъ этихъ терминовъ извѣстны у Славянъ выраженія веселье и свадьба. Останавливаться на нихъ излишне, такъ какъ значеніе перваго вполнѣ ясно, а происхожденіе втораго разсмотрѣно нами выше. Замѣтимъ только одно, что въ обозначеніи соединенія двухъ родовъ веселье нельзя отрицать идеи радости въ слѣдствіе прекращенія непріязненности, враждебности прежде чужихъ родовъ, чѣмъ объясняетъ г. Миллеръ и нѣкоторые термины свойствен-

наго родства ([82]). Дѣйствительность такой враждебности, по крайней мѣрѣ отчужденности проникаетъ насквозь и доселѣ свадебныя пѣсни Славянъ, изображающія съ одной стороны жениха чужбинникомъ, чужимъ человѣкомъ, даже черной тучей, съ другой — представляя опасенія за будущую жизнь молодой въ чужой семьѣ. Враждебностью, конечно, можно только объяснять и обычай умычки, увода невѣсты. Радость, так. образомъ, отъ перемѣны отношеній, отъ умноженія силы связью съ новымъ родомъ понятна; и если веселье, весилье теперь скорѣе говоритъ въ пользу разгульнаго пиршества во время свадьбы, то само послѣднее первоначально могло быть естественнымъ послѣдствіемъ союза семей ([83]).

Главныя дѣйствующія лица въ актѣ брака, очевидно, суть невѣста и женихъ. Понятія, соединяемыя съ этими названіями въ настоящее время у Славянъ, едва ли мыслимы и a priori для древнѣйшей поры, когда получили выражающія ихъ реченія свое образованіе. Взглядъ на ихъ происхожденіе и сопоставленіе ихъ съ санскритическими терминами убѣдятъ въ этомъ еще больше.

Словомъ невѣста опредѣляемъ мы то состояніе дѣвицы, въ какомъ находится она отъ помолвки до вѣнца. Но такое состояніе не согласно съ эпохою, когда бракъ былъ дѣломъ случайнымъ, завершившимъ отъ минутнаго распоряженія, когда не существовало ни обычаевъ предварительнаго ознакомленія, ни сложной обрядности, обставившей бракъ въ позднѣйшее время. А между тѣмъ, далеко не въ первобытную пору бракъ рисуется простымъ схожденіемъ молодыхъ людей обоего пола, умычкой дѣвицы во время игрищъ или при другомъ случайномъ свиданіи. Кромѣ свидѣтельства Нестора, о томъ же говоритъ и обычай сербскаго отмичарства, на тоже указываетъ и арабское сказаніе, въ силу котораго покрытіе женихомъ головы невѣсты, какъ бы случайно и мимоходно ни произошло оно, было достаточнымъ символомъ брака ([84]). При такихъ условіяхъ, дѣвица прямо становилась женою и слово невѣста могло выражать развѣ первый моментъ брачной жизни, но уже ни въ какомъ случаѣ то, что понимается подъ нимъ теперь. Тоже подтверждаетъ и коренное происхожденіе его. Обыкновенно сопоставляютъ славянское выраженіе невѣста съ скр. глаголомъ viç, входить, вступать, въ сложной формѣ

niviç, жениться, uxorem ducere. Основное, слѣдовательно, значеніе невѣсты есть вошедшая (въ чужой домъ?) или введенная; другими словами, невѣста есть молодая жена, только что вступившая въ бракъ. Это видимъ мы и въ скр. терминѣ для невѣсты navavarikâ, собственно молодая жена; вѣроятно, не безъ родства съ этимъ терминомъ и латинское слово noverca. Первобытное значеніе невѣсты не вполнѣ утратилось и до нынѣ у Славянъ, сколько видно изъ названія невѣсткой жены сына, со стороны родителей ея мужа. Съ этимъ значеніемъ живетъ слово невѣстка въ той части русскаго народа, которая не употребляетъ уже частныхъ названій; не рѣдко приходится слышать, какъ невѣсткой зовутъ молодую жену въ семьѣ не только свекоръ съ свекровью, но и деверья и золовки. Въ польскомъ нарѣчіи такое понятіе о невѣсткѣ встрѣчаемъ уже въ 16-мъ столѣтіи (83). Лишь съ перемѣною условій брака, съ измѣнившимися обыкновеніями въ немъ, народъ сталъ соединять съ словомъ невѣста идею, какая утвердилась за нимъ въ настоящее время, и какой рѣшительно не видно въ корнѣ слова.

Точно также и соотвѣтствующее невѣстѣ выраженіе — женихъ указываетъ собою на лице уже соединенное съ женою и вовсе не опредѣляетъ того положенія молодаго человѣка, какое принадлежитъ жениху въ современномъ быту. И какъ отъ невѣста произошло старо-славянское названіе невѣстникъ, какъ синонимъ жениха, такъ отъ послѣдняго, въ нарѣчіи малорусскомъ, образовалось синонимическое невѣстѣ — женышина, уже простымъ отношеніемъ къ слову жена отрицающее въ древности въ невѣстѣ идею дѣвичества. Что невѣста въ начальной жизни народа соотвѣтствовала понятію жены, кромѣ коренного значенія и приведенныхъ сближеній и сравненій, видно и изъ соотвѣтствующаго выраженія ninka, употреблявшагося Славянами древанскими вмѣсто невѣста, что ясно изъ уцѣлѣвшей отъ нихъ пѣсни, изображающей свадьбу животныхъ: kati mes ninka bejt? Telka mes ninka bejt (-кто будетъ невѣстой? Телка будетъ невѣстой). А мы знаемъ уже, что словами неня, нянька, ненька Славяне обозначали, отчасти обозначаютъ и теперь, мать и того, кто заступаетъ ея мѣсто, во всякомъ случаѣ уже женщину; слѣдовательно, въ древанскомъ выраженіи ninka уже заключена идея

жены, какъ существа раждающаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и матери. Подобное же явленіе, одинаково свидѣтельствующее о первоначальной быстротѣ брака, при отсутствіи того переходнаго состоянія дѣвицы, въ какомъ находится она невѣстою въ наше время, замѣтно и въ названіи зять. И это слово, въ уменьшительной формѣ zantik (=зятикъ), употреблялось у тѣхъ же Древанъ въ смыслѣ жениха, хотя происхожденіе его прямо говоритъ объ обозначаемомъ имъ лицѣ, какъ о человѣкѣ женатомъ: kati mes zantik bejt? strezik (стрижъ) mes zantik bejt, — читаемъ въ той же пѣсни. Не необыкновенна замѣна жениха зетомъ, ѣдущимъ за своею невѣстою, и въ пѣсняхъ южныхъ Сербовъ.

Точность родоваго быта, отразившаяся въ такомъ множествѣ родственныхъ названій, съ неменьшею строгостью обнаружилась и въ опредѣленіи особаго вида родственности, который не подходитъ прямо ни къ родству, ни къ свойству. Я разумѣю при этомъ слова, обозначающія отношенія дѣтей матери къ ея мужу и дѣтей отца къ женѣ, и обратно. Слова эти отчимъ и мачиха съ одной стороны, пасынокъ и падчерица — съ другой. Происхожденіе ихъ и коренный смыслъ не требуютъ остановки, такъ какъ всѣ они очень ясно указываютъ на простыя слова: отецъ, мать, сынъ и дочь, изъ которыхъ образовались посредствомъ приставокъ и окончаній и которыя нами разсмотрены на своемъ мѣстѣ. Въ такой формѣ застаемъ мы ихъ съ первой поры письменности славянской, сколько можно судить по древнѣйшимъ памятникамъ церковно-славянскимъ; въ этомъ же видѣ встрѣчаемъ мы ихъ и въ древней русской лѣтописи ([86]). О томъ, какими словами и съ какимъ коренным значеніемъ замѣнены пасынокъ и падчерица у другихъ Славянъ, сказано выше. Изъ всѣхъ приведенныхъ выраженій, сколько мнѣ извѣстно, одно слово мачиха встрѣчается въ другой формѣ, именно матерша, какъ въ слѣд. мѣстѣ кормчей книги: о совокупляющихся съ двома братами, ли съ сестрами своими, ли съ матершами ([87]). Это различіе касается, впрочемъ, единственно приставки, ни мало не измѣняя характера значенія. Окончаніе ша, которое одно, въ настоящемъ случаѣ, могло бы придавать особый оттѣнокъ значенію, — такъ какъ звукъ р, удержанный въ матерша, погибъ въ мачиха потому, что послѣднее образовано не изъ темы матер, а уже изъ формы

именит. падежа мати, — тожественно окончанію ха, что старались доказать мы, по поводу образованія существительнаго сноха. Оба окончанія, въ словахъ личныхъ женскаго рода, одинаково опредѣляютъ принадлежность. Въ древне-русскомъ языкѣ находимъ и названіе сына мачихи мачешичемъ, какъ въ лѣтописи ипатьевской: Володимировичъ же и Володимиръ мачешичь, не успѣвша ему ничтоже, воротишася опять ([88]).

Совокупность всѣхъ членовъ родства и свойства, отмѣченныхъ столь подробно, до мелкихъ оттѣнковъ, въ отношеніяхъ особыми выраженіями, обнималась общими терминами въ языкѣ славянскомъ: ближикъ и ужика. Если первое указываетъ собою на близость жизни, подобно греч. πλήσιος, то второе свидѣтельствуетъ прямо объ общей связи всѣхъ родственныхъ членовъ, происходя, очевидно, отъ уже, веревка, связь, и будучи родственно съ словомъ узы (=старослав. ѫза), откуда узелъ. Таже идея связи заключена и въ скр. выраженіи bandhu, съ одинаковымъ общимъ значеніемъ родственника, отъ глагольнаго корня bandh, связывать. Къ тому же понятію сводится и серб. врвник, несомнѣнно одного происхожденія съ врьвъ, вервь, веревка ([89]), и означающее также родственника, слѣдовательно, предполагающее въ основѣ связь, узы, соединяющіе всѣхъ членовъ рода въ одну цѣлую единицу. Отсюда, вполнѣ логично и необходимо заключеніе объ образованіи древне-русской верви, въ смыслѣ союза, общины, изъ первобытнаго рода, представлявшаго собою отдѣльное недѣлимое, жившее особо отъ другихъ подобныхъ недѣлимыхъ и которое, въ силу размноженія своего и потери сознанія о первоначальной родственности, претворилось въ быту государственномъ въ особую административную единицу, выбиравшую себѣ представителя, въ качествѣ старшины, старосты, князя, подобно тому, какъ родъ избиралъ со смертію родоначальника главу изъ старѣйшихъ или способнѣйшихъ членовъ. И какъ на Руси вервь, община, округъ продолжало долго напоминать своимъ устройствомъ и круговымъ обязательствомъ передъ закономъ о своемъ развитіи изъ семьи и рода, такъ и okolina чешская, являющаяся съ тѣмъ же характеромъ, даетъ себя чувствовать въ законодательствѣ чешскомъ еще въ XV — XVI вѣкахъ; даже польское ополье, не смотря на раннее укорененіе

чуждыхъ началъ въ жизни государственной, предлагаетъ достаточно ясные слѣды своего существованія въ XIV столѣтіи (30). Термины околина и ополье для насъ важны въ томъ отношеніи, что тожествомъ устройства своего съ древне-русскою вервью, убѣждаютъ въ совокупности рода и въ самомъ географическомъ размѣщеніи и тѣмъ окончательно рѣшаютъ дѣло объ образованіи общинъ и цѣлыхъ округовъ изъ одной первоначально семьи.

Оканчивая подборъ и объясненіе терминовъ родства и свойства въ языкѣ славянскомъ, считаемъ не лишнимъ высказать и нѣкоторыя мысли, возникавшія въ насъ во время труда. Не предлагаемъ ихъ въ качествѣ неоспоримыхъ выводовъ, а какъ положенія, способныя дать толчокъ болѣе свѣдущимъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ и обстоятельнѣйшимъ заключеніямъ. Положенія эти относятся частью къ исторической и позднѣйшей жизни Славянъ, частью къ нѣкоторымъ указаніямъ на устройство ихъ древнѣйшаго, доисторическаго быта.

Въ первомъ случаѣ, не можетъ не остановить вниманія каждаго изслѣдователя неравномѣрное распредѣленіе по отдѣльнымъ поколѣніямъ славянскимъ названій кровнаго и свойственнаго родства, какъ, въ свою очередь, нельзя не подмѣтить и вообще паденія и исчезновенія и тѣхъ и другихъ всюду, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени. Послѣдній фактъ, впрочемъ, слишкомъ понятенъ и не требуетъ особеннаго углубленія: чѣмъ сильнѣе проникаютъ въ народъ начала новой жизни, неразлучной съ общительностью, враждебною патріархально родовой замкнутости, тѣмъ, естественно, необходимѣе ослабленіе широкихъ узъ родства и ограниченіе ихъ лишь тѣснымъ кругомъ ближайшихъ родичей, а съ этимъ и неизбѣжнѣе забвеніе стараго обилія названій, потерявшихъ уже практическую силу. Лучшимъ, хотя и въ обратномъ смыслѣ, доказательствомъ могутъ служить тѣ поколѣнія славянскія, которыя продолжаютъ жить на прежнемъ положеніи патріархальности, какъ большая часть юго-Славянъ: Сербовъ, Болгаръ и Хорватовъ. У нихъ, по преимуществу, живетъ почти ненарушимо и весь обильный словарь родственныхъ терминовъ. Между тѣмъ у другихъ славянскихъ народовъ, не исклю-

чая и русскаго, недосчитывается уже бо̀льшая ихъ часть, въ слѣдствіе замѣны нѣсколькихъ частныхъ названій однимъ общимъ. При этомъ одни поколѣнія обратили забывчивость свою преимущѐственно на родство свойственное, другія на кровное. Уже это одно служитъ ручательствомъ неодинаковаго ихъ взгляда на то и другое родство.

Такъ у Славянъ западныхъ, особенно у Поляковъ, потеря отразилась преимущественно на названіяхъ свойства. И у Чеховъ и у Поляковъ не слышны уже болѣе ни шуринъ, ни деверь, ни своякъ, вмѣсто которыхъ употребляется одно выраженіе, при томъ не славянскаго происхожденія, шваґеръ; подобнымъ же образомъ женскій родъ — шваґрова замѣняетъ у нихъ золовку, свѣсть и ятровь. Напротивъ, русскій народъ съ гораздо большею выдержанностью сберегъ донынѣ свойственные термины. Въ то время какъ большая половина названій родства погибла и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, выраженія для свойства, за немногими исключеніями, живутъ на всемъ пространствѣ русскаго простонародья. Конечно, принимая въ соображеніе постепенность забвенія ихъ въ мѣстахъ открытыхъ, гдѣ сильнѣе дѣйствуетъ если не общественность, то общежительность съ неразлучнымъ вредомъ для патріархальной неподвижности, можно съ вѣроятностью предполагать, что и эта полнота близка къ тому же разрушенію, какое замѣтно въ образованномъ классѣ народа. Вѣроятность скорой утраты и терминовъ свойства подкрѣпляется аналогіей съ совершившимися уже потерями въ названіяхъ родственныхъ. И тутъ точно также начало потерямъ положено было передовою частью народа, сколько можно судить по неупотребленію ихъ въ письменности XVI и послѣдующихъ вѣковъ и по сохраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ простомъ народѣ, при забвеніи, по крайней мѣрѣ при рѣшительномъ неупотребленіи образованными людьми: послѣдніе, дѣйствительно, изгнали изъ своего словаря и ятровь, и свѣсть, и шурина и свояка, даже деверь, зять, свекоръ съ свекровью и тесть съ тещею являются какою то рѣдкостью, анахронизмомъ. Когда бы, впрочемъ, ни исчезли термины свойства въ русскомъ простонародьѣ, но то остается для насъ несомнѣннымъ, что свойственное родство удерживается въ немъ гораздо крѣпче, что не можетъ не вести къ

заключенію о предпочтеніи его въ понятіяхъ народа передъ кровнымъ родствомъ. Обратное явленіе встрѣчаемъ у Славянъ западныхъ, чешскихъ и польскихъ. Тогда какъ у Русскихъ уцѣлѣли особые термины послѣдняго лишь для самыхъ ближайшихъ степеней, для дочери, сына, внука, бабы, тетки, дяди, дѣда и племянника, сохраняясь для свойства почти въ первобытной полнотѣ; у Чеховъ и Поляковъ послѣдніе существуютъ въ трехъ — четырехъ названіяхъ, и то скорѣе въ видѣ провинціализмовъ; термины-же кровнаго родства опредѣляютъ донынѣ и стрыйную и уйную степени, въ восходящей и нисходящей линіяхъ. Мы замѣтили, что видовыя названія уй и стрый, съ женскими родами, сестричичъ, братаничъ и сыновецъ, сестрична и сыновица употребляются въ Чехіи и Польшѣ и теперь, не оставивъ отъ себя и слѣда въ самой отдаленной глуши русскаго простонародья.

Объяснить такую противоположность востока съ западомъ въ мірѣ славянскомъ, конечно, не легко Но рѣшаемся думать, что не вполнѣ лишены основанія и слѣдующія соображенія. Предпочтенію или укрѣпленію свойства въ понятіяхъ народа на востокѣ едва ли не во многомъ способствовало христіанство. Оно поставило бракъ на степень высокаго таинства и придало столь важное значеніе производимому посредствомъ него родству. Духовенство, какъ извѣстно, неоднократно и съ особенною силою ставило этотъ предметъ цѣлью своихъ нравственныхъ поученій, постоянно стараясь искоренить взглядъ на него язычества. Самыя постановленія церковныя не могли не вести народъ къ тому же высокому мнѣнію о брачныхъ узахъ, съ положительною опредѣленностью исчисляя отдаленныя степени свойства, при которыхъ запрещался бракъ. Христіанство въ этомъ отношеніи скрѣпляло свойство и задерживало его отъ тѣхъ послѣдствій естественнаго развитія общества, какія не замедлили проявиться въ родѣ. Послѣдній, въ силу такого развитія, все больше и больше съуживался и изъ нераздѣльной совокупности нѣсколькихъ семей переходилъ въ одну семью. При этомъ, понятно, оказались излишними и многія названія, обязанныя прежней совмѣстной жизни. Для народа казалось уже достаточнымъ ограничиться одними общими терминами, вмѣсто частныхъ, видовыхъ, господствовавшихъ въ періодъ крѣпости родоваго быта. Въ слѣдствіе этого дядя замѣ-

нилъ уя и стрыя тетка, уйку и стрыню, племянникъ — сестричича и братанича, племянница — сестричну и братану. Не станемъ отрицать, что и на западѣ славянскомъ церковь также заботилась о возвышеніи брака и объ искорененіи во взглядѣ на него языческихъ понятій; но тамъ давно уже предѣлы свойства, въ которыхъ могъ состояться брачный союзъ, свелись въ тѣсныя рамки, ограничившись лишь ближайшими степенями. Это одно не могло не произвести особыхъ послѣдствій. Но гораздо важнѣйшее, по нашему мнѣнію, имѣло вліяніе на паденіе, съ одной стороны, свойственныхъ названій и на упроченіе, съ другой, кровнаго родства у западныхъ Славянъ, раннее выдѣленіе сословій и особое положеніе дворянскихъ родовъ. По мѣрѣ того, какъ простой народъ терялъ больше и больше свою независимость и переходилъ изъ положенія свободныхъ землевладѣльцевъ въ сословіе простыхъ работниковъ, правильнѣе рабовъ, всецѣло подчиненныхъ волѣ или произволу дворянъ землевладѣльцевъ, что окончательно утвердилось, напр., въ Польшѣ въ первыхъ годахъ XVI вѣка, дворянство употребляло всѣ средства, чтобы связать какъ можно прочнѣе свои роды и тѣмъ упрочить за собою большую политическую силу. Эта связь, выражаясь видимымъ образомъ въ одномъ гербѣ для всѣхъ членовъ одного рода, изъ сколькихъ бы отдѣльныхъ семей ни состоялъ онъ, скрѣплялась и законодательными постановленіями о неотторженности отъ него недвижимаго имущества. Заботливость объ исключительной принадлежности такого имущества данному роду произвела полное отчужденіе отъ наслѣдства въ немъ лицъ женскаго пола, не исключая и дочерей, даже и въ томъ случаѣ, когда не было ближайшихъ наслѣдниковъ братьевъ, сыновей, племянниковъ, внуковъ. Какъ бы ни была далека степень родства, но каждый родичъ пользовался преимущественнымъ правомъ на наслѣдство передъ дочерью, не теряя этого права даже и тогда, когда недвижимое имущество было продаваемо самимъ владѣльцемъ; ему стоило только внести уплаченную за имѣніе сумму, чтобы возвратить его снова въ прежній родъ. Ничего подобнаго, кажется, не было на востокѣ. Этотъ порядокъ съ совмѣстною, большею частью на одномъ кускѣ земли, жизнью всѣхъ семей одного дворянскаго рода, доходившихъ числомъ до нѣсколькихъ десятковъ еще въ XVI и XVII

столѣтіяхъ, при полномъ сознаніи своего единства, не могъ не содѣйствовать продолжительному отличенію степеней родства, сохранившему въ памяти и самые термины родственные. Такъ думаемъ мы о причинѣ столь замѣчательной противоположности, въ этомъ отношеніи, между восточными и западными Славянами, не скрывая своего желанія встрѣтить болѣе положительное и подробное ея объясненіе.

Взглядъ на родственныя названія способенъ вести къ заключеніямъ и о доисторической жизни и не только однихъ Славянъ, но всего племени арійскаго. Такъ, самое бѣглое вниманіе къ количеству названій, отличающихъ столь строго и точно мелкіе оттѣнки родственности, не можетъ не убѣдить въ глубочайшей древности развитія брачной жизни и въ преимущественномъ господствѣ одноженства. Полигамія никогда не въ состояніи породить такой прочности семейныхъ отношеній и столь широкаго сознанія родовыхъ связей до отдаленнѣйшихъ степеней: а мы видѣли, что наибольшая часть терминовъ отличается общностью происхожденія у всѣхъ народовъ индоевропейскихъ, и слѣдовательно возникла въ нераздѣльной еще ихъ жизни. Подобное же положеніе брака и семьи или рода указываетъ убѣдительно на высокую относительно ступень образованія этихъ народовъ еще за долго до самостоятельнаго появленія каждаго изъ нихъ въ исторической жизни. Разборъ коренного значенія нѣкоторыхъ выраженій, дѣйствительно, возводитъ такое положеніе брака до быта пастушескаго, какъ это видно изъ разсмотрѣнныхъ терминовъ для самаго понятія брака. Тѣже выраженія рисуютъ намъ и послѣдовательное развитіе и очищеніе его отъ простаго захвата дѣвицы къ сложной обстановкѣ разнообразными, часто поэтическими обрядами. Цѣлые вѣка, безъ сомнѣнія, проходили прежде, чѣмъ одинъ способъ брачныхъ соединеній успѣлъ смѣняться другимъ. Исконной чистотѣ взгляда на бракъ, конечно, слѣдуетъ приписать и расширеніе семьи въ родъ, связывавшій тѣсными узами любви и дружбы всѣхъ разнообразныхъ его членовъ; о такомъ характерѣ связи говоритъ коренное понятіе родственныхъ названій. Въ этомъ же свойствѣ рода должно искать основанія тому, что онъ послужилъ образцемъ первоначальнаго общественнаго устройства цѣлаго народа славянскаго. Образованіе русской в е р в и, чеш-

ской околицы, польскаго ополья, бывшихъ зародышами позднѣйшаго государства, обязано единственно размноженію рода: тѣ же патріархальныя начала любви и почтенія къ старшимъ, какія руководили управленіемъ послѣдняго, перешли всецѣло и на верви, околицы, ополья; и они точно также представляли самостоятельныя единицы относительно другъ друга, какими жили роды, пока соединеніемъ подъ властью одного правителя, князя, не образовали самостоятельной государственной единицы, не утративъ, однакоже, на первое время, своего внутренняго самоуправленія. Выраженія околица и ополье предлагаютъ, съ другой стороны, новое доказательство той непреложной для безпристрастнаго ума истины, что народы славянскіе за долго до слѣянія отдѣльныхъ поколѣній въ государства были вполнѣ осѣдлыми воздѣлывателями своихъ полей, распредѣленныхъ первоначально по родамъ, разросшимся съ теченіемъ времени въ округи или общины, т. е. въ верви, околицы, ополья.

Послѣ всего сказаннаго нами, едва ли заслуживаютъ опроверженія натянутыя усилія польскаго историка, Шайнохи, доказать, что значеніе рода у Славянъ обязано только христіанству, что w pogaństwie nie było dalszych krewnych, что cała rodzina pogańska składała się tylko zojca i synów, что pogaństwo nie znało ani rodziny, ani dziedziczności w pozniejszem znaczeniu słowa (23). Такія заключенія свидѣтельствуютъ только о непростительномъ увлеченіи національною новизною, при томъ возникшею не изъ туземныхъ началъ, и о небрежномъ отношеніи къ дѣйствительной наукѣ о старинѣ. У Славянъ языческихъ потому именно и не была, да и быть не могла наслѣдственность въ *позднѣйшемъ смыслѣ*, что родъ былъ слишкомъ крѣпокъ и совокупенъ и не допускалъ общаго имущества до раздѣла въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ. А что издавна нѣтъ слѣдовъ такаго быта въ польскомъ простонародьѣ, то, конечно, г. Шайнохѣ извѣстна причина, лишившая такъ давно не—шляхту польскую всякой тѣни не движимаго имущества.

ПРИМѢЧАНІЯ:

къ первому отдѣленію.

---

(1) Корнесловъ русскаго языка. Спб. 1842.

(2) Formenlehre d. kirch. Slawisch. Sprache. 1852, стр. 111.

(3) Lexicon Palaeoslov. graeco-latin. Vindobonae, 1862—1865.

(4) Въ такихъ опредѣленіяхъ, подъ именемъ «коло родства человѣча», приводится семь степеней въ слѣд. порядкѣ: младенецъ до 7 лѣтъ, отроча до 14, дѣтище до 21, юноша до 29, мужъ до 35, срѣдовѣченъ до 42, старецъ до 56; за этимъ идетъ матерство безъ указанія границы. См. Описаніе рукоп. Румянц. Музея. Востокова, Спб., 1842, стр. 4.

(5) Glossarium Sanscritum. Berolini, 1847.

(6) См. примѣч. 4.

(7) Ипатіев. лѣтоп., стр. 76, подъ 1154 годомъ; договоръ съ Греками, лаврент. лѣт., стр. 19; Извѣстія 2-го отд. Акад. Н., 1857, 293, Минея Празднич., № XXXIX; Краледвор. рукоп.: Забой, Славой и Людекъ; Slovnik česko-německý, подъ словомъ muž.

(8) И другы рече: сѫпрѫгъ воловьныихъ коупихъ пѧть, остром. Еванг., 107, б; се, брате, вѣ соупроуга бꙑховѣ, единоу браздоу тѧжаща,—предсмертныя слова св. Кирѵлла, обращенныя къ брату, св. Меѳодію. Šafař. Památky dřevn. písemn. Jihoslovanů, 1851, стр. 5 житія св. Меѳодія.

(9) Дополненія къ актамъ историч. 1, № 231, письмо 2-е, тоже и въ письмѣ третьемъ; въ письмѣ шестомъ: семъишка твоя крушка съ дѣтми, много челомъ бью. Въ письмѣ первомъ, гдѣ мать пишетъ сыну, понятно, такаго выраженія уже не встрѣчаемъ.

(10) Etymolog. Forschungen, 1, 126, по старому изданію. Съ этимъ соглашается и Боппъ, ставя посредствующею формою между strî и su существ. sôtrî, изъ котораго образовалось первое. Срв. Lassen, Indisch. Alterth. 1, 813.

(11) См. Miklosich, Lexicon pal. slov. grec. latin и Востокова, Словарь церков. слав. языка, подъ словами веденица, ведовица.

(12) Полн. Собр. Рус. лѣтоп., 1, 34. Между тѣмъ, въ церк. славян. письменности слово водима попадается, какъ доселѣ извѣстно, только въ смыслѣ распутной женщины.

(13) Miklos., Lexicon pal. slov., подъ словомъ хоть.

(14) Описан. рукоп. Синод. Библіот. 1, 110, 109; также Лексиконъ Миклошича.

(15) Buschmann: über den Naturlaut, въ Abhandlungen (philolog. historische) der königlichen Akademie de Wissenschaften zu Berlin. 1853, 391 — 425.

(16) Срв. Новгород. перв. лѣтоп., стр. 35; Новгород. третью, 240; Лѣтоп. Переяслав., стр. 49, 61, 73, 18.

(17) Bopp. Glossar. Sanscr.. стр. 217.

(18) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Sprache: die annahme, dass otz̋ (=otec) ein ursprüngliches potz̋ (=potec) vertreten, scheint bedenklich, weil auch das charakteristische r des schlusses abgeht und kaum durch z ersetzt wird. стр. 186.

(19) atavus quia atta est avi, id est pater, ut pueri usurpari solent. Срв. Pott. Etymolog. Forsch. 2, 315.

(20) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Spr., 189.

(21) Königinhof. Handschrift, 1829, 72.

(22) Grimm, тамъ-же.

(23) Serbische Lesekörner, 1833, 137.

(24) Словарь живаго великорус. языка, Даля.

(25) Лѣтоп. Ипат., стр. 89, подъ 1161 годомъ.

(26) Забой, Славой и Людекъ.

(27) Животи Кральева и архиепископа Сриских. Даничић, Загреб. 1866, стр. 211.

(28) Pictet: Les origines Indo-europ., 2, 350.

(29) Срв. Отчеты 2-му Отдѣл. Акад. Н. кандидата Микуцкаго, тетрадь 2-я, Сбп., 1855, № 6-й, стр. 5. Понятно, что мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, касательно произвожства лужицкаго nan (отецъ) отъ nana (мать). Изъ нашего изложенія, надѣемся, ясно, что и то и другое названія одинаково и самостоятельно образованы изъ общаго кореннаго сочетанія na.

(30) Pictet. Тамъ-же, стр. 350.

(31) Тамъ-же, стр. 349. На значеніе рождать въ корнѣ mâ указываетъ и Боппъ. Срв. его Gram. Sanscr., 1845, § 124, прим. Тоже принимаетъ и Миклошичъ: Die Wurzel des Altslovenisch., 1857.

(32) См. статью Malého, Časap. česk. Mus., 1857, 2 svaz, стр. 165.

(33) Pott, Etymol. Forsch., 1, 230.

(34) Срв. Lateinisches f für altes dh, замѣтка Курція въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforsch., 11, 398 — 400.

(35) Значеніе foemina, какъ питающая грудью, die Säugende, подобно скр. dhénu, а foetus — питаемаго, der Säugende, der gesäugt werdende, наравнѣ съ скр. dhétu, срв. у Керна, въ Zeitschr. für vergleich. Sprachforsch. 7, 274.

(36) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1847, 1, 7.

(37) Вотъ какъ говоритъ Гриммъ: Die Sprache der Nomaden enthält einen reichtum manigfacher ausdrücke für schwert und waffen und für die viehzucht in jeder lage, welche dem gebildeten zustand hernach lästig oder überflüssig erscheinen: das begatten, trächtig sein, gebären, sterben, schlachten wird fast bei jedem vieh anders und eigens benannt, wie der jäger am verschiedenen wild den gang und einzelne glieder des leibs mit abweichenden wörtern zu bezeichnen pflegt. Dieser in freier luft lebenden hirten auge sieht weiter, ihr ohr hört schärfer, wie sollte nicht überall ihre rede sinnliche anschauung und fülle gewonnen haben? Gesch. der Deutsch. Sprache, 1, 14.

(38) Корнесловъ Шимкевича, 1, 73.

(39) Какъ на болѣе подробное и ясное изложеніе, укажемъ на сочиненіе г. Буслаева, о вліяніи христіанства на славян. языкъ, стр. 161 — 163; Срезневскаго — Мысли объ исторіи рус. языка, стр. 140 — 144.

(40) Въ Archiw für Studien der neueren Sprache und Literatur, Herrig, 9 Bd, 1851 стр. 472.

(41) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1, 16.

(42) Срв. Lassen. Indisch. Alterth., 1, 813, прим. 1.

(43) Не беремся рѣшать, на сколько основательна догадка Боппа о родствѣ arbha съ garbha, въ значеніи чрево, животъ. См. его Glossar. Sanscr. подъ словомъ arbha. Впрочемъ, дальше мимоходной догадки Боппъ не идетъ.

(44) Доказывать дѣйствительность такого происхожденія, равно и способъ образованія изъ этого корня формы пасторак у Славянъ южныхъ нахожу излишнимъ послѣ обстоятельнаго обслѣдованія этихъ словъ Шафарикомъ. См. Славян. Древности, въ рус. переводѣ, т. 1, кн. 1, стр. 274 — 299.

(45) Переходъ изъ кти въ шти обязанъ установившемуся съ незапамятныхъ поръ обычаю слав. языка смягчать к въ ш какъ въ этомъ окончаніи, такъ и въ окончаніи кть; отсюда: пешти изъ пекти, рештн изъ ректи, или пошть изъ основной формы покть, соотвѣтствующей скр. nactam (отъ неупотребительной nacta, т. е. ночью), латин. noct-is, греч. νυκτ-ος и т. д. Звукъ ъ въ дъшти вполнѣ по-старо-славянски замѣняетъ короткое коренное и въ санскритѣ, какъ, въ свою очередь, вполнѣ согласно съ фонетикой рус. языка замѣняется въ послѣднемъ посредствомъ о. Звуки гортанные г, к, х, представляя такое множество случаевъ, и въ корняхъ и во флексіяхъ, взаимной мѣны другъ съ другомъ, въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, точно также замѣняются одинъ другимъ и въ отношеніи языковъ родственныхъ между собою.

(46) Срв. Bopp, Gramm. d. Sanscr. Spr., § 124. Распространенность его въ языкѣ очень велика; въ примѣръ приведу: âhartŕ, приготовитель; yaštŕ, жертвоприноситель; dâtŕ, даятель. nêtŕ, водитель, вождь; mânajitŕ, почитатель, и др. Очевидно, окончаніе это одинаково, и по происхожденію и по значенію, съ греко-латинскими τωρ, τηρ, tor и съ слав. тель. Замѣна этимъ тель первообразнаго тер видна въ самомъ существительномъ дочь, въ древнѣйшей его формѣ: косвенные падежи ст. славян. существительнаго дъшти — дъштере, дъштери и т. д. говорятъ ясно объ основѣ дъштер, изъ которой произошли послѣднія формы и которая стянулась въ именит. падежѣ въ дъшти, подобно существ. мати изъ матер (родит. матере и т. д.), равному скр. mâtar, греч. μητηρ. лат. mater.

(47) Indisch. Alterth., 1, 513, прим.

(48) Срв. Pott, Etym. Forsch., 1, 229; Miklosich, Die Wurzeln des altslow. Wien, 1857.

(49) Изъ всѣхъ славян. нарѣчій, кажется, въ одномъ сербскомъ уцѣлѣло это слово, въ значеніи кормилицы, няньки, и то какъ рѣдкость, попадаясь лишь въ пѣсни миѳическаго происхожденія, гдѣ нагорная вила, соглашаясь съ милымъ юноши, что его любезная красивѣе ея, объясняетъ такое превосходство незатѣйливымъ своимъ воспитаніемъ:

мене је гора родила,
у зелен листак повила,
јутрења роса падала,
мене је вилу дојила,
од горе вјетриц пувао,
мене је вилу шикао:
то су ми биле дадиље. Караџ.,

Пјесме, 1845, 1, 191.

(50) Quant à une troisième hypothèse, qu' il (Bopp) propose encore comme la plus plausible, savoir que duh aurait ici l'acception causative de allaiter, et que duhitar aurait désigné primitivement la femme en général, avant de passer à la fille, on peut objecter, ce semble, l'absence de tout rapport aux parents, tandisqu' un nom de parenté doit exprimer quelque rapport spécial. Comment un père ou une mère auraient — ils appelé leur fille ma nourrice? Les orig. Indoeurop. 2, 354 — 355.

(51) Vergleich. Grammatik, 1, 299.

(52) Antholog. Sanscr., 262.

(53) Литовское brolis образовалось, по мнѣнію Боппа, черезъ опущеніе t и перемѣну r на l (Glossar. Sanscr. подъ словомъ bhrâtŕ; срв. Pott, Etymol. Forsch. 2, 111), что, впрочемъ, справедливо можетъ опровергаться замѣчаніемъ Нессельмапна, видящаго въ окончаніи lis обычный суффиксъ уменьшительныхъ именъ, а въ формѣ brolis сокращеніе изъ brotelis; конечное r въ литовскомъ могло утратиться также точно, какъ утратилось оно въ большинствѣ славян. нарѣчій, и было-бы непослѣдо-

вательно видѣть его превращеніе въ l въ такой приставкѣ, которая имѣетъ въ языкѣ самостоятельное значеніе, именно въ уменьшительныхъ именахъ. Срв. Schleicher, Litauische Grammatik, Prag, 1856, стр. 130 — 131. Звукъ t дѣйствительно и существуетъ въ существ. brotuszis, въ значеніи двоюроднаго брата. Pictet, 2, 362.

(54) Glossar. Sanscr., подъ bhrâtṛ.

(55) См. его Хрестоматію, стр. 283.

(56) Indisch. Altersh., 1, 813. Пикте, вѣроятно, подъ вліяніемъ замѣчаній Бетлинга и Лассена, сопоставляя оба выраженія bhartṛ и bhrâtṛ, уже прямо объявляетъ, что «quant à la signification étymologique de ce nom du frère, elle est si claire, qu' aucun dissentiment ne s'est produit à son sujet. Les orig. Ind. А положительное утвержденіе Боппа radix incerta?

(57) Etymol. Forsch. 1, 126; 2, 554; Schleicher, Formenlehre d. Kirch.-Slaw. Spr., 175.

(58) Glossar. Sanscr., подъ словомъ svasṛ, а также vergleich. Gram. 1, 299.

(59) Zeitschrift für vergleich, Sprachforsch. 5, 235.

(60) Les origin. Indoeurop. 2, 365 — 366.

(61) Сопоставленіе понятій молодости и слабости, бѣдности, худобы, обыкновенно во всѣхъ языкахъ и, конечно, зависитъ отъ преимущественнаго, если не исключительнаго вниманія древнѣйшаго человѣка къ силѣ физической. Отсюда-то и образовалась синонимичность выраженій молодой, юный, малый и слабый, бѣдный, худой, какъ напр., въ слѣд. выраженіи: что ради ни боле ни хоуже (меньше) числомъ суть евангелиа. Рукоп. Пчелы, Временникъ, кн. 25, стр. LXXII. Срв. нашу замѣтку въ текстѣ, подъ словомъ ребенокъ.

(62) Срв. выше, подъ корнемъ av для названія отца.

(63) Срв. Гильфердинга, матеріалы для сравнит. словаря, изд. 2-мъ отдѣл. Акад. Н., листъ XXVX, стр. 451.

(64) Les origin. Indoeurop. 2, 367.

(65) Срв. Hanuš, Nàstin Slohovědy, 1864, Praha, стр. 83: baba тоже, что dospelà, dorostlà, velkà, какъ děd, т. е. didi, лит. didis.

(66) Сербск. пословицы Караджа., 74.

(67) Glossar. Sanscr. подъ pra, срв. para remotior, ulterior, posterior. Шлейхеръ это pra признаетъ за тему, изъ которой въ языкахъ индо-европейскихъ образовалось числительное порядочное для единицы. Записки Акад. Н., Спб., т. 10, стр. 57, статья: темы именъ числительныхъ въ литовскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

(68) Dem scr. ati (ultra, nimis) entspricht, wie allgemein anerkannt wird, gr. ἔτι, lat. et und auch wohl at in atavus. Cf. atimâtras übermässig, atirâtras übermächtig. Curtius, Grundzüge d. griechisch. Etymol., 1858, 1, 61.

(69) Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ подъ 1451 годомъ, 1, № 76; срв. №№ 88, 89.

(70) Стр. 45, подъ 1149 годомъ.

(71) Думаю такъ, не смотря на лексиконъ Миклошича, который въ опредѣленіи значенія: праштоуръ pronepotis filius, т. е. праправнукъ, руководился единственно слѣд. мѣстомъ Кормчей: отъ правноука родивы се глаголеть се праштоуръ. Одна Кормчая и при томъ однимъ мѣстомъ едва-ли въ состояніи пересилить господствующее значеніе пращура, какъ родственника въ восходящей линіи среди русскихъ Славянъ какъ въ старину, такъ и въ настоящее еще время. Востоковъ, по нашему мнѣнію, поступилъ основательнѣе, опредѣливши пращура однимъ терминомъ δίσπαπος, прадѣдъ.

(72) О вліяніи христ. на слав. языкъ, Буслаева, 149 — 152; Гильфердингъ, Матер. для сравнит. Словаря, лист. XXVIII, стр. 434. Для оправданія родства щура съ sthûra требовалось-бы какъ можно больше примѣровъ, такъ какъ переходъ скр. sth въ слав. въ щ (-шт) вообще необыкновенень.

(73) Значеніе предковъ и ихъ боготвореніе у народовъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, равно и олицетвореніе ихъ въ образахъ и истуканахъ, а также и въ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ подробно и отчетливо изложено въ сочиненіи: Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit und die Entwickelung der Civilisation von Tyler. Leipzig, 1866, преимущественно въ шестой главѣ (стр. 136 — 192) подъ заглавіемъ Bilder und Namen.

(74) Православ. Собесѣдникъ, январь, 1858, 157 — 158, Слово о постѣ. На тоже боготвореніе въ язычествѣ намекаетъ и обратное значеніе дѣдъ, дѣдка въ христіанствѣ, въ смыслѣ нечистаго, дьявола; доказывать, полагаемъ, нѣтъ надобности, какъ обожаемые нѣкогда предметы, съ переворотомъ религіознымъ, перешли къ противоположному значенію.

(75) Lexicon Pal. slov. Miklosich, подъ словомъ дѣдъ.

(76) Срв., между прочимъ, Гильфердинга, Матер. для словаря, листъ XV, стр. 239.

(77) См. Южно-русскія пѣсни, изд. Метлинскимъ, стр. 206.

(78) Наутрѣя же увѣдавши княгини и съвѣтъ створи съ Мирославомъ съ дядькомъ... Дапила же возмя дядька передъ ся, изыде изъ града. Лексик. Академич.

(79) Гильфердингъ, въ Матер. для Словаря, сближаетъ съ скр. sthûra, человѣкъ, мужчина; Юнгманнъ, въ своемъ чешскомъ лексиконѣ, сопоставляетъ съ скр. strî, женщина, жена. Какъ то, такъ и другое сближеніе въ одинаковой степени не легко, по нашему мнѣнію, вяжутся съ стрыемъ и по формѣ и по значенію.

(80) Собраніе сказокъ Аѳанасьева, вып. 4, стр. 82.

(81) Мы уже окончили свою статью, какъ попалась намъ въ руки замѣчательная книга, изданная въ память извѣстнаго хорутанскаго дѣятеля, Водника, подъ заглавіемъ: Spomenik Vodnikov, 1859, Lajbach; а въ этой книгѣ съ особеннымъ интересомъ прочитали наблюденіе Золо-

кара надъ употребительными донынѣ названіями родства у Хорутанъ; здѣсь то нашли мы и фактическое подтвержденіе нашей догадки: Хорутане, дѣйствительно, до сихъ поръ знаютъ стрычну. См. отдѣльную статью въ упомянутой книгѣ: Slovenski Rodovnik, 254—260.

(82) Матер. для словаря, листъ XX, стр. 318.

(83) Срв. savja, лѣвый, и церк.-слав. шоуи. Матер. для Словаря, тамъ же, стр. 316—319; Schleicher, Formenl. d. Kirch.-Slav. Sprache, 76—77.

(84) Lottner, Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch., 7, 165.

(85) Litauische Grammatik, 144; Pictet, Les orig. Indoeurop., 2, 349, къ тому же корню относитъ и нѣмец. oheim, дядя.

(86) См. Словарь церк.-слав. языка Востокова.

(87) Porządek Sądów i Spraw miejskich prawa Magdeburskiego. Przemysl, 1760, 125.

(88) Справедливость и этого предположенія оправдывается тою же статьею Залокара, въ которой приведены въ замѣчательной полнотѣ существующія до сихъ поръ родственныя названія у хорутанскихъ Славянъ.

(89) О языкѣ сѣверн. рус. лѣтописей, Спб., 1852, 148—156.

(90) Новгород. первая лѣтоп., стр. 13, 16, 61; Ипатьевская, стр. 78—92.

(91) Акты историч. 1, № 42, стр. 86, подъ 1448 годомъ.

(92) Новгород. четвертая, стр. 92, подъ 1386 год.; Новгород. первая, стр. 109, подъ 1419; Акты относящіеся до юрид. быта Россіи, 1, № 63, стр. 448; подъ 1549 год. акты истор., 1, № 650; Новгор. первая, стр. 6, подъ 1132 год.; Ипатьев., стр. 78, подъ 1155; тамъ же, стр. 93, подъ 1165 год.; стр. 121, подъ 1179; тамъ же, стр. 170; стр. 185, подъ 1251.

(93) Толковый Словарь живаго великорус. языка, Даля, подъ словомъ братъ.

(94) Лаврент. лѣтоп., стр. 147, подъ 1154 год.; срв. Новгород. первая, стр. 11, подъ 1185; Лѣтоп. Переслав., стр. 71; тамъ же, стр. 104, подъ 1198; Ипат., стр. 77—78, подъ 1155.

(95) Истор. Госуд. Россійск., Карамзина, т. 3, прим. 54.

(96) Лаврент. лѣтоп., стр. 135, подъ 1143 год.

(97) Тамъ же, стр. 137; Новгород. первая, стр. 79, подъ 1339; тамъ же, стр. 109, подъ 1420 год.; срв. Акты истор. 1, №№ 38, 71, подъ 1446 и 1462 годами; акты до юрид. быта, стр. 151.

(98) Новгород. вторая лѣтоп., стр. 172.

(99) Никонов. лѣтоп., 5, 88.

(100) Lexicon Pal. Slov. Miklos: нетии fratris filius vel sororis.

(101) Les origin. Indoeurop. 2, 355—359.

(102) Срв. gnabat, тамъ же, стр. 357, прим. 2.

(103) Акты истор. 1, 152.

(104) Дополн. къ актамъ историч. 1, № 167, стр. 296; Акты истор. 3. № 211, стр. 367;

(105) Гильфердингъ сопоставляетъ славян. племя, которое пишетъ онъ, вопреки даннымъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, черезъ ѣ (плѣмя), съ скр. prî, любить. Едвали останется онъ при прежнемъ мнѣніи, сообразивши родственные языки и сравнивши происхожденіе другихъ синонимичныхъ выраженій какъ въ славянскомъ, такъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ.

(106) Zeitschr. für vergl. Sprachforsch. 7, 166, статья Лоттнера. Сюда же можно бы было поставить и серbо-хорват. traha, порода, племя, которое г. Гильфердингъ производитъ отъ скр. trh (см. Матер. для словаря), расти, еслибы такое значеніе корня trh не возбуждало сомнѣнія.

(107) Новгор. первая лѣт., стр. 23; Опис. рукоп. синод. библіотеки 1, № 46, стр. 296.

(108) Новгород. первая лѣт., стр. 58. подъ 1265 год.

(109) Такъ въ пословицѣ: родъ — племя близко, а свой ротъ ближе.

(110) Акты истор., 4, 473; срв. Дополн. къ актамъ историч., 4, 268; Акты, относящ. до юридич. быта, 1, № 63, стр. 456.

(111) Новгород. первая лѣтоп., стр. 58.

(112) О вліяніи христіанства на слав. языкъ, Буслаева, 154.

(113) Временникъ Общ. Ист. и Древн., кн. 19, статутъ литовскій, стр. 68.

Ко второму отдѣленію.

(1) Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что скр. ǵ соотвѣтствуетъ и въ славянскомъ языкѣ, подобно литовскому, гораздо чаще звуку ж, чѣмъ з. Такъ: ǵiv—жить (и здѣсь ǵ вм. коренного g, на что указываетъ и литов. gywas, живой, и готск. qvivs, тоже), ǵanî — жена и др. Впрочемъ, славян. языкъ предлагаетъ примѣры обоюднаго перехода g въ ж и з въ одномъ и томъ же словѣ: напр., зрьно и жрѣновъ отъ корня ǵrî, тереть, мельчить. Glossar. Sanscr. Боппа.

(2) Glossar. Sanscr. Bopp, подъ словомъ ǵâmâtr.

(3) Indisch. Alterthumskunde, 1, 813, примѣч. 1.

(4) Etymol. Forsch. 1, 261—262.

(5) Les origin. Indoeurop., 2, 371.

(6) Litauisch. Gramm., Schleicher., стр. 99, 115.

(7) Указывая на выраженія, родственныя славянскому зать въ другихъ языкахъ, мы привели условно и греческ. γάμβρος. Условность наша основана на сомнительности первоначальнаго значенія корня γαμ, изъ котораго образовалось γαμβρος. Что дѣйствительно въ основѣ этого слова лежитъ корень γαμ, сомнѣваться нельзя, уяснивши его образованіе. Звукъ β, повидимому, принадлежащій корню, смущать не можетъ, какъ обычная вставка между носовымъ губнымъ μ и ρ, требуемая особенностями греческаго звукосочетанія, какъ въ силу такого же требованія вставляется въ томъ же греч. языкѣ и δ между язычнымъ носо-

вымъ ν и тѣмъ же ρ, напр., въ ἀνδρός. Подобную вставку β встрѣчаемъ и въ другихъ словахъ, какъ: ἄμβροτος, ἀμβροσία, μεσημβρία и т. д. Такимъ образомъ γάμβρος вм. γάμρος, какъ ἄμβροτος вм. ἄμροτος, отъ корня mṛ (-mar, литов. mirti, слав. мрь-ти), изъ котораго явилось, тожественно съ греч. и по формѣ и по значенію, санскритское слово amṛta, т. е. ἀμβροσιά, вм. ἀμροσια, или какъ μεσημβρία изъ μέσος и ἡμέρα. Въ латинскомъ gener сохранился коренной носовой звукъ n; вставка послѣ него d передъ r оказалась излишнею, при удержаніи гласнаго e: gener — generi; но она стала необходимою съ утратою этого e, какъ видно изъ франц. gendre. Что же касается до значенія корня γαμ, въ γάμβρος, то мнѣніе не одинаково. Большинство филологовъ не затрудняется сопоставлять его съ gan, ǵan, а слѣдовательно γάμβρος съ gener, слѣдовательно съ зать, объясняя, такимъ образомъ, μ переходомъ изъ первоначальнаго ν (-n); по Пикте (Les orig. indoeurop., 2. 334) находитъ такой переходъ весьма необыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ, когда не требуется онъ вліяніемъ послѣдующихъ губныхъ, и сближаетъ въ силу этого греч. γαμ съ скр. gam, въ значеніи идти, соединяться съ женщиной, откуда производитъ онъ и γάμος, γαμεῖν. На это позволимъ мы себѣ сказать слѣдующее: а) переходъ n въ m далеко не исключительно ограничивается вліяніемъ губныхъ; тотъ же корень gan въ литов. языкѣ является обыкновенно въ формѣ gam или, съ ослабленіемъ a въ i, gim, какъ въ prigimtis, существо, природа (Срв. Schleicher, Litauisch. Gramm. стр. 116: radix gan, die sonst im litauish gam lautet); б) значеніе соединенія съ женщиной (coire cum femina) весьма производное и встрѣчается, сколько извѣстно, въ глаголѣ сложномъ upagam, и притомъ не безъ существительнаго жена, женщина, какъ strijam upagantum; в) при этихъ сомнѣніяхъ невольно обратимся и къ соотвѣтствующимъ словамъ въ родственныхъ языкахъ, въ которыхъ, какъ видѣли, въ основѣ термина для зятя лежитъ корень именно gan=ǵan; наконецъ, г) нельзя не обратить вниманія и вообще на идею первобытныхъ терминовъ родства у народовъ индоевропейскихъ, которая въ наибольшей части сводится къ рожденію и въ которой не замѣтно указанія на что-либо плотское, чувственное. Вотъ почему мы рѣшаемся думать, что и греч. γάμβρος идетъ отъ того же корня gan, рождать.

(8) Bopp, Sanscr. Gram. §§ 77—81.

(9) Тамъ же, § 129, стр. 69.

(10) Такъ уцѣлѣло оно въ мѣстоименныхъ формахъ насъ, васъ, равно въ старинныхъ окончаніяхъ для мѣстнаго падежа въ древне-чешскомъ нарѣчіи, какъ: dolas, lužas, polas и др. (срв. Počatkové staročeské mluvnice, Šafař, стр. 32). Сохранилось и въ формахъ аориста: приѧсъ, начасъ и др., вм. позднѣйшихъ: приѧхъ, начахъ.

(11) Подобная же утрата спереди s произошла въ греч. и латин. языкахъ въ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ слав. снѣгъ: πίϰ и νέω;

литов. snëgas, готск. snaivs, др. нѣм. sne (род. snewes), — очевидно, отъ корня snu, течь, капать (-fluere, stillare).

(12) Не даромъ Іоаннъ Экзархъ Болгарскій въ своемъ примѣненіи греческой грамматики Іоанна Дамаскина къ языку славянскому и не употреблялъ другой формы для родительнаго падежа, какъ форму прилагательныхъ притяжательныхъ: муж. овъ, жен. ина. См. Іоан. Экзархъ Болгар., Калайдовичъ, Москва, 1824, стр. 77.

(13) Мы не затруднились опустить въ текстѣ объясненіе слова сноха, представленное Поттомъ (Etymol. Forsch. 1, 230) и Веберомъ (Indis. Stud., 5, 260). Хотя первый, въ своемъ толкованіи со стороны значенія, и не предлагаетъ ничего несообразнаго съ общимъ характеромъ общихъ названій родства у народовъ индоевропейскихъ, тѣмъ не менѣе, сторона звуковая едва-ли способна выдержать строгую критику. Поттъ разлагаетъ слово sunuša на предлогъ sam (-съ) и глаголъ vas, обитать, жить, въ причастіи прошедшемъ uṣita, такъ что основная форма была бы sanvasâ. Но почему же была бы взята форма причастная и притомъ прошедшаго времени? Далѣе, если и возможенъ переходъ an (-am) въ u въ санскритѣ, то какъ объяснить переходъ am въ un; еще болѣе, какъ допустить безслѣдную потерю цѣлаго слога (an, am) въ славянскомъ языкѣ, или равносильнаго ему носоваго ж? Что касается до корня snu, течь, подставляемаго Веберомъ, объясняющимъ понятіе sunuša тѣмъ, что сноха какъ бы растекается изъ боязни и почтенія къ свекру, то, думаемъ, нѣтъ нужды доказывать несостоятельность его въ настоящемъ случаѣ.

(14) Срв. Compendium der vergleich. Grammatik, Schleicher, I, 57—58.

(15) Срв. Гильфердингъ: объ отношеніи языка славян. къ языкамъ родственнымъ. Москва, 1853, стр. 45 и слѣд.

(16) Едва-ли основательно сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшая форма ст.-слав. нарѣчія должна быть свекъръ, а не свекръ, какъ попадается въ памятникахъ. Гласный звукъ въ срединѣ между к и р доказывается всѣми родственными языками, а характеръ его опредѣляется свойствомъ гласнаго и въ послѣднихъ, обращаемаго обыкновенно въ ст.-слав. нарѣчіи въ ъ, какъ скоро это и короткое, опредѣляется новѣйшими гласными о и е, слышными въ именит. падежѣ современныхъ нарѣчій славянскихъ, и бѣглостью ихъ въ другихъ падежахъ: свекоръ — свекра, sveker—svekra.

(17) Ст. славян. форма свекры, слышная отчасти и донынѣ въ говорахъ народныхъ, сохранила по своему образованію всю близость къ скр. çvaçrû, латин. socrus, въ которыхъ долгое и весьма часто и съ незапамятныхъ поръ соотвѣтствуетъ въ слав. звуку ы. Происхожденіе нынѣшней рус. формы свекровь обязано начавшейся также съ незапамятныхъ поръ потери склоненія на тему û, какъ муж. такъ и женск. рода, и смѣшенію его съ склоненіемъ на темы согласныя, подобно склоненію словъ: камы, мати и др. Чрезъ это во всѣхъ падежахъ явился слогъ ов=ъв, образовавшійся изъ разложенія ы (=û): свекръве,

свекрѣви и т. д.; форма, так. образомъ, свекрѣвь=въ рус. нарѣчіи свекровь есть собственно винит. падежъ единств. числа и принята для именительнаго подобно тому, какъ вм. прькы явилась церковь, потомъ даже церква, — послѣдняя степень новизны, сблизившей это слово въ склоненіи съ общимъ склоненіемъ для женск. рода на а. Такое стремленіе языка уподобразить по возможности склоненія замѣтно въ равной степени и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ; напр., въ чешкомъ находимъ svekra и svekrev, и если русскій языкъ не успѣлъ изъ свекровь образовать свекрова, по образу церква, то нарѣчіе сербо-хорватское давно уже забыло и вторичную форму, замѣнивъ ее позднѣйшею свекрва.

(18) Zeitschr. für vergl. Sprachf. 6, 13; 7, 188; 11, 164.

(19) Описаніе семи рукоп. Император. Публич. Библіот., Москва, 1859, стр. 89.

(20) Ross: Italiker und Gräken., Halle, 1858, стр. 15 прим.

(21) Si scr džâra huc spectat, slavi a germanis vocabulum hoc sunt mutuati. Lexic. palaeosl., стр. 324, подъ словомъ куръва. Džara (=ǵara) значитъ прелюбодѣй и, очевидно, происходитъ отъ ǵâ, ǵaja, женщина вообще. Если ǵ, образовавшееся изъ первобытнаго g, и соотвѣтствуетъ въ германскомъ звуку h, то никогда не замѣняется посредствомъ к въ славянскомъ; объяснять же послѣднее родствомъ съ германскимъ h черезъ заимствованіе слова мы не въ правѣ уже по одному тому, что существ. коуръва распространено у всѣхъ Славянъ и, слѣдовательно, на столько же должно считаться кореннымъ и самобытнымъ славянскимъ, на сколько hure нѣмецкимъ. Вопросъ можетъ касаться первобытнаго родства, а не заимствованія; если же такъ, то и въ основѣ нѣмецкаго h должно искать такой звукъ, который-бы равнялся славянскому к, а такимъ есть к, равный санскрит. ç.

(22) Павскій, въ своихъ филолог. наблюденіяхъ, 2, 96—100, разсматривалъ окончаніе ха не раздѣльно отъ предыдущихъ образовательныхъ гласныхъ (аха, яха, оха, еха, уха, юха, иха); но если и допустить, что каждая изъ гласныхъ придаетъ особый оттѣнокъ въ значеніи, то все таки ха имѣетъ свой общій смыслъ, принадлежащій одинаково всѣмъ сочетаніямъ и только различно оттѣняемый различными образовательными гласными. Слѣдующее мѣсто: «странно, что наше производственное иха усвоено только женщинамъ низшаго состоянія и самкамъ маловажныхъ животныхъ» обнаруживаетъ вполнѣ односторонній взглядъ автора на языкъ письменный и образованнаго класса по отношенію къ народному: свобода перваго располагать объемомъ и составомъ послѣдняго вовсе не даетъ права дѣлать изъ языка письменнаго норму и непременно подчинять ей языкъ народный. Мы видѣли, что окончаніе ха въ говорѣ простонародномъ прилагается къ женщинамъ рѣшительно всѣхъ состояній, — и такая общность должна служить исходною точною при опредѣленіи даннаго явленія, а не случайный и прихотливый выборъ такъ называемаго образованнаго класса.

(23) См. Lexicon palaeoslov. Miklos., подъ словомъ тьсть.

(24) Porządek sądów i spraw miejskich prawa Magdebursk., стр. 132. Срав. Słownik Lindego.

(25) См. его Slovnik česko-německý.

(26) Schleicher: Formenlehre d. Kirch.-Slaw. Spr., стр. 98.

(27) Bopp, Glossar. Sanscr., подъ словомъ takš.

(28) Срв. Буслаева истории. грам. рус. языка, 1, § 55, стр. 108—109.

(29) Предполагая посильное объясненіе происхожденія названій тесть и теща, упомянемъ о производствѣ ихъ г. Микуцкимъ. Онъ сближаетъ слово тесть съ литов. выраженіемъ ôszwis, предполагая въ немъ начальный звукъ t потерянным (собственно tôszwis). Это же t какъ въ славянскомъ языкѣ, такъ и въ предполагаемой формѣ литовскаго замѣняетъ коренное d, которое является въ скр. глаголѣ daç, съ значеніемъ дать. См. отчетъ 4-й, стр. 23. Но замѣтимъ прежде всего, что то daç, которое разумѣетъ г. Микуцкій, имѣетъ долгое a, которое удерживается обыкновенно и въ славян. языкѣ и не замѣняется посредствомъ глухихъ гласныхъ, какъ a короткое. Кромѣ того, указанное значеніе слишкомъ обще; гораздо чаще является глаголъ daç въ смыслѣ бить, поражать, убивать. Не удивительно, что отъ него и нѣтъ ни одного производнаго, которое бы заключало въ себѣ понятіе о какомъ либо родствѣ; значительнѣйшая часть производныхъ употребляется въ смыслѣ разбоя, разбойника. Не зависимо отъ всего этого, нельзя не пожелать уясненія причины и перехода d въ m (=t), особенно въ началѣ слова.

(30) Но въ доисторическую еще пору эту тему на и (=i) языкъ славянскій началъ смѣшивать въ склоненіи съ темою ja, перешедшею у Славянъ также въ ь, или послѣ гласныхъ въ и; такъ: кънязь (изъ кънагjъ), шоуи (= скр. savja) и др. Одно существ. пять выдержало въ ст. слав. нарѣчіи формы склоненія на тему и (=i) въ большей цѣлости, хотя также не безъ исключеній; другія слова обнаруживаютъ въ рукописяхъ лишь обмолвки въ пользу этого склоненія, какъ особеннаго отъ темы ja; напр., родит. затѣ (тожественный съ скр. на ês: krmês), дател. зати, тьсти (см. Miklos Formenl. d. altsloven. Spr., стр. 8—9). Нынѣшнія нарѣчія слили уже обѣ темы въ одну, подвергая одинаковому измѣненію въ склоненіи слова зять и мужь, и только слово путь до сихъ поръ держится какимъ-то особнякомъ, сближаясь въ склоненіи то съ словами муж. рода на ь, то женскаго на ь. Но какъ бы ни утожествились оба склоненія, форма именит. падежа такихъ словъ, какъ путь, тесть, зять и др., будетъ всегда указывать на тему и, потому что въ этомъ только случаѣ конечныя согласныя могутъ оставаться безъ соотвѣтствующаго смягченія. Въ противномъ случаѣ, когда бы и въ нихъ окончаніе ь утожествилось ь-рю въ словахъ мѫжь, кънязь и др., т. е. вмѣсто основнаго и приняли бы они ja, то должны бы образоваться формы зашть, тьшть, пѫшть, въ слѣдствіе извѣстнаго вліянія йотацизма, какъ въ кънязь, вм. кънагь, въ божь, вм. богь.

(31) Лаврент. лѣтоп., стр. 164, подъ 1180 годомъ.

(32) Спб., 1853, стр. 247.

(33) Выраженія плѣнац — плѣница (= пунац — пуница) по звуковой сторонѣ ближе всего стоять къ прилагательному плѣнъ (= серб. хорват. пун). Но какъ вяжется значеніе это съ понятіемъ о тестѣ и тещѣ? Происхожденіе и этихъ названій едва ли не слѣдуетъ отнести къ древнѣйшимъ остаткамъ языка, на равнѣ съ другими родственными терминами; а ежели такъ, то не заключалась ли и въ корнѣ прилагательнаго плѣнъ какая либо еще идея (кромѣ обилія, полноты), которая, быть можетъ, съ теченіемъ времени совершенно изгладилась, будучи вытѣснена новѣйшимъ и ограниченно узкимъ значеніемъ? Корень прилагат. плѣнъ соотвѣтствуетъ въ санскритѣ pṛ, pâr и pûr. Во всѣхъ этихъ формахъ одного и того же глагольнаго корня, кромѣ значенія implere, извѣстно не меньше и значеніе satiare, sustentare, servare, т. е. то самое, какое развилось изъ терминовъ для отца и матери. Далѣе этой догадки идти мы себѣ не позволяемъ.

(34) Какъ ни рѣдокъ этотъ переходъ d въ l, но относительно латинскаго языка примѣровъ такъ достаточно, что сомнѣніе въ родствѣ levir съ скр. dêvar едва ли будетъ основательно. Припомнимъ при этомъ латин. lacrima, соотвѣтствующее греч. δάκρυ, готск. tagrs, скр. daçru; Ulysses, греч. Ὀδυσσεύς; lingua и sella равныя древне-латинскимъ dingua и sedda; ole o вмѣсто odeo. Сюда относятъ и lignum, греч. λιγνύς, сопоставляемыя съ скр. dah (urere, жечь). Соотношеніе между d и l замѣтно и въ meditare, греч. μελετᾶν. По всеобщему родству звука l съ звукомъ r, не слѣдуетъ пропускать замѣну послѣднимъ того же d, какъ: arbiter, вм. adbiter, meridies вм. medidies. Гораздо необыкновеннѣе это явленіе въ другихъ родственныхъ языкахъ. Сюда, б м., должно отнести переходъ двойнаго d въ двойное l въ древне-верхнѣмецкомъ: vaddjus — vall (-vallum). Тутъ же умѣстно поставить и готск. silubr, слав. срѣбро, лит. sidabras. Нельзя не сравнить по поводу перехода d въ l и сложнаго санскр. слова sumṛlika (виновникъ радости), составленнаго изъ кр. mṛd, частицы su и окончаніе ika. Тоже слово, съ тѣмъ же значеніемъ въ Сама Ведѣ является въ формѣ sumridika. См. Regnier, Etude sur l'idiome des Vedas. Paris, 1855, стр. 188.

(35) Гортанный звукъ въ германскомъ едва ли даетъ право, при вниманіи къ отсутствію его во всѣхъ остальныхъ языкахъ, признавать его необходимость въ первобытномъ корнѣ, какъ, кажется, принимаетъ Миклошичъ, основываясь на изслѣдованіи въ Zeitshrift für vergleich. Sprachf. 7, 172 (см. Lexicon pal. slov., подъ словомъ дѣверь). Справедливѣе, думаемъ, видѣть въ подставляемой имъ основной германской формѣ daigvar звукъ g явившимся уже на почвѣ исключительно германской, что принимается и другими изслѣдователями: der guttural im deutschen erklärt sich aus einem vordeutschen aus v entstandenen gv. Grundform daivar

(Ueber die Prosodie im griechisch. Rhein. mus. 1845, 253). Тоже повторено Курціемъ и въ его Grundzüge de griech. Etym., 1, 197.

(36) Lassen, Indis. Alterth. 1, 813.

(37) Такое производство представилъ въ 1835 году Макаровъ. См. Телескопъ, т. 30-й, смѣсь, стр. 370—373.

(38) Не забудемъ, что въ пѣсняхъ сербскихъ и деверь часто не разлученъ съ вѣнцемъ невѣсты: док. ђевер дође, венац донесе,

ђевер ће дохи, венац донети.

Или въ слѣдующихъ словахъ, которыми невѣста отвѣчаетъ матери на призывъ ея возвратиться изъ-подъ вѣнца, — что теперь уже поздно, слѣдовало бы звать прежде:

док писам стала уз милог кума,
уз милог кума и уз девера;
док није био прстен на руци,
прстен на руци, венац на глави. Караџ. Пјесме, 1, 156

(39) Указываю на замѣчательную статью: Bugarski narodni običaji, помѣщенную въ Archiv za povjestnicu jugoslavensku, 1865, кн. 8, стр. 272, примѣч. Здѣсь собраны всѣ частности деверевой должности.

(40) Авторъ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи хорватской статьи дѣйствительно, подъ вліяніемъ столь непрерывнаго занятія деверя невѣстой — дѣвицей, смѣло ставитъ и самый терминъ въ родственную связь съ дѣвой: riеč djever proizlazi od djeve; djever čovjek, koji se zanima oko djeve. Тамъ же, стр. 271, прим. Но авторъ увлекся односторонностью взгляда; деверь остается деверемъ и тогда, когда дѣвица — невѣста становится женщиной, женой брата. Если даже и допустить существованіе подобной же обрядности, съ тѣмъ же характеромъ въ ней деверя, и въ эпоху нераздѣльной жизни народовъ индо-европейскихъ, отъ которой, очевидно, идетъ общее у нихъ названіе, что, впрочемъ очень сомнительно; то и въ такомъ случаѣ не легко согласиться, чтобы кратковременная и случайная роль была основаніемъ вѣковѣчнаго названія, исключительно обращеннаго на одно лице брата мужа.

(41) Mythologie comparée, стр. 42; Les origin. indoeurop. 2,374.

(42) Такимъ образомъ объясняетъ г. Миллеръ названія nandini, dêvar и даже jâtar. См. опытъ историч. обозр. рус. словесности, Спб., 1866, 126. Очевидно, онъ исходитъ отъ браковъ посредствомъ уводовъ, кражи дѣвицы, какъ изображается этотъ бракъ въ древнихъ свидѣтельствахъ славянской исторіи и отчасти въ современныхъ обычаяхъ народныхъ. Но упомянутыя названія такъ древни, что невольно пожелаешь для подтвержденія ихъ такимъ путемъ и болѣе древнихъ свидѣтельствъ о характерѣ самаго брака. Не есть-ли уводъ, кража, похищеніе уже позднѣйшее явленіе? По крайней мѣрѣ, въ названіяхъ родства нѣтъ ни малѣйшаго положительнаго намека. Не неумѣстенъ и слѣд. вопросъ: почему же именно идея радости пріурочена исключительно лишь брату и сестрѣ мужа, а не другимъ родственникамъ?

(43) Диффенбахъ, 1, 125—126.

(44) Противъ сближенія слова деверь съ скр. dêv можно возразить указаніемъ на господствующее правописаніе черезъ е послѣ d, тогда какъ согласно съ скр. dêvar слѣдовало-бы ожидать непремѣнно ѣ, которое и находится въ существ. дѣва. Но вина въ этомъ лежитъ на шаткости отечественнаго правописанія. Что и въ славян. языкѣ въ разсматриваемомъ словѣ долженъ быть двогласный ѣ доказывается смягченіемъ д въ польскомъ нарѣчіи: dzievierz и юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ произношеніемъ Сербовъ: ђевер и дивер. Нѣсколько случаевъ употребленія этого выраженія въ памятникахъ церковно-славянскихъ, отмѣченныхъ Миклошичемъ, говорятъ также въ пользу ѣ; въ словарѣ Востокова слово деверь пропущено.

(45) Такъ, напр., въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Zołwiccі bratove u jednego stołu,

i swiekry i niewistki jadają pospołu. Изданіе Бобровича, Лейпцигъ, 1837, стр. 51. Срв. Slovnik Юнгмана, подъ словомъ zelwa.

(46) Etymol. Forsch., 1, 131.

(47) Grundzüge d. griech. Etymol. 1, 143.

(48) Впрочемъ, Пиктe не отказался отъ предположенія основнаго смысла, не выходя, однако же, изъ предѣловъ греко-латино-славянскаго языка, сопоставляя γάλως, а слѣдовательно и славянскую золовку, съ прилагательными γαλερός, γαληνός, ясный, свѣтлый, съ глаголомъ ἀγάλλω, украшать, и съ существительнымъ γλῆνος, украшеніе, звѣзда, γλήνη, молодая дочка, и указывая на славянское слово злъчь (жолчь), объясненное имъ посредствомъ прилагательнаго splendida: sela conduirait à la notion de lumière et de beauté, et à une signification analogue à celle de belle-sœur. Les orig. indoeurop. 2,375. Но предположеніе и останется предположеніемъ, пока не подтвердится научными доводами. Укажемъ и на толкованіе въ Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. 4, 399.

(49) О Русскомъ полногласіи, Извѣстія 2-го Отд. Акад. II., 5-й вып. 7-го тома.

(50) Ср. Bopp, Glossar., подъ словомъ guru.

(51) О рус. полногласіи, тамъ-же.

(52) Нарѣчія чешское и польское (zołwa, zelva), можно-бы думать, уже развили свои формы изъ старо-славянской, путемъ позднѣйшей замѣны гласныхъ р̀—л̀ посредствомъ обычныхъ гласныхъ (о—е) съ согласными р—л, еслибы только чешское нарѣчіе, удержаніемъ гласнаго л по сіе время, подобно старославянскому, не говорило скорѣе въ пользу сохраненія гласнаго въ корнѣ санскритскомъ (gar-gur) и греческомъ (γαλ). Что касается формы золова, то едва-ли не обязана она двойственности гласнаго о, передъ л и послѣ него, столь широко охватившему рус. языкъ свойству полногласія, образуя и золова кокъ-бы изъ злава, подобно другимъ случаямъ, какъ изъ корня тлък явилось толкъ, а черезъ тлачити — толочить, тлака — толока.

(53) Акты относящ. до юрид. быта, 1, № 63, стр. 440 (XV вѣка).

(54) Pictet, Les origin. indoeur. 2, 370.

(55) Ты-ли шуринъ дорогой
Проводи ее (невѣсту) ко мнѣ. Сахар., Сказанія Рус. Народа, 1, Пѣсн. свадеб., стр. 128. Или: Ахъ шуринъ мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мой даръ мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое. Тамъ-же, стр. 137. При передачѣ сестры братомъ поется:
Братецъ постарайся,
Братецъ поломайся.
Не продавай сестру,
Ни за рубль, ни за золото. Тамъ-же стр. 162.
На предложеніе сватовъ со стороны жениха отдать имъ невѣсту за деньги, братъ ея возражаетъ: я на те, сваты, не соглашаюсь; я качаны крав, да свою сестру годовав, а вам за тры копійкы ддам? Не ддам! Народ. южно-русск. пѣсни. Метлин., стр. 166.
Родимый ты мой братецъ,
Куда ты меня обуваешь,
Куда ты меня снаряжаешь?
Обуваетъ меня, снаряжаетъ
Въ чужу дальнюю сторонушку,
Къ чужому отцу съ матерью,
Къ чужому роду племени. Сахар., тамъ-же, стр. 163.
Старшій братику! Одчыны воритця
До кинця —
Иде твоя сестриця
Одъ винця. Народ. юкнорус. пѣсни, Метлин., 170.
Треба зятю, треба зятю
Сим день молотыты,
Щоб шурына, щоб шурына
З покутя зкупыты. Тамъ-же, стр. 194.

(56) Позлати, ђевере, ако хоћеш да ти дам оваку баницу. Карадж., Ковчежић, Беч, 1849, стр. 78. Срв. тамъ-же, 51.

(57) Напримѣръ: и на утріи преставися княгини ярославляя, свѣсть великого князя Всеволода. Лѣт. Переяслав., подъ 1201, стр. 105.

(58) Lexicon pal. slov., Miklos.

(59) Срв. Kolo, ělanci za literaturu, umjetnost i narodni život, Zagreb, 1853, 9, 119, статья: kratak nauk o jugoslavenskom jeku. Sladović. Г. Гильфердингъ пріурочиваетъ слово свѣсть, вмѣстѣ съ невѣста, къ корню viç, входить. Согласиться съ этимъ не легко уже потому, что начальное с принадлежитъ корню; если же допустить въ немъ приставку и, разумѣется, съ характеромъ предлога съ, скр. sa, sam, въ такомъ случаѣ останется непонятнымъ значеніе свѣсти, которая никакъ не могла быть сожительницею мужа сестры, оставаясь въ своемъ родѣ —

семьѣ до тѣхъ поръ, пока не выходила за-мужъ въ иной родъ, чужой какъ для себя, такъ и для сестрина мужа. Матер. для словодя, лист. XX, стр. 211.

(60) Лаврент. лѣтоп. 78, подъ 1073 годомъ.

(61) Корнесловъ, 2, 18. Въ опроверженіе подобной догадки считаемъ достаточнымъ сказать слѣдующее: а) слова сватъ, сватать, безспорно, принадлежатъ одному корню съ сватьба, которое образовано помощью суффикса ба, подобно существ. гостьба, гридьба, крадьба и т. п. Но въ такомъ случаѣ т есть коренной звукъ, д же въ новѣйшемъ рус. правописаніи и произношеніи есть ни что иное, какъ замѣна отзвучнаго т соотвѣтственнымъ звучнымъ д, въ силу вліянія послѣдующаго звучнаго б. Правда, современное русское правописаніе вообще не основывается на произношеніи, руководясь обыкновеннѣе этимологіей; но тамъ, гдѣ корень затемнился, гдѣ, какъ въ словѣ свадьба, и между ученымъ возникаетъ несогласіе въ происхожденіи его, выговоръ становится существеннымъ руководителемъ и для правописанія. Такъ, если мы выговариваемъ молодьба, а пишемъ все-таки молотьба, то этимъ обязаны очевидности происхожденія слова отъ молотить. Въ существит. свадьба корень не сознается больше, — и правописаніе подчинилось выговору. Тоже видимъ съ изба, гдѣ оба звука з и б употреблены вмѣсто отзвучныхъ с и п, сколько можно судить по старинному правописанію истопка. Но этому-то, въ старослав. нарѣчіи и господствуетъ правописаніе сватьба, только изрѣдка, и то сравнительно въ позднихъ памятникахъ, смѣняясь посредствомъ — свадьба. б) Родство существит. сватьба съ словами сватъ, сватать опредѣляется правописаніемъ и произношеніемъ его у Сербовъ (боснійскихъ), которые знаютъ и пишутъ только сватба. в) Указаніе на названіе жены водимой едва-ли способно подтвердить производство словъ сватъ, сватьба отъ веду: ни одно нарѣчіе славянское ни въ древнемъ, ни въ новомъ видѣ не представляетъ ни одного термина для жены, близкаго къ слову сватъ, между тѣмъ какъ послѣднее извѣстно у всѣхъ Славянъ для обозначенія разныхъ степеней брачнаго родства. Притомъ нельзя опустить изъ виду и формы этого слова въ польскомъ и чешскомъ нарѣчіяхъ: и въ томъ и въ другомъ начальный звукъ с (въ сватъ, свѣсть) произносится весьма отчетливо, что было-бы странно, особенно въ устахъ Поляка, если бы слова эти происходили отъ веду, разумѣется, уже съ предлогомъ съ, съ незапамятныхъ временъ смѣненнымъ на зъ.

(62) Beiträge zur vergleich. Sprachforsch., 2, 267. Впрочемъ, взглядъ г. Новотнаго признанъ несостоятельнымъ тутъ-же редакторомъ Куномъ. Срв. примѣч.

(63) Напр., въ слѣд. словахъ, обращенныхъ Сатьяваномъ къ Савитри: purâ mâm ûćatus ćaj va râtrâs utthâja mârtakau. Bopp, Diluvium, стр. 38, стих. 2.

(64) Какъ въ Nal. и Damajant. Bopp, стр. 24, стих. 42; стр. 25; стих. 5.

(65) Срв. Lexicon pal. slov. Miklos. Въ сербской пѣсни читаемъ:

Е то жеља обузела
На баиове, па ђедове
На те мудре родитеље
И па вељу својту твоју:
На синове, на стричеве
И на милу браћу твоју. Караџ., 1, № 150.

(66) Ја бих њему своју секу дала,
Секу дала њега сваком звала. Тамъ-же, № 325.

(67) Изданіе Бобровича, стр. 109.

(68) Описан. рукоп. Румянц. Муз., № 231, стр. 286.

(69) Срв. Pictet, de l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit, 1837, стр. 27.

(70) Лѣтоп. Переяслав., стр. 4, 99; Ипатьев., стр. 156, подъ 1202 годомъ.

(71) Уставъ Ярослава, Истор. Рус. церкви, Макарія, стр. 2, 357.

(72) Neven, 1852, стр. 318.

(73) См. статью Киркора въ Вѣсти. Географ. Общ., 1857, кн. 6.

(74) Срв. Bopp, Glossar., подъ словомъ jâtṛ.

(75) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 334—335; срв. тамъ-же, 375.

(76) «Извѣстно, что крестьяне, женивъ сыновей своихъ, принимаютъ молодую къ себѣ во дворъ, гдѣ она и живетъ съ мужемъ своимъ у свекора съ свекровью и въ кругу деверьевъ и золовокъ, если есть у мужа братья и сестры, и съ сношеницами, если братья мужа тоже женатые». Владимірск. Сборникъ Тихонравова, 1857, стр. 41. — Изъ сказаннаго о словѣ ятровь едва-ли не слѣдуетъ заключить объ ошибкѣ въ академическомъ словарѣ, объясняющемъ ятровь женою деверя или шурина. Ни въ древнемъ языкѣ русскомъ, ни въ остаткахъ употребленія этого слова въ современномъ говорѣ бѣлорусскомъ, ни въ сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ, гдѣ донынѣ живетъ оно въ полной силѣ, ни въ памятникахъ старо-славянскихъ, ни въ старо-чешскомъ и въ старо-польскомъ нарѣчіяхъ нѣтъ свидѣтельства, чтобы ятровью называлась жена и шурина.

(77) Объ употребленіи выраженій пашанац и пашеног у Сербовъ см. Словарь Караджича; paš, pašanac и pašenog у Хорватовъ — статью Вебера: ustroj našega jezika, въ Neven, 1856, стр. 215; тѣхъ же словъ у Хорутанъ — статью Клуна, въ рус. Бесѣдѣ, 1853, кн. 3, стр. 89.

(78) Напр., вянуть вм. вядпуть, глянуть вм. гляднуть и др. Срв. Историч. Граммат. Буслаева, 1, 79—80. Миклошичъ, въ своемъ старо-славян. лексиконѣ, подъ словомъ вѣно, указываетъ на сближеніе Курціемъ латин. venum съ скр. vasna, цѣна, отъ van, покупать; но и намъ не опустилъ случая замѣтить о сомнительности такого производства.

(79) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 333—334.

(80) Weber, Indisch. Stud. 5, 310.

(81) Pictet, тамъ-же, 337—338.

(82) Опытъ Историч. Обозрѣнія рус. словесности, Спб. 1866, 1, 126. Отчужденность родовъ высказалась и во взглядѣ народномъ на дочь, какъ на чужое добро, въ противоположность сыну, какъ умножающему, обогащающему свой родъ. Таковы русскія пословицы: дочь — чужое сокровище; холь да корми, учи да стереги, да въ люди отдай; сынъ въ домъ глядитъ, дочь изъ дому; сынъ глядитъ въ домъ, а дочь глядитъ вонъ.

(83) Чешскій терминъ snûbení мы принимаемъ за переводъ съ латинскаго (connubium); что же касается до лужицкаго kwas, то оно служитъ свидѣтельствомъ перехода отъ частнаго понятія къ общему.

(84) О миѳическ. вѣрованіи Славянъ въ облако и дождь. Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., кн. 7, вып. 2.

(85) Ale pierwej pod ziemię śmiercią Aphar wzięty, nim wdomu swym niewiastki nadobne oglądat. Szymonowicz, издан. Бобровича, стр. 32—33.

(86) Привожу по примѣру на каждое выраженіе: приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячь, отчимъ Святославль Володимирича (Ипат. лѣт., стр. 86, подъ 1159 годомъ); на ту же осень посла отець Мьстислава противу мачесѣ (тамъ-же, стр. 73, подъ 1153 годъ); явися знаменье.... надъ гробомъ княгининомъ... уже уби свой пасынокъ (Новгород. первая, стр. 54).

(87) Баронъ Розенкампфъ, Кормчая, 1, 111, прим. 44.

(88) Стр. 78; срв. Лѣтоп. Переяслав., стр. 72, подъ 1155 годомъ.

(89) Объ отношеніи слав. выраженія врьвь къ подобно-звучнымъ словамъ въ родственныхъ языкахъ см. Мысли объ исторіи рус. языка, Срезневскаго. Спб. 1850, стр. 135—136.

(90) Geschichte Polens v. Roeppell, 1, 615, 2-е приложеніе.

(91) Szajnocha, Szkice historyczne, Lwów, 2, 272.

УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕННЫХЪ СЛОВЪ.

Родъ, 51—53.
Родичь, родникъ, родимецъ, родственникъ, 52.
Народъ, 51.
Инородецъ, 53.
Племя, 50 51, 107, прим. 105.
Племичь, 52.
Племянникъ, племянница, 46, 50—54, 97.
Ближикъ, ужикъ, 93.
Родители:
Отецъ, 10.
Тятя, 11.
Батя, 13.
Папа, 14—15.
Панъ, 16, 33.
Отчимъ, 92.
Мать, 17.
Мама, 17.
Пана, неня, няня, 16, 33.
Мамка, 18.
Мачиха, 92.
Мачешичь, 93.
Дѣти:
Дитя, дѣти, 20—22.
Ребенокъ, 22—23.
Чадо, 22.
Сынъ, 24, 118, прим. 82.
Сыновецъ, 38, 44, 54.
Сыновица, 38, 44, 46.
Сынова, 60.
Пасынокъ, 25.
Сноха, Сынача, 55, 58—60, 109, пр. 76.
Дочь, 25, 118, прим. 82.
Дщеричь, 41.
Дщерша, 92.
Братъ — сестра:
Братъ, 13, 27.
Братана, 38, 44, 46, 97.
Братаница, 44.
Братаничь, 38, 44, 54, 97.
Братаничьна, 44.
Братучадо, 38, 44.
Братучадье, 38, 44.
Сестра, 29, 30, 61.
Сестрія, 46.
Сестричь, 40—41, 46—49, 54.
Сестричьна, 41, 45.
Сестреничь, 40.
Сестреница, 41, 46, 47.
Сестричичь, 45—47, 97.
Сестричичьна, 97.
Сестричадо, 41.
Дядя — тетка:
Дядя, 36, 46, 50, 54.
Дядина, 37.
Дѣдъ, 32—33, 105, прим. 74.
Прадѣдъ, 34.
Тета, 12, 14, 36, 46, 97.
Тетка, 97.
Тетакъ, тетацъ, 12, 37.
Баба, 14, 33.
Прабаба, 34.
Уй, вуй, 40, 45—46, 54 97.
Уйка, вуйка, 40, 46, 97.
Уйчичь, 42, 45.
Уйчишна, 42.

Уйчичичь, Уйчичишна, } 42.
Стрый, 38, 43, 46, 54, 79, 97.
Стрыйко, 43.
Стрыйецъ, 38.
Стрыя, стрыня, 38, 43—44, 46, 97.
Стрычна, 39, 106, прим. 81.
Стрычичь, стрыйчичь, 39, 45—46.
Стрычичичь, 40.
Стрычичичичь, 40.
Четій, 46, 47.
Внукъ, внука, 31—32.
Правнукъ, 34.
Бракъ, 87—88.
Обрученіе, свадьба, веселье, снятекъ, свадебные годы, 89.
Мужъ, 3—6, 28.
Жена, 7.
Супругъ, супруга, 6.
Свекоръ, 61—65, 109, прим. 16.
Свекровь, 61—65, 109, прим. 17.
Шурінъ, 77—78, 115, прим. 55.
Щуръ, 105, прим. 72.
Пращуръ, 34, 35, 105, прим. 71.
Тесть, Теща, } 61, 65—69, 111, прим. 29.
Пунацъ, Пунпца, } 69—70, 112, прим. 33.
Свойта, 117, прим. 65.
Свопть, Своять, Своякъ — свакъ, Своякиня — свака, Сватъ — сватья, Свойственникъ, } 81—84, 116, пр. 61.
Свѣсть, 78—80, 115, прим. 59.
Зять, 55—58, 107, прим. 7.
Женихъ, женищина, 91—92.
Паш, пашанац, пашеног, 86—87, 117.
Деверь, 70—73, 112, 113, 114.
Золовка, 73—77, 114, прим. 48, 52.
Ятровь, 84—86.
Невѣста, 90, 115, прим. 59.
Вѣно, 117, прим. 78.
Вервь, 93, 98—99, 118.
Околина, 94, 99.
Ополье, 94—99.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 4.

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ И ЦЕНЗУРА

ВЪ

РУССКОМЪ ЖУРНАЛѢ

1755—1764 ГОДОВЪ.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10-го декабря 1867 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ И ЦЕНЗУРА ВЪ РУССКОМЪ ЖУРНАЛѢ 1755—1764 ГОДОВЪ.

Академика **П. П. Пекарскаго.**

«Ежемѣсячныя сочиненія» — этотъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи заслужилъ болѣе, чѣмъ какое либо другое періодическое изданіе XVIII вѣка, похвалъ и одобренія позднѣйшихъ изслѣдователей. «Вся Россія, говоритъ о немъ митрополитъ Евгеній [1]), съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ...» Покойный В. А. Милютинъ, напечатавшій три обширныя статьи о томъ же изданіи [2]), называлъ его «однимъ изъ лучшихъ журналовъ, какіе только издавались въ Россіи и въ прежнее, и въ нынѣшнее время... «Ежемѣсячныя сочиненія», продолжаетъ онъ, не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей вступить также на поприще

---

[1]) Словарь русскихъ свѣт. писателей, Москва, 1845 г., т. II, 67.

[2]) Современникъ 1851 года, томы XXV и XXVI, «Очерки русской журналистики».

журнальной дѣятельности, до той поры совершенно имъ неизвѣстное» [1])...

Милютинъ обстоятельно познакомилъ читателя съ содержаніемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и разсмотрѣлъ всѣ статьи его на основаніи данныхъ, которыя доставило само изданіе. Но, кромѣ извѣстій, добытыхъ изъ этого источника, есть еще другія, касающіяся закулисной такъ-сказать стороны въ жизни журнала, стороны, которую обыкновенно и изъ современниковъ знаютъ немногіе, а большинство публики остается о ней почти всегда въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Между тѣмъ здѣсь-то и слѣдуетъ искать разгадку многихъ недоумѣній, часто возбуждаемыхъ при чтеніи той или другой журнальной статьи; здѣсь объясняются разныя темныя мѣста, ключь къ пониманію которыхъ затерянъ, если ограничиваться только одними печатными страницами журнала.

Извѣстно, что академикъ Миллеръ былъ редакторомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Читая нынѣ это изданіе, увидимъ, что онъ въ то же время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его и помѣстилъ тамъ много статей. Все это, однако, не разрѣшаетъ еще вопроса: каково было участіе Миллера при помѣщеніи въ журналѣ статей другихъ писателей, и въ какія отношенія былъ онъ поставленъ къ нимъ?

Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» участвовали всѣ современные писатели, пользовавшіеся бо̀льшею или мѐньшею извѣстностью. Они рѣдко скрывали свои имена, а потому ихъ сотрудничество не подлежитъ ни какому сомнѣнію; но, кромѣ сочиненій этихъ лицъ, въ журналѣ попадается много и такихъ, подъ которыми нѣтъ никакихъ подписей. Правда, что бо̀льшая часть подобныхъ статей переводныя; однако переводная литература въ Россіи прошлаго вѣка, за скудостью въ оригинальныхъ произведеніяхъ, пользовалась значеніемъ и имѣла несомнѣнную долю вліянія и на словесность, и на общество. Въ старину обязанность переводчика была труднѣе и почетнѣе, чѣмъ нынѣ. Труднѣе потому, что тогда русскій литературный языкъ только-что начиналъ образовываться, и

[1]) Современникъ, 1851 г., т. XXV, отд. II, стр. 2, 3 и 17.

притомъ сколько нибудь сносныхъ пособій для изученія иностранныхъ языковъ почти не существовало вовсе. Почтиѣе — такъ какъ переводчикъ оказывалъ рѣдкую въ старину услугу, когда знакомилъ читателей съ произведеніями недоступныхъ для большинства читателей иностранныхъ литературъ въ переводахъ, переданныхъ хорошимъ языкомъ и близкихъ къ подлиннику. По этимъ причинамъ въ настоящее время не будетъ суетнымъ любопытство знать: кто могли быть безыменные переводчики и другіе невидные сотрудники въ журналѣ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени?

Наконецъ, въ журналистикѣ и литературѣ есть еще одна сторона, которой нельзя никакъ упускать изъ виду при исторической оцѣнкѣ журналовъ и вообще всѣхъ литературныхъ произведеній данной эпохи — это степень возможности, предоставленной писателю, высказывать свои мнѣнія относительно религіи, политики и литературы; другими словами — знать цензурныя требованія того времени, въ которое явилось разсматриваемое произведеніе.

При просмотрѣ старинныхъ матеріаловъ въ архивахъ Академіи Наукъ, мнѣ встрѣчались разныя свѣдѣнія о началѣ и продолженіи изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Несмотря на отрывочность ихъ, въ нихъ можно найти отвѣты на высказанные выше вопросы, почему свѣдѣнія эти, при помощи нѣкоторыхъ, уже изданныхъ матеріаловъ, разработаны въ настоящей статьѣ.

Со втораго года существованія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. е. въ 1728 году, при нихъ, въ видѣ приложеній, стали издаваться отъ Академіи Наукъ такъ-называвшіяся «Примѣчанія». Здѣсь помѣщались статьи самаго разнороднаго содержанія, оригинальныя и переводныя, но непремѣнно изложенныя, конечно для своего времени, легко и понятно, стало быть доступно для большинства читателей. Эти «Примѣчанія» прекратились въ смутное для Академіи Наукъ время въ 1742 году и потомъ болѣе не

возобновлялись; тѣмъ не менѣе они такъ пришлись по вкусу читателей, что долгое время спустя ихъ перепечатали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Объ нихъ вспомнили и при основаніи перваго русскаго учено-литературнаго журнала.

22 ноября 1754 года, непремѣнный секретарь и академикъ Миллеръ, который въ 1728 г. первый придумалъ издавать вышепомянутыя литературныя прибавленія къ «Петербургскимъ Вѣдомостямъ», заявилъ въ академическомъ засѣданіи предложеніе президента Академіи, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго объ изданіи въ предстоявшемъ 1755 году ученаго періодическаго журнала (de ephemeride quadam erudita) на русскомъ языкѣ по образцу издававшихся прежде «Примѣчаній» къ Вѣдомостямъ. Академикамъ предоставлялось обсудить, быть ли предположенному журналу ежемѣсячнымъ или еженедѣльнымъ, а также рѣшить и о статьяхъ, долженствовавшихъ войти въ составъ его.

Академики единогласно признали всю полезность подобнаго изданія для любителей чтенія, и каждый обѣщалъ свое сотрудничество по тѣмъ наукамъ, которыми занимался. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено: журналу быть ежемѣсячнымъ, такъ какъ этотъ срокъ признавался болѣе удобнымъ для того, чтобы не разбивать всякой объемистой статьи на нѣсколько; допустить къ сотрудничеству въ журналѣ лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ Академіи, но посвятившихъ себя литературѣ [1]); исключить вовсе изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто-нибудь оскорбиться [2]).

Нѣкоторое разногласіе въ мнѣніяхъ обнаружилось, однако, при подписаніи протокола. Ломоносовъ высказалъ тогда мысль, что статьи, предназначенныя въ журналъ, надлежало, прежде изданія

---

[1]) Utile enim visum cuilibet litterarum cultori, etiam extra Academiam pro suis ingenii partubus dummodo ita ut decet comparati sint locum permittere.

[2]) Exilent quoque omnia scripta critica vel quae aliquo modo famam alicujus laedere aut contra aliquem scripta videri possint.

въ свѣтъ, представлять въ академическое собраніе. Тредіаковскій, соглашаясь съ распоряженіями, изложенными въ протоколѣ, возразилъ противъ Ломоносова, что представленіе статей на предварительный просмотръ можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени [1]).

Надобно думать, что возбужденный Ломоносовымъ о предварительной цензурѣ журнала вопросъ въ началѣ не обратилъ на себя особеннаго вниманія; по крайней мѣрѣ о немъ пройдено вовсе молчаніемъ въ предложеніи академическому собранію, данномъ отъ имени графа Разумовскаго 12 декабря 1754 года. Здѣсь давалось знать академикамъ, что, согласно ихъ заключенію, будетъ издаваться на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія» и что «сіе дѣло поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи», т. е. Миллеру. Онъ обязывался заботиться о статьяхъ для журнала и соблюденіи порядка при доставленіи ихъ отъ академиковъ. Въ случаѣ недостатка такихъ статей, книжку журнала дозволялось «дополнять какимъ ни есть переводомъ чьимъ бы то ни было, или стихами, въ которыхъ, по усмотрѣнію, соединено будетъ полезное забавному». Очевидно, что журналъ предназначался исключительно для большинства читающей публики, такъ какъ именно было оговорено: «изъ высокихъ наукъ, яко-то: изъ астрономическихъ наблюденій и изчисленій, изъ физики, математическими вычетами изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія совершеннаго самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ помянутыя книжки не вносить» [2]).

Того же 12 декабря, графъ Разумовскій далъ знать академической канцеляріи, что съ 1755 года отъ академическаго со-

---

[1]) Tamet si huic conventui interesse non potui, писалъ Тредіаковскій, propter adversam valetudinem; tamen sententiae omnium collegarum subscribo lubens. Neque tamen censeo, ut scripta collegarum ante editionem legantur in conventu, id quo propterea, ne detur ansa altercationibus neve fiat iactura temporis. См. латинскіе протоколы конференціи за 1754 годъ въ академическомъ архивѣ ея.

[2]) III портфель историографа Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ 1751—1764 годовъ» въ архивѣ академической конференціи.

бранія будутъ издаваться ежемѣсячно «книжки на россійскомъ языкѣ, подъ именемъ «Санктпетербургскія примѣчанія» въ числѣ 2000 экземпляровъ [1]); что для печатанія ихъ долженъ быть назначенъ особый типографскій станъ въ полное распоряженіе Миллера, и что, наконецъ, каждая книжка журнала «по примѣру газетовъ» должна была раздаваться изъ книжной лавки въ послѣднюю почту мѣсяца. Надобно напомнить, что въ описываемое время академическая канцелярія съ Шумахеромъ, Тепловымъ и Таубертомъ не только управляла самовластно всѣми хозяйственными дѣлами Академіи, но постоянно вмѣшивалась и въ ученыя занятія ея членовъ. Миллеръ чаще другихъ академиковъ имѣлъ по этому поводу столкновенія съ канцеляріею, а потому, взявъ на себя изданіе журнала, вѣроятно самъ выговорилъ условіе — невмѣшательство канцеляріи въ это дѣло. По крайней мѣрѣ графъ Разу-

---

[1]) Въ первый годъ существованія Ежемѣсячныхъ сочиненій расходилось каждый мѣсяцъ отъ 600 до 700 экземпляровъ; въ послѣдующіе годы они распродавались отъ 500 до 700 экз.; по этому въ январѣ 1758 года академическая канцелярія велѣла печатать журнала въ количествѣ 1250 экземпляровъ. «А дабы отъ прежнихъ лѣтъ остающіеся, сверхъ ординарнаго завода, 800 экз., яко впередъ имѣющій уже быть дефектъ совсѣмъ въ макалатуру не обратились и отъ того не послѣдовалъ напрасный казенный убытокъ, того ради гг. присутствующіе въ канцеляріи за благо разсудили оныя мѣсячныя сочиненія считать особливою (книжкою?) и окончить декабремъ мѣсяцемъ прошлаго 1757 года, а нынѣшняго 1758 года печатать продолженіе издаваемыхъ разныхъ матерій подъ инымъ приличнымъ титуломъ...» (Архивъ академической канцеляріи, картонъ № 18 и книга № 228). Съ 1758 года дѣйствительно нѣсколько измѣнено заглавіе журнала, а именно: «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія», тогда какъ прежде заглавіе было: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія». Впрочемъ это измѣненіе въ заглавіи было единственною перемѣною, и все прочее въ журналѣ оставлено въ прежнемъ видѣ. Въ 1763 и 1764 годахъ онъ назывался «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Распоряженіе канцеляріи впослѣдствіи оказалось, однако, не совсѣмъ разсчетливымъ: журналъ сохранилъ и послѣ цѣнность книги и находилъ покупателей, такъ-что пришлось дѣлать второе его изданіе годовъ 1758—1762. Замѣтимъ кстати, что многіе жалуются на чрезвычайную рѣдкость, напримѣръ Оренбургской топографіи Рычкова и нѣкоторыхъ статей Миллера, не воображая, что онѣ напечатаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя и донынѣ есть въ продажѣ въ книжномъ складѣ при Академіи Наукъ. Все изданіе 1755—1764 годовъ въ двадцати томахъ стоитъ нынѣ 15 рублей.

мовскій въ помянутомъ ордерѣ канцеляріи предписывалъ: «а о сочиненіяхъ, входящихъ въ помянутыя ежемѣсячныя книжки, и переводахъ и наблюденіи въ томъ порядка особливымъ ордеромъ отъ меня приказано въ собраніе академическое...»

На запросъ канцеляріи объ объемѣ книжки журнала, что̀ было нужно при назначеніи годовой цѣны его по подпискѣ, Миллеръ, 16 декабря 1754 года, отвѣчалъ, что каждая книжка будетъ заключать въ себѣ кругомъ 6 листовъ; а какъ при нихъ иногда будетъ необходимо помѣщать гравюры, то, по мнѣнію Миллера, было необходимо «положить напримѣръ за каждый мѣсяцъ по 15 коп., что̀, кажется, для читателей будетъ не дорого, а для Академіи не убыточно...» Получивъ такой отзывъ, канцелярія сдѣлала слѣдующій примѣрный разсчетъ издержкамъ на журналъ по типографіи:

«За наборъ съ листа по 3 руб., а за 6 листовъ. . . .	18 р.	—
«За напечатаніе съ листа по 1 коп., а за 6 листовъ.	—	6 к.
«За бумагу по деньгѣ за листъ.	—	3 »
Итого . .	18 р.	9 к.

«А чрезъ цѣлый годъ, т. е. всѣ 12 выходовъ учинятъ 217 р. 8 к.

«Ежели оной будетъ печатано 2000 экземпляровъ, то обойдется экземпляръ каждаго мѣсяца, состоящій въ 6 листахъ, по $8^1/_2$ копеекъ, а чрезъ весь годъ по 1 р. 2 к.»

Впослѣдствіи времени годовая цѣна журналу была назначена въ 2 рубля, слѣдовательно дешевле «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за которыя годовые подписчики платили 2 руб. 50 коп. Сверхъ этого разсчета, въ канцеляріи академической было постановлено: 1) нужныя при изданіи журнала иностранныя періодическія сочиненія выдавать Миллеру изъ книжной академической лавки, а тѣхъ, которыхъ тамъ не будетъ на лицо, выписывать изъ за-границы на счетъ Академіи Наукъ. 2) Не печатать въ журналѣ ни одной статьи безъ разрѣшительной подписи Миллера [1]).

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 194.

14 декабря 1754 года, Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, которое и было выслушано безъ возраженій со стороны академиковъ [1]). Но мѣсяцъ спустя (11 января 1755 года), Ломоносовъ потребовалъ къ себѣ въ корректурѣ заглавный листъ и предисловіе журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, «что сей титулъ и предисловіе при дворѣ Ея Императорскаго Величества очень раскритикованы и надлежитъ-де оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таковожъ прилично будетъ, какъ имя «Примѣчаній», потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи-де не примѣчанія». Миллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ a potiori fit denominatio, но Ломоносовъ тѣмъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе «ученые журналы», Миллеръ, по свидѣтельству Шлецера, въ спорахъ съ своими противниками отличался не столько уступчивостью, сколько язвительностью, и, защищая въ настоящемъ спорѣ помянутое выраженіе, примолвилъ: «ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!» Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Миллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, «а онъ-де человѣкъ такой, что ему-де съ нимъ равняться никакъ не возможно»! При этомъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать Journal litteraire, Gelehrte Zeitungen, но по русски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался другой недругъ Ломоносова, Тредіаковскій: этотъ утверждалъ, что если говорятъ: ученое собраніе, ученыя дѣла, ученыя письма, то стало быть можно сказать и ученый журналъ. По свидѣтельству Миллера, въ продолженіе этихъ пререканій, ему много досталось отъ Ломоносова «безчестныхъ порицаній», о которыхъ онъ умалчиваетъ только «для краткости». Свое донесеніе президенту Акаде-

[1]) Протоколы академической конференціи за 1754 годъ.

мін объ этомъ событіи Миллеръ оканчиваетъ догадкою, что «можетъ быть г. Ломоносовъ не доволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ думаетъ, что онъ гораздо лучше оное исправить можетъ». Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возложить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, «токмо, чтобъ онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ...» Если же журналъ останется въ рукахъ его, Миллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ «великая ссора была» по поводу диссертаціи о происхожденіи руссовъ [1]).

По отпечатаніи первой книжки журнала [2]), который вслѣдствіе указанія Ломоносова на неточность первоначально даннаго заглавія, сталъ выходить подъ титуломъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», Миллеръ, 26 января 1755 года, писалъ къ графу Разумовскому, что для изданія журнала хотя и предполагалось назначить въ распоряженіе Миллера всѣхъ студентовъ, переводчиковъ и магистровъ, однако на дѣлѣ переводами для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» занимаются только два студента, за работами которыхъ наблюдалъ самъ Миллеръ. «Корректуры хотя правитъ корректоръ Барсовъ, однако осталось бы много погрѣшностей, ежели бы я, продолжаетъ Миллеръ, за оными не смотрѣлъ, понеже подлинники не всѣ такъ ясно и исправно написаны, чтобъ кто, не разумѣющій матеріи, по оными исправлять могъ. А сочинять, и переводы править и за корректурами смотрѣть для одного человѣка, хотя сколько охотно я все то дѣлаю, не надежно. Того ради необходимо кажется, чтобъ еще кто другой опредѣленъ былъ для исправленія какъ переводовъ, такъ и корректуръ, и чтобъ

---

[1]) Черновое донесеніе, все писанное рукою Миллера хранится въ III-мъ портфелѣ его: «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ» 1751 — 1764 годовъ, и напечатано г. В. Ламанскимъ въ его «Ломоносовъ и петербургская Академія Наукъ», Москва, 1865 г., стр. 98 — 100.

[2]) О выходѣ ея въ свѣтъ Шумахеръ, академическій совѣтникъ, писалъ 11 февраля 1755 года къ знаменитому Эйлеру, прекрасно знавшему русскій языкъ: «Наши русскія ежемѣсячныя сочиненія воспріяли свое начало. Первый мѣсяцъ ихъ имѣю честь здѣсь представить. Удержатся ли они — это покажетъ время: при теперешнихъ обстоятельствахъ трудно угодить на каждаго...»

былъ россійской націи и изъ профессоровъ, чтобъ совершенно на него полагаться было можно, и чтобъ всѣ переводчики и магистры и къ переводамъ опредѣленные студенты точно по его приказамъ и то въ скоромъ времени исполняли» [1]). Неизвѣстно, послѣдовало ли тогда какое нибудь распоряженіе по этому ходатайству Миллера, только впослѣдствіи, именно въ 1759 г. «для поправокъ штиля» статьи «Ежемѣсячныхъ сочиненій» въ рукописи должны были посылаться къ академику Никитѣ Попову [2]).

Въ концѣ 1760 года, Миллеръ снова представлялъ графу Разумовскому, что на немъ одномъ лежитъ изданіе журнала: изъ прочихъ академиковъ мало кто доставлялъ статьи, а переводчики и корректоры такъ плохо исполняли свое дѣло, что Миллеру приходилось все исправлять самому.

«И всѣ сіи неизчетные труды принялъ я на себя, писалъ редакторъ, и исправлялъ уже близко шести лѣтъ не по моей должности, но только стараясь чрезъ то угождать вашему высокографскому сіятельству и для общей пользы, потому что я увидѣлъ, что при Академіи нѣтъ никого, кто бы хотѣлъ такіе труды взять на себя, и ежели бы я оные не исправлялъ, то конечно было бы отъ того опасаться остановки въ толь полезномъ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ лишенія пользы для читателей; также немышуемаго нареканія Академіи, ежели худые и съ оригиналами не согласные переводы, еще и съ прибавкою безчисленныхъ типографскихъ погрѣшностей въ свѣтъ окажутся. Что же сіе дѣло не надлежитъ до настоящей моей должности, которою я Академіи обязанъ, оное явствуетъ потому, что отъ иностраннаго человѣка требовать не можно, чтобъ онъ зналъ по русски въ такой градусъ, чтобъ издавать книги на россійскомъ языкѣ, а меньше того, чтобъ онъ поправлялъ переводы, русскими переводчиками чиненные; да еще меньше, чтобъ человѣкъ моего званія исполнялъ должность типографскаго корректора, что̀ совсѣмъ противно добропорядочной эконо-

---

[1]) III-й портфель Миллера, «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ».
[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 242.

міи, которая учитъ, чтобъ человѣка, на большомъ жалованьѣ служащаго, не употребить (sic) къ такимъ дѣламъ, которыя кто на меньшемъ жалованьи отправлять можетъ. Между тѣмъ во все оное время, что изданіемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» я упражняюсь, не упустилъ я и ничего того, что до настоящихъ моихъ должностей, яко конференцъ-секретаря и исторіографа, слѣдуетъ, чему самыя мои дѣла свидѣтели, которыя при Академіи всякому извѣстны» [1])...

Это представленіе имѣло послѣдствіемъ то, что графъ Разумовскій въ ордерѣ академической канцеляріи, 23 октября 1760 года, писалъ: «профессоръ и исторіографъ г. Миллеръ, будучи при конференціи академической секретаремъ, отправляетъ всѣ сіи три должности съ похвалою; а сверхъ того съ немалымъ трудомъ въ поправкѣ, въ переводахъ и собственныхъ сочиненіяхъ ежемѣсячныя книжки издаетъ въ печать и симъ образомъ заслуживаетъ поощренія и впредь къ таковымъ же трудамъ. Того ради чрезъ сіе рекомендую ему, г. Миллеру, продолжать все сіе съ прежнимъ раченіемъ не токмо по должности секретаря академическаго и исторіографа, но и въ изданіи въ печать «Ежемѣсячныхъ сочиненій», въ которыхъ паипаче стараться онъ долженъ, чтобъ матеріи вносимы были для публики важнѣйшаго содержанія...» За тѣмъ слѣдовало распоряженіе о прибавкѣ Миллеру къ годовому его жалованью 200 рублей.

До самаго конца изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» Миллеръ не переставалъ жаловаться на малое содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ... «Текущихъ дѣлъ толь много, писалъ онъ къ Соймонову, 17 іюня 1764 года, что едва оныхъ сносить могу. Ваше превосходительство едва себѣ представите, что и реестры полугодовые къ сочиненіямъ, за неимѣніемъ никакой помощи, я же сочиняю. Просилъ я не токмо г. президента, но и самую всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ секретарскую должность съ меня снять и из-

[1]) Черновое, неоконченное донесеніе Миллера въ III-мъ портфелѣ его «Матеріаловъ къ исторіи Академіи Наукъ».

данія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (къ коимъ однакожъ матеріи подавать я обѣщалъ) приказать другому, дабы мнѣ упражняться въ одной исторіи и географіи россійской; но не могъ я получить желаемое, истощая силы свои по бо́льшей части на дѣла, которыя многіе другіе исправлять могли, а самое важное за тѣмъ остается [1])...»

1 января 1765 года, Императрица Екатерина II, по докладу Бецкаго, назначила Миллера въ Москву главнымъ надзирателемъ въ тамошній Воспитательный Домъ [2]). Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, исторіографъ (27 февраля 1765 года) напоминалъ, между прочимъ, академической канцеляріи, что онъ весьма бы желалъ о безостановочномъ и безъ него продолженіи изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій», для чего и обѣщалъ доставить на цѣлый годъ содержанія для нихъ, а въ слѣдующіе годы содѣйствовать этому дѣлу: «но, прибавляетъ онъ, охотника къ принятію на себя труда издаванія между господами членами не сыскалось; да сверхъ того, г. статскій совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ продолженіе «Ежемѣсячныхъ сочиненій» *оспорилъ*, и на мѣсто оныхъ предложилъ изданіе экономическихъ и физическихъ сочиненій по четвертямъ года, на что всѣ члены согласились. Но кому быть издателемъ оныхъ, того не опредѣлено, и учинено ли тому начало неизвѣстно...» На подлинномъ представленіи Миллера Ломоносовъ написалъ противъ слова *оспорилъ:* «Опять грубость и клевета: иное предложить, а иное оспорить [3])!»

На это предложеніе Миллера, академическая канцелярія (28 февраля 1765 года) отвѣчала распоряженіемъ: «изъ академическаго собранія требовать отъ каждаго письменнаго объявленія, намѣренъ ли кто одинъ собою, или согласясь съ нѣкоторыми другими членами, продолжать «Ежемѣсячныя сочиненія», или быть издавателемъ предложенныхъ вновь г. статскимъ совѣтникомъ

---

[1]) V портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1763—1764 годовъ.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 288.

[3]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 737.

Ломоносовымъ экономическихъ и физическихъ сочиненій [1])...» Въ современныхъ бумагахъ не отыскано отвѣта академическаго собранія, но и безъ него положительно извѣстно, что послѣ Миллера не издавались «Ежемѣсячныя сочиненія», а равнымъ образомъ не выходило въ свѣтъ такого періодическаго изданія, какое предлагалъ Ломоносовъ. 9 октября 1766 года Миллеръ, поздравляя Эйлера, старѣйшаго изъ академиковъ по заслугамъ и лѣтамъ, съ пожалованіемъ ему дома отъ Императрицы Екатерины II, писалъ: «но когда же я получу извѣстіе, что въ Академіи произошли дѣйствительныя улучшенія? Объ этомъ я, конечно, вздыхаю также сильно, какъ и всякой, ежедневно видящій настоящее положеніе ея. Скоро ли буду имѣть я случай и въ этомъ принести вамъ покорнѣйшее мое поздравленіе? Дѣло идетъ не объ одной Академіи, но и о рѣшительномъ преобразованіи такъ называемыхъ университета и гимназіи; въ особенности послѣднюю необходимо на столько улучшить, чтобы и значительные родители отдавали въ нее на воспитаніе своихъ дѣтей. За тѣмъ главный предметъ заботъ — пріуготовительная школа (Pflanz Schule), въ которой бы образовывались переводчики полезныхъ книгъ. Нынѣ недостатокъ въ нихъ не вѣроятенъ: сколько терзался я, издавая въ продолженіи десяти лѣтъ русскій журналъ? Безъ сомнѣнія по этой причинѣ никто не нашелся, чтобы продолжать его [2]).»

Было замѣчено выше, что въ предварительныхъ распоряженіяхъ объ изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій» допускалось сотрудничество писателей, не принадлежавшихъ къ Академіи. Въ прошломъ столѣтіи не было въ обычаѣ платить журнальнымъ сотрудникамъ за ихъ литературные труды. Впрочемъ, несмотря на то, а также, что въ тѣ времена считалось особеннымъ почетомъ ви-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 288.

[2]) VI портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1765—1766 годовъ.

дѣть въ печати свои сочиненія, можно примѣтить зародышъ будущаго права на вознагражденіе за журнальную статью, какъ за всякую другую работу. Такъ напримѣръ, по истеченіи перваго года существованія журнала, Миллеръ писалъ (3 февраля 1756 года) въ академическую канцелярію: «извѣстился я, что нѣкоторые господа, внѣ Академіи сотрудившіеся при издаваніи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», ожидаютъ того, чтобъ имъ отъ Академіи подарено было по экземпляру оныхъ сочиненій въ хорошемъ переплетѣ, (а потому) не могъ я оставить, чтобъ о томъ не упоминать (sic) какъ для справедливости онаго ожиданія, такъ и для чести Академіи и для побужденія оныхъ господъ впредь къ сотрудненію (sic)...» Миллеръ при этомъ случаѣ назвалъ слѣдующихъ изъ своихъ посторонихъ сотрудниковъ: бригадира Сумарокова, маіора Елагина (Ивана Перфильевича), титулярнаго совѣтника Хераскова, поручика Нартова (Андрея) и сухопутнаго кадетскаго корпуса капрала Порошина (автора извѣстныхъ Записокъ о Павлѣ Петровичѣ). Канцелярія нашла это ходатайство вполнѣ уважительнымъ и сдѣлала распоряженіе о переплетѣ и выдачѣ по принадлежности требованныхъ экземпляровъ журнала [1]).

Выдача автору извѣстнаго количества отдѣльныхъ оттисковъ его статьи считалась также вознагражденіемъ. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. представлялъ, что за доставленное для журнала сочиненіе «г. Полетика требуетъ... обыкновенное награжденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо... А по моему мнѣнію надобно тѣмъ наибольше удовольствовать г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумаги, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія [2])...»

Дѣятельнѣйшему изъ своихъ посторонихъ сотрудниковъ П. Рычкову, Миллеръ постоянно высылалъ Вѣдомости, календарь и разныя академическія изданія. Присылка новыхъ книгъ продолжалась и послѣ прекращенія «Ежемѣсячныхъ сочиненій», и Рыч-

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 207.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 321.

ковъ однажды (1 августа 1769 года), благодаря за то Миллера, писалъ: «Я ни отъ кого книгъ нынѣ не получаю, да и газетъ такъ, какъ при васъ бывало, отъ Академіи не присылаютъ же. Признаюсь вамъ, какъ моему милостивцу и другу, что тѣмъ и охота моя трудиться для Академіи нѣсколько уменьшилась. Мало такихъ людей въ свѣтѣ, чтобъ безъ всякаго воздаянія трудились [1])...»

Несмотря на скудость въ произведеніяхъ оригинальныхъ, Миллеръ, однако, не печаталъ подъ рядъ всего, что ему доставлялось для помѣщенія въ «Ежемѣсячныя сочиненія». Въ подтвержденіе тому сохранились извѣстія о пререканіяхъ его съ Тредіаковскимъ. Двѣ прозаическія статьи и одно стихотвореніе послѣдняго были напечатаны въ началѣ существованія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (въ 1755 году); но потомъ Миллеръ сталъ отказывать Тредіаковскому въ помѣщеніи его произведеній, а между тѣмъ этотъ приготовилъ было разсужденіе «Объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ» [2]), пять разсужденій «О всей силѣ правоучительныя философіи», также «Объ окончаніи собственныхъ нашихъ именъ женскихъ съ греческихъ и латинскихъ на ась и на ісъ». «Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самому его графскому сіятельству, которая не неосновательною мнѣ, говорилъ самъ Тредіаковскій, казалась, уничтожена жъ. Аллегоріческая нѣкоторая басенка стіхами безъ ріомъ, которую двое изъ бывшихъ тогда въ собраніи членовъ апробовали, а двое отреклись незнаніемъ силы въ стіхахъ россійскихъ, и которыя печатаніе далъ на волю его графское сіятельство, уничтожена жъ». Тогда Тредіаковскій, по его словамъ, обратился къ Миллеру съ требованіемъ объясненія: «по какой бы онъ власти, и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго правъ, тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книжки, и апробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ,

---

[1]) XXV портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ.

[2]) Статья эта напечатана въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7: «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», стр. 102 и слѣд.

какъ бутто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько бъ я его ни спрашивалъ. Гдѣ жъ то узаконено, продолжаетъ Тредіаковскій, чтобъ члену секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудно бъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако, я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части!...»

Такая неудача въ помѣщеніи своихъ произведеній въ журналѣ навела Тредіаковскаго на мысль, что Миллеръ не исполнитъ его желаній изъ личнаго нерасположенія къ нему, почему стихотворецъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ поручилъ Андрею Партову, усердному вкладчику статей въ «Ежемѣсячныя сочиненія», передать свои статьи редактору отъ имени Партова, о чемъ такъ разсказываетъ: «сочинилъ я оду, назвавъ ее Вешнее Тепло, и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ [1]), да и вручилъ конференцъ-секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книжкахъ напечатана [2]). Хотя жъ мнѣ и посчастилось (sic) въ подставѣ чужаго автора; однако сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двѣмя пошлыми піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шолкѣ и червякъ шолковыхъ. Первая оная такъ типографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе здѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя [3]). Писалъ я для того письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ моимъ по-

---

[1]) В, Т = Василій Тредіаковскій.

[2]) Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» за май 1756 г., стр. 469 — 477.

[3]) Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» іюль, 1757 года, стр. 66 — 88. Въ отчетѣ канцеляріи о статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ мѣсяцѣ, Миллеръ замѣтилъ: «О безпорочности и пріятности деревенскія жизни» — сочинилъ невѣдомо кто, а мнѣ отдалъ артиллеріи поручикъ г. Партовъ». См. архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

ступлено; но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ, о полкѣ...»

Отказъ помѣщать статьи въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ эпиграммы, сыпавшіяся на Тредіаковскаго за то, что онъ считалъ болѣе правильнымъ писать, напримѣръ добрым люди, вѣрныи счеты, а не добрые люди, вѣрные счеты, и т. д., сильно огорчали этого писателя, и три года спустя, вспоминая о томъ, онъ писалъ: «Послѣ сего, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искуствѣ, прободаемый сатіріческими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во правахъ (что сего безсовѣстнѣе?) оглашаемый, все жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно, и съ твердымъ основаніемъ и въ окончаніяхъ прилагателныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно ужѐ изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію [1])...»

Сумароковъ помѣщалъ свои произведенія въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» четыре года, но потомъ съ 1759 года ихъ болѣе въ журналѣ не встрѣчается. Правда, что Сумароковъ въ 1759 году издавалъ свой собственный журналъ; но, вѣроятно, между нимъ и Миллеромъ произошло также что-нибудь подобное тому, что случилось съ Тредіаковскимъ, потому что Ломоносовъ, въ письмѣ къ И. И. Шувалову 19 января 1761 г., говорилъ о Сумароковѣ: «Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы [2])».

Кромѣ писателей, помѣщавшихъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» свои статьи, какъ любители литературы, желавшіе стязать себѣ писательскую извѣстность, у Миллера были сотрудники по

---

[1]) Записки Академіи Наукъ, т. IX, 1866 г., кн. 2, прилож. къ протоколамъ, стр. 178, 179.

[2]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, т. I, 686.

обязанности, назначенные академическимъ начальствомъ. Они болѣе первыхъ трудились и доставляли статей для журнала, но имена этихъ рядовыхъ тружениковъ остаются неизвѣстными, потому что подписывали, даже не исключая и переводовъ, только посторонніе литераторы, быть можетъ потому, что они дѣлали нѣкоторымъ образомъ одолженіе помѣщеніемъ своихъ трудовъ и хотѣли непремѣнно повѣдать міру, что и они писатели. Изъ вышеприведенныхъ словъ Миллера можно замѣтить, что онъ постоянно жаловался и былъ недоволенъ своими академическими сотрудниками. Эти жалобы и недовольство невозможно считать безусловно справедливыми, когда припомнишь то, что говоритъ о характерѣ исторіографа Шлецеръ: «самъ неутомимо трудолюбивый и точный во всемъ, Миллеръ хотѣлъ вынудить оба эти качества и у всѣхъ прочихъ. Каждый, имъ придуманный проектъ долженствовалъ — такъ какъ онъ считалъ его хорошимъ и по бо́льшей части всѣ они дѣйствительно были таковыми — быть осуществленнымъ во что бы то ни стало [1])». Впрочемъ, даже если и допустить, что Миллеръ справедливо говорилъ о маломъ содѣйствіи въ изданіи журнала, то все таки безыменные сотрудники его не заслуживаютъ полнаго забвенія.

О писателяхъ, пользовавшихся бо́льшею или мѣньшею извѣстностью, обыкновенно собираются и сохраняются разныя свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи дѣлаются достояніемъ исторіи литературы; но одновременно съ такими немногими избранниками подвизаются на литературномъ поприщѣ множество тружениковъ, осужденныхъ послѣ жизни, по бо́льшей части переполненной всевозможными лишеніями и невзгодами, на совершенное забвеніе. Какъ ни ничтожна по своимъ послѣдствіямъ писательская дѣятельность такихъ лицъ, когда разсматривать ее отдѣльно самоё по себѣ, тѣмъ не менѣе однако произведенія этой дѣятельности составляютъ нераздѣльную часть той массы умственной производительности, которая есть литература данной эпохи. Въ литературной дѣятельно-

[1]) A. L. Schlözer's Leben von ihm selbst beschrieben, стр. 29.

сти писателей безвѣстныхъ также отражаются духъ своего времени, потребности и направленіе общества, равно какъ и средства, бывшія въ его распоряженіи для удовлетворенія или осуществленія ихъ. Поэтому было бы крайне односторонним со стороны историка литературы, когда бы онъ, при изученіи той или другой эпохи, сталъ ограничиваться разысканіями объ одиѣхъ литературныхъ знаменитостяхъ. Какъ бы ни были разнообразны и богаты достоинствами сочиненія извѣстныхъ писателей, какъ бы ни была переполнена жизнь ихъ многообразными приключеніями, въ сочиненіяхъ ихъ никогда не выскажутся всѣ идеи, которыми жило общество въ данную минуту своего существованія; въ ихъ жизни не отразится жизни цѣлаго общества со всѣми ея разнообразными уклоненіями и кажущимися исключеніями изъ общаго правила. Чтобы добыть цѣльную картину прошлаго въ литературѣ, не возможно упускать изъ виду писателей второстепенныхъ и даже не пользовавшихся никакою извѣстностью. Если не въ произведеніяхъ, то въ жизни ихъ найдется много поучительнаго и такого, что уяснитъ позднѣйшему изслѣдователю неразгаданное и темное въ исторіи литературы. По этимъ-то основаніямъ, читатель встрѣтится въ настоящей статьѣ, конечно въ первый разъ, съ подробностями о безвѣстныхъ сотрудникахъ перваго русскаго журнала, на сколько было возможно собрать ихъ при помощи уцѣлѣвшихъ архивныхъ извѣстій.

По выходѣ въ свѣтъ первой книжки «Ежемѣсячныхъ сочиненій», президентъ Академіи Наукъ, графъ Разумовскій сдѣлалъ (30 января 1755 г.) такое распоряженіе: «адъюнкту Осипу Шестаковскому съ прочими быть ежедневно при переводахъ подъ вѣдомствомъ г. секретаря конференціи и профессора Миллера, и порученныя ему отъ него дѣла переводить непремѣнно въ конференціи, а не на квартирѣ [1])...»

Жизнь адъюнкта Шестаковскаго была полна разнообразныхъ приключеній: онъ происходилъ изъ смоленской шляхты, а

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 194.

потому называлъ себя въ прошеніяхъ «человѣкомъ иностраннымъ»; сначала учился въ московской словено-греко-латинской Академіи, гдѣ «ходилъ на реторику»; въ 1740 году очутился уже въ Петербургѣ и посѣщалъ лекціи академиковъ; потомъ перешелъ въ шляхетскій сухопутный корпусъ, наконецъ служилъ унтеръ-офицеромъ и сержантомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. 6 іюня 1751 года Академія Наукъ неожиданно получила промеморію изъ полковой канцеляріи сейчасъ названнаго полка, въ которой давалось знать, что:... «минувшаго мая 26 дня, по конфирмаціи на поданномъ ея императорскаго величества отъ полку лейбъ-гвардіи семеновскаго докладѣ, всемилостивѣйше пожалованъ онаго полку сержантъ Іосифъ Шестаковскій, по его искусству наукъ, въ де-сіансъ Академію адъюнктомъ съ рангомъ капитанскимъ...» Академическая канцелярія распорядилась «освидѣтельствовать» новаго адъюнкта въ наукахъ и языкахъ. Вслѣдствіе того, академики Браунъ и Тредіаковскій отозвались, что «мы съ г. адъюнктомъ Шестаковскимъ разговаривали, а по разговору о философіи, реторикѣ и поэзіи явилось, что оный г. адъюнктъ о сихъ наукахъ говорить не могъ много, объявивъ въ причину тому малое въ нихъ упражненіе при бывшей его военной службѣ...» Въ геометріи и фортификаціи у него, впрочемъ, оказались нѣкоторыя свѣдѣнія; при томъ онъ могъ переводить съ латинскаго языка. Самъ Шестаковскій, послѣ академическаго испытанія, просилъ канцелярію о дозволеніи, за невозможностью ему исполнять адъюнктскую обязанность согласно регламенту Академіи, «оставить меня при философіи, къ которой крайнюю охоту имѣю...» Канцелярія послала его къ академику Брауну, занимавшемуся этою наукою, замѣтивъ при томъ въ протоколѣ: «изъ собственаго Шестаковскаго признанія довольно явствуетъ, что онъ не токмо не въ состояніи, но и охоты не имѣетъ отправлять должность адъюнктскую [1])...»

Шестаковскій сдѣлалъ нѣсколько переводовъ для журнала,

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 62, 102 и 154.

но, по отзыву Миллера, они требовали «великаго поправленія [1])». За тѣмъ вскорѣ Академія освободилась отъ этого адъюнкта: по его просьбѣ, 5 іюня 1755 года онъ былъ уволенъ для вступленія въ монашество. Впослѣдствіи онъ находился іеромонахомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ (1757—1761 г.); потомъ былъ архимандритомъ въ николаевскомъ чартомскомъ монастырѣ суздальской епархіи, а въ 1770 году жилъ на покоѣ въ Москвѣ [2]).

Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», Миллеръ, вскорѣ послѣ выхода первой книжки журнала, называлъ студента Ивана Голубцева и даже просилъ, чтобы «для примѣра прочимъ» ему было назначено 150 руб. жалованья и возвращено званіе переводчика, котораго канцелярія его лишила за проступки [3]). Изъ другихъ современныхъ извѣстій видно, что усерднымъ переводчикомъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» былъ также Василій Лебедевъ [4]). И Голубцевъ, и Лебедевъ оба были товарищами Ломоносова по словено-греко-ла-

---

[1]) Тамъ же, книга № 220.

[2]) Тамъ же № 197 и Госуд. Архивъ, разрядъ X, прошенія, бывшія въ дѣлопроизводствѣ Гр. Н. Теплова, часть X.

[3]) III портфель Миллера, матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ 1751 — 1764 годовъ, донесеніе 26 января 1755 г.

[4]) Въ академическихъ архивахъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ именахъ сочинителей и переводчиковъ, участвовавшихъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» въ 1757 году. По этимъ свѣдѣніямъ можно судить о дѣятельности Голубцева и Лебедева и въ прочіе годы. Такъ въ означенномъ году слѣдующія статьи переведены были первымъ изъ нихъ: a) въ апрѣлѣ, стр. 369 — 381: «О нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, кои полезны къ крашенію». b) Въ маѣ, стр. 387 — 461, «Извѣстіе о шелковыхъ заводахъ, какимъ образомъ они учреждены въ Китаѣ» и пр.; стр. 462 — 469, «Описаніе особой камеръ-обскуры и полемоскопа»; стр. 470—479, «О китовой ловлѣ около Камчатки». c) Въ іюнѣ, стр. 558—562, «Какимъ образомъ оспа въ Англіи прививается» и составленъ имъ же Голубцевымъ, стр. 563—592, «Реестръ достопамятнымъ вещамъ». d) Въ іюлѣ, стр. 3—39, «Исторія о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ»; стр. 54—65, «Предложеніе о разводѣ въ Россіи шелковичныхъ деревъ». e) Въ августѣ, стр. 99—130, «Продолженіе исторіи о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ. f) Въ сентябрѣ, стр. 195—227, продолженіе предыдущей статьи. g) Въ октябрѣ, стр. 291—328, продолженіе предыдущей статьи. i) Въ ноябрѣ, стр. 463—474, «О разумномъ употребленіи самолюбія, разговоръ между Сократомъ и Ксенофонтомъ». k) Въ декабрѣ, стр. 539 — 549, «Объ истинной долготѣ человѣческой жизни». Статьи, переведенныя въ томъ же 1757 г. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Васильемъ

тинской Академіи въ Москвѣ; оба получили воспитаніе при Академіи; потомъ занимались переводами и между современниками были извѣстны какъ знатоки русскаго языка и искусные переводчики [1]).

О судьбѣ этихъ полезныхъ для своего времени, но теперь совершенно забытыхъ литературныхъ дѣятелей извѣстно слѣдующее:

24 января 1735 года, президентъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ, представляя сенату, что по мысли Петра Великаго Академія Наукъ учреждена не только для дальнѣйшаго усовершенствованія наукъ, но и для распространенія просвѣщенія въ Россіи, ходатайствовалъ объ основаніи при Академіи семинаріи на 30 воспитанниковъ и объ отпускѣ на то особой суммы. Когда сенатъ

Лебедевымъ: 1) въ іюлѣ, стр. 89 — 95, «О употребленіи овощей»; 2) въ августѣ; стр. 161 — 184, «О пользѣ высшей математики въ общей жизни» (на нѣмецкомъ начало принадлежитъ академику Гришову, а конецъ академику Цейгеру); 3) стр. 185 — 191, «Мысли экономическія»; 4) въ сентябрѣ, стр. 228 — 251, «О воспитаніи дѣтей у Лакедемонянъ»; 5) стр. 271 — 283, «О. Плюмгрена, размышленія о коммерціи вообще»; 6) стр. 284 — 286, «Извѣстіе о нѣкоемъ достовѣрномъ лекарствѣ для излѣченія очной болѣзни»; 7) въ октябрѣ, стр. 329—348, «Размышленія о возвратѣ кометъ.»; 8) стр. 377—383, «Переводъ изъ третьей части гамбургскаго патріота», 9) въ декабрѣ, стр. 516—531, «Храмъ земнаго увеселенія, во снѣ видѣнный». Въ 1758 году въ февральской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» статьи на стр. 99 — 120, «Продолженіе описанія морскихъ путешествій»; стр. 150 — 182, «Разсужденія о саранчѣ», и стр. 183 — 191, «Разныя примѣчанія естественныя» переведены Голубцевымъ. (Архивъ академической канцеляріи, книга № 223). Въ маѣ 1761 года, Василій Лебедевъ доносилъ, что онъ перевелъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» слѣдующія статьи изъ Англійскаго Спектатора: 1) «Письмо о томъ, что собственно высоко почитать надлежитъ»; 2) «О силѣ новости» (въ Ежемѣсяч. сочиненіяхъ 1761 г., часть I, стр. 265 — 273); 3) «Сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ» (тамъ же, стр. 463 — 472); 4) «Сонъ о искрѣ грѣховъ» (тамъ же, стр. 473 — 478); 5) «Сонъ о правосудіи» (тамъ же ч. I, стр. 513 — 523, ч. II, 278—287); 6) Изъ шведскихъ сочиненій размышленіе о земледѣліи. (См. архивъ академической канцеляріи, книга № 236.)

[1]) Порошинъ, напримѣръ, въ своихъ Запискахъ занесъ въ октябрѣ, 1764 года: «...разговорились о Кейслеровомъ путешествіи, и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знали и хорошо переводили...» Записки Порошина, Спб. 1844 г., стр. 106.

потребовалъ болѣе подробныхъ разъясненій по этому предмету, Корфъ, 16 апрѣля 1735 года, сообщилъ свои исчисленія, по которымъ каждый воспитанникъ обходился бы казнѣ въ 146 руб. 60⅚ коп., а всѣ 30 человѣкъ 4,398 руб. 25 к. (см. приложеніе I). Баронъ Корфъ какъ бы предчувствовалъ, что его представленіе о семинаріи на придуманныхъ имъ основаніяхъ не будетъ утверждено, а потому 13 мая 1735 года онъ вошелъ въ сенатъ съ другимъ ходатайствомъ о высылкѣ изъ русскихъ училищъ двадцати молодыхъ людей на столько подготовленныхъ, чтобы они тотчасъ же могли начать слушать лекціи у академиковъ. А такъ какъ Академія не имѣла въ своемъ распоряженіи излишнихъ суммъ, то Корфъ просилъ сенатъ о назначеніи на содержаніе каждаго молодаго человѣка по 150 рублей въ годъ (см. приложеніе II).

Очевидно, что вопросъ о деньгахъ на содержаніе воспитанниковъ составлялъ для барона Корфа существенную часть дѣла, такъ какъ Академія, съ самаго основанія обремененная разными мастерскими и художниками, нуждалась часто въ деньгахъ до такой степени, что и академики не получали жалованья за полтора и болѣе года. Между тѣмъ сенатъ прошелъ молчаніемъ о назначеніи денегъ, а распорядился только: «изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ 20 человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію Наукъ...»

Президентъ Академіи, какъ видно, принималъ близко къ сердцу все это дѣло, а потому по полученіи послѣдняго указа изъ сената обратился къ ректору и архимандриту спасскаго монастыря:

«Въ присланномъ изъ правительствующаго сената въ Академію Наукъ указѣ отъ 13 октября объявлено, что избраніе опыхъ 20-ти учениковъ, которые къ вышнимъ наукамъ приведены быть имѣютъ, оставлено на ваше и вашихъ товарищей разсужденіе; но дабы при томъ высочайшее намѣреніе ея императорскаго величества исполнилось, то вашего преподобія прошу избрать и отправить сюда отроковъ добрыхъ, которые бъ въ приличныхъ къ

украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отечеству пользу учинить могли...»

Архимандритъ Стефанъ отвѣчалъ барону Корфу: «изъ московской словено-греко-латинской Академіи ученики, числомъ 12, остроумія, по нашему мнѣнію, не послѣдняго, выбраны и въ московскую синодальнаго правленія канцелярію при доношеніи представлены...» Президентъ Академіи просилъ сенатъ (15 декабря 1735 г.) о доставленіи недоставшихъ восьми человѣкъ (см. приложеніе III), что̀ и было обѣщано, но потомъ не исполнено.

2 января 1736 года отставной прапорщикъ Василій Поповъ явился въ Академію Наукъ съ двѣнадцатью молодыми людьми, которыхъ онъ привезъ изъ Москвы. По отзыву коллегіи экономіи это были: «изъ богословіи — Василій Лебедевъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Несмѣяновъ, которые сего 1735 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при отправкѣ философическаго корпуса (курса?), въ богословію вступили. Изъ философіи — Александръ Чадовъ, Дмитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцевъ, Михайло Ломоносовъ, что̀ изъ реторики въ нынѣшнемъ же году перешли до философіи. Изъ реторики — Прокофій Шишкаревъ, Семенъ Старковъ. Изъ піитики — Алексѣй Барсовъ, Михайло Ковринъ, Никита Поповъ, которымъ до упомянутыхъ школъ промоція учинена сего же года...»

Въ октябрѣ 1735 г. и два раза въ январѣ 1736 г. баронъ Корфъ напоминалъ сенату о назначеніи 3,000 руб. на содержаніе новыхъ воспитанниковъ, но въ отвѣтъ получилъ наконецъ (3 февраля 1736 года) такое распоряженіе: «до будущаго указу отпустить изъ штатсъ-конторы на каждаго человѣка по 30 руб., итого 360 руб, а для житья отвесть имъ покои при Академіи, пока другіе имъ даны будутъ». Деньги эти были употребляемы на покупку самой необходимой мебели (кроватей, тюфяковъ, и т. п.), бѣлья (полотно, напримѣръ, платили по 5 коп. аршинъ), на столъ (по 5 руб. въ мѣсяцъ за человѣка) и проч., а потому вскорѣ вышли и, по новому ходатайству, сенатъ велѣлъ отпустить еще 360 рублей на весь 1736 годъ.

Этой суммы было далеко недостаточно на покрытіе всѣхъ из-

держекъ, и адъюнктъ Адодуровъ, который имѣлъ главный надзоръ за московскими учениками, писалъ о томъ убѣдительныя донешенія въ академическую канцелярію. Сверхъ того, молодые люди, терпя недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ, замѣчали, что отпускаемыя на нихъ деньги расходуются экономомъ Фельтеномъ недобросовѣстно. По этому поводу, однажды воспитанникъ Прокофій Шишкаревъ, въ разговорахъ о томъ съ товарищами, промолвилъ: «хотя-де про нѣмцевъ и говорятъ, будто они не воры, однако-де и они воруютъ!» Узнавъ объ этомъ, Адодуровъ, 12 ноября 1736 г., доводилъ о томъ до свѣдѣнія канцеляріи, чтобы: «...Прокофья Шишкарева въ укоризнахъ и бранныхъ словахъ, которыми онъ нѣмцевъ поносилъ, велѣно было допросить и учинить о всемъ праведное разсмотрѣніе, понеже сіе касается какъ до чести сего народа, такъ и паипаче до интересу ея императорскаго величества». На рапортъ Адодурова послѣдовала резолюція: «Solchen in die Cancelley auf Morgen bestellet, darüber vernommen und abgestrafet werden».

На допросѣ Шишкаревъ объяснилъ: «при столѣ, во время кушанья, всегда они всѣ поступаютъ учтиво, и онъ-де, Прокофій, также и другіе ученики про нѣмцевъ, будто они не воры, анъ-де и они воруютъ—не говаривали. А говорилъ-де онъ, Шишкаревъ, такія слова: говорятъ-де про нѣмцевъ, что будто они не воруютъ, однакъ же неправду дѣлаютъ, ибо они на нихъ написали столъ и зеркало излишне, о чемъ имъ по реестру объявлено въ правительствующемъ сенатѣ; а кто-де на нихъ написалъ, того онъ не знаетъ. А прочіе ученики тѣ его слова слышали или нѣтъ, того онъ не знаетъ, о чемъ ему, Адодурову, и персонально они всѣ говорили, а м..... и другими поносными словами какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, не токмо своихъ командировъ, но и никого не бранивали...» Шишкаревъ, за неповиновеніе Адодурову и за произнесеніе словъ «про нѣмцевъ, будто они не воры, а хотя-де и не воруютъ, однако жъ неправду дѣлаютъ» — былъ «битъ нещадно батожьемъ».

Такое жестокое наказаніе не принудило однако молодыхъ лю-

дей къ молчанію: они подали въ сенатъ жалобу на плутни Фельтена, и въ журналахъ сената по этому случаю записано:

«22 ноября 1736 года—екзекуторъ Баскаковъ докладывалъ, что онъ о академическихъ школьникахъ въ Академію, по поданному отъ нихъ доношенію, ходилъ и слѣдовалъ. И явилось, что имъ, экономомъ Фельтеномъ, въ отдачю полотенъ на рубашки и на простыни и прочее приписано излишнее, а нова и ничего имъ не дано. А экономъ-де показывалъ, что написано для того, что-де хотѣлъ оное, все куня, отдать послѣ. Приказали: призвать Шумахера и Фельтена и спросить, для чего такіе непорядки и тѣмъ ученикамъ обиды происходятъ?

«Декабря 3, 1736 года, допущены были изъ Академіи Наукъ секретарь Медеръ, да адъюнктъ Адодуровъ, да экономъ Фельтенъ, и объявлено: для чего учениковъ обижаютъ и имъ настоящаго платья и прочаго не даютъ, а въ расходъ на нихъ пишутъ излишнее и ихъ бьютъ? На что секретарь доносилъ, что билъ нѣкоторыхъ за вины Шумахеръ, а о прочемъ ни о чемъ тѣ ученики въ Академію не доносили. Приказали: съ нихъ, учениковъ, доношенія дать въ Академію копію, а имъ приказано, чтобъ тѣхъ учениковъ въ Академіи не арестовали и не били безъ докладу сената [1])».

Впрочемъ, сенатъ не улучшилъ матеріальнаго положенія воспитанниковъ, и нѣсколько дней спустя, именно 21 декабря 1736 года, Адодуровъ доносилъ академической канцеляріи: «какъ я вчерашняго числа пришедъ въ тѣ покои, въ которыхъ живутъ присланные изъ Москвы ученики, спросилъ: всѣ ли они дома? то сказано мнѣ было, что двое изъ нихъ, а именно Яковъ Несмѣяновъ и Иванъ Голубцевъ пошли къ ректору гимназіи Фишеру для начатія у него лекцій. А когда я сказалъ, чтобъ и прочимъ къ нему также идти надлежало, то отвѣтствовали, что они у себя не имѣютъ платья и для того никуда изъ палатъ выходить не могутъ...»

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, № 791.

Шумахеръ, вѣроятно еще сердитый на молодыхъ людей, предписалъ Адодурову прямо отъ себя ходатайствовать въ сенатѣ о московскихъ ученикахъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Адодуровъ это исполнилъ (см. приложеніе IV), и сенатъ велѣлъ отпустить на 10 человѣкъ (Ломоносовъ и Дмитрій Виноградовъ были уже отправлены за границу) еще 100 рублей. Въ 1737, 1738, 1739 и 1740 годахъ продолжались со стороны учениковъ жалобы на недостатокъ денегъ и убожество, а со стороны сената медлительность въ назначеніи денегъ, которыя притомъ отпускались всегда въ скромныхъ размѣрахъ. Академическая канцелярія рѣшилась потомъ выдавать занмообразно молодымъ людямъ по 3 рубля на мѣсяцъ, что̀ при петербургской дороговизнѣ было, конечно, недостаточно.

Что касается преподаванія наукъ, то изъ представленнаго, 3 сентября 1736 года, Адодуровымъ барону Корфу росписанія занятій московскихъ учениковъ видно, что они должны были учиться три часа до обѣда и столько же послѣ обѣда. Уроки ежедневно начинались классомъ нѣмецкаго языка; за тѣмъ по четыре часа въ недѣлю назначалось на толкованіе латинскихъ авторовъ, математику, «реторическія обученія», чистописаніе и рисованіе; по два часа — на географію, исторію и танцованіе.

Въ 1738 году, нѣкоторые изъ гимназическихъ учениковъ, послѣ испытаній ихъ академиками, произведены были въ студенты, и о будущихъ сотрудникахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» представилъ (10 іюля 1738 года) тогдашній инспекторъ гимназіи, академикъ Крафтъ слѣдующій отзывъ: «Василій Лебедевъ, сынъ капрала тобольскаго полка, родомъ изъ Москвы, 21 года, съ 1736 года изучалъ въ латинской гимназіи латинскій, греческій и нѣмецкій языки; также—просодію, логику, исторію, географію и ариѳметику; поведенія скромнаго, благонравнаго и откровеннаго. Иванъ Голубцевъ, сынъ типографщика, родомъ изъ Москвы, 22 лѣтъ, обучался тѣмъ же наукамъ; притомъ прилеженъ и совѣстливъ...» Выше было упомянуто, что въ 1759 г. статьи, предназначавшіяся для «Ежемѣсячныхъ сочиненій», просматривались въ

рукописи Никитою Поповымъ, «для поправокъ штиля [1])». Онъ былъ товарищемъ Голубцева и Лебедева, и о немъ тогда же Крафтъ писалъ: «сынъ дьякона, родомъ изъ Юрьева, 18 лѣтъ; въ наукахъ сдѣлалъ посредственные успѣхи; но за то довольно далеко успѣлъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Праву его слѣдовало бы быть по лучше...» Съ половины 1738 года студенты уже слушали лекціи академиковъ Эйлера, Крафта и другихъ. Русскій языкъ имъ преподавалъ Адодуровъ.

1 сентября 1740 года, Лебедевъ, Голубцевъ и Поповъ изъ студентовъ поступили въ академическіе переводчики. Послѣдній изъ нихъ, несмотря на не совсѣмъ благопріятные отзывы своихъ наставниковъ, а впослѣдствіи на личное недовольство имъ Шумахера, возведенъ былъ въ званіе академика по каоедрѣ астрономіи. Лебедевъ пользовался въ свое время извѣстностію, какъ добросовѣстный и трудолюбивый переводчикъ. Нѣкоторые изъ изданныхъ въ свѣтъ переводовъ его выдержали по нѣскольку изданій. Его латинская грамматика, напримѣръ, имѣла десять изданій и была первымъ печатнымъ русскимъ учебникомъ латинскаго языка. Печатные переводы Лебедева указаны въ «Росписи россійскимъ книгамъ» А. Смирдина; но еще болѣе его трудовъ, предпринятыхъ имъ или по распоряженію академическаго начальства, или по собственной охотѣ, осталось въ рукописяхъ. Онъ трудился, между прочимъ, въ свободное время надъ составленіемъ русскаго словаря, о дальнѣйшей судьбѣ котораго я не успѣлъ еще отыскать извѣстій.

Голубцевъ перевелъ съ нѣмецкаго «Краткое руководство къ теоретической геометріи», изд. въ 1748 г., а также участвовалъ въ переводѣ «Описанія Сибирскаго царства», соч. Миллера, изд. въ 1750 году. Невоздержная жизнь была причиною многихъ несчастій для Голубцева. Въ 1748 году о немъ состоялось постановленіе ака-

---

[1]) Миллеръ указывалъ, что Попову принадлежитъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1757 года (декабрь, стр. 550—551), «Надгробная надпись на прошедшій годъ». Архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

демической канцеляріи, въ которомъ, между прочимъ, записано: «и канцелярія Академіи Наукъ довольно объ немъ, Голубцевѣ, извѣстна, что онъ въ наукахъ его былъ бы достаточенъ, ежели бы могъ себя воздержать отъ всегдашняго пьянства... Всевозможное употребляемо было стараніе, чтобъ его отъ такой гибельной страсти отвратить, но никакія воздержности не предуспѣли...» Голубцевъ былъ разжалываемъ два раза въ копіисты, а въ 1753 году, будучи въ нетрезвомъ состояніи и безпамятствѣ, сказалъ за собою «слово и дѣло», за что и попалъ въ тайную канцелярію. Здѣсь оказалось, что за нимъ не было никакого слова и дѣла, а потому послѣ тяжкаго наказанія, положеннаго за «ложное сказываніе слова и дѣла» тайная канцелярія возвратила его 13 января 1753 г. къ прежнимъ занятіямъ въ Академію, таинственно присовокупляя, что о немъ «надлежащее рѣшеніе учинено». Выше уже говорено, что съ начатіемъ изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» Миллеръ, довольный трудами Голубцева, просилъ прибавить ему жалованье, а 19 февраля 1758 года академическая канцелярія опредѣлила: «хотя онъ, Голубцевъ, напредь сего являлся въ пьянствѣ, однако нынѣ находится во всегдашней трезвости, и по видимому отъ пьянства имѣетъ воздержаніе и упражняется въ переводахъ и въ положенныхъ на него дѣлахъ» — по этому ему возвращено званіе переводчика и прежнее жалованье по 250 рублей въ годъ. Бѣдный Голубцевъ не долго пользовался имъ: 25 мая 1759 года онъ умеръ [1]).

Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» встрѣчается статья Николая Поповскаго [2]) и стихотворенія Адріана Дубровскаго [3]); по-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 117, картонъ 11 и книга № 243.

[2]) 1755 года, августъ, 167 — 176.

[3]) Адріанъ Дубровскій подписывалъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» свои стихотворенія буквами А. Д. Они всѣ перечислены Милютинымъ (Современникъ 1851 года, т. XXV, отд. II, стр. 27—29), но по ошибочной догадкѣ приписаны имъ Александру Демидову. Что эти стихотворенія принадлежатъ Дубровскому, то свидѣтельствуетъ академическій протоколъ 19 іюля 1755 года, гдѣ занесено: Studiosus Dubrowski tradidit fabulam Aesopicam de Sene et Morte a se

томъ изъ словъ Миллера видно, что въ началѣ 1755 года переводами для журнала, вмѣстѣ съ Голубцовымъ, занимались Григорій Павинскій [1]) и магистръ Алексѣй Константиновъ [2]). Въ 1757 г. [3]) Миллеръ называлъ, между прочимъ, переводчиковъ, помѣстившихъ въ томъ году свои труды въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»: магистра Филина Яремскаго [4]), Софронова [5]), Ѳедора Соколова [6]). Румовскій и Котельниковъ въ томъ же году помѣстили безъ подписи свои статьи, первый — «Разсужденіе о кометахъ [7]); второй — «О водныхъ метеорахъ, или о приключеніяхъ отъ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ бываемыхъ» [8]).

Всѣ эти лица получили воспитаніе при Академіи Наукъ. Старшій изъ нихъ по лѣтамъ Котельниковъ поступилъ въ академическую гимназію въ 1741 году изъ семинаристовъ, учившихся въ семинаріи, основанной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; потомъ за границей сдѣлался любимымъ ученикомъ Эйлера и наконецъ академикомъ. Что же касается до остальныхъ, то они были выбраны также изъ духовныхъ училищъ въ 1748 году.

Въ этомъ году, во исполненіе новаго академическаго регламента, постановлено было въ Академіи вытребовать въ нее тридцать воспитанниковъ изъ духовныхъ училищъ Петербурга, Новгорода и Москвы. Духовное начальство не могло сочувствовать

---

russice conversam quae ibidem Observationibus menstruis inseretur». Басня эта подъ заглавіемъ «Смерть и дровосѣкъ» и съ подписью буквъ А. Д. напечатана въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», за іюль 1755 года, стр. 95.

[1]) III портфель Миллера Матеріаловъ къ исторіи Академіи Наукъ, 1751 — 1764 годовъ, донесеніе 26 января 1755 года.

[2]) Ibid., Миллеръ писалъ, что статью академика Фишера о гипербореяхъ для второй книжки (1755 года, стр. 123 — 138), переводилъ магистръ Константиновъ, а поправлять долженъ былъ Модрахъ; но они поссорились между собою, а потому ее исправлялъ Тредіаковскій.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

[4]) Апрѣль, стр. 354 — 364, «Г. Винслова, анатомическія разсужденія».

[5]) Августъ, стр. 131 — 160, «Наблюденія метеорологическія», Брауна.

[6]) Сентябрь, стр. 252 — 270, «О пользѣ, которую ученіе физики приноситъ экономіи», изъ Nouvelliste economique.

[7]) Іюль, стр. 40 — 53.

[8]) Октябрь, стр. 349 — 376; ноябрь, стр. 446 — 462.

этой мѣрѣ, такъ какъ послѣдствіемъ ея для духовнаго вѣдомства было обыкновенно лишеніе лучшихъ воспитанниковъ и, слѣдовательно, недостатокъ въ способныхъ людяхъ при замѣщеніи наиболѣе трудныхъ должностей. Какъ бы то ни было, но значеніе при Дворѣ графа Разумовскаго и настойчивость любимца его, тогдашняго ассессора академической канцеляріи Григорія Теплова (который, какъ видно теперь изъ черновыхъ бумагъ, велъ самъ всю переписку по этому дѣлу) превозмогли: въ Новгородъ и Москву, для выбора учениковъ, отправленъ былъ Тредіаковскій. Въ бытность въ Новгородѣ, онъ выбралъ, между прочимъ, слѣдующихъ молодыхъ людей, бывшихъ потомъ сотрудниками «Ежемѣсячныхъ сочиненій»: Григорія Павинскаго, олончанина, 23 лѣтъ; Филиппа Яремскаго изъ деревни Сабля, сына священника, 19 лѣтъ, оба изъ философскаго класса; Михаила Софронова изъ Устюжны, 19 лѣтъ, изъ реторическаго класса. 13 марта 1748 года, Тредіаковскій, представляя ихъ именный списокъ, прибавлялъ: «которыі всѣ пошлыі імѣютъ успѣхъ въ Латінскомъ языкѣ, а нѣкоторыі і въ Греческомъ...»

Будучи въ Москвѣ, Тредіаковскій отправилъ, между прочимъ, въ Академію изъ философскаго класса: Николая Поповскаго, москвитина, церковничій сынъ, 22 лѣтъ; изъ реторическаго: Оедора Соколова, 16 лѣтъ; изъ пінтики: Адріана Дубровскаго, «москвитинъ, попов сынъ, а отроду ему 15 лѣтъ. Сей учился и по гречески».

Академики Ломоносовъ и Браунъ выбирали учениковъ изъ александро-невской семинаріи [1]). Между ними были Степанъ Румовскій 12-ти лѣтъ, впослѣдствіи академикъ, и Иванъ Барковъ, по первоначальнымъ отзывамъ о немъ профессоровъ, даровитѣйшій изъ своихъ товарищей, но къ сожалѣнію погубившій свои дарованія въ кутежахъ.

Когда провинціальные воспитанники прибыли въ Петербургъ, то академики произвели имъ испытаніе, по которому оказалось,

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 100

что они «въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣютъ, такъ-что оные на академическія лекціи о чистотѣ штиля и здравѣйшей философіи и математики допущены быть могутъ...» Адріана Дубровскаго послали на нѣкоторое время въ гимназію доучиваться латинскому языку, въ которомъ онъ не былъ достаточно силенъ.

По составленному тогда же росписанію, новые студенты по утрамъ 5 часовъ въ недѣлю слушали у академиковъ: Брауна — руководство во всю философію, «употребляя за основаніе сокращенную Тиммигомъ вольфіанскую философію»; у Рихмана — 2 часа всѣ части математики, «чтобъ слушателямъ тѣмъ приготовить путь къ самой физикѣ, которую безъ математики начинать безполезно». Крузій — 5 часовъ въ недѣлю «толковалъ древнихъ римскихъ авторовъ, при чемъ и знаніе древностей, также и правила о чистотѣ штиля изъяснять. Онъ же покажетъ, когда потребно разсудиться, и литеральную исторію по печатному Гейманову руководству...» Послѣ обѣда Фишеръ читалъ «Универсальную исторію, съ присовокупленіемъ всегда хронологіи». Струбе де-Пирмонтъ толковалъ «новѣйшую исторію всѣхъ государствъ въ Европѣ, и потомъ ихъ внутреннее состояніе и каждаго съ прочими союзы и политическое связаніе». Тредіаковскій — «Целляріеву орографію» и «Гейнекціевы основанія чистаго штиля». По окончаніи этихъ лекцій предполагалось занять студентовъ науками, къ которымъ у нихъ окажется болѣе склонности, какъ-то астрономіею, химіею, ботаникою и механикою [1]).

Въ современныхъ бумагахъ сохранилось не мало извѣстій, что новые студенты часто и сильно кутили; драки у нихъ между собою и съ посторонними были не рѣдкость; въ студентскихъ комнатахъ находили женщинъ; начальству не разъ приходилось выслушивать грубости и даже угрозы. Академикъ Фишеръ, которому былъ порученъ надзоръ за студентами, однажды просилъ академическую канцелярію, для удержанія студентовъ отъ своевольствъ,

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 114.

назначить въ его распоряженіе особую команду изъ восьми солдатъ и двухъ «кустосовъ». Канцелярія, однако, отрядила къ Фишеру только одного академическаго солдата въ «безсмѣнные ординарцы» и разрѣшила нанять двухъ «кустосовъ» [1]).

Бурливость и разныя выходки, обыкновенно обнаруживавшіяся при кутежахъ, не препятствовали студентамъ пріобрѣтать знанія. Такъ, 19 октября 1749 года, тотъ же Фишеръ, не безъ нѣкотораго самодовольства, доносилъ канцеляріи: «что̀ до студентовъ касается, и они довольный успѣхъ показали въ латинскомъ языкѣ... Между ними такіе находятся, которые могутъ съ нѣкоторыми въ Академіи сравняться, о чемъ я довольно извѣстенъ изъ повседневныхъ съ ними разговоровъ, потому что я по бо́льшей части латинскій языкъ въ разговорахъ съ ними употребляю [2])...»

Послѣ строгихъ экзаменовъ, произведенныхъ въ январѣ и февралѣ 1750 года, отличнѣйшими изъ студентовъ были признаны будущіе академики: Протасовъ, Котельниковъ и Румовскій, и будущіе профессоры московскаго университета Антонъ Барсовъ и Николай Поповскій. Заслужили также одобреніе Софроновъ и Барковъ, которымъ не суждено было достигнуть того положенія въ обществѣ, какого заслуживали по своимъ дарованіямъ и знаніямъ. О нихъ было записано тогда: «Михайло Софроновъ ко всѣмъ почти равное лекціямъ прилежаніе имѣлъ и никому изъ товарищей своихъ въ математикѣ не уступаетъ, также и въ философіи изрядно отвѣтствовалъ. Въ латинскомъ языкѣ изрядно упражнялся, понятія добраго и превеликаго къ ученію желанія. Иванъ Барковъ нѣсколько показалъ успѣховъ въ ариѳметикѣ, а въ другихъ математическихъ наукахъ не столько, также и въ философіи не много учился. Онъ объявляетъ, что отъ бо́льшей части трудился въ чтеніи латинскихъ авторовъ и между оными Саллюстія, котораго перевелъ по русски войну Катилинову. Понятія не худова; но долго лежалъ боленъ, и кажется, что острота его отъ оной бо-

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 127.
[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 134.

лѣзни еще нѣчто претерпѣвастъ». Всѣ студенты могли читать французскихъ и нѣмецкихъ писателей; Барковъ же съ Софроновымъ представили, сверхъ того, на экзаменъ сочиненія свои на латинскомъ языкѣ. Поведеніе перваго изъ нихъ и тогда уже не было одобряемо: «Ив. Барковъ, говорилъ о немъ Фишеръ 17 февраля 1750 г., среднихъ обычаевъ, но больше склоненъ къ худымъ дѣламъ [1])...»

Академики, экзаменовавшіе студентовъ въ 1751 году, признали достойными изъ нихъ званія адъюнкта шестерыхъ: Софронова, Братковскаго [2]), Румовскаго, Барсова, Поповскаго и Яремскаго. Шумахеръ подалъ мнѣніе, что прежде слѣдуетъ потребовать отъ нихъ диссертаціи, которыя и должны защищать они на публичномъ диспутѣ [3]). Въ этомъ году Барковъ окончательно отсталъ отъ своихъ товарищей и за безпрестанные кутежи уже разжалованъ изъ студентовъ въ «ученики наборнаго дѣла». Впрочемъ, 30 октября 1751 года состоялось опредѣленіе академической канцеляріи о дозволеніи Баркову продолжать изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ и «россійскаго штиля»: «понеже канцелярія нынѣ усмотря молодые его лѣта и не можетъ ли быть отъ него впредь какого плода...»

Въ концѣ декабря 1753 года помянутые студенты Софроновъ и Румовскій произведены въ адъюнкты, а Поповскій, Барсовъ, Яремскій и Алексѣй Константиновъ первые изъ русскихъ получили званіе магистровъ.

Первые двое были вскорѣ отправлены за границу для изученія высшей математики подъ руководствомъ знаменитаго Эйлера, у котораго они и жили въ Берлинѣ [4]). Румовскій сдѣлался впослѣдствіи замѣчательнымъ астрономомъ. Отъ Софронова Эйлеръ

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 137.

[2]) Въ 1754 году Братковскій, за невоздержную жизнь и продажу казеннаго платья на покупку вина, отданъ былъ въ военную службу. Архивъ академической канцеляріи, книга № 190.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 153.

[4]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 181.

въ началѣ также ожидалъ многаго, но въ бытность у него молодой человѣкъ окончательно потерялся отъ невоздержной жизни, такъ-что его надобно было вернуть въ Петербургъ. Здѣсь много разъ брали въ академической канцеляріи подписки отъ Софронова: не пить и «не чинить шуму, дракъ и забіячествъ»; но ничто не помогало и онъ, лишенный званія адъюнкта, умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи въ февралѣ 1760 года [1]).

Магистры Поповскій, Барсовъ и Яремскій, по просьбѣ Ивана Ивановича Шувалова, были отосланы въ московскій университетъ въ 1755 году. Въ слѣдующемъ году туда же отпросился и четвертый магистръ Константиновъ [2]), который впослѣдствіи былъ библіотекаремъ императрицы Екатерины II и женился на единственной дочери Ломоносова.

Товарищъ ихъ Григорій Павинскій, отданный въ распоряженіе Миллера для переводовъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», былъ также признаваемъ отъ ректора университета Крашенинникова достойнымъ званія магистра въ 1753 году, но канцеляріею произведенъ не былъ. Онъ умеръ студентомъ 19 февраля 1755 года [3]).

Оедоръ Соколовъ, получивъ въ 1757 г. званіе переводчика, со 2 сентября 1759 г. былъ посланъ въ Москву для надзора за продажею книгъ въ тамошней академической лавкѣ.

Адріанъ Дубровскій, снабжавшій, какъ указано было выше, «Ежемѣсячныя сочиненія» своими стихотвореніями, будучи студентомъ, перевелъ стихами Заиру Вольтера [4]); въ 1757 году онъ былъ произведенъ въ переводчики; въ 1759 году, по просьбѣ Романа Ларіоновича Воронцова (съ 1760 года графъ), сопровождалъ сына его въ путешествіи по Россіи, а въ 1761 году

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 207 и 251.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 196 и 212.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 196.

[4]) Переводъ его былъ напечатанъ въ 1779 году, и имя переводчика скрыто подъ буквами А. Д.; что этотъ переводъ принадлежитъ Дубровскому, то видно изъ архива академической канцеляріи, книга № 236, гдѣ есть донесеніе его о томъ отъ 16 іюля 1759 года.

вышелъ изъ Академіи и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ командировкою въ Вѣну, гдѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ [1]).

Здѣсь кстати будетъ замѣтить для будущихъ издателей сочиненій Ломоносова, что помѣщаемые въ собраніяхъ его сочиненій «Стихи ея императорскому величеству блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, изображающій благоденствующую Россію, представленный въ Санктпетербургѣ 1 генваря 1755 года [2])»

«Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство»

и т. д.

написаны не Ломоносовымъ, а переведены сначала прозою съ нѣмецкаго подлинника Штелина Иваномъ Голубцевымъ, а потомъ переложены въ стихи Дубровскимъ. Для означеннаго фейерверка поручено было одновременно составить проекты и Ломоносову, и Штелину. Стихи, сочиненные по этому случаю первымъ изъ нихъ, и начинающіеся

По правдѣ вѣчность есть...

напечатаны въ «Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова», изд. 1803 г., т. I, стр. 298—299; въ изд. Смирдина т. I, стр. 263, 264. Но ломоносовскій проектъ фейерверка не былъ осуществленъ, потому что составленный Штелинымъ удостоился одобренія и исполненъ 1 января 1755 г. [3]). Черновой прозаическій переводъ стиховъ Штелина, которыхъ переводить съ нѣмецкаго, разумѣется, не было надобности для Ломоносова, хранится въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ подъ № 189, гдѣ есть съ стихотворнымъ переложеніемъ перевода въ нѣсколькихъ

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи. книги №№ 236 и 250. Переводъ Александра Воронцова: «Разсужденіе о пріятностяхъ сообщества» напечатано въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1756 г. февраль, стр. 153—179, съ его именемъ. Тамъ же, въ августѣ, стр. 204 — 211, «Содержаніе письма другому въ отвѣтъ: можетъ ли честь сравниться съ славою» подписана буквами А. В.

[2]) «Полное собраніе сочиненій Ломоносова», изд. 1803 г., т. I, стр. 307, 308, и Смирдина т. I, 273 — 274.

[3]) «Ежемѣсячныя сочиненія», январь 1755 г., стр. 17 — 25.

экземплярахъ съ помарками и поправками только не рукою Ломоносова. По сравненіи почерка этихъ рукописей съ другими подобными бумагами, на которыхъ уцѣлѣла и подпись Адріана Дубровскаго (какъ напримѣръ въ книгѣ архива академической канцеляріи, подъ № 208), оказывается, что помянутые стихи принадлежатъ ему. Онъ и впослѣдствіи занимался подобными переложеніями нѣмецкихъ стиховъ Штелина.

По свидѣтельству Ломоносова [1]), въ изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій» участвовалъ нѣкоторое время, какъ помощникъ Миллера, адъюнктъ Мотонисъ, а въ 1757 году въ журналѣ была помѣщена переводная статья Григорія Козицкаго [2]). Это были тѣ самыя лица, къ суду которыхъ любилъ взывать Сумароковъ въ своихъ ороографическихъ распряхъ съ Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ [3]). Козицкій и Мотонисъ, родомъ малороссы, учились сначала въ кіевской духовной Академіи, дошли тамъ до философскаго класса и въ 1747 году вмѣстѣ отправились за-границу. Будучи тамъ, они два года учились въ бреславльской гимназіи, а потомъ перешли въ лейпцигскій университетъ. Не имѣя средствъ жить въ Лейпцигѣ, эти молодые люди, въ августѣ 1749 года, обратились въ нашу Академію Наукъ съ просьбою о доставленіи имъ средствъ для продолженія заграничнаго

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 491.

[2]) «Ежемѣсячныя сочиненія», апрѣль 1757 г., стр. 345—353, «Явленіе Мирзы, листъ 159 аглинскаго зрителя». См. архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

[3]) Такъ напримѣръ, въ статьѣ «О правописаніи» Сумароковъ говоритъ: «Г. Ломоносовъ у предлоговъ никогда не искалъ корня, хотя часто литеру З и превращалъ во С, яко вмѣсто разсмотрѣніе, рассмотрѣніе... Я думаю, что г. Козицкій и г. Мотонисъ сему странному правилу никогда не послѣдуютъ, ни наши разумные проповѣдники, каковъ напримѣръ архіепископъ Платонъ...» Или послѣ насмѣшки надъ Тредіаковскимъ, писавшимъ свое имя Василей: «Г. Козицкой и г. Мотонисъ никогда не подпишутъ своихъ именъ Григорей, Микалай, хотя и большая часть народа (говоритъ): Миколинъ день...» Или: «*ой* премѣняти въ ій есть у педантовъ нашихъ то, что у германскихъ педантовъ латинской *us*. Дѣльно пишетъ г. Козицкой, получивъ право великороссійскаго дворянства: Козицкой, а не Козицкій...» Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, М., 1787 г. ч. X, стр. 14, 24, 27, 28.

ученія. Ходатайство ихъ поддержалъ бывшій въ Петербургѣ академикъ, а потомъ профессоръ лейпцигскаго университета Гейнзій, который съ похвалою отозвался объ ихъ успѣхахъ и прилежаніи. Тогда Козицкій и Мотонисъ приняты были на службу въ Академіи и стали получать отъ нея деньги на содержаніе свое въ Лейпцигѣ [1]). Гейнзій постоянно давалъ о нихъ одобрительные отзывы, а 31 іюля 1756 года, отправляя ихъ въ Петербургъ, писалъ къ Шумахеру: «Мнѣ особенно пріятно, что я въ лицѣ Козицкаго и Мотониса могу представить высоко уважаемой Академіи двухъ способныхъ людей (tüchtige subjecta), которые теперь вѣроятно сами зарекомендуютъ себя...» Далѣе проситъ объ оказаніи имъ покровительства [2]). По возвращеніи въ Петербургъ, Козицкій и Мотонисъ были назначены учителями въ высшій латинскій классъ при академической гимназіи, а 27 февраля 1759 г. возведены въ званіе адъюнктовъ. Впослѣдствіи Козицкій, близко извѣстный князю Григорію Орлову, перешелъ къ нему на службу изъ Академіи 20 ноября 1763 года, а Мотонисъ переведенъ въ герольдмейстерскую контору при сенатѣ 4 мая 1764 года [3]).

Послѣ смерти Ивана Голубцева, Миллеръ 16 ноября 1759 года представлялъ академической канцеляріи, что ему за нешмѣніемъ другихъ переводчиковъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» не возможно будетъ продолжать журнала, а потому онъ просилъ назначить въ его распоряженіе студентовъ Самсона Волкова и Алексѣя Разумова.

Оба они воспитывались въ академической гимназіи и получили званіе студентовъ вслѣдствіе представленія ректора и академика

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 132.

[2]) Входящія письма 1754 — 1767 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 240, 282 и Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 622. О судьбѣ Козицкаго, по выходѣ его изъ Академіи, можно теперь имѣть нѣкоторыя любопытныя подробности, но онѣ не имѣютъ отношенія къ главному предмету настоящей статьи.

С. П. Крашенинникова въ 1753 году; но, по слабости знаній въ латинскомъ языкѣ, ихъ не допускали долго къ слушанію университетскихъ лекцій [1]). Это продолжалось и въ 1756 году, когда академики признали одного Алексѣя Разумова достойнымъ перевода въ университетъ, но при этомъ случаѣ за осталыныхъ студентовъ заступились Тредіаковскій и Поповъ, которые, какъ сказано въ современномъ отчетѣ, «имѣютъ, что̀ до сего пункта надлежитъ, иное мнѣніе, которое подали письменно въ слѣдующемъ: изъ произведенныхъ изъ учениковъ гимназіи въ студенты девять человѣкъ, по усмотрѣнію ихъ, пять человѣкъ: Алексѣй Разумовъ [2]), Семенъ Веденскій [3]), Василій Кромаренковъ [4]), Алексѣй Полѣновъ [5]), Самсонъ Волковъ въ студенты годны и лекціи математическія, реторическія и штиля въ университетѣ тѣхъ наукъ слушать и разумѣть могутъ. И для того должно бы оныхъ дать шпаги, и платье и жалованье такъ, какъ прежнимъ студентамъ, и назначить бы ихъ на вышереченныя лекціи, ибо къ предложенію наукъ слушателямъ великой и темной латыни не требуется, да и употреблять оныя отъ большей части невозможно [6])...»

Въ августѣ 1762 года, Разумовъ просилъ о прибавкѣ къ 150-ти рублямъ, имъ получаемаго жалованья и о званіи переводчика по тому уваженію, что онъ, кромѣ держанія корректуръ, занимается переводами для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и Вѣдомо-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 260, и архивъ академической канцеляріи, картонъ № 16.

[2]) Переводъ его сочиненія Бюшинга напечатанъ въ 1763 году, подъ заглавіемъ «Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ».

[3]) Переводъ Веденскаго сочиненія Гольберга, «Сравненіе житія и дѣлъ разныхъ, а особливо восточныхъ и индѣйскихъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей по примѣру Плутархову»—напечатанъ въ 1766 году.

[4]) Кромаренкову принадлежатъ печатные переводы: 1) сочиненія Монтескьё, «О разумѣ законовъ» два изданія 1775 и 1801 года; 2) Саллюстія «Войны катилинская и югурфинская» 1769 года.

[5]) Полѣновъ извѣстенъ какъ авторъ перваго русскаго сочиненія о необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

[6]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 220.

стей. О томъ же и тогда же просилъ Волковъ. Когда потребовано было мнѣніе Миллера, то онъ отвѣчалъ о первомъ:

«Хотя оный Разумовъ и мало для меня переводитъ, потому что больше корректорскую должность отправляетъ; но по переводамъ его засвидѣтельствовать могу, что современемъ, ежели больше прилежности въ обученіи иностранныхъ языковъ употребить (sic) будетъ, добрымъ переводчикомъ сдѣлаться можетъ, а между тѣмъ признаваю я за справедливо, чтобъ для ободренія его и для лучшаго себя содержанія учинена ему была нѣкоторая прибавка жалованья».

О второмъ: «Оной Самсонъ Волковъ прилежно при мнѣ переводитъ, но въ иностранныхъ языкахъ не столько исправенъ, чтобъ настоящимъ переводчикомъ теперь уже быть могъ. А я называю такого настоящимъ переводчикомъ, который такъ переводитъ, чтобъ не нужно было другому, болѣе его знающему, за переводами его смотрѣть и оные исправлять. Однакожъ, понеже онъ показываетъ охоту къ лучшему иностранныхъ языковъ обученію, и на его прилежность и добрые поступки надѣяться можно, то за справедливо признаваю, чтобъ учинена ему была нѣкоторая въ жалованьѣ прибавка». Получивъ такой отзывъ академическая канцелярія постановила: «объявить Разумову, когда онъ чрезъ прилежаніе свое окажетъ лучшіе успѣхи въ знаніи языковъ, тогда какъ чиномъ, такъ и прибавкою награжденъ будетъ. А Волкова, который получаетъ только 100 рублей, въ жалованьѣ съ нимъ. Разумовымъ, уравнить и прибавить 50 рублей [1])...»

Впослѣдствіи Алексѣй Разумовъ завѣдывалъ отдѣломъ академической типографіи, который назывался нѣкоторое время «новою типографіею». Что же касается до Самсона Волкова, то въ 1764 году его произвели въ переводчики съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. Онъ былъ отправленъ въ 1765 г. въ Москву при Миллерѣ, но вскорѣ оттуда вернулся для исполненія прежней своей обязанности переводчика.

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 270.

Въ первый годъ существованія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» въ серьёзныхъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ протоколахъ академической конференціи иногда попадаются постановленія касательно литературныхъ вопросовъ. Такъ, 12 іюля 1755 года, было занесено въ отчетъ о засѣданіи, что рѣшено напечатать въ журналѣ представленную Сумароковымъ епистолу, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредіаковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи, по поводу неправильныхъ объясненій тамъ нѣкоторыхъ стиховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено на волю Тредіаковскому сообщить свой отвѣтъ. 19 іюля послѣдній прочелъ товарищамъ свое возраженіе противъ Сумарокова, но послѣ того опредѣлено было: для прекращенія дальнѣйшихъ распрей запретить и епистолу, и отвѣтъ на нее. Впрочемъ, въ августовской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (стр. 147 — 148) явилась Епистола Сумарокова съ нѣкоторыми выходками противъ плохаго стихотворца. Такъ въ ней говорилось:

Звонъ стопъ блюсти, слова на риому прибирать
Искусство малое и дѣло не пречудно;
А стихотворцемъ быть есть дѣло не безтрудно.
Набрать любовныхъ словъ на новый манавстъ
Которой кто-нибудь удачно пропоетъ,
Нѣтъ хитрости тому, кто грамотѣ умѣетъ...
. . . . . .
Худой творецъ стихомъ себя не прославляетъ,
На риомахъ онъ свое безумство изъявляетъ!...

Въ протоколѣ 4 октября Миллеръ записалъ во первыхъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи Наукъ стихи Сумарокова (идиллія и пр.) и басня Тредіаковскаго. Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» [1]). Во вторыхъ, что о баснѣ Тредіаковскаго ни запрещенія, ни разрѣшенія отъ президента не послѣдовало, а такъ-какъ въ ней есть

[1]) Помѣщены въ октябрской книжкѣ 1755 г. стр. 347—353.

жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые, по малочисленности своей, всѣ могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то принято за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредіаковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было [1]) и что Миллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредіаковскій, не признаетъ его власти надъ собою [2]).

Послѣ такого протеста, Тредіаковскій не счелъ нужнымъ распространяться далѣе въ академической конференціи о своихъ раздорахъ съ Сумароковымъ и придумалъ иной способъ отмстить ему. 13 октября 1755 года Тредіаковскій подалъ доношеніе въ синодъ. «Читая сентябрскую книжку «Ежемѣсячныхъ сочиненій» сего 1755 года, нашелъ я, именованный—писалъ онъ въ доношеніи—въ ней оды духовные, сочиненные г. полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106: а въ ней увидѣлъ, что она съ осмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломщика о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже «Ежемѣсячные книжки» обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ притти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ Священномъ Писаніи вѣщающему, о такой помянутыя оды лжи на Псаломщика покорнѣйше донося извѣщаю...» При доношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивавшееся такимъ образомъ: «Но какъ то ни есть; только жъ въ псалмѣ 106-мъ не упоминается нижѐ о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыслъ Божій, наво-

---

[1]) Nullus est dissensus collegarum, писалъ своеручно Тредіаковскій, qui gratis asseritur hic.

[2]) Hacc Mullerus, продолжаетъ онъ же. suo facit arbitratu, cum illustrissimus Praeses neque ait, neque negat, et Collegae tantum suspenderunt suum judicium, non vero disseserunt a reliquis: sed ego Mulleri potestatem non agnosco.

дящій на человѣковъ разныя искушенія, и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту» [1]).

Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредіаковскаго скоро сдѣлался извѣстнымъ Сумарокову, потому что онъ прислалъ 1 ноября 1755 года бумагу въ академическое собраніе, въ которой было много яростныхъ выходокъ противъ Тредіаковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведенія разсержснаго поэта [2]).

На нѣкоторое время синодъ оставилъ заявленіе Тредіаковскаго безъ послѣдствій и только 24 декабря слѣдующаго 1756 года отнесся въ академическую канцелярію съ бумагою слѣдующаго содержанія:

«Усмотрѣно, что между выходящими изъ оной Академіи «Ежемѣсячными примѣчаніями» (sic) включено въ сочиненія «О величествѣ Божіи размышленія» [3]), а кто оныхъ переводитель и съ какого автора, то неизвѣстно... того ради... послать... указъ, чтобъ о таковомъ сочиненіи съ каковаго оное автора и кѣмъ именно переводится, дано было изъ оной Академіи знать письменно; причемъ и самой той книги, изъ которой оное сочиненіе переводится, оригиналъ немедленно взнесть къ разсмотрѣнію святѣйшему синоду...» На запросъ, сдѣланный по этому поводу Миллеру, онъ отвѣчалъ, что переводчикомъ статьи, обратившей на себя вниманіе сказаннаго учрежденія, былъ подпрапорщикъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Семенъ Порошинъ [4]) и что онъ переводилъ ту

---

[1]) Москвитянинъ, 1856 года, №№ 13—16, стр. 271—276.

[2]) Въ протоколѣ 1 ноября 1755 года: «A Tribuno Sumarokowio scriptum in conventum missum, quo multa contra Trediakowium acerbe dicta continentur et rogantur socii, ne Trediakowio imposterum licitum sit de scriptis Sumarokowii judicare. Rem hanc Excel. atque Illust. Praesidi proponere et ejus voluntatem exquirere decretum est».

[3]) Ноябрь, 1756 г., стр. 407 — 438.

[4]) Нѣкоторые изъ переводовъ Порошина подписаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» буквами С. П. Въ ноябрѣ 1755 г., стр. 432 — 440, «Благополучіе человѣческое зависитъ не отъ мѣста»; въ декабрѣ 1756 года, «О пользѣ упражненія въ благородныхъ художествахъ и въ наукахъ для приведенія умныя си-

статью изъ собственной своей книги «Увеселеніе разума», «которая и нынѣ, прибавилъ Миллеръ, въ заключеніи, находится у него и того для въ канцелярію вшесена мною быть не можетъ [1]).

Въ недавно обнародованномъ докладѣ, представленномъ императрицѣ Елизаветѣ въ декабрѣ 1756 года [2]), разъясняется, что запросъ о переводчикѣ и подлинникѣ переведенной имъ статьи сдѣланъ былъ не въ видахъ удовлетворенія библіографической любознательности, но съ другими, болѣе серьёзными побужденіями. «Понеже усматриваемъ, говорилось въ докладѣ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ санктпетербургской Академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ правамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые и переводы и сочиненія находятся, многіе, а нидѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, что и Св. Писанію, и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ натуралѣзму (sic) и безбожію подаетъ, того ради всеподданнѣйше о семъ доноси. падши къ стопамъ вашего императорскаго величества...» Далѣе слѣдуетъ прошеніе во первыхъ о запрещеніи во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во вторыхъ конфисковать какъ «Ежемѣсячныя сочиненія», такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенелля о множествѣ міровъ. Докладъ этотъ остался безъ послѣдствій: по голословности-ли обвиненія въ невѣріи и безнравственности «Ежемѣсячныхъ сочиненій», или мысль о множествѣ міровъ сдѣлалась болѣе извѣстною въ Россіи второй половины XVIII столѣтія, или

лы въ порядокъ», на стр. 503 — 514. По свидѣтельству Миллера въ 1757 г. ему принадлежатъ: февраль, стр. 126 — 151, «Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ»; мартъ, ст. 266—282, «Письмо, въ которомъ сравнивается Александръ Великій съ Карломъ XII»; ноябрь, стр. 475 — 477, «Послѣднее письмо» изъ Гольберга и стр. 478, 479, «Средства, къ сохраненію здравія служащія».

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 218.

[2]) Чтенія общества исторіи и древностей, 1867 г., книга I, смѣсь стр. 7, 8, гдѣ вкрались слѣдующіе недосмотры: вм. *міры* — напечатано *мѵры*, вм. *падше—падимъ*; вм. 743 г.—143 г. Кромѣ того, внизу докладъ обозначенъ 1757-мъ годомъ, тогда какъ въ подлинникѣ именно написано: «декабря дня 1756 года».

же наконецъ вліяніе президента Академіи Наукъ, графа К. А. Разумовскаго было на столько сильно, чтобы предотвратить подобные навѣты — объ этомъ не сохранилось никакихъ современныхъ извѣстій.

Начало дѣятельности Ломоносова, какъ члена академической канцеляріи (1 марта 1757 г.), ознаменовалось цензурною мѣрою противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Для мартовской книжки журнала набиралась статья бывшаго академическаго, а тогда синодальнаго переводчика, Григорія Полетики [1]): «О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи», и Миллеръ 7 марта 1757 года просилъ о напечатаніи 100 отдѣльныхъ оттисковъ ея въ вознагражденіе автора.

8 марта академическая канцелярія вытребовала къ себѣ эту статью Полетики. Въ тотъ же день Миллеръ представилъ туда на предварительное разсмотрѣніе эпиграмму Сумарокова.

Ты туфли обругалъ....

Въ бытность въ Петербургѣ президента, если являлись, по

---

[1]) Въ Академіи Наукъ были почти одновременно два Григорія Полетики, сыновья значковаго товарища лубенскаго полка. Одинъ изъ нихъ, воспитывавшійся въ кіевской духовной Академіи и знавшій языки греческій, еврейскій, латинскій и нѣмецкій (послѣднему учился у извѣстнаго законоучителя Екатерины II Симона Тодорскаго), поступилъ въ Академію переводчикомъ 1 августа 1746 года, а уволенъ изъ нея 13 февраля 1748 года (Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 103, 113) Въ 1757 году, по словамъ Миллера, онъ былъ коллежскимъ ассессоромъ и переводилъ статьи съ греческаго языка въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», іюнь, стр. 483 — 557 «Аристотеля о гражданскомъ учрежденіи книга II» и ноябрь, стр. 431 — 445 «Описаніе человѣческихъ нравовъ» изъ Аристотелевой реторики (Архивъ академической канцеляріи, книга № 223). Этотъ самый Полетика написалъ статью, которая была запрещена Ломоносовымъ. Другой Полетика съ 1745 по 1750 годъ учился въ кіевской и московской духовныхъ Академіяхъ, а въ послѣднемъ году принятъ въ студенты при Академіи Наукъ, гдѣ и находился до марта 1755 г., а тогда переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для переводовъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Онъ также переводилъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій»; такъ, напримѣръ, тамъ въ февральской книжкѣ, на стр. 121—137 есть его переводъ съ латинскаго «Рѣчь на полученныхъ», съ полною подписью его званія и прозванія.

словамъ Миллера, «нѣкоторыя сумнительства», то они обыкновенно и разрѣшались графомъ Разумовскимъ; но такъ-какъ въ описываемое время послѣдняго не было въ столицѣ, то редакторъ испрашивалъ на помѣщеніе стиховъ Сумарокова дозволенія канцеляріи. Эта, не давая положительнаго отвѣта, сослалась только на тѣ ограниченія, о которыхъ говорилось въ предисловіи къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» относительно помѣщенія критическихъ статей. Миллеръ этимъ не удовлетворился и требовалъ болѣе яснаго отвѣта.

Между тѣмъ Ломоносовъ, 11 марта, объявилъ Миллеру на словахъ, что статью Полетики «печатать не пристойно, понеже въ оной съ X вѣка послѣ Рождества Христова по XVII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто; а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія; что-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ-де мнѣ, прибавляетъ Миллеръ, сію піесу выкинуть изъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и на то мѣсто взнесть что-нибудь другое...» Миллеръ за тѣмъ такъ возражалъ противъ этого: «Когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упомянается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и того отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы...» Наконецъ, Миллеръ, опираясь на первоначальное опредѣленіе президента, что журналъ долженъ издаваться безъ вмѣшательства канцеляріи, отстаивалъ свое право помѣщать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» статьи по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, доводы Миллера не убѣдили канцелярію, и 13 марта онъ получилъ оттуда ордеръ, рѣшительно запрещавшій печатать въ журналѣ и статью Полетики, и эпиграмму Сумарокова. Вмѣстѣ съ тѣмъ

было представлено президенту Академіи Наукъ о Миллерѣ, какъ объ ослушникѣ его приказаній и вообще человѣкѣ самомъ безпокойномъ. Исторіографъ, съ своей стороны писалъ къ графу Разумовскому: «Моя привязанность къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутреніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ...»

Въ настоящихъ пререканіяхъ графъ Разумовскій принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была признана наполненною «многими непристойностями»; а Миллеру сдѣлано внушеніе о бытіи въ полномъ подчиненіи канцеляріи [1]).

Слѣдствіемъ этого же событія было распоряженіе отъ академической канцеляріи, чтобы Миллеръ представлялъ туда заблаговременно списокъ авторовъ и ихъ статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки. Вопреки опредѣленію, Миллеръ доставлялъ такія извѣстія по выходѣ уже книжки въ свѣтъ, за что академическая канцелярія и сдѣлала ему выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 года, на который Миллеръ возразилъ, что онъ не къ состояніи выполнять такого распоряженія: ...«Каждый мѣсяцъ долженъ состоять изъ шести листовъ печатныхъ, то весьма невозможно знать напередъ, сколько какихъ пьесъ, разными руками писанныхъ, на оныхъ шести листахъ вмѣстится. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ іюнѣ печатается переводъ Аристотелевой книги о гражданскомъ учрежденіи; а будетъ-ли еще сверхъ онаго и сверхъ заключающаго нынѣшнюю (sic) полугода реестра, какая иная пьеса или нѣтъ, и ежели будетъ, то какая, сіе зависитъ отъ того, сколько мѣста первый переводъ займетъ. Иногда случалось, что присылали ко

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 321—333 и «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова» въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 г. Прилож. къ VIII т. № 7, стр. 79.

мнѣ съ стороны пьесы и переводы уже въ половинѣ мѣсяца съ прошеніемъ, чтобъ оные внесть еще въ тотъ же мѣсяцъ. И понеже въ томъ отказать было невозможно, то затѣмъ другія, на тотъ мѣсяцъ назначенныя пьесы были оставлены. Иногда приготовлялъ было я матеріи и давалъ оныя переводить, токмо переводы не поспѣли въ надлежащее время...» Печатаніе иныхъ статей замедлялось отъ гравированія слѣдующихъ къ нимъ чертежей. «Сіе находилъ я, заключаетъ Миллеръ, за потребно канцеляріи представить, а ежели она желаетъ знать, напримѣръ, какія пьесы, сочиненія и переводы впредь къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» мною приготовлены, оставляя мнѣ, въ какіе мѣсяцы оные располагать буду, то я могу оными сообщать реестръ...»

Въ теченіе 1757 года Миллеръ доставлялъ исправно требованныя отъ него канцеляріею извѣстія, и, благодаря этому обстоятельству, теперь мы знаемъ всѣхъ сотрудниковъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» за тотъ годъ, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые не подписывали подъ статьями своихъ именъ [1]).

---

[1]) Свѣдѣнія, выше сообщенныя о сотрудничествѣ въ журналѣ академическихъ переводчиковъ Голубцева и Лебедева, также С. Порошина и Полетики заимствованы изъ подобныхъ донесеній Миллера. Кромѣ этихъ лицъ, въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1757 года были слѣдующіе анонимные сотрудники: Николай Курановъ, впослѣдствіи составитель извѣстнаго Письмовника, мартъ, стр. 215—265. «Разговоръ между Аристомъ и Евгеномъ о морѣ» съ французскаго языка. Андрей Партовъ подписывалъ свои статьи буквами А. П.; но въ апрѣльской книжкѣ, стр. 283—286 есть его же, но безъ всякой подписи «Идиллія Писса», которая, неизвѣстно на какомъ основаніи помѣщена въ «Сочиненіяхъ» Тредіаковскаго, изд. Смирдина I, стр. 750 — 753. Въ напечатанномъ недавно донесеніи Тредіаковскаго (см. выше, стр. 15—17) онъ указываетъ, что именно напечатано въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» изъ его произведеній, и ни слова не говоритъ объ «Идилліи Писсѣ». Матвѣй Красильниковъ, сенатскій протоколистъ, его переводъ изъ Geselschaftliche Erhellungen въ апрѣлѣ, стр. 322 — 328, «Храмъ натуры и щастія. Сонъ». Бакунинъ, ассессоръ камеръ-конторы, апрѣль, стр. 329 — 344, «Письмо о пользѣ вина», и отвѣтъ на то, безъ указанія, переводъ ли это, или оригинальное сочиненіе. Всѣ статьи Рычкова въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», какъ анонимныя, такъ и съ подписью, подробно указаны въ изслѣдованіи «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», Спб., 1867 года. Капитанъ А. Тепловъ, въ апрѣлѣ, стр. 365 — 368, перевелъ «Рѣчь Сенекина къ императору Нерону» изъ Тацита. При описаніи оригинальныхъ статей въ «Ежемѣсячныхъ

13 марта 1759 года, академическій совѣтникъ Тауберт требовалъ отъ Миллера объясненія по поводу анонимныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ честь танцовщицы Сакко (Sakko) въ февральской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (стр. 191): стихи эти весьма не понравились при Дворѣ, и Тауберта нарочно призывали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Миллеръ въ тотъ же день отвѣчалъ Тауберту, что и по его мнѣнію стихи также непристойны, если Сакко дѣйствительно находится танцовщицею на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ. «Такъ-какъ я, писалъ притомъ исторіографъ, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщаю здѣшняго италіянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ италіянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому-то я нисколько и не затруднялся въ помѣщеніи ихъ въ журналѣ». Далѣе изъ словъ Миллера видно, что стихотвореніе напечатано вслѣдствіе просьбы академика Попова и принадлежало, какъ из-

---

сочиненіяхъ». Милютинъ (Современникъ 1851 г., т. XXVI, отд. II, стр. 23 «Очерки русской журналистики») останавливается на статьѣ, подписанной буквами М. П. «Изъ статьи его, говоритъ Милютинъ, видно только, что въ 1760 г. онъ былъ сержантомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и дворяниномъ нашего посольства въ Константинополѣ. Авторъ ихъ описываетъ тогдашнее состояніе константинопольскаго двора и турецкой имперіи, нравы и обычаи турокъ, положеніе ихъ промышленности и торговли и т. п. Между прочимъ онъ разсказываетъ объ одномъ происшествіи, будто бы случившемся съ нимъ самимъ, но болѣе похожимъ на романъ, чѣмъ на истинное событіе...» Далѣе Милютинъ высказываетъ догадку: не былъ-ли авторомъ статьи Михаилъ Прокудинъ-Горскій? Въ рукописныхъ извѣстіяхъ, которыми пользовался пишущій эти строки, нашлось только слѣдующее свѣдѣніе, относящееся къ автору помянутой статьи. Ѳ. И. Соймоновъ, въ письмѣ къ Миллеру 23 апрѣля 1764 г., сообщалъ между прочимъ: «...При семъ прилагаю Записки, которыя пріятель мой, будучи дворяниномъ въ Константинополѣ, о достойныхъ примѣчанія вещахъ собралъ. Онъ намѣренъ издать ихъ, если не можно въ одной книгѣ, то хотя бъ и въ «Ежемѣсячныхъ примѣчаніяхъ» по матеріямъ. И буде онѣ, по усмотрѣнію вашему, достойными найдутся, въ такомъ случаѣ прошу сдѣлать одолженіе и дать мнѣ знать, какимъ образомъ поступить въ томъ должно...» Въ XXIX портфелѣ писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ въ архивѣ академической конференціи.

вѣстно было Миллеру по слуху, перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго [1]).

Этотъ случай побудилъ академическую канцелярію къ составленію слѣдующаго опредѣленія: «Понеже въ академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бъ о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію [2])...»

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» уцѣлѣло это стихотвореніе. Помѣщаю его здѣсь, чтобы вѣрнѣе судить о помянутомъ распоряженіи:

СОНЕТЪ ИЛИ МАДРИГАЛЪ

Либеръ Сакъ актрисѣ Итальянскаго вольнаго театра.

Когда ты Либера что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знáкомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердцà и дýши.

Довольное число талантовъ истощила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ раждалась.
Она тебя она, о Сако! наградила,
Чтобы на всѣ глазà пріятною казалась.

Небеснымъ пламенемъ глазà твои блистаютъ,
Тѣнь нѣжною лица черты намъ представляютъ,
Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна.

Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ зависть ихъ тебѣ лишь похвалою:
Ты истинно плѣнять сердцà на свѣтъ рожденна.

---

[1]) XXXII портфель писемъ къ Миллеру и II портфель писемъ его къ разнымъ лицамъ.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 241.

Надобно думать, что послѣдніе три стиха болѣе всего возбудили то недовольство, о которомъ писалъ Таубертъ Миллеру.

Въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ, между прочимъ, укоряетъ Миллера за помѣщеніе въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» непріятной для него статьи Тредіаковскаго о мозаикѣ: «Сіи ругательства [1]) дѣлу, для отечества славному, отъ кого произошли видно, что при концѣ онаго сочиненія стоятъ буквы В. Т.; собираетъ сочиненія профессоръ Миллеръ; печатаетъ Таубертъ. Одному — Ломоносова стихотворство; другому — его исторія, третьему — обое, а паче всего въ канцеляріи товарищество противно...» Ломоносовъ это писалъ на память, которая ему измѣнила: въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» помянутой статьи не было напечатано, и она явилась въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова, на что Ломоносовъ и жаловался, 8 іюля 1759 года, Ивану Ивановичу Шувалову: «Въ Трудолюбивой такъ называемой Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тр. сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Т (аубертъ)... далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую [2])!...»

По свидѣтельству Ломоносова [3]), Миллеръ получилъ выговоръ отъ конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы около ноября 1760 года «за важныя политическія ошибки, ежели ошиб-

[1]) Въ небольшой статейкѣ о Мозаикѣ Тредіаковскій распространяется исключительно о томъ, откуда произошло это слово, также о различныхъ родахъ мозаики и о финифти. Въ концѣ же замѣчено: «Живопись, производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора, ибо не возможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ такъ называемою фрескою, изъ воды по сырой извести». Этими словами и кончается статейка. (Трудолюбивая Пчела Сумарокова, 1759 г., стр. 353—360).

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 389, 390.

[3]) Въ представленіи кн. президенту Академіи Наукъ въ январѣ 1761 г. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 491, 492.

ками назвать можно», прибавляетъ Ломоносовъ. Дѣло касалось статьи, помѣщенной въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» (май, 1760 года, стр. 387 и слѣд.), подъ заглавіемъ «Извѣстія о запорожскихъ казакахъ», и здѣсь по этому одинъ листъ былъ перепечатанъ и нѣсколько словъ исключены.

«Иностранная коллегія, продолжаетъ Ломоносовъ далѣе [1]), и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о побѣгахъ изъ Запорожья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ (Ежемѣсячныхъ) сочиненій прошлаго 1760 году, стр... въ примѣчаніи андреевскихъ казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ...» Говоря такимъ образомъ, Ломоносовъ имѣлъ въ виду «Извѣстіе о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 году». Здѣсь на стр. 41, 42 говорится объ андреевскихъ казакахъ, какъ состоящихъ подъ владѣніемъ князя Ейдемира.

«Не токмо въ «Ежемѣсячныхъ», но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, утверждаетъ наконецъ Ломоносовъ [2]), всѣваетъ по обычаю своему запозливыя рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ протти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстриги—самую мрачную часть россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?»

Дѣйствительно въ V-й части Sammlung Russischer Geschichte, напечатанной въ 1760 году, Миллеръ помѣстилъ Versuch einer neueren Geschichte von Russland, который по русски началъ яв-

[1]) Въ представленіи къ президенту Академіи Паукъ въ январѣ 1761 г. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 491, 492.
[2]) Тамъ же.

ляться въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1761 года, подъ заглавіемъ «Опытъ повѣйшей исторіи о Россіи». Въ предисловіи къ нему самъ Миллеръ сознавался, что эпоха, имъ избранная для описанія, исполнена внутреннихъ безпокойствъ, а потому не заключаетъ въ себѣ того, что заслужило бы похвалы въ потомствѣ; «но, продолжаетъ Миллеръ, есть ли такая земля, либо государство, которое бъ не имѣло своихъ неблагополучныхъ временъ и въ коемъ бы не перемѣнялись счастіе и несчастіе, сила и слабость, завоеванія и опустошенія? Исторія государствъ уподобляется картинѣ, имѣющей тѣнь, которая потребна къ тому, дабы ясность и превосходство чрезъ то казались великолѣпнѣе... Но есть и другая причина, побудившая меня, чтобъ положить начало съ сего времени при изданіи россійской исторіи... Г. Татищеву сонзволилось сочиненную имъ исторію прекратить кончиною царя Осдора Ивановича, яко послѣдняго изъ варяжскаго колѣна [1]); того ради почелъ я за справедливое зачать съ того времени, гдѣ онъ свой трудъ окончилъ, для приведенія въ нѣкоторое совершенство всея россійской исторіи...»

Изъ слѣдующаго письма Миллера отъ 20 апрѣля 1761 года къ извѣстному конференцъ-секретарю Дмитрію Васильевичу Волкову оказывается, что, въ слѣдъ за Ломоносовымъ, на «Опытъ повѣйшей исторіи о Россіи» обратило вниманіе и высшее правительство:

«Ваше высокородіе изволили г. совѣтнику Тауберту объявить, что отъ гг. конференцъ-министровъ вамъ поручено за нѣкоторыя, въ моихъ сочиненіяхъ о россійской исторіи находящіяся непристойности дать мнѣ жестокій выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія отъ меня напечатаны не были. Слышавъ сіе, прибѣжалъ я къ вамъ вчерашняго числа, а не заставъ

[1]) Извѣстно, что Татищевъ хотѣлъ окончить свою исторію 1613 годомъ по тому уваженію, что «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оные—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія...» Исторія россійская, кн. 1, часть I, стр. XXII.

дома, не могу себя успокоить, пока либо персонально, либо симъ писаніемъ вашего высокородія не увѣрю, что со всякимъ повиновеніемъ я готовъ принять напомнанія въ чемъ можетъ быть я согрѣшилъ, и ничего больше не желаю, какъ дабы мои сочиненія могли заслужить вашу апробацію, которую я почитаю весьма высоко [1])».

«Что надлежитъ до Опыта повѣйшей исторіи о Россіи, то я думалъ, что оный сочиненъ съ крайнею осторожностью: всѣ листы, прежде печатанія, были разсмотрѣны господами членами академической канцеляріи, а что ими было примѣчено, якобы что можетъ подверженно быть критикѣ, оное я перемѣнилъ и исправилъ. Но понеже со всякою осторожностію ошибиться можно, то вашего высокородія покорнѣйше прошу, чтобъ соизволили мнѣ объявить тѣ мѣста, въ которыхъ я погрѣшилъ и писалъ непристойно, дабы я впредь отъ такихъ же погрѣшностей остерегаться могъ. Сія частица россійской исторіи для того названа мною Опытомъ, что я не намѣренъ былъ продолжать далѣе, пока не слышу (sic), каково она принята будетъ отъ публики и пока не получу приказа, такимъ-ли образомъ продолжать или инымъ. Токмо я желалъ бы, чтобъ продолжалася до кончины царя Бориса Годунова, что̀ уже и напечатано на апрѣль мѣсяцъ, токмо еще не публиковано; чего ради вашему высокородію тѣ печатные листы сообщаю, прося васъ, чтобъ соизволили, прочитавъ, приказать Академіи, публиковать-ли оные и тѣмъ окончить исторію царя Бориса, или нѣтъ? Если усмотрите во оныхъ нѣчто, поправленію подлежащее, то сіе легко исправиться можетъ. А впрочемъ вашего высокородія проницательному разсужденію всѣ свои сочиненія охотно я подвергаю и покорнѣйше прошу, чтобъ вы соизволили принять на себя трудъ прочесть мои историческія пьесы прежде напечатанія, тогда я надеженъ буду о всеобщей апробаціи оныхъ, а я во всемъ буду слѣдовать вашимъ наставленіямъ» и пр. [2]).

Въ одномъ черновомъ письмѣ къ Рычкову Миллеръ сооб-

---

[1]) Бѣдный историкъ! Это письмо чрезвычайно характеризуетъ отношенія ученыхъ къ секретарямъ въ Россіи прошлаго столѣтія.

[2]) IV портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ 1761—1762 годовъ.

щалъ-было ему объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ его погибели и добился-таки, что Миллеръ не смѣетъ далѣе продолжать новой русской исторіи [1]). Осторожный историографъ вычеркнулъ потомъ изъ письма это мѣсто, и Рычковъ, оставаясь въ невѣдѣніи о запрещеніи, постигшемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», писалъ къ Миллеру 9 сентября 1761 года: «желаю, чтобъ ваша новгородская исторія благополучно возымѣла окончаніе. Опытъ новѣйшей исторіи читалъ я со многимъ удовольствіемъ и сожалѣю, что какъ видно всего невозможно было вамъ въ публику произвесть. Ежели причину того возможно вамъ мнѣ изъявить, то тѣмъ покажете вы мнѣ особливой знакъ вашея искренности. Я признаваюсь вамъ, какъ другу, что и меня часто отъохочиваютъ такія обстоятельства сочинять и посылать къ вамъ то, что мнѣ иногда на мысль приходитъ [2])».

Другой усердный корреспондентъ Миллера и сотрудникъ его журнала, сибирскій губернаторъ Осдоръ Ивановичъ Соймоновъ, 5 декабря 1761 года, писалъ къ нему изъ Тобольска: «Изъ присланныхъ ко мнѣ мѣсячныхъ примѣчаніевъ въ первой половинѣ нынѣшняго году усмотрѣлъ я сочиненіе о россійской исторіи, и что оное столь великимъ пространствомъ писано, чему я сердечно порадовался по причинѣ той, что при моемъ екстрактѣ [3]) въ предисловіи упомянуто: ежели кто больше или обстоятельнѣе знать пожелаютъ, то могутъ удовольствіе свое получить изъ пространной россійской исторіи. Потому я уже не сомнѣваюся, что такія свои желанія получить могутъ, ежели тѣмъ же порядкомъ и прочее изъяснено вашими трудами будетъ [4])...»

Миллеръ, въ отвѣтъ на это письмо, послалъ томъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» за 1761 годъ, 4 февраля 1762 года увѣдом-

---

[1]) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб. 1867 г.), стр. 46, 47.

[2]) XXIV портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ.

[3]) Екстрактомъ Соймоновъ называетъ посланное имъ къ Миллеру сочиненіе свое: «Краткое собраніе о приращеніяхъ всероссійской имперіи и о прочихъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ случаяхъ».

[4]) XXIX портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ.

лялъ: «...Въ ономъ изволите найти сочиненіе ваше о пословицѣ «Сибирь золотое дно», а совѣтованіе о воеводахъ принужденъ я былъ оставить по разсужденію нѣкотораго знатнаго министра. Извѣстіе о ландкартахъ тутъ же находится на русскомъ языкѣ; да въ первыхъ четырехъ мѣсяцахъ краткая исторія о Новѣгородѣ, которая, уповаю, не меньше вашею апробаціею удостоена будетъ какъ въ первомъ томѣ того жъ года напечатанный Опытъ новѣйшей россійской исторіи. Если бы здѣсь объ ономъ Опытѣ таковожъ благосклонно разсуждали, то бъ я охотно трудился въ продолженіи онаго; но нѣкоторымъ показалося (зачеркнуто: «что я пишу дерзко»), что о приключеніяхъ смутныхъ временъ, за тѣмъ, что не служатъ къ чести, упоминать не должно, и того ради печатаніе продолжать не дозволено было [1])...»

Послѣ 1761 года, въ бумагахъ академической канцеляріи не встрѣчается болѣе случаевъ принятія какихъ либо цензурныхъ мѣръ противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Причину этому едвали не надобно искать въ томъ особенномъ вниманіи, которымъ удостоивала стараго академика и редактора журнала императрица Екатерина II. Доказательствомъ тому сохранилась слѣдующая записка Миллера къ академическому совѣтнику Тауберту 21 октября 1764 года: «Вчера ввечеру я получилъ неожиданную милость: ея императорское величество потребовала меня къ себѣ и около часа милостиво разговаривала со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ она спрашивала меня о продолженіи Sammlung Russischer Geschichte, и, узнавъ, что теперь отпечатана IX-я часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго восшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ и на будущее время всякой разъ, при выходѣ въ свѣтъ новой части, точно представлять ей. Я обѣщалъ передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе [2])...»

---

[1]) IV портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1761—1762 годовъ.
[2]) V портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1763—1764 годовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БАРОНА КОРФА ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПРИ АКАДЕМІИ СЕМИНАРІИ *).

Въ правительствующій сенатъ

изъ Академіи Наукъ

ДОПОШЕНІЕ.

Изъ подтвержденнаго отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго блаженныя и вѣчно достойныя памяти прожекта объ Академіи Наукъ можетъ правительствующему сенату довольно извѣстно быть, что обрѣтающіеся при оной профессоры не только собственными своими изобрѣтеніями науки въ бо́льшее совершенство приводить, но притомъ и молодыхъ людей въ оныхъ обучать долженствуютъ. Что они первое намѣреніе исполнили, явствуютъ печатанныя при Академіи книги. А опая причина, для которой они вторую часть своей должности въ дѣйство привести не могли, происходитъ отъ того, что они способныхъ учениковъ не имѣли; но дабы и въ семъ высочайшему намѣренію Ея Императорскаго Величества послѣдовано было, то я, по моей должности, правительствующему сенату всенижайше предлагаю и прошу, дабы соблаговолено было приказать сначала тридцать человѣкъ шляхетныхъ юношей добраго нрава и довольныя надежды при Академіи воспитать и содержать и не только въ приличныхъ къ украшенію, но и вышнихъ наукахъ, по намѣренію Его Императорскаго Величества Петра Великаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, такъ обучать, чтобъ они современемъ государству полезныя услуги показывати могли. Какъ оные содержаны и воспи-

*) Изъ книги подъ № 791, архивъ академической канцеляріи.

таны быть имѣютъ, о томъ находится извѣстіе на приложенной росписи подъ литерою А. На сіе требуется по точнѣйшему исчисленію, какъ подъ литерою В видѣть можно, четырехъ тысячъ трехъ сотъ девяносто осьми рублевъ двацати пяти копеекъ, къ чему особливую сумму опредѣлить надлежитъ, потому что нынѣшняя академическая сумма, какъ извѣстно, и на случающіеся при оной необходимые расходы недовольна. Хотя нѣкоторыя вещи изъ оныхъ дешевле заготовлены быть могутъ, однакожъ въ другихъ случаяхъ нѣкоторые расходы учинятся, которые нынѣ и на память не приходятъ, и понеже отъ того весьма много зависитъ, чтобъ юношество добрымъ порядкомъ обучено было, того ради избранъ къ тому наилегчайшій и въ изрядно учрежденныхъ школахъ употребительнѣйшій способъ, который при академической гимназіи, въ которой помянутыя юноши свое наставленіе получить имѣютъ, отчасти уже въ употребленіи находится, а отчасти еще введенъ быть имѣетъ, и при семъ подъ литерою С правительствующему сенату, для подтвержденія, предлагается. Понеже учрежденіе такимъ образомъ учинено, что первое основаніе какъ въ языкахъ, такъ и въ наукахъ ученикамъ показано будетъ, того ради могутъ какъ тѣ, которые уже прежде нѣкоторое наставленіе имѣли, такъ и тѣ, которые еще ничего (не) знаютъ, въ сей семинаріумъ или въ число тридцати приняты быть. Однакожъ послѣднимъ изъ оныхъ по крайней мѣрѣ больше осьми лѣтъ отъ рожденія имѣти не надлежитъ, потому что когда они старѣе, то объ нихъ такъ совершенно надѣяться не можно, чтобъ они свое ученіе въ способныхъ къ тому лѣтахъ окончили, и потому основательное знаніе имѣли. Напротивъ того, могутъ первые, ежели они добраго нрава и (по?) пропорціи своихъ лѣтъ уже нѣчто научились, въ семинаріумъ тѣмъ способнѣе приняты быть. Однакожъ, чтобъ имъ больше четырнадцати лѣтъ отъ рожденія не было, потому что ежели они старѣе, то надлежитъ имъ уже столько знать, чтобъ они въ гимназію ходити не принуждены были, но паипаче у профессоровъ въ вышнихъ наукахъ лекціи слушать могли.

Кот[illegible].

Апрѣля 16 дня
1735 года.

(Слушано апрѣля 22 дня 1735 года).

А.

Предложеніе о семинаріи.

При академіи старались уже за нѣсколько лѣтъ, чтобъ учредить семинаріумъ изъ малолѣтныхъ, которые бъ безъ всякаго препятствія съ довольнымъ руководствомъ въ наукахъ происходити и потомъ отечеству

полезныя услуги учинить могли. Германія подобными сему учрежденіями такъ наполнена, что ни малаго города нѣтъ, въ которомъ бы либо градской совѣтъ изъ общихъ доходовъ, или приватныя особы о такихъ учрежденіяхъ не старался. Отъ чего и произошло, что какъ Германія прежъ сего въ потребныхъ людяхъ возъимѣла великій недостатокъ, такъ оная нынѣ изобильствомъ оныхъ къ всегдашнему изобранію хвалится можетъ.

Ежели такимъ образомъ при Академіи учредить семинаріумъ, то отъ того польза хотя въ первые седмь лѣтъ и не очень явно скажется, однакожъ, по прошествіи оныхъ лѣтъ, по всегодно бо́льшихъ плодовъ ожидать можно. И ежели въ оной семинаріи содержать изъ малолѣтняго шляхетства тридцать человѣкъ, то оное въ годъ совсѣмъ станетъ въ четыре тысячи триста девяносто восемь рублевъ двацать пять копеекъ. О всякомъ изъ оныхъ стараніе имѣти надлежитъ, чтобъ въ пропитаніи, одеждѣ и прочемъ, что̀ потребно, удовольствіе было и во всемъ честно воспитаны и содержаны быть могли. Для того надобно, оными не въ дальности отъ гимназіи имѣть особливый домъ, въ которомъ бы не меньше пяти покоевъ быть и во всякомъ стоять было можно по шести кроватей и толикое жъ число шкаповъ, въ которыхъ сохранять платіе и бѣлье. Еще же три покоя, въ которыхъ имъ учиться, да большой покой, гдѣ имъ кушать; сверхъ того покой одинъ ради больныхъ. Въ томъ же домѣ надобно жить инспектору семинаріи для того, что надлежитъ ему день и ночь надъ ними имѣть надзираніе. И для того правительствующему сенату предлагается, чтобъ Строгоновъ домъ, для оной близости при Академіи, въ наемъ взять. Инспекторъ семинаріи долженъ надъ поведеніемъ, прилежностію, чистотою, кушаньемъ, одеждою и бѣльемъ отеческое имѣть смотрѣніе, дабы подъ его смотрѣніемъ во всемъ удовольствованы были.

Ему подчиненъ экономъ, которому въ томъ же домѣ жить и всякое покойство имѣть, что̀ до поварни, погребовъ и прочаго касается. Съ которымъ учинить договоръ, что ему по мѣсячно за всякаго человѣка платить; напротивъ того назначить ему повседневно, какъ обыкновенную, такъ и постную пищу, такожъ-же сколько у питія ему на всякаго человѣка числить, дабы всякій удовольствованъ былъ. И что по мѣсячно уговорено-сь будетъ, то и въ содержаніе служащихъ и всего принадлежащаго зачитать надлежитъ, въ чемъ эконому имѣть попеченіе и Академіи до того дѣла не будетъ. А чтобъ отъ экономa исполнено было по данной ему росписи, то надлежитъ инспектору смотрѣть за кушаньемъ и питьемъ, такожде за чистотою всего столоваго скарба; а экономa полною властью принуждать къ исполненію того, что съ нимъ договорено. Что касается до питія, въ томъ экономy имѣть стараніе, чтобъ было не крѣпкое, но

здоровое и добраго вкусу; а иного имъ давать ему не позволяется. Къ тому жъ надлежитъ имѣть разсмотрѣніе, сколько питія, кромѣ стола, довольно быть можетъ, дабы эконому можно было вѣдать, какъ въ томъ поступать. Надлежитъ повсягодно семинаристу получать по одной парѣ новаго платья, а старое платье притомъ же носить сколько долго возможно, и потомъ оныя отдавать, которыя тогда въ особливомъ покоѣ сохранены быть могутъ, понеже еще за всегда на потребу нѣчто изъ онаго годно быть можетъ. При семъ надлежитъ гимназіи въ томъ имѣть смотрѣніе, чтобъ они платье свое содержали въ чистотѣ, а особливо въ бѣльѣ удовольствованы были, и для такой чистоты надобно содержать баню, въ которой на всякой недѣлѣ по субботамъ или по усмотрѣнію инспектора париться и на то содержать для услуженія особливаго человѣка.

Бѣлье можно поручить экономy, которому, за договорную мѣсячную или годовую плату, на то содержать портомоевъ, обаче инспектору семинаріи присматривать, чтобъ экономy въ томъ не происходило напраснаго отягощенія и бѣлье испорчено не было.

Ежели случится, что изъ нихъ кто занеможетъ, то такого надлежитъ отвесть въ больницу и за больными паче всего академическому лекарю, а буде по его усмотрѣнію великая трудность въ той болѣзни явится, то уже потребно на разсмотрѣніе такой болѣзни призывать изъ академіи доктора медицины; буде въ такомъ случаѣ родители, которые имѣютъ жительство здѣсь или и ближніе сродственники похотятъ такого больнаго взять къ себѣ въ домъ, то хотя оное позволено быть можетъ, однакожъ Академіи тогда въ пользованіи его болѣзни дѣла уже не будетъ.

Всѣмъ здоровымъ вставать лѣтомъ по утру около пятаго, а зимою около шестаго часовъ, въ тотъ часъ начисто одѣваться и въ одѣваніи медлить не больше полчаса.

Потомъ надлежитъ іеромонаху, который и безъ того при гимназіи имѣется, съ ними отправлять молитву, а послѣ того экономy имѣть про нихъ на готовѣ завтракъ. И какъ семинаристы до осьми часовъ къ лекціямъ своимъ пріуготовились, то имѣютъ они порядочно въ гимназію идти. При выходѣ въ двѣнадцатомъ часу, надлежитъ, чтобъ столъ про нихъ былъ готовъ и притомъ іеромонаху, паки приходя къ столу и вставаючи отъ стола, отправлять молитвы.

Инспекторъ долженъ на обѣдахъ часто присутствовать и притомъ смотрѣть, дабы отъ экономa ничего пренебрежено не было и отъ юношества напрасныя жалобы въ ястіи и питіи не происходили, но во всемъ бы порядочно и смирenно отправлялось.

Послѣ обѣда до половины часа перваго, всякому отъ трудовъ имѣть увольненіе съ пристойною забавою, и въ томъ такожде смотрѣніе имѣть и инспектору.

По полудни около двухъ часовъ, имѣютъ приходить паки въ гимназіумъ, но какъ скоро они около четырехъ часовъ изъ онаго выдутъ, то садиться всякому къ своему столу и пріуготовляться къ задачамъ послѣдующаго дня, и инспектору притомъ имѣть тщательное попеченіе, чтобъ все тихо и порядочно отправлялось.

Около шести часовъ имѣетъ быть столъ въ готовности, и при томъ все такъ поступать, какъ въ обѣдѣ, и тотчасъ послѣ ужина отправить іеромонаху вечернюю молитву.

Когда послѣ ужина немного успокоились, то пріуготовляются на задачи слѣдующаго дня и во исходѣ десятаго часа всѣмъ ложиться спать.

По середамъ надлежитъ по полудни отъ перваго до четырехъ часовъ упражняться въ танцованіи, да къ тому же можно и другихъ знатной фамиліи дѣтей, которые обрѣтаются въ гимназіи, допускать обаче такимъ образомъ, чтобъ никто безъ позволенія допущенъ не былъ. Какъ надъ семинаристами, такъ и надъ прочими смотрѣть, чтобъ никто меньше двѣнадцати лѣтъ отъ роду къ танцованію допущенъ не былъ, понеже извѣстно и сами танцмейстеры признаваютъ, что такіе дѣти, которые меньше тѣхъ лѣтъ къ тому допущены бываютъ, либо спиною или ногами окостеневаютъ, о чемъ причину натурально познать можно. Ежели разсудить, что онымъ семинаристамъ, такъ какъ и прочимъ, нѣсколько лѣтъ пребывать при танцованіи, то никто въ томъ спорить не можетъ, чтобъ урочное на то время недовольно было. Къ тому жъ можно оныхъ раздѣлить въ нѣкоторые классы; изъ оныхъ классовъ къ танцованію допустить можно сперва большихъ, которымъ около трехъ часовъ потомъ приняться за ученіе; а такихъ классовъ можно со временемъ такимъ образомъ раздѣлить, чтобъ въ первые или въ вышніе всегда такіе опредѣлять, которые уже принадлежащія туда науки такъ поняли, что уже и обученіе французскаго языка съ другими воспріять могли. И того ради ежели кто изъ вышнихъ классовъ въ учебныхъ задачахъ отъ танцованія удержанъ будетъ, то онаго къ тому не принудить. Однако же въ такомъ случаѣ оставляется то на разсужденіе инспектора семинаріи, которому и въ томъ, чтобъ все тихо и порядочно было имѣть, попеченіе, и впрочемъ всякое непристойное танцованіе и опасные капріолы запрещаются вовсе.

Въ пятомъ часу такъ поступать, какъ въ другіе дни опредѣлено. Но въ субботу отъ перваго часу (ибо отъ втораго на десять до перваго часа

оставляется на забаву) до четырехъ часовъ упражнятися имъ въ рисованіи, и тогда же къ нимъ паки изъ гимназіи допущены быть имѣютъ знатной фамиліи дѣти, обаче все такимъ порядкомъ какъ въ танцованіи. Въ пятомъ часу приходитъ время идти въ баню и потомъ около семи часовъ можно имъ ужинать.

Въ воскресенье и въ опредѣленныхъ торжественныхъ дняхъ надлежитъ іеромонаху, по отправленіи молитвы, всѣхъ семинаристовъ приводить въ церкву и тамо имѣть точное надъ всѣми смотрѣніе, а потомъ ихъ опять назадъ отвести. Но дабы между тѣмъ толь много часовъ праздно не было, то на него еще полагается, чтобъ по предписанію святѣйшаго синода съ ними въ духовныхъ дѣлахъ упражнятися.

Понеже семинаристы на три покоя и только жъ классовъ раздѣлены, того ради во всякомъ покоѣ по два или по три старосты изъ нихъ выбраны быть имѣютъ, гдѣ завсегда по недѣльно одному имѣть смотрѣніе надъ другими и инспектору семинаріи репортовать. Ежели же всѣ въ общемъ собраніи, то уже такой должности до другихъ не касается и только одинъ вышняго класса староста, чья недѣля, имѣетъ смотрѣніе надъ всѣми.

Понеже у дворянства обыкновенно, что своимъ сыновьямъ придаютъ слугъ, то хотя сіе и позволяется, однакожъ надлежитъ онымъ всегда въ трезвости, вѣрности и въ чистотѣ находиться, и подъ инспекторомъ семинаріи состоять какъ и господа ихъ, и имъ ниже дерзать безъ воли его противностей чинить. Но понеже статься можетъ, что нѣкоторые безъ слугъ будутъ, то въ такомъ случаѣ для услуженія на трехъ семинаристовъ опредѣлить по одному слугѣ.

Ежели бы родители и ближніе сродственники сыновей своихъ часто къ себѣ призывать хотѣли, то бъ ради упущенія науки допустить не возможно, но буде сіе не часто случится, то оставляется оное на разсужденіе инспектора семинаріи; обаче весьма не позволяется безъ его человѣка или безъ присланнаго отъ родителей или сродственниковъ служителя кого отпущать, которые оныхъ опять назадъ приводить должны.

На послѣдокъ понеже во всѣхъ вышеобъявленныхъ пунктахъ ни одного нѣтъ, по которому инспекторъ семинаріи не имѣлъ смотрѣнія, того ради долженъ онъ по вся субботы о томъ гимназіи директору оной, главному Академіи командиру репортовать и таковые же репорты вносить въ особую книгу.

Апрѣля дня
1735 года.

B.

Численіе на содержаніе тридцати семинаристовъ.

За кушанье и прочіе столовые припасы:	Руб.	Коп.
На каждаго семинариста на кушанье по 5 р. на мѣсяцъ, итого на 30 человѣкъ въ годъ	1800	
24 оловянныхъ блюдъ	24	
90 тарелокъ оловянныхъ	22	50
6 мѣдныхъ кулановъ по 2 рубли	12	
12 оловянныхъ кружекъ по 25 копеекъ	3	
8 скатертей	10	50
9 салфетокъ по 5 копеекъ	4	50
60 оловянныхъ ложекъ по 6 копеекъ	3	60
2 мѣдныхъ котла	12	
30 ножиковъ по 10 копеекъ ножикъ	3	
Итого...	1895	10
На платье.		
7 аршинъ сукна на кафтанъ и камзолъ по рублю, итого на 30 человѣкъ	210	
6 аршинъ стамеду по 30 копеекъ аршинъ на 30 человѣкъ	54	
За гарусъ, пуговицы, байку, и прочіе потребы также за работу обще	120	
2 пары штановъ козлиныхъ по 50 копеекъ каждые, итого на 30 человѣкъ	30	
6 паръ портокъ по 15 копеекъ, итого на 30 человѣкъ	27	
3 пары валеныхъ чулокъ по 80, итого	72	
2 пары башмаковъ по 80 копеекъ	48	
1 пара сапоговъ по рублю по 50, на 30 человѣкъ	45	
30 паръ башмачныхъ пряжекъ по 10 копеекъ	3	
6 рубашекъ каждому по 50 копеекъ, итого на 30 человѣкъ	90	
6 полотняныхъ галстуховъ по 10, итого	18	
2 флоровые галстуха по 40 копеекъ	24	
6 платковъ по 10, на 30 человѣкъ	18	
1 колпакъ по 20, на 30 человѣкъ	6	

	Руб.	Коп.
1 зимняя шапка по 40 копеекъ	12	
1 пара зимнихъ рукавицъ по 15, итого	4	50
1 шляпа по 50 каждая, итого	15	
15 щетокъ чѣмъ платье чистятъ по 10	1	50
15 щетокъ башмачныхъ по 3		45
Для чищенія башмаковъ въ годъ	3	
15 ножницъ по 10 копеекъ	1	50
30 рѣдкихъ гребней по 10 копеекъ	3	
30 частыхъ гребней по 10 копеекъ	3	
120 аршинъ на полотенцы	4	80
Мылъ, крахмалу, и за мытье рубахъ и прочаго онымъ бабамъ, которыя портомойницѣ будутъ пособлять мыть	60	
На пудру, ленты и прочіе мелочные расходы	37	50
Итого...	911	25
За дрова и свѣчи.		
90 сажень длинныхъ дровъ на топленіе горницъ, для мытья всякаго бѣлья по 2 рубли сажень, итого	180	
На свѣчи обще	60	
Итого...	240	
Ко служенію.		
6 надзирателей, которые смотрѣніе надъ прочими будутъ имѣть, каждому въ годъ по 24 рублей	144	
1 старуха, которая надъ больными и надъ платьемъ смотрѣніе будетъ имѣть	50	
Эконому, который кормить будетъ	150	
2 портомойницъ и одну швейку по 36 р. каждой	108	
4 работникамъ для топленія печей по 24 р. въ годъ и для услуги	96	
Итого...	548	

	Руб.	Коп.
За дворъ для житья 30 семинаристамъ съ своими надзирателями и экономомъ и прочими	400	
30 кроватей по 10 копеекъ	12	
30 тюфяковъ по 1 рублю	30	
30 соломенныхъ мѣшковъ по 20 копеекъ	6	
120 простынь по 45 копеекъ	54	
30 одѣялъ по 160 копеекъ	36	
75 деревянныхъ стульевъ по 10 копеекъ	7	50
30 столовъ большихъ и малыхъ	37	50
15 поставцовъ для платья по 1 рублю по 50 к.	25	50
15 зеркаловъ по рублю	15	
15 перочинныхъ ножиковъ по 10 копеекъ	1	50
6 огнивовъ по 15 копеекъ		90
30 желѣзныхъ шандаловъ по 15 копеекъ	4	50
3 фонаря по два рубли	6	
15 чернильницъ по 20 копеекъ	3	
7 мѣдныхъ тазовъ по 2 р. по 50 копеекъ	17	50
Итого...	653	90
На всякіе прочіе расходы, которые подлинно означить невозможно, а именно на бумагу, чернила, перья, лекарство, всякія починки, на нитки, метлы и проч.	150	

Рекапитуляція.

На кушанье и прочіе столовые припасы	1895	10
На платье	911	25
На дрова и свѣчи	240	
На услуженіе	548	
На всякіе расходы	653	90
На прочіе расходы, которые подлинно означить невозможно	150	
Сумма...	4398	25

Итого на каждаго семинариста будетъ по 146 рублей по 60 и $^{5}/_{6}$ копеекъ.

Jacob Henrich Hoffmann.

С.

Форма гимназіи Академіи петербургской.

Гимназія Академіи петербургской того ради наипаче учреждена, чтобъ честные юноши, свободнымъ наукамъ обучившіеся, могли доступить до познанія наукъ академическихъ; но понеже не всякіе разумы до науки способны суть, а нѣкоторыхъ до высокихъ наукъ и допускать не надлежитъ, однакожъ и тѣмъ, которые въ иное житія состояніе вступить имѣютъ, будетъ въ гимназіи мѣсто, что́ и они отъ сего наставленія не малую пользу воспріять могутъ; и чтобъ отъ совокупнаго всѣхъ юношей смѣшанія благороднѣйшіе отъ нравовъ простолюдинцевъ въ самомъ еще младенчествѣ своемъ не повредились, предусмотрѣно и учреждено, дабы между собою раздѣленны оныхъ наукамъ обучался, а худѣйшіе отъ оныхъ всеконечно отлучены были бы. А понеже младенцы, не токмо свободнымъ наукамъ для честнаго въ гражданствѣ житія учимы, но и благочестію наставляемы быть должны такъ, чтобъ въ самомъ житіи, по правилу христіанскаго благочестія поступающе, тѣмъ наипаче удобнѣйшіе и достойнѣйшіе государству граждане сотворилися, что́ всего нужнѣйше быть видится и паче всего желательно есть. Дабы и въ сей нуждѣ какого недостатку не было, отъ святѣйшаго синода Академія іеромонаха упросила, который бы школьниковъ русскихъ благочестію христіанскому наученіемъ по правилу, отъ того жъ святѣйшаго синода установленному, въ тѣ часы, которые въ реестрахъ лекцій отъ насъ показаны, обучалъ. Да и нѣмецкіе такожде школьники, чтобъ по своему закону благочестію христіанскому обучались, ректору и товарищамъ вручены, чтобъ оные по уставу академическому въ семъ дѣлѣ поступали. Будутъ же въ гимназіи двѣ школы: первая латинская, вторая нѣмецкая. Въ оныхъ и лекціи, и дѣла именно росписать и образъ ученія опредѣлить заблаго-разсудилося, чтобъ имѣли тѣ учители чему непремѣнно послѣдовать должно, дабы или разностію, или несогласіемъ одинъ другому непрепятствовать.

О школѣ нѣмецкой.

Школу нѣмецкую на три класса раздѣлить заблаго-разсуждено: на большой, на средній, на меньшой; и всякій классъ паки на два класса, чтобъ шляхтичи въ одномъ были, а прочіе въ другомъ.

2) Въ сей школѣ ректоръ съ двумя товарищами языку нѣмецкому сперва учить будутъ.

3) Ректоръ большихъ, наипаче ему врученныхъ, имѣть будетъ, которые, къ наукамъ не простираяся, нѣмецкому языку весьма себѣ вдадутъ; тѣхъ онъ, ректоръ, на нѣмецкомъ языкѣ письма писать и переводить ясно и разумно обучать будетъ. Для того присовокупятся исторія и географія; исторія изъ вопросовъ историческихъ Іоанна Гюбнера; географія жъ изъ того жъ географическихъ вопросовъ и съ ландкартъ давать будетъ. Чисто же писать такъ по нѣмецки, какъ и по латински, и ариѳметикѣ одинъ изъ товарищей обучать будетъ.

4) Среднихъ одинъ изъ товарищей, подъ управленіемъ ректора, грамматику давать и разговоры толковать и легчайшимъ экзерциціямъ съ русскаго на нѣмецкій переводить обучать будетъ пока или къ большимъ причтутся, или въ латинскую школу пойдутъ. Которые же въ латинскую школу пойдутъ, оныхъ здѣсь въ вящшемъ долго держать не надлежитъ, понеже нѣмецкаго языка обученій и тамъ довольство имѣть будутъ ежели грамматику нѣмецкую знать, съ русскаго по среднему на нѣмецкій языкъ переводить, и по нѣмецки говорящаго безъ великой трудности разумѣть будутъ. А понеже и тѣмъ, которые нѣмецкому языку весьма себѣ вдать пожелаютъ латинскаго языка нѣкое знаніе имѣть полезно будетъ, того ради въ семъ классѣ Доната латинскаго да читаютъ, чтобъ себя по маленьку, когда по латински читать учатся, купно къ познанію сперва деклинаціи приготовили, которые же до большаго латинскаго языка разумѣнія достигнуть пожелаютъ, тѣхъ сперва въ пятый классъ латинскаго языка перевесть надлежитъ, и оставить на ихъ волю, въ большой ли оттуду нѣмецкой классъ пойти, или и четвертаго класса лекцій латинскихъ слушать пожелаютъ.

Меньшихъ, другой товарищъ, подъ управленіемъ того жъ ректора, въ чтеніи нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ и въ этимологіи нѣмецкой, всѣхъ же чистому писанію и въ ариѳметикѣ наставлять будетъ.

5) А понеже оба товарища ректору помогать должны, то, чтобъ въ часахъ и должностѣхъ какого помѣшательства не было, всякому въ рестрахъ и должность, и время назначить.

6) На послѣдокъ, понеже о репетиціяхъ прилежное стараніе имѣтися должно, то ректорова должность будетъ, чтобъ въ каждое послѣ четырнадцати дней время какой кто изъ учениковъ въ ученіи успѣхъ возъимѣлъ.

ЛЕКЦІИ КЛАССА БОЛЬШАГО.

	По утру.			По полудни.	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
☾	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Репетиція грамматики съ экзерциіями.	Товарищъ II. Чистописать.
☿	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Географія.	Товарищъ II. Чистописать.
♀	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ средними къ ректору.	Ректоръ письма или епистолы.	Ректоръ исторію.		
☉	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Репетиція грамматики съ екзерциіями.	Товарищъ II. Ариѳметику
♂	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Географію.	Товарищъ II. Ариѳметику.
♃	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ средними къ ректору.	Ректоръ письма.	Ректоръ исторію.		

ЛЕКЦІИ КЛАССА СРЕДНЯГО.

	По утру.			По полудни.	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
☽	Товарищъ I. Грамматику.	Товарищъ I. разговоры, екзерциіи.	Товарищъ I. Вокабулы.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
☿	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
♀	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ большими къ ректору.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.		
☉	Товарищъ I. Грамматику, экзерциіи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ I.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
♂	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
♃	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ большими къ ректору.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.		

ЛЕКЦІИ КЛАССА НИЖНЯГО.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
♂	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы отъ товарища П катихизису обучаются.	Товарищъ П. и между тѣмъ пишутъ лекцію нѣмецкую съ вѣдомостями.	Чистописать, когда иные		
♃	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
♀	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ П. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы какъ въ день ☿	Товарищъ П. Какъ въ день ☿	Товарищъ П. Какъ въ день ☿		

О школѣ латинской.

1) Школа латинская на пять классовъ раздѣлена будетъ; и паки всякій классъ на двѣ статьи одна для учениковъ, которые изъ шляхтичевъ, а другая для подлѣйшихъ.

2) Первые обучаться будутъ реторикѣ, логикѣ, пінтикѣ, и авторовъ присовокупять Цицерона, Ливія, Виргилія и иныхъ; также греческаго языка, исторіи и географіи учиться будутъ.

3) Вторые обучаться будутъ первымъ фундаментамъ реторическимъ, просодіи и синтаксиса..... присовокупивъ для стиля, Юлія Кесаря, епистолы Цицероновы и лучшихъ пінтовъ; къ тому же еще исторію, географію, грамматику греческую, ариѳметику.

4) Третьи учиться будутъ просодіи и сантаксіи, употребивъ авторовъ латинскаго языка Корнеліа Непота и Кастеліона; къ тому жъ повторять будутъ этимологію и будутъ обучаться исторіи, географіи, ариѳметикѣ, чистому писанію.

5) Четвертые, учиться будутъ синтаксіи и этимологіи, присовокупивъ Севастіана Кастелліона разговоры и сверхъ того ариѳметикѣ, а также и чистописать.

6) Пятые этимологіи, ариѳметикѣ, чистописать учиться будутъ и до синтаксиса приготовятся.

Учить будутъ въ школѣ латинской во всю недѣлю:

Ректоръ	10	часовъ.
Проректоръ	12	»
Конректоръ	12	»
Товарищъ I	16	»
Товарищъ II	20	»
Товарищъ III	20	»
Товарищъ IV	26	»

Для совершеннѣйшаго же знанія, какими ученіе приращеніями ученикамъ по малу отъ нижняго класса къ высочайшему простиратися, и какимъ способомъ учителямъ взаимно другъ другу вспомогать приключествуетъ, отъ нижняго класса начнемъ.

О пятомъ классѣ.

1) Въ сей классъ тотъ только принятъ будетъ, кто нѣмецкій языкъ хотя по среднему знать будетъ, дабы учителя, учащаго по нѣмецки, разумѣть могъ.

2) Товарищъ IV этимологію учить будетъ пока ученики такъ деклинаціи, какъ коньюгаціи, аномалы (неравныя) и регулы этимологическія даже и правильно умѣть будутъ, присовокупивши вокабулы изъ книги меморіальной Целлярія, въ началѣ глаголы, которыхъ времена прошедшія и сущныя, то есть воспятые, твердо знать будутъ. Ученики сіи всѣ въ домѣхъ да изучаютъ, чтобъ больше времени къ читанію уроковъ, къ толкованію и къ свидѣтельствованію въ школѣ оставалось. Большимъ, или которые ученики больше разумѣютъ, тѣмъ легчайшія синтактическія регулы толковать и практику оныхъ регулъ, примѣры на таблицѣ пишучи, показывать. Тотъ же товарищъ долженъ будетъ, такъ чистаго писанія, какъ и ариѳметикѣ обучать.

О четвертомъ классѣ.

1) Въ сей классъ никто да вступаетъ, развѣ кто этимологію и синтактическіе регулы нетрудные добре изучитъ.

2) Товарищъ III такъ поступитъ въ синтаксіи, что во первыхъ не трудные регулы (правила), прежде трудныхъ толковать будетъ. А потомъ многіе образцы (примѣры) до всякой регулы присовокупитъ, понеже грамматисты въ регулахъ, которые порядкомъ они своимъ располагаютъ, не естественнымъ способомъ дѣтей обучаютъ, но нѣкоторому образцу художественному послѣдуютъ, и такое великое затрудненіе учащимъ разумно исправить также должны. Того ради расположеніе правилъ, чтобъ прежде были свободнѣйшія, а потомъ бы труднѣйшія правила въ грамматикѣ, имѣющейся напечататься въ Академіи, присовокупить должно. А регулы, которыя синтаксиму фигурную содержатъ, въ семъ классѣ лучше отставить. Екзерциціи, съ нѣмецкаго языка на латинскій переведенныя, прилежно учитель разсмотритъ, чтобъ сочиненіе было изъ регулъ нетрудныхъ и прежде знаемыхъ истолковано и чтобы дѣти правило, которое угодно бы было, прилежно также въ екзерциціяхъ по нѣмецки надобно заданны конструкцію показывать (sic!), придавши латинскіе вокабулы. А одинъ изъ тѣхъ при всѣхъ на таблицѣ по латински написать, а потомъ всякъ свои екзерциціи, въ домѣ сочиненныя, ко исправленію отдавать долженъ.

Надлежитъ такожде въ сихъ екзерциціяхъ иногда исторійку или нѣкую фабулу Езопову предлагать, а иногда иную какую вещь, котораго уставленія причину вышнихъ классовъ образецъ изъяснитъ. Въ разговорахъ Кастельоновыхъ легко учитель долженъ поступать со труднѣйшихъ, касающихся до этимологіи, учениковъ вопрошать; регулы синтактическіе

показывать, конструкціи силу прилежно во первыхъ предлагать; вокабулы и удобнѣйшіе фразесы выбирать по чаще, также разговоръ повторять, а иногда такожде что-нибудь давать перевесть понѣмецки.

А когда пятыя школы ученики придутъ, которые въ положенные часы въ четвертый классъ ходить должны, оныхъ прилежно слушать, и о нетрудныхъ задачахъ и легкихъ могутъ и тѣ отвѣтъ давать.

Этимологію чрезъ нѣкоторыя задачи подтверждать надобно; а вокабуламъ изъ книги меморіальной Целлярія въ домѣ обучаться въ урочные свои часы должны.

О третьемъ классѣ.

1) Въ третій классъ никто не вступитъ, развѣ кто всю этимологію умѣть будетъ и синтаксимы бо́льшую часть правильно изучитъ, Кастеллионовы нѣкоторые разговоры свободно истолкуетъ и нѣсколько вокабулъ на память изучитъ.

2) Однакожъ товарищъ II этимологію прилежно проучитъ и положенныя нѣкоторыя задачи, наизусть выученныя, вопрошать. А въ три мѣсяца чтобъ все окончиться могло.

Такожде синтаксиму съ меньшими при прочихъ слушающихъ отъ начала только повторить, и такъ отъ легчайшихъ регулъ мало чѣмъ до труднѣйшихъ чрезъ примѣры многіе и разные. А о труднѣйшей синтаксіи фигурной съ бо́льшими по прилежнѣе поступать.

3) Корнелія Непота такъ о конструкціи, какъ о толкованіи вящее стараніе приложить. Которыя обрѣтаются труднѣйшія въ этимологіи, о тѣхъ ученикахъ и синтактическія регулы, рѣдко во употребленіи бываемыя, вопрошать будетъ. Фразесы изо всѣхъ главъ въ дневныя записки давать, которыя ученики въ домѣхъ наизусть изучать должны. Больше въ наукѣ иногда главу одну и другую на нѣмецкой языкъ переводятъ и какого либо императора житіе зѣло тщательно истолкованное опять повторятъ.

4) Въ экзерциціяхъ переводныхъ на латинской языкъ такъ тщиться долженъ учитель располагать, чтобъ и на историческую иногда нравоучительную предлагалъ задачу. Въ исторіяхъ тщательно послѣдовать Непоту и его фразесы употреблять позволилъ бы трудиться, чтобъ во всякомъ полгодѣ исторію отъ созданія міра до Константина Великаго кратко окончалъ. А въ нравоучительныхъ пущай по своему разсужденію учитель поступаетъ, какъ поправится о добродѣтеляхъ ли, или о порокахъ, или о иныхъ какихъ вещахъ, до общаго житія касающихся, предлагать.

Фразесы къ сочиненію ученикамъ задавать долженъ хорошіе, свойственные къ выбору изрядныхъ изъ Цицероновой книги о должностяхъ и изъ другихъ творцовъ и искусныхъ языка латинскаго, какъ онъ самъ себѣ ученіемъ своимъ пріобрящетъ. А екзерциіи ученики дома сочинять должны, которыя товарищъ въ классѣ при всѣхъ слушающихъ исправлять долженъ.

5) Чрезъ единъ часъ просодіи обучать долженъ, чтобъ третьей классы ученики, незнающіе оную, всеконечно во второй классъ не пришли. Регулы же только лучшіе, напаче оные о послѣднихъ слогахъ на память выучить повелитъ, которые ежели третьяго класса ученики добре растолкованные въ памяти держать будутъ, и ежели стиха гекзаметра и пентаметра нѣкую силу познаютъ, то во истинну въ семъ классѣ довольно имъ будетъ.

6) Чрезъ единъ такожде часъ исторію отъ созданія свѣта даже до созданія Рима изъ Христофора Целлярія обучать будетъ.

7) Къ исторіи географію инымъ часамъ присовокуплять; толковать же долженъ на глобусѣ, которая суть удобнѣйшая къ понятію, а напаче которая суть нужнѣйшая какъ-то: Европу, Азію, Африку, Америку, Лузитанію и Гишпанію, Франціо, Галлію, Германію, Британію, Дацкую землю, Швеціо, Польшу, Венгерскую и Турецкую земли, на послѣдокъ Россію въ кратцѣ показывать долженъ. Знать должны во первыхъ ученики главнѣйшіе рубежья, рѣки, провинціи, грады царствующіе, и грады славнѣйшіе, имена царей или Рѣчи Посполитой, какое состояніе есть; отъ прочихъ же въ семъ классѣ воздержаться заблагоразсудили.

О второмъ классѣ.

1) Во второй классъ никто примется, который Корнелія не довольно хорошо толковать можетъ; екзерциію безъ всякаго погрѣшенія грамматическаго не сочинитъ и по латински такъ говорить не будетъ, чтобы ума своего смыслъ нѣкакъ (?) словами изъяснить не возмогъ.

2) Учить будутъ въ семъ классѣ конректоръ и одинъ товарищъ.

3) Товарищъ I въ грамматикѣ тому, который проучится, еще надлежитъ извѣстныя задачи ученикамъ (sic) задавать, синтаксиму же во первыхъ вѣрно обучать.

4) Екзерциіи предлагать долженъ такимъ же способомъ, какимъ въ третьемъ классѣ повелѣно есть, только бы по большѣе были, паче же съ фразесами, а въ гисторическихъ екзерциіяхъ надлежитъ всю митологію

вкратцѣ толковать, чтобы та вещь къ разумленію піитамъ могла подать помощь. Въ право же учительныхъ екзерциціяхъ его разсужденію соизволяются.

Данъ будетъ здѣсь ученикамъ лексиконъ Гедерихія латинской, котораго употреблять они должны.

5) Юлія Кесаря книги о междоусобной брани гражданской чрезъ шесть мѣсяцевъ толкуючи, окончить долженъ. Ежели же въ семъ разстояніи еще что-нибудь времени оставаться будетъ, то да присовокупитъ книги отъ войнъ александровской и гишпанской, а о французской войнѣ книгъ, для многихъ трудностей, употребить не подобаетъ. Вся же съ великимъ прилежаніемъ и съ стараніемъ толковать надлежитъ, и фразесы, учениками, наставленіемъ учительскимъ, собранные, на память, елико быть можетъ, тѣ жъ ученики изучать имѣютъ.

6) Прозодію въ семъ классѣ и повторять и больше толковать подобаетъ, наипаче же избраннымъ Гіеронима Фрейера поэтамъ прилежать надлежитъ.

Показать учитель въ началѣ долженъ свойствы вокабулъ и якоже чрезъ тропы принесены бываютъ, что изъ сихъ піиты себѣ избираютъ, чего ораторы не дѣлаютъ и что въ прочихъ наукахъ и въ стихотвореніяхъ состоитъ, и симъ подобныя иныя вещи. Меньшіе же перемѣшанные стихи по регуламъ прозодіи паки въ свой порядокъ складывать должны; а большіе ученики съ гекзаметровъ сущихъ должны дѣлать пентаметры, а изъ пентаметровъ дѣлать сущіе гекзаметры.

7) А въ исторіи, которую толковать будетъ отъ созданія свѣта даже до Константина Великаго, въ томъ подражать долженъ Христофору Целлярію.

Въ географіи то протвердиши, что третьей классы ученикамъ толковано было, немногіе по своему хотѣнію, нѣкіе такожде изъ древней географіи присовокуплять имѣютъ.

8) Конректоръ реторики первый фундаментъ учить будетъ, для сего же сходиться и совѣтовать долженъ съ ректоромъ.

Отъ худыхъ же такъ всенародныхъ, какъ суесловныхъ реторовъ воздержаться, и не долженъ давать что къ пріуготовленію сладкорѣчія никакой пользы не имѣютъ. На умѣ все такъ наипаче содержать долженъ, чтобъ ученики силѣ всякой рѣчи и свойству аки бы природному, послѣдовать и троповъ отвѣтъ взыскивать, отъ орацій же метеорныхъ за временемъ беречися, навыкнувъ которыя вещи, во всякомъ сладкорѣчіи много помогутъ; напослѣдокъ въ періодахъ и въ оныхъ многомъ различіи и образахъ связуемыхъ, и въ кратчайшихъ эріяхъ, которыя настав-

ленія словами приказаны были, самимъ употребленіемъ всегда и дѣйствительно показывать.

9) Избраннымъ Цицероновыхъ епистоламъ, отъ Христофора Целлярія изданнымъ, такъ обучить, что не токмо оные толковать долженъ, сводя съ риторическими правилами, но также иногда сочиняючи письма народные, подражать имѣютъ.

10) Въ греческихъ Ивана Вуллера грамматику присовокупить; а понеже прочая зѣло суть латвыя (легкія), ежели пристойно и дѣйствительно протолкуетъ, то наставленіемъ словеснымъ сіе паче дѣлаться будетъ, чѣмъ больше дѣла въ той вещи положено есть.

Да чтобъ къ толкованію греческихъ скоро привесть учениковъ можно было, въ ученіи грамматики и толкованіи новаго завѣта разумно дѣло свое расположить долженъ.

О первомъ классѣ.

1) Въ сей классъ никто принятъ не будетъ, развѣ кто все то умѣть будетъ, чему во второмъ классѣ обучаютъ, и во первыхъ безъ погрѣшенія противъ грамматики и писать и говорить по латинѣ будетъ.

2) Ректоръ долженъ школьниковъ краснорѣчію обучать, и понеже все то ученіе такъ въ познаніи правилъ, какъ въ подражаніи всякаго изряднаго автора и стиля добраго содержится — въ семъ дѣлѣ такъ поступать надлежитъ, чтобъ за правила реторическія, до цицероновой науки пристойныя, держался, а иныхъ риторовъ отъ терніевъ и не потребностей воздержался. Къ подражанію примѣры цицероновы да предлагаетъ, котораго ораціямъ такъ обучить, чтобъ ученики не токмо смыслъ растолкованной имѣли, но и самое искусство и краснорѣчія силу такъ изъ правилъ реторическимъ, какъ и гражданскаго разумѣнія усматривали. Того ради до всякой оратіи предполагать долженъ, которыя до исторіи и до всей причины и до расположенія надлежатъ, чтобъ покуда школьники до толкованія приступили, вещь всю и яко весь курсъ ораціи имѣли, только послѣ удобнѣе будетъ въ глаголахъ и сентенціяхъ силу, искусство и краснорѣчіе съ правилами реторическими сравнивать. Въ наставленіи стиля съ меньшими учениками періодовъ разные роды репетовать долженъ. Часто также изъ Цицеропова нѣкоего изобильнаго мѣста простые періоды или изъ Плиніевыхъ и Сенековыхъ епистолъ періоды сочиненные показывать тщиться будетъ, чѣмъ бы лучше и изобиліе себѣ ученики пріуготовить возмогли и что по членамъ, и что кратко надобно говорить, разумѣли бы. Второе же стараніе будетъ съ меньшими ученн-

ками въ хріяхъ и епистолахъ такъ по членамъ, какъ кратко по расположеніямъ предложеннымъ, три рода орацій зѣло краткіе сочинять будутъ, однако же елико можно на подобіе тѣхъ орацій, которыя въ Цицеронѣ уже разумѣютъ, а что въ дѣйствіи положено есть, то прилежно познавать должны и часто изъ оныхъ двое или трое нѣкую орацію или изъ Ливія, или изъ Саллюстія, или изъ Квинта Курція, или также изъ Цицероновыхъ орацій нѣкоторыя части сказывать надлежитъ и можетъ сей быть подвигъ въ похвалу; который другаго дѣйствіемъ сочиненнымъ прилично реторическимъ правиламъ побѣдитъ.

2) Понеже, якоже вышепомянуто есть, чтобъ школьники русскіе въ извѣстные часы іеромонаха, богословію толкующаго, слушали, и въ то же время ректоръ нѣмецкихъ вторыхъ въ первый классъ собравшихся богословію толковать будетъ.

3) А проректоръ въ Титъ Ливіи шесть первыя книги толковать будетъ, въ которыхъ въ сей римской исторіи фундаментъ и формы почти всѣ и республики оной и магистратовъ ясно описуются. Въ которомъ стараніи такъ поступать долженъ и купно стиля историческаго и ораторскаго разности такъ словами обучитъ, Ливію подражая, упражненіями наставлять также долженъ.

3) Дабы первой классы ученики разность стиля умѣли, проректоръ одинъ часъ во всякую недѣлю опредѣлить долженъ для толкованія тѣхъ историковъ, которыхъ Иванъ-Матвѣй Гезнеръ въ христоматіи латинской издалъ.

4) Исторію отъ Константина Великаго почти до нашихъ временъ чрезъ два часа толковать долженъ, чтобъ ученики младые вящшія вещи, на Востокѣ и Западѣ учиненныя, знали; для которой вещи предводителя Христофора Целлярія употребить имѣютъ. Ко исторіи географію присовокупить такъ, чтобъ вмѣстѣ древнія народовъ и градовъ мѣста показать могъ, и также нынѣшнее странъ и городовъ состояніе.

5) Въ логикѣ, которую проректоръ учить будетъ, покуда для сего употребленія въ Академіи новая сочинена будетъ, надлежитъ Христіана Волфія, какъ предводителя, давать, чтобъ молодые дѣти, купно термины школьные хотя мало познавши, до высочайшихъ наукъ приступить могли.

И ниже единымъ токмо терминамъ обучать долженъ, но силу оныхъ и употребленіе ясно показывать надлежитъ, да какій конецъ логика имѣетъ, всякій ученикъ елико можетъ постязать долженъ. Напослѣдокъ и слушать также долженъ большихъ учениковъ, колико они по правиламъ аристотелевымъ въ диспутахъ сильны.

6) Въ Виргиліи проректоръ четыре токмо книги Енеидосъ толковать долженъ: предписать во первыхъ надлежитъ натуру стиха епическаго, согласіе митологіи, которое Виргилій описуетъ.

Тогда же не токмо глаголы толковать надлежитъ, но такожде всю силу и изобиліе и художества поэты, такъ въ глаголахъ и сентенціяхъ, какъ въ числѣ ораціи и сихъ подобныхъ и въ прочихъ фигурахъ риторическихъ.

7) Употреблять же подобаетъ въ свободные часы Гіеронима Фрейера избранныхъ поэтъ, чтобъ ученики роды стиховъ по естеству и разумѣнію своему раздѣлять могли. А иногда съ Сафика стиха передѣлывать должны на фалевцикъ, или на елегіатическій, или съ гекзаметровъ да дѣлаютъ ямбическіе (не наруша смысла), или изъ ораціи простой разные стихи дѣлать; которыхъ, правда, такъ обучаться подобаетъ, понеже не всякіе разумы до поэтики способны суть, того ради никто до того принужденъ не будетъ, но паче побуждать надлежитъ младенцевъ утѣхою и забавою нежели понужденіемъ приневоливать.

8) Конректоръ погречески такъ обучать будетъ: да которые въ грамматикѣ труднѣйшія суть, чрезъ извѣстныя задачи вопрашивать будетъ, напаче же въ переводѣ на латинской языкъ съ греческаго прилежно наставлять долженъ, для которой вещи новаго завѣта употребить и Ивана Матія Гезнера христоматіи греческой.

9) Всѣ же ректоры кромѣ того два приказа себѣ врученные имѣть будутъ: первый дабы никому въ семъ классѣ не попускали говорить развѣ только по латыни; второе какъ возможно до выписыванія и собиранія вещей всякихъ наставляли.

Наослѣдокъ чтобъ въ ортографіи никакого несогласія не было, всѣ увѣщеваются, которые въ гимназіи учить будутъ, чтобъ примѣнялися къ Целлярієвой ортографіи, которая за исправнѣйшую имѣется и въ типографію академическую введена была, и такъ юноши въ самихъ употребленіяхъ согласіе сохранять научатся.

О изслѣдованіяхъ.

Да вѣдаетъ Академія, что по симъ опредѣленіямъ юноши учиться будутъ. Два во всякій годъ изслѣдованія или истязанія будутъ: единое лѣтнее въ іюнѣ мѣсяцѣ; второе—зимнее въ декабрѣ мѣсяцѣ въ послѣдніе дни предъ святками.

2) На оба истязанія превосходительнѣйшій Ея Императорскаго Ве-

личества камергеръ, Академіи Наукъ главнѣйшій командиръ и прочіе академики за нѣсколько прежде дней ректоромъ призываны будутъ.

3) Родителямъ дѣтей, во Академіи учащихся изъ наемныхъ, приходить и дѣтей своихъ ученіе вѣдать, ежели похотятъ, сонзволяется.

О дняхъ гулящихъ.

Во весь годъ дни гулящіи токмо тѣ мы установили, которые здѣсь порядкомъ расположимъ:

1) День рожденія Ея Императорскаго Величества, такожде день тезоименитства Ея Величества и день возшествія на престолъ. 2) Отъ 23 декабря до перваго января. 3) 6 января въ праздникъ Богоявленія. 4) 11 февраля въ праздникъ очищенія св. Маріи, у нѣмцевъ. 5) 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія. 6) Въ недѣлю Святую (страстную) всю и въ послѣдующую до самаго перваго воскресенія послѣ пасхи. 7) 9 мая въ праздникъ св. Николая. 8) Въ праздникъ Вознесенія Господня. 9) Въ праздникъ пятьдесятницы, четыре дни. 10) 24 іюня въ праздникъ св. Іоанна Предтечи. 11) 29 іюня въ праздникъ св. Апостолъ Петра и Павла. 12) 11 іюля посѣщенія св. Маріи. 13) 6 августа въ праздникъ Преображенія Господня. 14) 15 августа въ праздникъ успенія Пресвятыя Богородицы, у русскихъ. 15) 30 августа въ праздникъ св. Александра Невскаго. 16) 8 сентября въ праздникъ рождества Пресвятыя Богородицы, у русскихъ. 17) 14 сентября воздвиженіе Честнаго Креста. 18) 1 октября Покровъ Пресвятыя Богородицы. 19) 8 ноября Михаила Архангела. 20) 21 ноября Введеніе Пресвятыя Богородицы. 21) 30 ноября святаго апостола Андрея Первозваннаго. 22) 6 декабря въ день св. Николая.

Послѣ лѣтняго свидѣтельства всѣ дни, для безмѣрнаго жара, въ гимназіи позволены будутъ, но только на двѣ недѣли, чтобъ юношескіе умы вельми долгою праздностью не повредились.

Сію форму гимназіи по приложеннымъ каталогамъ непремѣнно и всегда отъ всѣхъ храниму быти опредѣляемъ.

ЛЕКЦІИ ПЕРВАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
☿	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
♀	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, перваго и втораго класса къ ректору.	Проректоръ логику.	Проректоръ исторію и географію.		
☉	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія
♂	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Іон. Мат. Гезнера хрестоматію латинскую.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
♃	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, перваго и втораго класса къ ректору.	Проректоръ логику.	Проректоръ исторію и географію.		

ЛЕКЦІИ ВТОРАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе историческое.	Конректоръ, выборные Цицероновы епистолы.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, репетицію грамматики съ практикою.
☿	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе историческое.	Конректоръ, выборные Цицероновы епистолы.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, репетицію грамматики и проч.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ ректору.	Товарищъ I, исторію римскую отъ созданія Рима до Константина Великаго.	Товарищъ I, географію.		
♃	Товарищъ I. Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе моральное или нравоучительное.	Конректоръ, реторику.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, просодію и выборныя стихотворенія.
♀	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе моральное.	Конректоръ, реторику.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, просодію и выборныя стихотворенія.
♂	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ ректору.	Товарищъ IV, ариѳметики.	Товарищъ IV, ариѳметики.		

ЛЕКЦІИ ТРЕТЬЯГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе историческое.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, краснописаніе.
♂	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе историческое.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, краснописаніе.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ товарищу I.	Товарищъ II, стимологію.	Товарищъ II, исторію отъ сотворенія свѣта до римской монархіи.		
♃	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе моральное.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, ариѳметику.
♀	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе моральное.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, ариѳметику.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ товарищу I.	Товарищъ II, стимологію.	Товарищъ II, географію.		

ЛЕКЦІИ ЧЕТВЕРТАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, экзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, краснописаніе.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
♂	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, экзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, краснописаніе.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы ходятъ въ третій классъ.	Товарищъ III, этимологію и вокабулы.	Товарищъ III, этимологію и вокабулы.		
♃	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, экзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, ариѳметику.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
♀	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, экзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, ариѳметику.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
☽	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы ходятъ въ третій классъ.	Товарищъ III, этимологію.	Товарищъ III, репетиція.		

ЛЕКЦІИ ПЯТАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
€	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, какъ пятаго, такъ и четвертаго класса краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
ѕ	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, пятаго и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
ѕ	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, товарищъ IV нѣмцамъ катехизисъ толкуетъ	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.		
ѯ	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, пятаго и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
ѳ	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, пятаго и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
ѣ	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, товарищъ IV нѣмцамъ катехизисъ толкуетъ	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.		

ПРИБАВОКЪ.

О школахъ французскаго языка.

Въ школы французскія тотъ только принятъ будетъ, который или латинскаго языка или нѣмецкаго довольно уже обучился.

И тако большіе изъ нѣмецкой школы, которые напаче учитися краснописанію и ариѳметикѣ нужды имѣть не будутъ, также и перваго класса благороднѣйшіе, которые греческаго языка учиться не имѣютъ, отъ 3 — 4 часа въ ученіи французскаго языка упражняться будутъ.

Прочіе перваго класса принуждены будутъ въ тотъ часъ по гречески учитися, но и имъ, ежели которые пожелаютъ, будетъ время учитися французскаго языка отъ 4 — 5, въ который часъ и изъ прочихъ прилежнѣйшіе присутствовать могутъ.

II.

ДОНЕСЕНІЕ БАРОНА КОРФА О ПРИСЫЛКѢ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ *).

Въ правительствующій сенатъ

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Въ данномъ 16 дня прошедшаго мѣсяца доношеніи предложено правительствующему сенату, что къ распространенію наукъ въ здѣшнемъ государствѣ весьма полезно, чтобъ при Академіи семинаріумъ изъ тридцати шляхетныхъ юношей учредить; при чемъ и образъ ихъ воспитанія

*) Черновое донесеніе писано, съ поправками рукою Шумахера, по нѣмецки, а русскій переводъ сдѣланъ Адодуровымъ; хранятся въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 18; бѣловое донесеніе тамъ же, въ книгѣ № 791.

и обученія, такожде ежегодное оныхъ содержаніе на особливыхъ листахъ подъ литерою А. В. и С. показано; но понеже отъ сего учрежденія не прежде какъ по прошествіи нѣкотораго времени способные люди произойти могутъ, того ради предлагаю я правительствующему сенату: не соблаговолено ли будетъ приказать, чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ двадцать человѣкъ чрезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времяни они у профессоровъ сея Академіи лекціи слушать и въ высшихъ наукахъ съ пользою происходить могли. А понеже Академія на ихъ содержаніе, такожде на книги и платье денегъ не имѣетъ, того ради надлежало бы особливую сумму на то опредѣлить. По моему мнѣнію каждаго человѣка меньше ста пятидесяти рублей ежегоднаго жалованья безъ трудности здѣсь содержать не можно, выключая при томъ потребныя имъ книги, о которыхъ книжная лавка по всякой годъ правительствующему сенату счетъ подавати будетъ; потому что учащимся, ежели они свои науки прилежно продолжать имѣютъ, способность въ житіи позволити надлежитъ. Когда сіе предложеніе подтверждено будетъ, то прошу потребныя къ тому опредѣленіе учинить.

Korff.

Мая 13 дня
1735 года.

Слушано мая 20 дня
1735 года.

III.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БАРОНА КОРФА О НЕДОСЛАННЫХЪ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

Въ правительствующій сенатъ.

изъ Академіи Наукъ

ДОПОШЕНІЕ.

Прошедшаго октября 15 дня сего года по присланному изъ правительствующаго сената указу велѣно во Академію Наукъ для слушанія у профессоровъ лекцій изъ высшихъ наукъ выслать изъ Москвы изъ учениковъ достойныхъ въ наукахъ, кои есть въ Спаскомъ училищномъ мо-

пастырѣ двадцать человѣкъ, о чемъ въ Москву въ сенатскую контору и въ святѣйшій правительствующій синодъ и вѣдѣніи изъ сената посланы. А прошедшаго ноября 27 дня присланнымъ письмомъ изъ Москвы того Спаскаго монастыря отъ архимандрита и ректора Стефана объявлено, что по присланному къ нему изъ святѣйшаго правительствующаго синода указу изъ московской славяно-греко-латинской Академіи учениковъ двѣнадцать человѣкъ выбраны и для посылки въ московскую синодальную правленія канцелярію отъ него при доношеніи представлены. А чего для неполное число, о томъ онъ не объявилъ.

Того ради правительствующаго сената Академія Наукъ покорно проситъ, дабы повелѣно было означенныхъ учениковъ полное число двадцать человѣкъ по Академію выслать, а буде въ Спасскомъ монастырѣ не имѣется, то бъ повелѣно было изъ другихъ училищныхъ монастырей выслать же.

Корф.

Декабря 19 дня
1735 года.

IV.

ДОНЕСЕНІЕ АДОДУРОВА О БѢДСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ВОСПИТАННИКОВЪ.

Въ правительствующій сенатъ

ДОНОШЕНІЕ.

Отъ опредѣленнаго при Академіи Наукъ именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, главнаго онаго Академіи командира, дѣйствительнаго камергера Ея Императорскаго Величества, барона фонъ-Корфа, велѣно мнѣ надъ присланными сюда изъ Москвы учениками имѣть смотрѣніе, при которомъ я съ того времени, какъ оные ученики явились въ канцеляріи Академіи Наукъ, а именно: января съ 2 дня прошлаго 1736 года, и по сіе время нахожуся. Въ томъ же 1736 году въ декабрѣ мѣсяцѣ опредѣлила академическая канцелярія, чтобъ оные ученики обучались у находящихся при здѣшней гимназіи учителей. А понеже показанные ученики мнѣ прошедшаго декабря 20 дня объявили, что они за неимѣніемъ у себя платья къ онымъ учителямъ ходить не могутъ, то представлялъ я о томъ еще того же дня въ академической канцеляріи сло-

весно, а потомъ 21 дня и письменно, по которому моему доношенію присланъ ко мнѣ 27 декабря изъ академической канцеляріи отъ 24 дня того жъ декабря мѣсяца указъ, по силѣ котораго велѣно мнѣ до прибытія главнаго Академіи командира, дѣйствительнаго камергера барона фонъ-Корфа, какъ по объявленію сихъ учениковъ, что они у себя платья не имѣютъ, такъ и о всякихъ другихъ нуждахъ доносить въ правительствующемъ сенатѣ. Но понеже оные ученики кромѣ показаннаго недостатка въ платьѣ нынѣ уже лишены и дневной пищи, потому что экономъ Фелтенъ, которому ихъ по опредѣленной цѣнѣ пропитаніемъ содержать повелѣно было, опредѣленіемъ академической канцеляріи отъ ихъ содержанія съ нынѣшняго (sic) 1736 года по его доношенію учиненъ свободенъ. Того ради правительствующему сенату симъ покорнѣйше доношу, не соблаговолено ли будетъ помянутымъ ученикамъ, до дальняго разсмотрѣнія, опредѣлить и выдавать кормовыя деньги, или по высокому своему разсмотрѣнію ихъ какимъ нибудь другимъ способомъ отъ онаго бѣднаго состоянія, въ которомъ они уже чрезъ толь долгое время, а особливо нынѣ находятся, избавить. Они всѣ собственнаго иждивенія у себя не имѣютъ, и для того весьма не въ состояніи себя не только самыми нужными вещами, но и дневною пищею содержать. О семъ доноситъ Академія Наукъ адъюнктъ Василій Адодуровъ.

Генваря 3 дня
1737.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 5.

ТРУДЫ

ІОГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

СТАТЬЯ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Январь 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ. *К. Веселовскій.*

ТРУДЫ ЮГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

СТАТЬЯ П. П. СРЕЗНЕВСКАГО.

Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti: такъ называется повременное изданіе новооткрытой въ Загребѣ Академіи. Первая книга его, только-что здѣсь полученная (въ 8 д.: 276 стр.), заключаетъ въ себѣ, кромѣ статей, читанныхъ въ засѣданіяхъ Академіи, разныя свѣдѣнія о самой Академіи,—свѣдѣнія любопытныя для насъ, такъ какъ къ этому новому учрежденію мы, конечно, не можетъ не относиться безъ особеннаго сочувствія.

Мысль объ основаніи Академіи въ Загребѣ была слѣдствіемъ умноженія научныхъ и литературныхъ силъ на Славянскомъ югѣ вообще и между прочимъ въ главномъ городѣ Хорватской земли, сдѣлавшемся въ послѣднее время средоточіемъ научной литературной дѣятельности юго-западнаго Славянства. Въ какомъ состояніи находятся тамъ научныя требованія, можно видѣть изъ Архива, издаваемаго г. Кукулевичемъ Сакцинскимъ и изъ Книжевника, до открытія Академіи издававшагося гг. Рачскимъ, Ягичемъ и Торбаромъ *). Ссылаюсь на эти повременныя изданія, въ нашемъ ученомъ кругу болѣе другихъ извѣстныя и знающими ихъ очень уважаемыя. И нельзя ихъ не уважать: едва ли какое научное повременное изданіе у западныхъ Славянъ можетъ

*) Arkiv za povèstnicu jugoslavensku. I—VIII. 1851—1865.—Književnik. Časopis za jezik i povèst Hrvatsko i Srbsku i prirodne Znanost. I—III. 1864—1866.

быть поставлено не только выше, но и рядомъ съ ними. И въ этихъ повременникахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ, выказалось нѣсколько даровитыхъ и дѣятельныхъ тружениковъ науки, которые съ честью могли бы занять мѣсто въ академическомъ обществѣ. Но для основанія ученаго общества въ родѣ Академіи нужны значительныя денежныя средства, а ихъ не оказывалось. Не оказывалось ихъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ пожертвовалъ значительную сумму епископъ Босенскій и Срѣмскій Іосифъ Стросмайеръ; въ слѣдъ затѣмъ можно было приступить къ собиранію пожертвованій. На областномъ сеймѣ мысль объ основаніи Академіи заявлена была 29 апрѣля 1861 г., и принята съ живымъ единодушіемъ. Оставалось составить уставъ и просить соизволенія правительства на его утвержденіе. Со стороны сейма все сдѣлано было довольно скоро: его ходатайство пошло въ Вѣну въ концѣ іюля 1861 г. Не такъ скоро пошло дѣло далѣе. Слишкомъ полтора года прошло, пока состоялось общее рѣшеніе правительства объ основаніи Академіи: оно утверждено 7 марта 1863 г. Затѣмъ прошло еще почти три года, пока присланъ былъ сейму передѣланный уставъ Академіи съ предложеніемъ принять его. Сеймъ немедленно принялъ уставъ въ этомъ новомъ видѣ, и тогда уже, 4-го марта 1866 года, онъ утвержденъ былъ императоромъ.

По этому уставу Югославянская Академія имѣетъ цѣлію самостоятельныя изслѣдованія по наукамъ и художествамъ, всесторонее ихъ развитіе и особенно попеченіе о «Югославянскомъ» языкѣ и письменности. Она раздѣляется на четыре Отдѣленія: 1) историко-филологическое, 2) философско-юридическое, 3) физико-математическое и 4) художественное. Академія дѣйствуетъ посредствомъ засѣданій, которыя, кромѣ одного ежегоднаго, торжественнаго, бываютъ общія и по отдѣленіямъ. Въ нихъ она назначаетъ, по своимъ средствамъ, наградныя задачи для рѣшенія путемъ соисканія и присуждаетъ награды; обсуждаетъ труды своихъ членовъ и посторонихъ писателей, ей сообщенные, и признанные достойными вознаграждаетъ и издаетъ; разсуж-

дастъ о вопросахъ, предлагаемыхъ ей властями и подастъ требуемыя по нимъ мнѣнія; назначаетъ помощь своимъ членамъ въ научныхъ и художническихъ предпріятіяхъ, а равно и молодымъ людямъ посвящающимъ себя художеству, пріобрѣтаетъ художественныя произведенія и устраиваетъ ихъ выставки. Въ своемъ повременникѣ, кромѣ ученыхъ трудовъ, она издаетъ извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ. Академія состоитъ изъ 32 дѣйствительныхъ обязательныхъ членовъ, которые всѣ должны быть изъ Австрійскихъ подданныхъ: каждый долженъ вступить въ одно изъ отдѣленій, не лишаясь впрочемъ права принимать участіе и въ дѣлахъ какого нибудь другаго отдѣленія. Академія, избирая ихъ на всю жизнь, изъ нихъ избираетъ себѣ, на каждые три года, предсѣдателя, подъ условіемъ подтвержденія его императоромъ, и двухъ секретарей, а по отдѣленіямъ избираются первоприсутствующіе. Она сама себѣ избираетъ, на всю жизнь, изъ сановниковъ Австрійской имперіи, покровителя, долженствующаго быть посредникомъ между Академіей и властями и слѣдить за общимъ ходомъ дѣйствій Академіи. Она избираетъ въ опредѣленномъ ею самою числѣ членовъ-корреспондентовъ и до 16-ти почетныхъ членовъ; тѣ и другіе могутъ быть и изъ иностранцевъ, но не иначе какъ съ одобренія придворной канцеляріи. Право голоса имѣютъ только дѣйствительные члены, и въ голосованіи по выборамъ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ, а по вопросамъ, касающимся наукъ и художествъ, достаточно большинство относительное; во всякомъ случаѣ голосованье допускается только тогда, когда въ засѣданіи присутствуетъ неменѣе половины членовъ. Академія располагаетъ четырьмя пятыми своего годоваго дохода, а остающаяся пятая доля дохода пріобщается къ капиталу. Она можетъ стараться и увеличивать свои средства и имущества собираніемъ добровольныхъ приношеній, которыя могутъ быть дѣланы деньгами, книгами, художественными произведеніями и памятниками прошедшаго времени. Она можетъ, сообразно съ законами, вступать въ сношенія съ другими учеными и художническими обществами. Она сама, на основаніи устава, составляетъ

и измѣняетъ правила порядка дѣйствій своихъ, которыя впрочемъ должны быть одобрены придворною канцеляріей.

Правила эти составлены въ прошломъ году и одобрены придворной канцеляріей 17 января 1867 года. Кромѣ подробностей о собраніяхъ, выборахъ, обязанностяхъ дѣйствительныхъ членовъ и секретарей, присужденіяхъ наградъ, расходахъ и т. п., въ правилахъ помѣщены и болѣе важныя мѣры. Такъ, въ нихъ постановлено, что всѣ разговоры и чтенія въ Академіи происходятъ на языкѣ Хорватскомъ (Сербскомъ), кромѣ особенныхъ случаевъ, когда самою Академіею будетъ допущено исключеніе, и что на этомъ же языкѣ должны быть издаваемы и всѣ академическія произведенія, такъ что только въ видѣ исключенія можетъ быть употребленъ для этого языкъ Латинскій.

На основаніи правилъ Академія будетъ издавать: 1) повременникъ или академическія извѣстія, гдѣ имѣютъ мѣсто разсужденія, читанныя въ засѣданіяхъ, если они не болѣе 6-ти печатныхъ листовъ, памятники древности и искуства, извѣстія о засѣданіяхъ и о состояніи Академіи, некрологи членовъ, критики замѣчательныхъ туземныхъ и иноземныхъ книгъ; 2) произведенія, приготовленныя самою Академіей въ коммиссіяхъ; 3) произведенія, удостоенныя Академіею награды; 4) произведенія, присылаемыя въ Академію для изданія, если она найдетъ ихъ того достойными.

Приготовительныя засѣданія были еще въ іюлѣ 1866 года; въ одномъ изъ нихъ установлены были правила дѣйствій, въ другомъ послѣдовало раздѣленіе членовъ по отдѣленіямъ, въ третьемъ избранъ покровителемъ епископъ І. Стросмайеръ. По утвержденіи правилъ начались засѣданія на основаніи оныхъ. Первое главное собраніе было 25 іюля; первое торжественное—28 іюля. Собранія по отдѣленіямъ начались съ 5 іюня засѣданіемъ историко-филологическаго отдѣленія.

Въ настоящемъ своемъ составѣ Академія считаетъ 22 дѣйствительныхъ членовъ, изъ которыхъ 8 принадлежатъ къ историко-филологическому отдѣленію, 8 къ философско-юридическому и 6 къ отдѣленію физико-математическому. Предсѣдателемъ из-

братъ каноникъ докторъ Фр. Рачкій, секретаремъ Ю. Даничичъ. Кромѣ того въ почетные члены избрано 8-мъ лицъ: одинъ Сербъ одинъ Словенецъ Хорутанскій, два Чеха, одинъ Полякъ, два Русскихъ и одинъ Нѣмецъ (докторъ Шлейхеръ); въ члены-корреспонденты избраны 6 Сербовъ и Хорватовъ, 7 Чеховъ и Словаковъ, 1 Полякъ, 2 Русскихъ, 1 Нѣмецъ.

Въ извѣстіяхъ о засѣданіяхъ помѣщены свѣдѣнія объ ученыхъ предпріятіяхъ, на которыя рѣшилась Академія. Это: 1) собираніе правныхъ обычаевъ Хорвато-Сербскаго народа по программѣ, предложенной докторомъ Богишичемъ, который положилъ уже прекрасное начало этому дѣлу: имъ издана въ прошедшемъ году въ Книжевникѣ и отдѣльно книга подъ названіемъ: Pravni običaji u Slovena; Privatno pravo, 2) собираніе и изданіе древнихъ и старинныхъ памятниковъ законодательства Хорвато-Сербскаго; 3) составленіе и изданіе полнаго Словаря Хорвато-Сербскаго языка. Кромѣ того положено издать трудъ члена доктора Ягича, «Исторію письменности народа Хорватскаго-Сербскаго», и первая книга этого труда уже отпечатана, а доктору Ягичу дано пособіе для путешествія по Далмаціи съ цѣлію собиранія дополнительныхъ запасовъ для его труда. Академія, вѣроятно, приметъ на себя и изданіе двухъ другихъ готовыхъ трудовъ: Флоры Хорватской доктора І. Шлосера и Л. Вукатиновича и Римскаго права доктора Шугая.

Капиталъ Академіи простирался при открытіи Академіи до 200,720 гульденовъ. По собраніи всего, что имѣется въ виду, капиталъ долженъ возрасти до 280,000 гульденовъ слишкомъ. На издержки въ 1867 году Академія можетъ употребить до 7,856 гульденъ Само собою разумѣется, что на эту сумму нельзя платить жалованья никому, кромѣ секретаря, ни издерживать денегъ ни на что кромѣ какъ на напечатаніе книгъ, на плату за труды, на небольшія пособія ученымъ и на необходимыя издержки по дѣлопроизводству.

Въ первой книгѣ трудовъ Югославянской Академіи помѣщены слѣдующія статьи:

1. Іос. Торбара, о перелетныхъ птицахъ въ Сербо-Хорватскихъ краяхъ съ обозначеніемъ времени и округа ихъ перелета.

2. Спир. Брусины, о молюскахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Сербо-Хорватскихъ краевъ, подробный перечень ихъ съ обозначеніемъ ихъ особенностей, о мѣстѣ, гдѣ ихъ находятъ, и съ библіографическимъ обзоромъ доселѣ изданныхъ трудовъ, касающихся этого предмета.

3. Юр. Даничича, о h и ђ въ исторіи Славянскихъ языковъ (см. ниже.)

4. Фр. Рачскаго, грамоты, относящіяся къ исторіи Сербовъ и Хорватовъ (всего 31: изъ нихъ одна Латинская XII вѣка, девять XIII, въ томъ числѣ одна Итальянская; семь XIV вѣка, въ томъ числѣ три Итальянскія; остальныя XV вѣка, въ томъ числѣ три Итальянскія, одна Сербская). Прекрасное введеніе къ этимъ грамотамъ объясняетъ ихъ значеніе

5. Сим. Любича, о Римской надписи, найденной въ Далмаціи, съ упоминаніемъ о finibus Varvarinorum.

6. Юр. Даничича, записи при рукописяхъ, хранящихся въ народной библіотекѣ и въ библіотекѣ ученаго общества въ Бѣградѣ (старшія изъ нихъ, и то немногія, XIV и XV в., остальныя XVI—XVIII вв., впрочемъ иныя съ любопытными подробностями).

7. Петра Матковича, о Московской этнографической выставкѣ: обозрѣніе состава выставки и (въ приложеніи) свѣдѣнія объ успѣхахъ географіи Россіи.

8.—11. Извѣстія о книгахъ (см. ниже).

Главное мѣсто въ числѣ статей, относящихся къ филологіи въ обширномъ смыслѣ слова, принадлежитъ статьѣ нашего члена корреспондента Юр. Даничича—о h и ђ въ исторіи Славянскихъ языковъ.

Извѣстно, что первая изъ этихъ буквъ (h) есть мягкое т (ть), выговариваемое во многихъ Сербскихъ краяхъ какъ очень мягкое ч, а вторая (ђ) есть мягкое д (дь), выговариваемое такъ же

какъ очень мягкое дж: вмѣсто перваго можетъ быть произносимо тј, а вмѣсто втораго дј (ћешити, = тјешити = тѣшити, — ђело = дјело = дѣло). Въ словахъ чужеязычныхъ ћ произносится вмѣсто мягкаго — к (ћелија = келиа, ћирило = Кирилъ), а ђ не только вмѣсто мягкаго д (ћаво = дылвотъ, ђонисије = Дионисиѥ), но и вмѣсто г (јеванђелије = ѥвангелиѥ, ђорђе = Георгие) Вмѣстѣ съ тѣмъ ћ употребляется тамъ, гдѣ въ Старославянскомъ шт = щ, въ народномъ Русскомъ ч, въ Чешскомъ и Польскомъ ц (свећа = свѣща = свѣча, = svíce = swieca), а ђ тамъ, гдѣ въ Старославянскомъ жд, въ народномъ Русскомъ ж, въ Чешскомъ з, въ Польскомъ дз (међа = межда = межа = meze = miedza). Кромѣ этого ћ употребляется вмѣсто Старославянскаго шт = щ = Русскаго ч = Польскаго и Чешскаго ц въ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія первообразныхъ глаголовъ, которыхъ коренное созвучіе оканчивается на г, к или х, и въ нѣкоторыхъ существительныхъ подобнаго образованія (жећи = жещи = жечь = žeci = žec, тећи = тещи = течь = tec = ciec, вријећи = врѣщи — отъ врьхѫ, — моћ = мощь = мочь = moc, пећ = пещь = печь = pec = piec). На эти два случая употребленія ћ вмѣсто Старослав. шт = щ и ђ вмѣсто Старослав. жд г. Даничичь обратилъ свое вниманіе, стараясь опредѣлить, какъ явилось это употребленіе. Первый изъ этихъ случаевъ, касающійся одинаково ћ и ђ, объясняетъ онъ такъ: въ Сербскомъ ћ развилось изъ тј, а ђ изъ дј; въ Старославянскомъ ј при т передѣлалось въ ш, а при д въ ж, и вышедши изъ за т впередъ, образовало шт, а вышедши изъ за д образовало жд (свѣћа = свѣтја = свѣјта = свѣшта; међа = медја = мејда = межда), въ Русскомъ ч = тш = Старосл. щ, представляетъ тоже ј, перешедшее въ ш, ј, а ж = Старосл. жд представляетъ тоже ј, измѣненное въ ж, но такъ, что при ш осталось коренное т, а при ж коренное д выпало изъ выговора (свѣча = свѣтја = свѣтша, межа = медја = меджа). Для объясненія втораго случая г. Даничичь припоминаетъ, что въ Романскихъ языкахъ к передъ т переходитъ въ т и потомъ изъ двухъ т одно или выпадаетъ или переходитъ въ і (Ит. atto = actus, frutto = fructus, Фр. contrat = contractus, Ит. matar = mactare, Порт.

dito=dictus, Фр. conduit=conductus, Фр. fait=Порт. feito=factus, Ит. pleito=plectus, Порт. direito=directus). Такъ, думаетъ г. Данничъ, и въ Славянскомъ гт, кт, хт прежде всего перешли въ два т, потомъ одно изъ нихъ, второе, замѣнилось гласнымъ и, переходящимъ въ j,—и такимъ образомъ явилось тj, а это тj послѣ перешло въ h, въ шт=щ, въ ч, въ ц.—Если все это вѣрно, то очевидно, какъ думаетъ г. Данничъ, въ Сербскомъ нарѣчіи сохранилась всего чище и послѣдовательнѣе древняя система превращенія первообразныхъ звуковъ т, д, гт, кт, хт въ соотвѣтственные имъ мягкіе звуки.

Внимательность, которою управлялъ г. Данничъ свое разслѣдованіе вопроса, въ отношеніи къ разнообразію Славянскихъ нарѣчій очень любопытнаго, заслуживаетъ полнаго уваженія; а естественное предпочтеніе роднаго нарѣчія всѣмъ другимъ легко могло его увлечь въ выводахъ немного далѣе должной границы. Ничего не рѣшая, а только желая бо́льшаго разъясненія вопроса столько же любопытнаго, какъ и труднаго, я позволю себѣ замѣтить, что въ нарѣчіи Сербскомъ, какъ видно изъ указаннаго выше, во многихъ краяхъ h и ḫ употребляются вмѣсто мягкихъ т и д, к и г, кт, гд, слѣдовательно скрываютъ за собою разные первообразные звуки,—и между прочимъ какъ тѣ мягкія т и д, которыя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ удерживаютъ свой коренной звукъ, такъ и тѣ, которыя ни въ одномъ издревле не удержали. Уже ли это признакъ первообразности смягченія звуковъ? Нарѣчіе Польское похоже въ этомъ на Сербское по способу смягченія; но, какъ мнѣ кажется, гораздо лучше сохранило особенности двухъ способовъ смягченія: обыкновенныя мягкія т и д выговариваются по-Польски мягко, только постоянно съ призвукомъ свистящимъ (тѣшити=cieszyć, дѣло=dzielo); тѣ же смягчаемыя т и д, которыя въ Старослав. переходятъ въ шт=щ и жд, и тѣ смягчаемыя гт, кт, которыя въ Старослав. переходятъ въ шт=щ, въ Польскомъ переходятъ въ c и dz *немягкія* (свѣща=swieca, межда=miedza, мощь=moc, пещь=piec, женщи=żec, тещи=ciec). Уже ли эта послѣдовательность отличенія двухъ

явленій для исторіи языка не важнѣе? Такъ же послѣдовательно и Старославянское нарѣчіе отличаетъ два разные случая смягченія; странность его заключается только въ томъ, что коренныя д и т при смягченіи принимаютъ передъ собою ш и ж. Г. Данничь думаетъ, что эти ш и ж суть превращенія звука j, который первоначально стоялъ за т и д. Если и допустить, что это было такъ, то какъ объяснить появленіе въ Старославянскомъ шт вмѣсто смягченныхъ ск, сч (искати ищѫ, изъ-+-чезнѫти=ищезнѫти) и жд вмѣсто смягченныхъ зг, зж (изгънати ижденѫ, възъ-+-желѣти= въждѣлѣти), гдѣ съ переходомъ свистящей въ шипящую сливается переходъ к и ч въ т, а г и ж въ д, и только ли въ т д переходятъ к и ч, а въ д—г и ж, или же к и ч въ шт, а г и ж въ жд, а с и з исчезаютъ и тутъ, такъ же какъ въ шедъ вм изъшедъ? При томъ шт и жд такъ ли только выговаривались какъ написаны, или же и какъ штш=шч и ждж (срав. Русскій выговоръ словъ: нощь, вещь, дождь, вождь, и т. п. и всякаго щ.)? и нельзя ли допустить предположенія, что этотъ выговоръ щ какъ *штш* и жд какъ *ждж* древнѣе?

Въ извѣстіяхъ о книгахъ разобраны слѣдующія новыя явленія Сербо-Хорватской литературы съ показаніемъ главныхъ достоинствъ и недостатковъ и съ приведеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ:

— Историја Српске књижевности—Стояна Новаковича: въ Бѣлградѣ. 1867: 8-а: XII-+-326 (статья В. Ягича).

— Богомили, црьква Босањска и крьстјани—Божидара Петановича, въ Задрѣ. 1867, 8-а: 172 стр. (статья др. Ф. Рачскаго).

— Pregled Hrvatske poviesti—Сим. Любича, въ Рѣкѣ. 1867, 8-а: 359 стр. (статья М. Месича).

Въ этомъ же отдѣлѣ дано мѣсто статьѣ др. В. Богишича о рукописи, въ которой содержится списокъ съ Записки 1551 года sulle consuetudine che sono state nel paese di Croazia da Zara fin a Nona, lequali hanno amministrato i nostri avi e proavi e noi dopo di loro. Эту Записку сообщу въ другомъ мѣстѣ по списку, у меня находящемуся.

Отдѣльнымъ изданіемъ Югославянская Академія печатаетъ трудъ своего сочлена, В. Ягича: Historija književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga. Отпечатана и вышла въ свѣтъ knjiga prva, заключающая въ себѣ обзоръ письменности Хорватской и Сербской въ древнее время (Staro doba): Zagreb. 1867, 8-a: 204 стр.

Сочиненіе г. Ягича начинается введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію мѣстнаго разнообразія, разселенія и числа народа вообще и въ отношеніи къ мѣстности. Все Сербское и Хорватское населеніе въ земляхъ, обитаемыхъ этимъ народомъ, г. Ягичъ принимаетъ въ 5,800,000 ч. слишкомъ, именно:

	Римско-катол.	Православ.	Магометанъ.
Въ Австрійскихъ земляхъ .	1,917,729	994,512	—
» Сербіи	—	1,100,000	—
» Черной Горѣ	—	200,000	—
» Босиѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи.	300,000	900,000	400,000
	2,217,729	3,194,512	400,000

Всю исторію Хорватской и Сербской письменности г. Ягичъ дѣлитъ на три періода: 1. Древнее время, продолжающееся до конца XIV вѣка; 2. Среднее время—до половины XVIII вѣка; 3. Новое время.

Разсматривая древнее время, г. Ягичъ обратилъ вниманіе на слѣдующіе предметы: 1. Народный бытъ, 2. Крещеніе и первыя встрѣчи съ Греко-Римскимъ міромъ, 3. Подвиги Кирилла и Меѳодія, борьбы за Славянство; 4. Успѣхи письменности въ Болгаріи; 5. Богомилы, ложныя книги, народные разсказы; 6. Успѣхи образованности Хорватовъ и Сербовъ отъ XII вѣка. Въ этихъ шести главахъ дано мѣсто всему важному; не забыто даже и менѣе важное, на сколько оно извѣстно, и обозначено не только то, что непосредственно относится къ Хорватамъ и Сербамъ, но и то, что относится вообще къ Славянамъ или къ Славянамъ южнымъ, не только то, что можно считать несомнѣннымъ, но и сомнитель-

ное, при чемъ сочинитель держался своихъ особенныхъ возврѣній и убѣжденій.

Въ главѣ первой между прочимъ дано мѣсто перечню важнѣйшихъ словъ древняго языка, касающихся быта, нѣсколькимъ указаніямъ на языческія вѣрованія, на черты и рѣзы, подъ которыми сочинитель разумѣетъ руны, на различіе Югославянскихъ нарѣчій.

Во второй главѣ обращено вниманіе на первые зачатки вліянія Римской и Греческой образованности на Хорватовъ, между прочимъ относительно общественнаго строя, и на грамоты, сюда относящіяся.

Въ главѣ третьей обстоятельства дѣятельности Кирилла и Меѳодія изложены коротко, но съ добавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ или забываемыхъ данныхъ.

Въ главѣ четвертой разсмотрѣны успѣхи письменности въ Болгаріи въ отношеніи къ языку, преимущественно касательно фонетики, въ отношеніи къ азбукѣ, при чемъ сочинитель выражаетъ увѣренность, что глаголица древнѣе кириллицы, въ отношеніи къ произведеніямъ Кирилла и Меѳодія и его преемниковъ въ Болгаріи: епископа Климента, епископа Константина, Іоанна екзарха, пресвитера Григорія, в. князя Симеона, монаха Храбра и безъименныхъ, которыхъ труды сохранились въ древнихъ спискахъ.

Въ главѣ пятой дано мѣсто краткому обозрѣнію ереси Богумиловъ, предположеніямъ о сочиненіяхъ и вымыслахъ попа Іереміи, соображеніямъ о ложныхъ книгахъ, притчахъ и сказкахъ, переведенныхъ или пересказанныхъ въ книгахъ и повторяемыхъ въ народѣ, о народныхъ пѣсняхъ древняго времени и о хроникѣ Діоклейской.

Въ главѣ шестой обращено вниманіе на распространеніе глаголицы въ земляхъ Хорватскихъ, какъ азбуки церковной и гражданской, на законники городскихъ и сельскихъ общинъ Далматинско-Хорватскихъ, въ которыхъ дано мѣсто и обычному праву, на уцѣлѣвшіе памятники Сербской письменности до XIII в., на значеніе Дубровника въ отношеніи къ письменности, на заслуги ар-

хіепископа Саввы, на содержаніе и языкъ древнѣйшей Сербской письменности, на Сербскія произведенія XIII—XIV вѣка, между прочимъ на труды Доментіяна, Даніила архіепископа, Григорія Цамблака, на хронографы и лѣтописи, на Законникъ Душана.

Сочиненіе г. Ягича написано легко, занимательно и вмѣстѣ съ тѣмъ почти постоянно безъ ссылокъ, а съ простыми указаніями на имена изслѣдователей или же и безъ нихъ. Мѣсто ихъ вѣроятно замѣнитъ общій библіографическій указатель въ концѣ сочиненія.

Судя по началу, можемъ надѣяться, что дѣятельность Югославянской Академіи будетъ не только благотворна для краевъ, для которыхъ будетъ она трудиться, но важна для Славянства вообще, между прочимъ и для насъ Русскихъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 6.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ

П. И. КЕППЕНА.

СТАТЬЯ АКАД. А. А. КУНИКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Мартъ 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весловскій*.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ П. И. КЕППЕНА.

СТАТЬЯ АКАД. А. А. КУНИКА.

Литературная дѣятельность покойнаго Акад. Кеппена, съ перваго взгляда, представляется весьма многосторонпею, но въ ней бросается въ глаза то общее направленіе, которое этотъ почтенный ученый, при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея его службы, очертилъ словами: «Вся моя жизнь была посвящена Россіи».

Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ Харьковѣ, 19 февраля 1793 года. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, онъ, на 14 году жизни, поступилъ въ губернскую чертежную, гдѣ, подъ руководствомъ землемѣровъ, занимался межеваніемъ и снятіемъ плановъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ техническія свѣдѣнія, послужившія ему впослѣдствіи въ пользу при его топографическихъ и картографическихъ работахъ. Въ то же время онъ сталъ посѣщать незадолго предъ тѣмъ учрежденный Харьковскій университетъ. Въ 1810 году онъ оставилъ службу въ чертежной и поступилъ въ число вольныхъ слушателей упомянутаго университета. Получивъ въ немъ, въ 1814 году, степень магистра правовѣдѣнія, Кеппенъ отправился въ Петербургъ и снова опредѣлился на службу, при Почтовомъ Департаментѣ. Здѣсь онъ вскорѣ сблизился съ тогдашними дѣятелями науки и литераторами, и вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.

Число людей, занимающихся изслѣдованіемъ русскихъ древностей, было въ то время весьма ограничено, такъ что каждый, кто успѣвалъ чѣмъ-либо заявить о себѣ на этомъ поприщѣ, обращалъ на себя вниманіе русскаго мецената того времени, Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова. Составленное Кеппеномъ въ 1818 году извлеченіе изъ сочиненія Лерберга о Югорской землѣ было замѣчено этимъ сановникомъ, который пожелалъ свести съ авторомъ личное знакомство. Видя молодаго усерднаго чиновника достойнымъ поощренія, графъ познакомилъ его съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, О. П. Козодавлевымъ, въ вѣдомствѣ котораго состояло тогда почтовое управленіе. Такимъ образомъ Кеппенъ, сдѣлавшись извѣстенъ своему высшему начальнику, получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при немъ, и кромѣ того былъ назначенъ вторымъ редакторомъ издававшейся при Министерствѣ газеты «Сѣверная Почта». Въ это время у него явилось желаніе познакомиться съ внутренними обстоятельствами Россіи основательнѣе, чѣмъ это было для него возможно около 1810 года, при первыхъ его разъѣздахъ и путешествіяхъ по ней. Въ 1819 году, онъ отправился въ командировку для обревизованія почтовыхъ станцій по Бѣлорусскому тракту до Кавказа, въ продолженіе коей онъ не только удовлетворилъ свою склонность къ наблюденіямъ, но и составилъ топографскія, этнографическія и статистическія замѣтки о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя лежалъ его путь, а также собралъ богатые матеріалы для изученія классическихъ и другихъ древностей на берегахъ Чернаго моря. Но прежде, чѣмъ онъ тронулся съ Кавказа въ обратный путь, до него достигла вѣсть о кончинѣ его начальника и покровителя, Козодавлева. Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Кеппенъ, не сочувствуя мистицизму, которымъ въ то время были одержимы нѣкоторые государственные люди, предпочелъ оставить службу и воспользовался представившеюся ему свободою, чтобы, въ сообществѣ своего друга А. С. Березина, совершить путешествіе въ чужіе края. Въ 1822 году, Кеппенъ отправился изъ Кіева въ Вѣну, и почти во всѣхъ частяхъ Австрійской Имперіи познако-

мился и вступилъ съ сношенія съ извѣстнѣйшими учеными и литераторами. Особое вниманіе его обратили на себя только-что начавшіяся тогда изысканія въ области славянской археологіи, этнографіи и лингвистики, такъ что, благодаря вышеупомянутымъ знакомствамъ, онъ сдѣлался первымъ посредникомъ между славистами запада и юго-запада и сѣверо-восточными изслѣдователями славянства.

Возвратясь, въ 1824 году, чрезъ Германію и Польшу, въ Россію, нашъ ученый снова опредѣлился на службу, чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Адмиралѣ А. С. Шишковѣ. По этой должности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ мѣрахъ для приведенія учебныхъ заведеній къ лучшему устройству. Въ эту же пору, онъ предпринялъ обширный трудъ по статистикѣ просвѣщенія въ Россіи, но не успѣлъ довести этотъ трудъ до конца, потому что вскорѣ для его дѣятельности открылось новое поприще.

Еще въ 1819 году, когда онъ впервые посѣтилъ Крымъ, въ немъ родилось желаніе поселиться когда нибудь на южномъ берегу этого полуострова и тамъ окончить дни свои. Для этой цѣли онъ, воспользовавшись представившимся ему въ 1827 году случаемъ, перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ помощника главнаго инспектора шелководства. Съ 1829 года онъ поселился въ Крыму, объѣзжая ежегодно, по должности, пространство между Днѣстромъ и Волгою, и по порученію графа (впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя) М. С. Воронцова, берега Таврическаго полуострова, гдѣ собиралъ матеріалы для своего Крымскаго Сборника.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кеппенъ принялъ на себя редакцію С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей, изданіемъ которыхъ онъ и завѣдывалъ съ іюля 1834 по декабрь 1835 года. Въ январѣ 1837 года, онъ былъ избранъ въ Адъюнкты Академіи Наукъ по части статистики. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ порученіе обревизовать находящіяся въ Таврической губерніи селе-

нія Государственныхъ крестьянъ и колоніи иностранныхъ поселенцевъ.

Окончивъ это порученіе, Кеппенъ возвратился въ Петербургъ, чтобы продолжать свою ученую дѣятельность въ Академіи, которая, для полученія свѣдѣній, нужныхъ для его изслѣдованій, нерѣдко вступала въ сношенія съ различными вѣдомствами и учрежденіями какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Кромѣ того, получивъ въ 1838 году мѣсто во вновь утвержденномъ тогда Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, онъ нашелъ возможность постепенно расширять свои труды въ области русской статистики и этнографіи. Разъѣзды по Россіи, которые отъ времени до времени онъ предпринималъ по порученію Академіи или Министерства Государственныхъ Имуществъ, имѣли также немалое значеніе для хода его занятій; при этихъ разъѣздахъ, онъ не только повѣрялъ и исправлялъ на мѣстѣ собранныя оффиціальнымъ путемъ данныя касательно нѣкоторыхъ мѣстностей, но и составилъ себѣ правильный взглядъ на обстоятельства и условія, которыя въ отдаленной столицѣ были понимаемы невѣрно или односторонне.

29 декабря 1859 года отпраздновано пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности Кеппена, и это торжество послужило поводомъ къ единодушнымъ и теплымъ заявленіямъ, со стороны избраннаго круга государственныхъ людей и ученыхъ, того уваженія, которое пріобрѣлъ себѣ юбиляръ своею неутомимою дѣятельностію. Вскорѣ затѣмъ, по причинѣ разстройства здоровья, Кеппенъ былъ принужденъ окончательно переѣхать въ Крымъ, гдѣ и скончался, 23 мая 1864 года, въ имѣніи своемъ Карабагѣ.

Не задолго до своей кончины, Кеппенъ отправивъ въ Академію значительную часть своихъ рукописныхъ матеріаловъ, предоставилъ ихъ въ полное ея распоряженіе. Другая часть собранныхъ имъ матеріаловъ, по его завѣщанію, передана въ послѣдствіи также въ Академію, въ копіяхъ. Всѣ эти рукописныя книги и тетради Академія положила хранить въ I-омъ Отдѣленіи

своей библіотеки, съ тѣмъ, чтобы онѣ, согласно волѣ покойнаго, были доступны для каждаго, желающаго ими пользоваться.

Ниже мы помѣщаемъ списокъ рукописныхъ трудовъ и матеріаловъ Кеппена. При этомъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что лишь меньшая, сравнительно, часть ихъ написана на нѣмецкомъ языкѣ.

Необходимость систематическаго указателя сочиненій, изданныхъ этимъ, столь трудолюбивымъ авторомъ, конечно, была ощущаема многими, и еще долго будетъ созноваема, такъ какъ труды Кеппена не скоро устарѣютъ. Впрочемъ, задача составителя, въ этомъ случаѣ, значительно облегчалась тѣмъ, что самъ Кеппенъ, по случаю изданія въ свѣтъ описанія его «Юбилея», сообщилъ своимъ сослуживцамъ, завѣдывавшимъ этимъ изданіемъ, списокъ сочиненій своихъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ. Такъ какъ это описаніе, украшенное портретомъ юбиляра, было напечатано только въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, то пользованіе онымъ для спеціалистовъ было затруднительно. Прилагаемый при семъ систематическій указатель можетъ лучше удовлетворить потребности тѣхъ, которые пожелаютъ справляться съ сочиненіями Кеппена. Однако, въ этомъ указателѣ, при исчисленіи отдѣльныхъ сочиненій, по необходимости должно было отступить отъ строго систематическаго порядка, потому что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ географическая, этнографическая и статистическая стороны не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, такъ что въ отдѣльныхъ рубрикахъ пришлось болѣе или менѣе слѣдовать порядку хронологическому. Тѣ немногія сочиненія, которыя не вошли въ изданный въ 1860 году списокъ сочиненій Кеппена, помѣщены здѣсь подъ надлежащими рубриками.

Впрочемъ, къ нашему указателю не слѣдуетъ прилагать строгаго библіографическаго масштаба, хотя мы и соблюдали должную точность въ выпискѣ заглавій, и пр. Нелишне также упускать изъ виду, что Кеппенъ, въ особыхъ оттискахъ своихъ ста-

тей, нерѣдко измѣнялъ заглавія, которыя давалъ имъ вначалѣ. Когда заглавіе принадлежитъ особому оттиску, то оно въ указателѣ отмѣчено звѣздочкою.

Что касается до сокращеній въ заглавіяхъ періодическихъ изданій, въ коихъ помѣщены сочиненія Кеппена, то должно замѣтить, что, когда въ указателѣ цитируются Мемуары Академіи, то разумѣется только шестая серія оныхъ, выходившая въ свѣтъ съ 1833 по 1860 годъ, нѣсколькими, независимыми другъ отъ друга, отдѣлами *). Въ нашемъ указателѣ означены томы и заглавія отдѣловъ Мемуаровъ, напр.: Mémoires. Série VIme. Sciences mathématiques et physiques, Tome...; Mémoires, Série VI-me. Sciences politiques, histoire et philologie, Tome...

Въ Бюллетенѣ Академіи напечатано много статей Кеппена, которыя впрочемъ не трудно находить и цитировать, такъ какъ Bulletin Scientifique (publié par l'Acad. Imp. des Sciences), состоящій изъ 10 томовъ, издавался съ 1831 по 1841 годъ; Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques (съ сокращеннымъ заглавіемъ: Bulletin historico-philologique), составляющій 16 томовъ, выходилъ въ свѣтъ съ 1842 по 1859 годъ, и наконецъ Bulletin publié par l'Academie издается съ 1859 года. Съ 1849 года, помѣщенныя въ Бюллетенѣ статьи, относящіяся до исторіи и быта обитающихъ въ Россіи народовъ, перепечатываются въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ: Mélanges Russes tirés du Bulletin etc., съ цѣлью, чрезъ продажу отдѣльными выпусками, сдѣлать ихъ болѣе доступными для спеціалистовъ. Въ нашемъ указателѣ показаны также выпуски Mélanges Russes, въ которыхъ напечатаны статьи Кеппена.

Если бы кто нибудь взялъ на себя трудъ подробно описать тѣ изъ сочиненій и статей Кеппена, которыя заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе драгоцѣнные матеріалы для ближайшаго знакомства съ народами и областями Русской Имперіи,

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ раздѣленіи можно найдти въ Catalogue des livres publiés en langues étrangères par l'Académie Imp. des sciences. 1867.

тотъ оказалъ бы важную услугу наукѣ, потому что только тогда сдѣлалось бы возможно пользоваться этими трудами съ полнымъ удобствомъ. Чрезъ это исполнилось бы, хотя отчасти, одно изъ желаній покойнаго, который предполагалъ составить сборникъ отдѣльныхъ статеекъ своихъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ИЗДАННЫХЪ П. И. КЕППЕНОМЪ.

Географія.

1. *Ueber die beim militärisch-topographischen Depot erscheinende neue Karte des europäischen Russlands, — ein Beitrag zur nähern Kenntniss unsers Vaterlandes.*

(Эта записка, представленная Академіи 1 сентября 1837 г., осталась непапечатанною.)

2. **Разборъ сочиненія г. Олдскопа, подъ заглавіемъ: Geographie des Russischen Reichs, nach den neuesten Quellen bearbeitet.*

(Этотъ разборъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Двѣнадцатомъ Присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 11 апрѣля 1842 г., стр. 289—298.)

3. *Bericht über die Schrift des H-rn Pawlowskij: Географія Россійской Имперіи.*

(Тринадцатое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1844 г., стр. 107—110.)

4. **Главныя озера и лиманы Россійской Имперіи. Спб. 1859.*

(Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1859 г., декабрь, Т. XXVII, отд. 2, 40 стр. in-8°.)

5. *Vorläufiger Bericht über die Areal-Berechnung von Sibirien.*

(17 октября 1856.—Bulletin historico-philologique. T. XIV. № 13=Mélanges Russes, T. III. Livr. 3, pp. 343—344.)

6. **Areal und Bevölkerungs-Verhältnisse des Kaiserthums Russland. Im Auszuge aus dem Russischen.*

(21 октября 1859. Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences. T. I. pp. 257—276=Mélanges Russes. T. IV. livr. 1 pp. 27—50. Извлеченіе изъ этой статьи напечатано въ Geographische Mittheilungen Петермана за 1860 г.).

7. *Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga. Ein Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage über den Einfluss der Verminderung der Wälder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga. Mit einer Karte und einem Vorworte (p. 165—198) des Akademikers v. Baer.*

(22 января 1841.—Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches Bd. IV, p. 199—268).

8. **Ueber einige Landes-Verhältnisse zwischen dem untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere.*

Спб. 1845, 135 стр. in-8°, съ раскрашенною таблицей. Изъ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von K. E. Baer und Gr. v. Helmersen, Bd. XI. стр. 3—135. Тутъ же, на ст. 87—135, напечатано разсужденіе Ф. Тецмана о степяхъ южной Россіи: Ueber die südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen.

9. **Объ Аешковскихъ летучихъ пескахъ.* 18 стр. in-8°. (Лѣсной Журналъ 1841 г., ч. I, кн. 3.)

10. *О сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани, или объ отвѣсной высотѣ Волги.*

(Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1818 г., Т. II стр. 284—302). Переводъ (съ нѣмецкаго) статьи Л. И. Пансэра, съ дополненіемъ.

11. **Ueber den Inhalt des Manganari'schen Atlas des Schwarzen Meeres.*

(St. Petersburgische Zeitung 1845, № 37.)

12. **Wege und Pfade des Taurischen Gebirges.*

(21 декабря 1838. — Mémoires de l'Académie, VI Série, Sciences mathématiques et physiques, T. II, pp. 359—382. Из-

влеченіе въ Bulletin scientif. T. V, № 8). Особые оттиски этой статьи изданы съ заглавіемъ: *Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung (Крымскій Сборникъ). St. Petersburg 1840.*

13. **Ueber die Temperatur von 130 Quellen der Tauri-schen Halbinsel.*

(1 февраля 1839.—Mémoires de l'Académie. Sciences mathématiques etc. T. II, pp. 383—421.) Извлеченіе изъ этого сочиненія, напечатанное въ Bulletin Scientifique, T. V. столбцы 337—342, составляетъ вторую часть вышеупомянутой книжки (см. № 12): *Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung (Крымскій Сборникъ). St. Petersburg 1840.*

14. **Описаніе Туакской (или Штеговой) пещеры въ Крыму.*

(Соревнователь 1821 г. Ч. XIV.) Извлеченіе изъ этой статьи напечатано М. Строевымъ въ первой части изданной имъ Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи. Спб. 1836 г. стр. 48—58.

15. *О Крымскихъ пещерахъ. Дополненіе къ описанію Туакской пещеры.*

(См. выше № 14.—Русскій Зритель, изд. въ Москвѣ М. П. Погодинымъ и другими литераторами за К. Ѳ. Калайдовича 1829 г., №№ 5 и 6, стр. 132—136.)

16. *О пространствѣ Кавказскаго края.*

(Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества 1859 г. кн. 10). Эта статья напечатана на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Die Russisch-Kaukasische Statthalterschaft: officielle Zusammenstellung und Areal-Berechnung der dem Russischen Scepter, am Ende des Jahres 1859, unterworfenen Kaukasischen Länder* въ журналѣ Петермана за 1860, № 1.)

Этнографія.

17. *Этнографическая карта Европейской Россіи. Издана Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Спб. 1851 года.*

Вмѣстѣ съ этою картою, состоящею изъ 4 листовъ, издано, на двухъ языкахъ, объясненіе къ ней, подъ заглавіями: 1) *Объ этнографической картѣ Европейской Россіи Петра Кеппена, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.* Спб. 1852. 40 стр. in-8°, съ таблицею, и 2) *Ueber die Anfertigung der Ethnographischen Karte des Europäischen Russlands.* (20 февраля 1852. — Bulletin historico-philologique, T. IX. столб. 323—316, avec une planche,=Mélanges Russes, T. II livr. 2, p. 137—164).

Въ 1854 г., Р. Латамъ (R. G. Latham) въ Лондонѣ издалъ эту карту въ маломъ масштабѣ, при сочиненіи: The native Races of the Russian Empire, составляющемъ 2 част. Ethnographical library).

При выходѣ въ свѣтъ третьяго, исправленнаго изданія этнографической карты Кеппена, онъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества (1856 г. Часть 16, стр. 83—95) статью, подъ заглавіемъ: *О третьемъ изданіи этнографической карты Европейской Россіи.*

Въ 1851 году, подъ наблюденіемъ Кеппена, былъ изготовленъ въ 3-хъ экземплярахъ 80-тилистовой этнографическій атласъ Европейской Россіи, изъ которыхъ одинъ находится въ I Отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, а другой въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

18. *Хронологическій Указатель Матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. Составленъ подъ руководствомъ Петра Кеппена.* Спб. 1861 г. VIII (Предисловіе Кеппена) и 510 стр. въ 8°.

Во время моего знакомства съ Кеппеномъ, предметомъ нашей бесѣды нерѣдко бывали инородцы въ Россіи и ихъ отношеніе къ господствующему въ ней племени. Незадолго до его послѣдняго отъѣзда въ Крымъ, я обратилъ его вниманіе на то, что собранныя имъ для его этнографической карты свѣдѣнія объ исторіи инородцевъ было бы полезно дополнить другими, по крайней мѣрѣ тѣми, которыя можно найдти въ Полномъ Собраніи Законовъ

(съ 1649 года), и затѣмъ привести въ порядокъ и напечатать. Для этого дѣла я рекомендовалъ ему Б. П. Ламбина, который и принялся съ ревностію за исполненіе задачи. Въ сочиненіи, заглавіе котораго приведено выше, сообщаются свѣдѣнія о слѣдующихъ инородцахъ: Албанцахъ, Армянахъ, Башкирахъ, Болгарахъ, Вогулахъ, Води, Валахахъ, Вотякахъ, Грекахъ, Грузинахъ, Евреяхъ, Зырянахъ, Ижорахъ, Калмыкахъ, Карелахъ, Леттахъ, Лапландцахъ, Мещерякахъ, Мордвинахъ, Нѣмцахъ, Пермякахъ, Самоѣдахъ, Сербахъ, Татарахъ, Французахъ, Цыганахъ, Черемисахъ и Чувашахъ.

19. *Города и селенія Тульской губерніи въ 1857 г. Изданно Императорскаго Академіею Наукъ, на основаніи приходскихъ списковъ Тульской губерніи, подъ наблюденіемъ П. И. Кеппена.* Спб. 1858. XX, 214 стр. in-8°.

Въ 1856 г. въ Историко-Филологическимъ Отдѣленіи Академіи былъ возбужденъ вопросъ о предположеніи издать въ свѣтъ составленный изслѣдователемъ славянскихъ древностей Ходаковскимъ указатель названій важнѣйшихъ русскихъ мѣстностей. П. И. Кеппену и мнѣ было поручено обсудить это предположеніе. Мы вскорѣ убѣдились, что составленный Ходаковскимъ, находящійся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, именословъ, значеніе котораго для славянской археологіи и этнографіи было признано еще Шафарикомъ, не можетъ быть напечатанъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ Академіи. Вслѣдствіе сего, мы предложили Отдѣленію пригласить мѣстные приходскіе причты въ различныхъ епархіяхъ Европейской Россіи доставлять въ Академію топографическія и этнографическія свѣдѣнія объ ихъ приходахъ, вписанныя на особыхъ бланкахъ, которые съ этою цѣлью были напечатаны въ потребномъ числѣ экземпляровъ и разосланы по разнымъ губерніямъ. На основаніи подобныхъ, постепенно присылавшихся списковъ, Академія, въ видѣ опыта, издала описаніе Тульской губерніи. Впослѣдствіи (съ 1861 года) Центральный Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предпринялъ изданіе обширнаго труда,

подъ заглавіемъ: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», при составленіи коихъ онъ пользуется матеріалами, собранными Академіею съ 1856 года. Къ сожалѣнію, въ этомъ изданіи не обращено вниманія на этнографическую сторону.

20. **Ueber die Nicht-Russische Bevölkerung der Apanage-Güter.*

(24 Февраля 1842.—Mémoires de l'Acad. VI Série; Sciences politiques, d'histoire etc. T. VI, p. 223—232.)

24. **Ueber die Zahl der Nicht-Russen (инородцы) in den Gouvernements Nowgorod, Twer, Jarosslaw, Kostroma und Nishnij-Nowgorod.*

(11 марта 1842.—Bulletin historico-philologique, T. I, столб. 85—96.)

22. **Ueber die Bewohner fremder Confessionen in Russland, im Jahre 1853.*

(9 февраля 1855.—Bulletin historico-philologique, T. XII, столб. 214—222=Mélanges Russes, T. II, livr. 3, p. 479—503.)

23. **Ueber die Zahl der Hebräer in Russland und deren Verhältniss zur übrigen Bevölkerung, in denjenigen Provinzen, wo solche geduldet werden.*

(6 марта 1840.—Bulletin scientifique, T. VII, столб. 91—96). На русскомъ языкѣ напечатано, подъ заглавіемъ: **О числѣ Евреевъ въ Россіи въ 1838 году* (С. Петерб. Вѣдомости 1841 г. № 76.)

24. **Der Litauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts.*

(7 февраля 1861.—Bulletin historico-philologique, T. VIII, столб. 273—292,=Mélanges Russes, T. II, livr. 1, p. 1—22.) Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ч. XXXIV (1851 г., кн. 4) вскорѣ затѣмъ появилась статья, подъ заглавіемъ: *Новыя свѣдѣнія о численности и обиталищахъ Литовскаго племени.*

25. **Zahl und Vertheilung der Deutschen im Königreiche Polen, im Jahre 1851.*

(27 января 1851.—Bulletin historico-philologique, T. XII, столб. 225—242,=Mélanges Russes, T. II, livr. 5, p. 508—530.)

26. *Die Deutschen im St. Petersburgischen Gouvernement. Ein Capitel aus dem erklärenden Texte zur Ethnographischen Karte des St. Petersburgischen Gouvernements.*

(11 января 1850. — Bulletin historico-philologique, T. VII, № 23, 24.) Это сочиненіе появилось въ продажѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Deutschen im St. Petersburgischen Gouvernement. Mit einem Vorworte über die Ethnographische Karte des genannten Gouvernements und einem Anhange über die auf derselben vorkommenden Dorfnamen.* St. Petersburg 1851; 45 p. in-8°. На русскомъ языкѣ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1850 г. Ч. XXXII, кн. 11, стр. 181—209.

27. **Die Bewohner Kur- und Livlands im Allgemeinen und die Liven insbesondere.*

(24 апрѣля 1846. — Bulletin historico-philologique, T. III, столб. 257—261.)

28. **Die Bewohner Estlands.*

(19 Juni 1846.—Bulletin historico-philologique, T. III, столб. 346—347.)

29. *Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St. Petersburgischen Gouvernement, in August 1848.*

(15 сентября 1848.—Bulletin historico-philologique, T. VI, № 22.)

30. **Водь и Вотская пятина.*

(Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ. 1851 г. май и іюнь.) Особые оттиски этой статьи напечатаны съ заглавіемъ: *Водь въ С. Петербургской губерніи. Отрывокъ изъ пояснительнаго текста къ этнографической картѣ С. Петербургской губерніи.* Въ нѣмецкомъ переводѣ, эта статья вошла въ составъ изданной въ 1867 г. книги: *Erklärender Text zur Ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements v. P. Köppen.* (См. ниже № 141.)

31. *Die von Ingriern bewohnten Dörfer im St. Petersburgischen Gouvernement.*

(30 сентября 1853.—Bulletin historico-philologique, T. IX, столб. 145—154,=Mélanges Russes, T. II, livr. 4, p. 355—368.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Селенія, обитаемыя Ижорами въ С. Петербургской губерніи*, въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ, T. II, стр. 412—422).

32. *Ueber die Bevölkerung von Polen und Finnland.*

(6 сентября 1830. — Bulletin scientifique, T. VI, № 13, столб. 208.)

33. *Finnland in ethnographischer Beziehung.*

Съ раскрашенною картою (13 ноября 1846.—Mémoires de l'Acad. VI Série etc. Sc. politiques etc., T. VII, p. 431—463). Извлеченіе изъ этого сочиненія, съ тою же самою картою, въ Bulletin histor.-philologique, T. IV, столб. 1—8.

34. **Die reisenden Finnländer.*

(St. Petersburg. Zeitung 1848, № 146.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Странствующіе Финляндцы и производимыя ими этнографическія изслѣдованія*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 1848 г. № 154; отсюда статья перепечатана въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

35. **Zur Kenntniss Finnlands in ethnographischer Beziehung.*

(2 іюня 1848. — Bulletin de la Classe histor.-philologique, T. V, столб. 161—168.) Въ этомъ сочиненіи сообщается отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Академіи, съ этнографическою цѣлью, магистромъ Вареліусомъ.

36. **Die Bolgaren in Bessarabien. Ein Bruchstück aus einer noch ungedruckten Reise.*

(2 сентября 1853 г. — Bulletin histor.-philologique, T. XI, № 13 и 14,=Mélanges Russes, T. II, livr. 4, p. 369—378, съ таблицею на двухъ листахъ.)

37. *Die Karatajen, ein Mordwinen-Stamm.*

(20 октября 1843.—Bulletin histor.-philologique, T. I, столб. 369 — 372). На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Карагаи*,

Мордовское племя, въ С. Петербург. Вѣдомостяхъ 1845 г. № 268.

38. **Ueber die Bewohner des Russischen Armeniens.*

(6 марта 1840.—Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 16—20.) Изъ соч. Шопена; напечатано также на русскомъ языкѣ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1841 г. № 157), подъ заглавіемъ: *О жителяхъ Армянской Области.*

39. **Ueber das Astrachan'sche Gouvernement und die Kalmyken in Russland.*

(13 сентября 1839.—Bulletin scientifique, T. VI, столб. 271.)

40. *Nachträgliche Instruction an Hrn. Dr. Castrén, bei seiner Abreise nach Sibirien.*

(15 марта 1844.—Bulletin histor.-philologique, T. I, столб. 373—384.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Дополнительная инструкція г. Кастрену*, въ Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщенія 1845, № 8.

41. **О Киргизахъ подвластныхъ Россіи.*

6-е Приложеніе къ сочиненію Акад. Кеппена о девятой ревизіи, 14 стр. in-4°.

Статистика.

42. **Разборъ сочиненія г. Ободовскаго: Теорія статистики, въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики.*

(Девятое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1840 г., стр. 113—157. Особые оттиски изданы съ заглавіемъ: *О сущности статистики. Изложеніе П. Кеппена.* Спб. 1840. 45 ст. in-8°.

43. **О выводѣ среднихъ чиселъ для статистическихъ соображеній.*

(С. Петербург. Вѣдомости 1845 г. № 10.) Извлеченіе изъ этой статьи на нѣмецкомъ языкѣ напечатано въ Bulletin histor.-

philologique, T. II, столб. 186—192, подъ заглавіемъ: *Zur Handels-Statistik des Russichen Reiches* (17 января 1845), и перепечатано въ Mittheilungen der Kaiserl. freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Erstes Tertialheft 1845, стр. 102—110, а также въ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland Эрмана (Berlin1845, 8. Bd. IV, p. 3 и слѣд. Ср. ниже № 70.)

44. **Bericht über Hrn. Gorlow's Schrift unter dem Titel: Обозрѣніе экономической Статистики Россіи.*

(Семьнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1848 г., ст. 115—129.)

45. *Herrn Latkin's Nachrichten von dem nordöstlichen Theile des Archangel'schen Gouvernements.*

(17 ноября 1843.—Bulletin historico-philologique, T. I, столб. 257—268). На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: **Путешествіе г. Латкина по сѣверо-восточной части Архангельской губерніи*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 1844 г. №№ 140, 141.

46. **Bericht an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften über Hrn. Dr. Bergsträsser's Versuch einer Beschreibung des Olonez'schen Gouvernements im Jahre 1838. (Опытъ описанія Олонецкой губерніи, составленный К. Бергштрессеромъ. Спб. 1838.)*

(Осьмое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1839 г., стр. 201—241.)

47. **Kurzer Bericht über eine im Jahre 1846 von St. Petersburg nach Kasan, Wjatka und Wologda gemachte Reise.*

(30 октября 1846.—Бэра и Гельмерсена: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, 13 Bändchen стр., 1—37.)

48. *Разборъ сочиненія г. Редактора (Одесскаго) Главнаго Статистическаго Комитета, Ст. Сов. А. А. Скальковскаго, подъ заглавіемъ: Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края.*

(Восемнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 17 апрѣля 1849 г., стр. 179—197.)

49. *Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken, durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh, im Jahre 1850. Mit einer Karte. St. Pet.* 1852. VI, XVI, 256 и 108 стр. in-8°.

50. *Bericht über Hrn Sawelejskij's Schrift: Статистика Царства Польскаго.*

(Тринадцатое присужденіе учрежденныхъ П. П. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1844 г., стр. 111—117.)

51. *Разборъ сочиненія г. Шопена: Статистическое описаніе Армянской Области, составленный Академиками Броссе и Кеппеномъ.*

(Десятое присужденіе учрежденныхъ П. П. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1841 г., стр. 169—209.)

52. *О разведеніи сарачинскаго пшена въ Кавказской области.* (Сѣверный Муравей 1830 г., № 27, стр. 225—227.)

53. *Staats-Handbuch Russlands, oder Verzeichniss der Kaiserlich-Russischen Staatsbehörden und der vorzüglichsten dabei angestellten Beamten. Vom Jahre 1835. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.* XLIV и 336 стр. in-8°.

54. **Russlands Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838.*

(16 августа 1839 г.—Mémoires de l'Acad. VI Série. Sciences politiques etc, T. VI, p. 49—222 и 285—322.)

Подъ тѣмъ же заглавіемъ была напечатана въ 1840 году, въ Bulletin Scientifique de l'Acad. T. VIII, столб. 2—19 (съ особыми оттисками in-4°), статья «составляющая собственно приложеніе къ сочиненію о потребности хлѣба въ Россіи». Въ переводѣ на русскій языкъ, вышеозначенная записка была помѣщена въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1840 г., въ №№ 222—226, подъ заглавіемъ: **Общее народонаселеніе Россіи въ 1838 году.* Впослѣдствіи, для устраненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу этого труда, П. И. Кеппенъ издалъ небольшую статью, подъ заглавіемъ: *Ueber Russlands Bevölkerung*, въ Нѣмецкихъ С. Петербург. Вѣдомостяхъ за 1841 г., № 199.

55. *Таблица о народонаселеніи Россіи по губерніямъ и уѣздамъ въ 1838 году.*

(Мѣсяцословъ на 1840 годъ, стр. 84—97.) Та же таблица, на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщена въ St. Petersburg. Kalender für das J. 1840, стр. 86—99, подъ заглавіемъ: *Tabelle der Bevölkerung Russlands, nach Gouvernements und Kreisen, im Jahre* 1838. Особые оттиски вышли въ свѣтъ подъ заглавіями: *О числѣ жителей въ Россіи въ 1838 году* и *Russlands Bevölkerung im Jahre 1838.*

56. **Ueber Russlands Städte, mit besonderer Hinsicht auf deren Bevölkerung.*

(30 октября 1840.—Въ извлеченіи, это сочиненіе напечатано въ Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 145—161.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *О городахъ Россійской Имперіи*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ за 1841 г. № 127.

57. **О числѣ жителей и умноженіи ихъ въ Россіи по 1842 г.*

(С. Петерб. Вѣдомости 1841 г. № 203).

58. *Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen, in den verschiedenen Provinzen.*

(13 января 1843.—Mémoires de l'Acad. VII Série. Sciences politiques etc. T. VII, p. 401—429.) Въ этомъ сочиненіи впервые обнародованы точныя данныя о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи.

59. *Ueber die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des Europäischen Russlands.*

(8 августа 1845 г.—Bulletin historico-philologique, T. III, столб. 1—32.) На основаніи этого сочиненія составлены К. С. Веселовскимъ двѣ статьи: 1) «О степени населенности Европейской Россіи», помѣщенная въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1845 г. (Декабрь № 12, стр. 274—296) и 2) «Пространство и степень населенности Европейской Россіи» — въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд.

Статистическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. I, Спб. 1851, стр. 1—29, in-8°.)

60. *Schriften über die Bewegung der Bevölkerung in Russland.* 8 p. in-8°.

Этотъ указатель составленъ Кеппеномъ «въ августѣ 1847 г.».

61. **Ueber die Bevölkerung des Grossfürstenthums Finnland am Schlusse des Jahres 1840.*

(14 января 1842.—Bulletin scientifique, T. X, столб. 255—256.)

62. *О народныхъ переписяхъ въ Россіи.*

Это довольно пространное изслѣдованіе, представленное Академіи 8 декабря 1848 г., остается донынѣ неизданнымъ. Замѣтка 1860 г.—Срави. статью Г. Рейна: «*О народныхъ переписяхъ въ Финляндіи», помѣщенную Кеппеномъ въ С. Петербург. Вѣдомостяхъ на 1849 г. № 37.

63. **Нѣсколько словъ по поводу вѣдомости о народонаселеніи Россіи, составленной при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А(лександромъ) К(рыловымъ.)*

(С. Петерб. Вѣдомости 1850 г. №№ 79—81.)

64. **Народонаселеніе Россіи по губерніямъ и уѣздамъ, за исключеніемъ регулярныхъ войскъ въ 1851 году.*

(Мѣсяцословъ на 1855 годъ.) Эта статья вышла въ свѣтъ также особою брошюрою, подъ заглавіемъ: *Предварительныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ Россіи, по губерніямъ и уѣздамъ, въ 1850 году. На основаніи данныхъ 9-ой народной переписи и другихъ показаній изложилъ* П. К. Спб. 1854, 17 стр. in-8°.

65. **Die Bevölkerung Russlands nach Provinzen und Kreisen, mit Ausnahme der regulären Truppen im Jahre 1851.*

(St. Petersburger Kalender für das Jahr 1855.) Особые оттиски, подъ заглавіемъ: *Vorläufige Uebersicht der Bevölkerung Russlands, zur Zeit der neunten Volkszählung im Jahre 1851.* 20 стр. in-8°.

66. *Девятая ревизія. О числѣ жителей въ Россіи, въ*

1851 году. Изслѣдованіе П. Кеппена. Спб. 1857. XVIII и 297 стр. in-4°.

67. **О числѣ крѣпостныхъ людей мужескаго пола по 8-й и 9-й ревизіи, съ показаніемъ крѣпостнаго процента, т. е. числоваго отношенія крѣпостныхъ людей къ общему числу жителей.* 12 стр. in-4°.

68. **Разборъ сочиненія г. Штукенберга подъ заглавіемъ: Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen schiff- und flossbaren Canäle, составленные Академиками Кеппеномъ и Бэромъ.*

(Десятое присужденіе учрежденныхъ П. И. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1841 г. Спб. 1841, стр. 123—146.) Этотъ отзывъ составленъ на нѣмецкомъ языкѣ.

69. **Разборъ сочиненія г. Штукенберга: Hydrographie des Russischen Reiches, составленные Академиками Кеппеномъ и Бэромъ.*

(Принадлежащій Кеппену разборъ этого сочиненія И. Штукенберга напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Двѣнадцатомъ Присужденіи учрежденныхъ П. И. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1843 г. стр. 235—250.)

70. **Разборъ сочиненія г. Ст. Сов. Исболсина, подъ заглавіемъ: Коммерческая Статистика.*

(26 марта 1846.—Пятнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. И. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1846, стр. 129—151).

71. **Zur Handels-Statistik des Russischen Reichs.*

(17 января 1845. —Bulletin histor.-philologique, T. II, столб. 186—192.)

72. *Ueber die Zahl der Postpferde in Russland und die damit verbundene Besteuerung.*

(8 мая 1840.—Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 78—80.)

73. **Ueber den Briefverkehr im Russland.*

(31 мая 1841. 53 стр. in-4°.) Это сочиненіе сначала было назначено для помѣщенія въ V томѣ Мемуаровъ Академіи (Sciences politiques etc.) и уже было отпечатано; но тогдашнее Глав-

ное Почтовое Управленіе представило возраженія противъ нѣкоторыхъ, сдѣлавшихся извѣстными, мѣстъ этого труда, вслѣдствіе чего въ Мемуарахъ было помѣщено другое сочиненіе. Однако, прежде чѣмъ былъ оконченъ V томъ Мемуаровъ, вышеупомянутое сочиненіе появилось на русскомъ языкѣ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 242—244. 24—26 октября 1841 г.), подъ заглавіемъ: *О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи.* На нѣмецкомъ языкѣ, въ St. Petersburger Zeitung 1841 (№№ 245 и 246) могло быть помѣщено только начало сего сочиненія. По-французски же было напечатано извлеченіе изъ него, подъ заглавіемъ: *Notices sur les postes en Russie*, въ Supplément d'Intérieur au Journal de St. Pétersbourg, 9 Dec. 1841, p. 169—173.

74. **Ueber den Kornbedarf Russlands.*

(16 августа 1839.—Mémoires de l'Acad. Sciences politiques etc. Série VI, T. V, 1842, p. 498—580.) Извлеченіе изъ этой статьи, на нѣмецкомъ языкѣ, въ Bulletin Scientifique T. VII, столб. 2—16, и на русскомъ, подъ заглавіемъ: *О потребленіи хлѣба въ Россіи*, въ Журналѣ Министерства Внутр. Дѣлъ, 1840 г. № 6 стр. 402—421.

75. *О транспортныхъ заведеніяхъ въ Россіи.*

(Журналъ для акціонеровъ 1859 г. № 149.)

76. **О мочальномъ промыслѣ. Свѣдѣнія, собранныя П. Кеппеномъ.*

(Журналъ Министерства Госуд. Имуществъ, 1841 г., № 3, стр. 13—72.) Извлеченіе изъ этой статьи, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Benutzung der Linden-Rinde in Russland*, было представлено Академіи 28 мая 1841 годъ и напечатано въ Bulletin scientifique, T. IX № 8. Въ переводѣ на французскій языкъ, это извлеченіе озаглавлено: *Fabrication en Russie de nattes et autres objets en écorce de tilleul* и напечатано въ Supplément d'Interieur (Journal de St. Pétersbourg, 16 aout 1841), p. 113—116.

77. **Крупчатыя мельницы и крупорушни въ Ельцѣ.*

(Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ 1851 г., Часть XLI,

стр. 261—268. Изъ неизданныхъ путевыхъ записокъ Акад. П. Кеппена. Ср. № 49.)

78. *О винодѣліи на Южномъ берегу Крыма.*

(Сѣверный Муравей 1830 г., № 23, стр. 193—198.)

79. *Объ успѣхахъ винодѣлія на Южномъ берегу Крыма.*

(Журналъ Министр. Внутр. Дѣлъ 1831 г., Ч. V, стр. 128—175.)

80. **О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи.*

Спб. 1832 г. XXXII, 264 и VIII (опечатки) стр. in-8°, съ 4 таблицами. Это сочиненіе печаталось въ отсутствіе автора, который окончилъ этотъ трудъ еще за нѣсколько лѣтъ до появленія онаго въ свѣтъ, но впослѣдствіи не успѣлъ издать приготовленныя имъ поправки и указатели къ этому труду. Ср. №№ 78 и 79, написанные уже по приведеніи вышеупомянутаго труда къ окончательной редакціи.

81. *О шелководствѣ въ Россіи.*

(Журналъ Министр. Внутр. Дѣлъ 1834 г. Ч. XIV, стр. 105—120.)

Библіографія.

82. **Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № 1. Обозрѣніе источниковъ для составленія Исторіи Россійской Словесности.* Спб. 1819, 92 стр. in-8°.

(Сначала появились въ журналѣ: Соревнователь просвѣщенія и благотвор. 1819 г., V, стр. 69—108 и 226—266, а потомъ и особо; № 1, одна книжка, содержащая обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи русской словесности).

Это обозрѣніе переведено на польскій языкъ С. Б. Линде и напечатано имъ въ числѣ прибавленій къ его переводу «Опыта краткой исторіи русской литературы Н. И. Греча: Dodatki do Mikolaia Grecza Rysu historyi Literatury Rossyyskiéy; zebrane i tłómaczone przez J. B. Linde. Warszawa, 1823. in-8, стр. 521—578.

83. *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № II. Библіографическіе листы 1825 года.* Спб. 1826 г.

Это изданіе, состоящее изъ 725 столбцевъ in-4°, въ которомъ помѣщались также свѣдѣнія о литературной дѣятельности другихъ славянскихъ племенъ (ср. № 88), выходило въ свѣтъ съ начала 1825 г. по августъ 1826.

84. *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № III.* Спб. 1827, 260 стр. in-4.

Изъ этой книги, посвященной графу Д. П. Блудову, изданы особо:

Статья IV. *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* Спб. 1827; 46 стр. in-4°.

Статья VI. *О Кормчей книгѣ. Введеніе къ сочиненію барона Г. А. Розенкампфа.* Спб. 1827; 14 стр. in-4°.

Статья VII *О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ.* Спб. 1827; 106 стр. in-4°.

Эта послѣдняя статья переведена на нѣмецкій языкъ для Литературнаго Латышскаго общества, которое напечатало ее въ 3 книжкѣ своего: Magazin herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft (Mitau, 1829, in-8 стр 1—112) и особо, подъ заглавіемъ: *Ueber den Ursprung, die Sprache, und Literatur der lithauischen (oder lettischen) Völkerschaften; aus dem Russischen übersetzt von Peter v. Schrötter.* Переводъ этого сочиненія на польскій языкъ напечатанъ Рогальскимъ въ Dziennik Wileński (1828. T. V), подъ заглавіемъ: *O początkach, języku i literaturze narodów Litewskich, przez Piotra Keppena; przeklad Leona Rogalskiego.*

85. *Описаніе славянскихъ древностей въ Сирміи.*

(Сѣверный Архивъ, издав. Ѳ. Булгаринымъ. Ч. V. Спб. 1823, стр. 18—33.) Извлечено изъ писемъ Кеппена къ К. Ѳ Калайдовичу.

86. *Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. Книга I. Памятники, собранные въ Германіи.* Спб. 1827.

Это первое отдѣленіе, изданное на иждивеніе графа Н. П. Румянцова, состоитъ изъ XXXII и 187 страницъ небольшаго in-folio, съ X таблицами, гравированными на мѣди. Въ числѣ другихъ памятниковъ, Кеппенъ помѣстилъ здѣсь сдѣланный имъ самимъ снимокъ такъ называемыхъ Фрейзингскихъ отрывковъ, которые въ то же время были, въ отношеніи языка, объяснены Востоковымъ. Впослѣдствіи Шмеллеръ описалъ эту рукопись въ Gelehrte Anzeig. der K. Bayrischen Academie d. Wissensch. Jahrg. 1837, Bd. V, 2, столб. 107—110. «Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингской рукописи», составленныя Востоковымъ, были недавно снова изданы, въ концѣ сочиненія: «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. . . . Издалъ, по порученію II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, И. Срезневскій Спб. 1865. (Ср. въ этой книгѣ стр. 82—89 и послѣсловіе издателя.)

87. Въ 1827 и 1828 годахъ, Кеппенъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ выпускахъ Московскаго Вѣстника различныя письма о тогдашней литературной дѣятельности славянскихъ народовъ.

88. **Литература Славянскихъ народовъ.*

(Письмо 1-ое къ Редактору Журнала Министерства Народ. Просв. 1836 г. февраль (Ч. IX) стр. 423—432; іюль (Ч. XI) стр. 208—222; августъ (Ч. XI) стр. 420—427; сентябрь (Ч. XI) стр. 649—659.)

89. *Списокъ памятникамъ, служащимъ къ составленію Исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ Его Сіят. графа Ѳедора Андреевича Толстаго.* Москва, 1822, X, VIII и 120 стр. in-8°.

Предисловіе къ этой книгѣ подписано Кеппеномъ въ Кіевѣ 30 декабря 1821 г.; въ это время онъ собирался отправиться въ путешествіе свое въ Австрію, въ продолженіе котораго изданіемъ списка завѣдывалъ другъ его К. Ѳ. Калайдовичъ. Матеріалы,

которые Кеппенъ еще въ двадцатыхъ годахъ собралъ для продолженія этого труда, въ особенности по славянской палеографіи, переданы имъ въ 1861 году въ здѣшнее Русское Археологическое Общество.

90. *Письмо къ издателю Московскаго Телеграфа о составленіи словаря Харьковскихъ писателей.*

(Московск. Телегр. 1828, № 11, стр. 410—419. Перепечатано въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы», изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 209—214.)

91. *Рецензія сочиненія: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bearbeitet von J. Fr. v. Recke und C. E. Napiersky, Bd. 1, A.—F., Mitau 1827. Bd. XVI, 626 p. in-8°.*

(Московск. Телегр. 1828, № 2 ст. 228—234. Перепечатано въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы», изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 205—209.)

92. *Извлеченіе изъ сочиненія: Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Fr. v. Adelung. St. Petersburg 1815 (Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи.)*

Эта статья, представленная Кеппеномъ вмѣстѣ съ И. А. Гарнжскимъ, Вольному Обществу Любителей Россійской Словесности, напечатана въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотвореніе 1818, I, стр. 271—304.

93. *Ueber die von P. Köppen gesammelten russischen Sprachproben.*

(15 марта 1861.—Bulletin de l'Acad. T. III, столб. 506—511=Mélanges Russes, T. IV, Livr. 2, pp. 210—217.) Въ напечатанномъ здѣсь письмѣ Кеппена изъ Карабага въ Крыму, отъ 17 февраля 1861 г., онъ говоритъ о томъ, какъ составилось его собраніе образцовъ бѣлорусскаго и малороссійскаго нарѣчій, впослѣдствіи переданное имъ въ Академію, въ которой оно хранится въ трехъ томахъ in-folio.

94. *Notiz über einige Handschriften des Cicero «de republica».*

(29 Juni 1839.) Эта записка не была напечатана.

95. **Ueber ein der St. Wladimir-Universität zu Kijew gehörendes, bisher unbekanntes (Batta-) Manuscript.*

(23 августа 1839.—Bulletin scientifique, T. VI, столб. 203—208; приложена литографированная таблица. На русскомъ языкѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. Часть XXIV, Отд. II, стр. 61—68.) *Неизвѣстная рукопись, принадлежащая Университету Св. Владиміра въ Кіевѣ.*

96. Донесеніе, представленное С. Петербургскому Вольному Обществу Любителей Россійской Словесности: *Обозрѣніе всѣхъ языковъ и ихъ нарѣчій, составленное Ѳ. П. Аделунгомъ (Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte von Fr. Adelung.* St. Petersb. 1820, XIV и 158 стр. in-8°.)

(Соревнователь просвѣщ. и благотв. 1820 г. X, стр. 189—225.)

97. *Literärnotizen, betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialekte in Ungarn und Siebenbürgen. Sr. Excellenz dem Herrn Fr. v. Adelung mitgetheilt von Peter Köppen.* St. Petersburg 1826; 32 стр. in-8°.

Археологія.

98. *Планъ города Ольвіи съ окрестностями. 1821.*

Этотъ планъ снятъ самимъ Кеппеномъ, и гравированъ на мѣди.

99. **Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien 1823.*

Это сочиненіе первоначально было напечатано, въ видѣ рецензіи на сочиненіе Рауль-Рошета о Босфорѣ Киммерійскомъ, въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, T. XX, стр. 259—351. Особые оттиски, посвященные Государственному Канцлеру Румянцову (108 стр. in-8°, съ 2 таблицами) были изданы съ при-

бавленіями. Объ этомъ сочиненіи упомянуто: 1) въ St. Petersburgische Zeitschrift von Aug. Oldekop. Mai 1823, 2) Nouvelles Annales des voyages, publiées par Eyriès et Malte-Brun, T. XIX, pp. 132—142. Juillet 1823; 3) Тамъ же, въ письмахъ Рауль-Рошета и Летронна къ Мальте-Брёну, T. XIX (Août 1823) стр. 274—282 и 282—289; 4) Акад. Келлеръ писалъ противъ этого сочиненія, сначала на французскомъ языкѣ, въ своемъ Сераписѣ» (Спб. 1823 г.), именно въ концѣ своей рецензіи сочиненія Рауль-Рошета: Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien: стр. 232—234, а потомъ въ особой книжкѣ, изданной имъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: 5) Beurtheilung einer Schrift: «Alterthümer am Nordgestade des Pontus. St. Petersb. 1823 in-8°; 6) въ Heidelberger Jahrbücher der Literatur. 1823. (November) № 70—71, pp. 1130—1134; и 7) въ Bibliothèque Universelle. 1824, Septembre.

100. **Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes.*

(Съ нѣмецкимъ переводомъ д-ра Эйхенфельда.) Wien 1823, 14 p. in-8°. Это одна изъ греческихъ надписей, изданныхъ сперва въ Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Во французскомъ переводѣ Мальте-Брена напечатана въ Nouvelles Annales des Voyages. Juillet 1832, pp. 132—142. Ср. Lettre de M. Raoul-Rochette sur l'inscription d'Olbia à Mr. Malte-Brun, въ Nouv. Ann. des Voyages, T. XIX (Août 1823) pp. 274—282. Lettre à Mr Malte-Brun sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monétaires, dans le décret des habitans d'Olbie par Mr Lettronne; тамъ же, стр. 282—289. Bulletin des Sciences etc. par M. le B-n de Ferussas, 1824, № 2 pp. 109—110.

101. *Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Ein Schreiben an den Herrn Staatsrath und Ritter H. v. Köhler, zur Würdigung seiner Beurtheilung der im Jahre 1822 im XX. Band der Wiener Jahrbücher der Literatur gedruckten Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Von dem Verfasser derselben. Wien, 1823.* 16 p. in-8°.

Объ этой антикритикѣ объявлено въ Allgemeines Repertorium

der neuesten in- und ausländischen Literatur Бека, 1824, т. I, стр. 55 и 56, а также въ пространной Энциклопедіи Эрша и Грубера и въ изданіи генералъ-суперъ-интенданта Зонтага: Ostsee-Provinzen-Blatt, 1824, № 20, стр. 88. Эта антикритика перепечатана въ изданномъ Академіею собраніи сочиненій Акад. Кёлера: Gesammelte Schriften, herausgegeben von Ludolf Stephani. St. Petersb. 1850. (Bd. II, Serapis Th. II, pp. 225—246.)

102. *Древности сѣвернаго берега Понта. Сочиненіе Петра Кеппена. Переводъ Средне-Камашева. Издано Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Москва* 1828. 178 стр. in-8°.

Переводъ сочиненія: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, изданный поименованнымъ Обществомъ, съ дополненіями автора.

103. **Nachricht von einigen in Ungern, Siebenbürgen und Polen befindlichen, und bisher nur wenig oder gar nicht bekannten Alterthümern. Wien. 1823.*

24 стр. in-8°, съ 3 гравированными на мѣди таблицами. Напечатано въ первый разъ въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1823. Bd. XXIV. Ср. Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur für 1824. Herausgegeben von Chr. Dan. Beck. Leipzig. Bd. I, p. 56—59.

104. *Die dreygestaltete Hekate und ihre Rolle in den Mysterien; nach einem Standbilde im Baron Bruckenthal'schen Museum zu Hermanstadt in Siebenbürgen. Wien 1823.* 24 p. in-4°.

Это сочиненіе, находящееся въ нѣкоторой связи съ предыдущимъ, было первоначально напечатано исторіографомъ Гормайромъ въ его изданіи: Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst. Ср. разборъ этого сочиненія, написанный Крейцеромъ, въ Heidelberger Jahrbücher der Literatur. November 1824, № 71, стр. 135—141.

105. *Крымскій Сборникъ. Съ Картою Южнаго берега Крыма и принадлежащимъ къ ней указателемъ.* Спб. 1837.

Спеціальное заглавіе этой книги: *О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Издано по распоряженію Г-на Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора Графа М. С. Воронцова.* Спб. 1837; XVI и 412 стр. in-8°. Подробное извѣстіе объ этомъ важномъ для археологіи и топографіи сборникѣ помѣщено въ Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands. Bd. II. Berlin 1842. стр. 105—117. Ср. №№ 12 и 13. Карта состоитъ изъ 4 листовъ.

106. **Ueber Alterthum und Kunst in Russland.* Wien 1822, 32 p. in-8.

Особый отпискъ изъ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur. Bd. XX. Anzeigeblatt (стр. 1—27) подъ заглавіемъ: *Ueber Völker- und Länderkunde in Russland.* Эта статья, въ переводѣ на польскій языкъ г. Линде, напечатана имъ въ его переводѣ труда Н. Греча (Ср. № 82.)

107. **Ueber Tumuli in Russland.*

(8 іюля 1836.—Bulletin scientifique de l'Acad. T. I, столб. 137—141.)

108. **Списокъ извѣстнѣйшимъ курганамъ въ Россіи.*

(Сѣверная Пчела 1837 г. №№1, 2 и 3). Изданъ также особою брошюрою, съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ (35 стр. in-12°). Сначала былъ напечатанъ на 10 стр. in-folio. Подобный экземпляръ, на которомъ также означено: «Спб. 1 января 1837», надится у А. А. Котляревскаго.)

109. **Ueber einige Tumuli des südlichen Russlands.*

(15 іюня 1838.—Bulletin scientifique etc. T. IV, столб. 277—279).

110. *Ueber einige im Melitopol'schen Kreise des Taurischen Gouvernement veranstaltete Nachgrabungen.*

(2 августа 1839. — St. Petersb. Zeitung 1839, № 197, p. 932.)

111. **Kurze Uebersicht der in den Jahren 1842—1844 an der Nordseite des Azow'schen Meeres geöffneten Tumuli.*

Съ приложеніемъ таблицы. (15 дек. 1843—Bulletin historico-philologique, T. II, столб. 193—203.)

112. *Ueber einen Gräberfund im Moskau'schen Gouvernement.*

(15 апрѣля 1839.—Bulletin scientifique, T. V, столб. 383—384.)

113. **О древностяхъ въ Тверской Карелiи. Извлеченiе изъ писемъ Ѳ. И. Глинки къ П. И. Кеппену.*

(Журн. Мин. Внут. Дѣлъ 1836 г., стр. 633.) Къ письмамъ Глинки присовокуплены примѣчанія Кеппена.

114. **Die Slawisch-Russische Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert* (Литограф.).

Издано вмѣстѣ съ сочиненіемъ: *Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der Slawisch-Russischen Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert.* (26 ноября 1847.—Bulletin historico-philologique, T. V, столб. 33—42.) Ср. также статью П. И. Кеппена, напечатанную въ трудахъ Общества Исторiи и Древностей, Часть V, кн. I. Москва 1830, стр. 300—301, подъ заглавіемъ. *Нѣчто о Тмутараканскомъ камнѣ.*

115. **Der Rogvolod'sche Stein vom Jahre 1171 und die Steinschriften in der Düna.*

Съ литограф. таблицей. (24 февраля 1854.—Bulletin historico-philologique, T. XII, № 3=Mélanges Russes, T. II. Livr. 4-e, p. 390—405.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *О Рогволодовомъ камнѣ 1171 г. и Двинскихъ надписяхъ.* (5 мая 1854 г.—Ученыя Записки Импер. Акад. Наукъ, по I и III Отдѣленіямъ, Т. III, стр. 59—70.)

Біографія и Исторія.

116. Автобіографическая записка, П. И. Кеппена.

(Юбилей Петра Ивановича Кеппена. 29-го декабря 1859 г. Спб. 1860. Въ листъ, стр. 5—7.)

117. *Письмо издателя: «Библіографическихъ Листовъ» къ Его Сіятельству, Князю П. А. Ширинскому-Шихматову.*

(Чтенія въ Имп. Общ. исторіи. Москва 1864, кн. II. Смѣсь стр. 144—160.—Это письмо написано въ 1825 г., по поводу извѣстнаго доноса Магницкаго, Попечителя учебнаго Казанскаго округа.)

118. **Bactschisaraj zur Zeit der Cholera, 1830, nebst einem Vorworte des Herrn D. Lichtenstaedt.*

Особый оттискъ изъ Russischer Mercur, изд. Ольдекопа. С. Петербургъ. 1831, 33 стр. in-8°.

119. **Samuel Gottlieb Linde, eine biographische Skizze.*

Вѣна. 1823. 16 стр. in-8°. (Изъ XXIII части Вѣнск. Jahrbücher der Litteratur.)

120. *Еще нѣкоторыя свѣдѣнія о В. П. Карамзинѣ.*

(Чтеніе въ Имп. Обществѣ Исторіи при Моск. Университетѣ. 1863. Кн. III. Смѣсь стр. 131—132.)

121. **Дмитрій Ивановичъ Языковъ.*

(Спб. Вѣдомости 1845 г. № 19.)

122. **Христіанъ Христіановичъ Стевенъ.*

(Таврич. Губ. Вѣдом. за 1863 г. № 19.)

123. *Источники Римской Исторіи изъ Іоанна фонъ-Мюллера.*

(Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1818 г., II, стр. 27—33. Переводъ не былъ оконченъ.)

124. **Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой.*

Извлеченіе изъ книги: Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg. St. Petersburg 1816. (Соревнователь просвѣщ. и благотв. 1818, IV, 97—125.)

125. **О Волжскихъ Болгарахъ.*

(Журналъ Министр. Народн. Просв. 1836 г. октябрь. Ч. XII, стр. 64—79.)

Статьи различнаго содержанія.

126. *Theses ex Dissertatione: De reparatione damni per bellum illati a civitate ipsa praestanda, excerptae aliaeque, quos publice defendendas suscepit Candidatus Petrus de Koeppen.* Charkoviae 1814. 4 pag. in-4°.

Самая диссертація, написанная Кеппеномъ для полученія степени магистра, не была напечатана.

127. **Разборъ сочиненія Дѣйств. Ст. Совѣтн. М. К. Михайлова, подъ заглавіемъ: Политическая экономія.*

(Четырнадцатое Присужденіе учрежденныхъ П. П. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1845 г., стр. 225—243.)

128. **Разборъ сочиненія г. Горлова, подъ заглавіемъ: Теорія Финансовъ.*

(Одиннадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1842 г., стр. 179—210.)

129. *О выгодахъ и правахъ Россійскихъ писателей.*

(Московскій Телеграфъ 1826 г. № 7 стр. 205—214.) Издано вторично, особою брошюрою (12 стр. in-8°), въ числѣ только 30 экземпляровъ.

130. **О семинаріяхъ для образованія преподавателей въ сельскихъ училищахъ.*

(С. Петерб. Вѣдомости 1848 г. № 47.)

131. **Объ устройствѣ училищъ. Выписки и замѣчанія П. Кеппена.* Спб. IV, 122 и VIII стр. in-8°.

Извлеченіе изъ сочиненія Ф. Тирша: Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern. Stuttgart und Tübingen. XXXII и 492 стр. in-8° (Сынъ Отечества 1827 г. Част. XIII и XIV.) Эта статья въ 1827 году переведена на польскій языкъ г. Рогальскимъ, въ Вильнѣ.

132. *1828-й годъ въ отношеніи къ просвѣщенію въ Россіи.*

(Московск. Телеграфъ 1829 г. № 4 стр. 429—449. № 6 стр. 117—127.)

133. *Ueber das Beobachten periodischer Erscheinungen der Natur.*

(14 декабря 1828 г.) Разсужденіе того же содержанія на русскомъ языкѣ издано въ 1845 г. (Ср. № 134.)

134. *О наблюденіи періодическихъ явленій природы.*

(Журналъ Министерства Госуд. Имущ. 1845 г. № 9. стр. 252—262). Это сочиненіе содержитъ въ себѣ «наблюденія по предметамъ растительнаго царства, дѣланныя въ урочищѣ Карабагѣ на южномъ берегѣ Крыма».

135. **Die Heuschrecken in der Krym, im Jahre 1859.*

Москва 1859 г. in 8. Извлеченіе изъ письма къ первому секретарю Московскаго Общества испытателей природы Ренару (Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou, 1859. № III, p. 296—300.)

136. *Ueber Pflanzen-Acclimatisirung in Russland.*

Донесеніе Академіи Наукъ. (8 февраля 1856 г. — Bulletin historico-philologique T. XIII № 20 et 21 = Mélanges Russes, T. III, livr. 2 p. 141—172.)

137. *Ueber einige aus dem südlichen Russland mitgebrachte und dem mineralogischen Museum übergebene Steinarten.*

(26 октября 1838 г.—Bulletin scientifique, T. V, № 2.)

138. St. Petersburgische Zeitung. Jahrgang 1834, 1835.

Во вторую половину 1834 и во весь 1835 годъ, эта газета издавалась подъ редакціею Кеппена, который помѣстилъ здѣсь довольно много своихъ собственныхъ статей, относящихся преимущественно до Россіи.

139. *О Черномъ Морѣ и Кавказѣ.*

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть XII. Спб. 1836, стр. 465—484.)

140. Въ 1817—1819 годахъ Кеппенъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи уставовъ Филантропическаго Общества и Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности (см. списокъ сочиненій Кеппена, приложенный къ изданному въ 1860 г. описанію его юбилея, № 1—3.)

111. Въ издававшемся въ 1835—1837 Энциклопедическомъ Словарѣ, напечатано Кеппеномъ много болѣе или менѣе пространныхъ статей различнаго содержанія.

112. *Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements.*

St. Pet. 1867. (Съ предисловіемъ А. Куника.) 150 стр. in-4°.

Рукописи, завѣщанныя П. И. Кеппеномъ Академіи и хранящіяся въ ея библіотекѣ *.)

А. Древности.

1. *Могилы* (о курганахъ вообще въ Россіи).
2. *Могилы вблизи Керчи.* Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя бумаги и рисунки Дюбрю (Dubrux.)
3. *Боспоръ и Пантикапея.*
4. *Греческая надпись и при ней изслѣдованіе объ Астаровѣ.*
5. *Facsimile der Arkadischen Inschrift* (Издано въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur. Bd. XXIV. Сравн. выше № 103.)
6. *Древности Крыма.*
7. *Планы древнихъ укрѣпленій въ Крымѣ.*
8. *Виды Крымскихъ укрѣпленій* (Матеріалы и рисунки, содержащіеся въ №№ 4, 5 и 6, за исключеніемъ немногихъ, служили для изданія Крымскаго Сборника. См. № 105.)
9. *Древности разнаго рода.*

В. Лингвистическіе матеріалы.

1. *Объ именахъ* (личныхъ и собственныхъ.)
2. *Рѣки.*
3. *Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ* (3 тома in folio. Ср. выше № 93.)
4. *Переходъ буквъ.*

*) Почти всѣ эти рукописи тщательно переплетены. Одна изъ тетрадей, а именно содержащая въ себѣ замѣтки и матеріалы объ Ольвіи, по желанію Кеппена, передана въ Одесское Общество Исторіи и Древностей.

C. Географія, статистика и этнографія.

1. *Нивеллировки и пр. свѣдѣнія.*
2. *Указатель къ сочиненіямъ Лепехина, изготовленный Дм. Ив. Языковымъ.*
3. *Матеріалы для ближайшаго познанія горной части Крыма.* (Нѣсколько тетрадей, отчасти топографическаго содержанія, переданныхъ въ Академію зимою 1865 года по завѣщанію покойнаго Кеппена.)
4. *Дѣла по Главной Соляной Конторѣ съ 1770 по 1776 годъ.*
5. *Вѣдомости Коммерцъ-Коллегіи о томъ, сколько по приходящимъ иностраннымъ кораблямъ было въ приходѣ и отходѣ товаровъ съ 1758 по 1773 годъ.*
6. *О числѣ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ по 8-ой народной переписи 1834 года.*
7. *Вѣдомость о числѣ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ въ Тамбовской Губерніи. 1843 года.*
8. *Вѣдомость о числѣ государственныхъ крестьянъ каждаго народа и племени въ Вятской губерніи по 8-ой ревизіи, 1834 года.*
9. *Переписныя вѣдомости о числѣ душъ и податей въ 1838 г.*
10. *Списокъ жителямъ города Москвы, имѣющимъ въ оном свои домы.*
11. *Статистическое описаніе Воронежской губерніи 1810 г. М. П. Штера.*
12. *Вѣроисповѣданія* (Ср. выше № 22.)
13. *Вѣдомости объ инородцахъ Ковенской губерніи. 1847 года.*

D. Смѣсь.

1. *Сравнительные святцы* (Прочіе матеріалы Кеппена, относящіеся до славянской палеографіи, находятся въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ.)
2. *Нумизматика и Метрологія.*

3. *Библіографія 1826 года.*

4. Собраніе писемъ литературнаго содержанія, полученныхъ Кеппеномъ отъ разныхъ лицъ.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Кеппена, найдена слѣдующая собственноручная его записка:

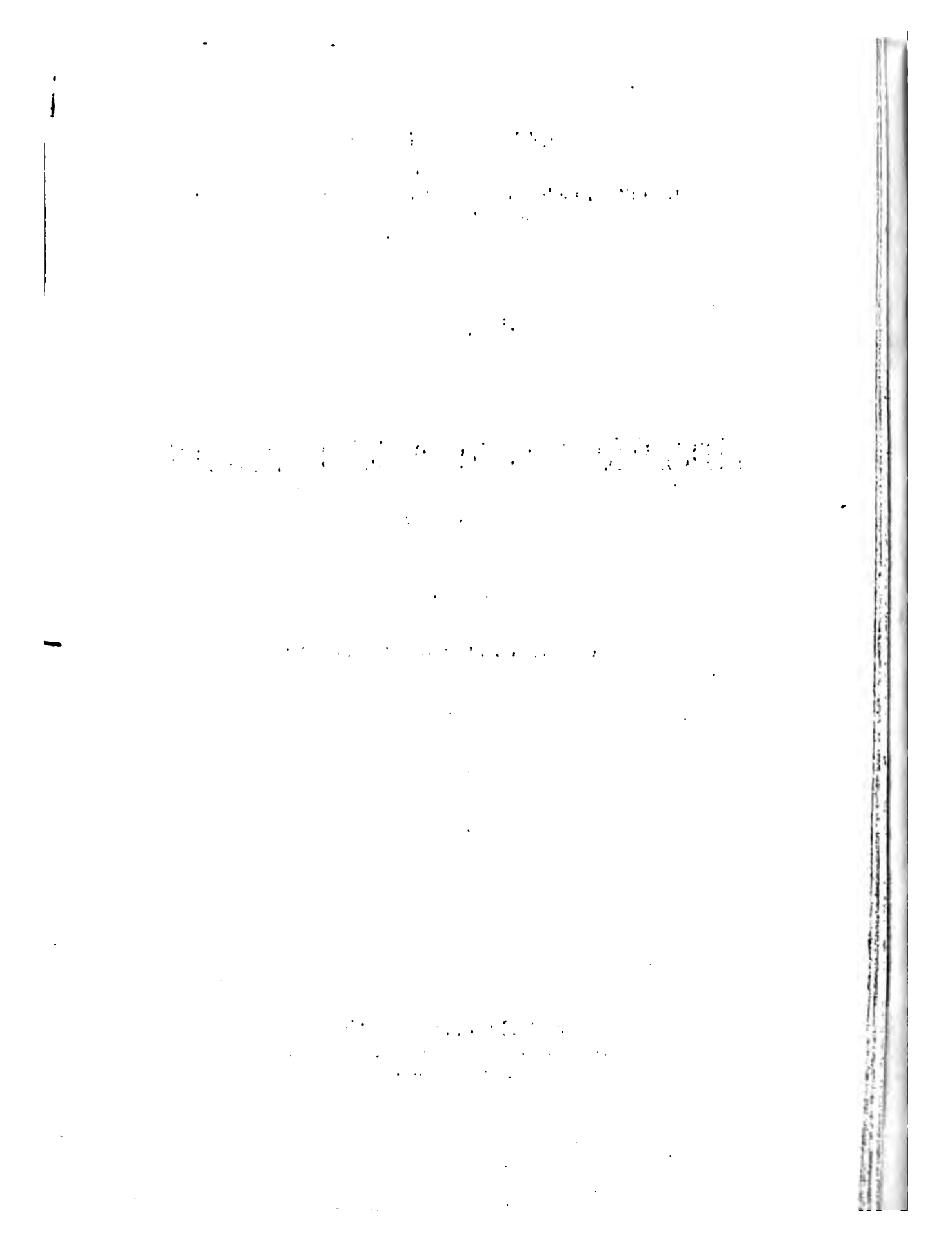
ПРЕДМЕТЫ ПО КОИМЪ СОБИРАЮТСЯ МАТЕРІАЛЫ.

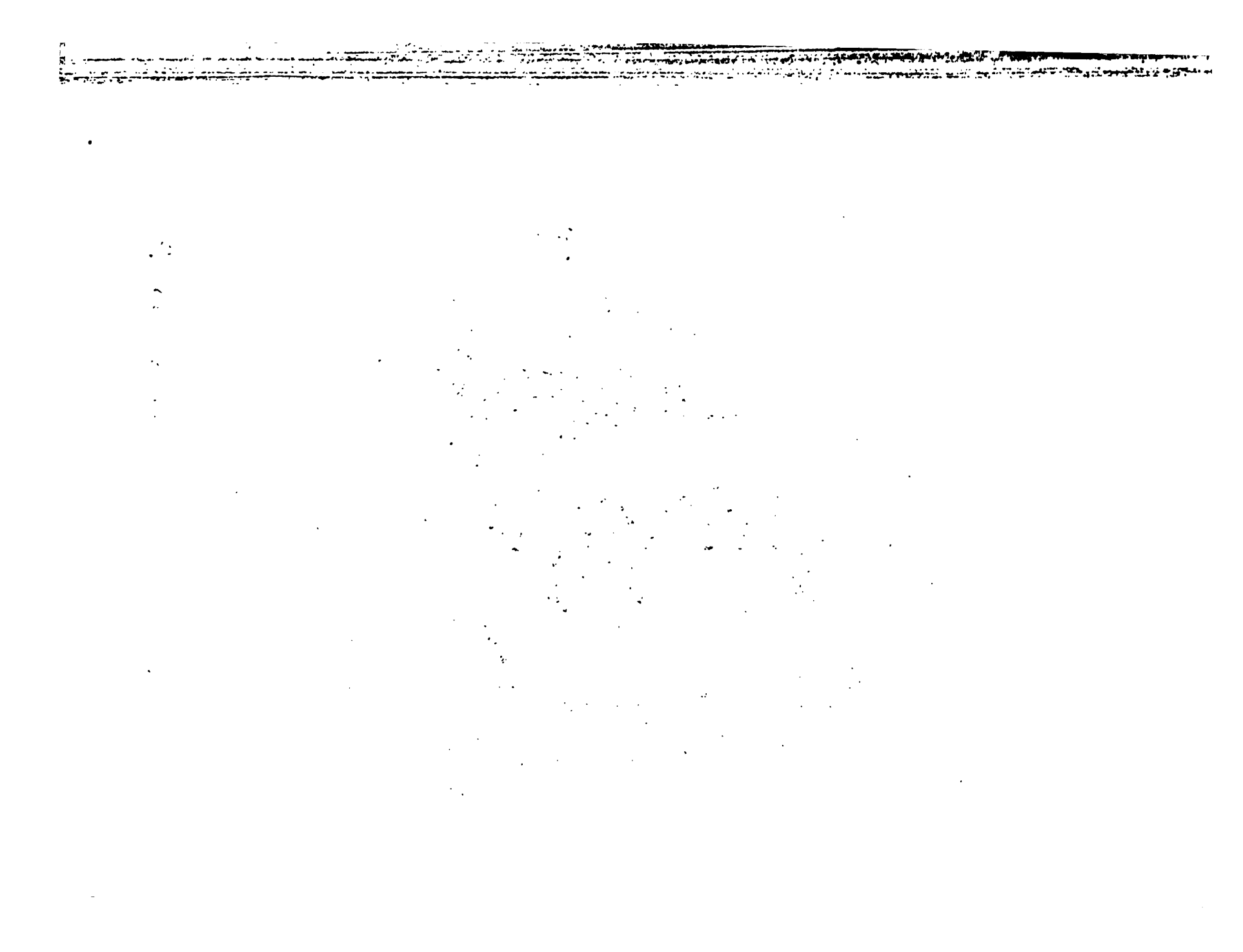
Статьи историческія и географическія.

	Съ котораго врем. собираются.
1. *О названіяхъ рѣкъ*, — для пониманія исторіи о переселеніи народовъ	съ 1815 г.
2. *Сравнительные святцы*	» 1825 »
3. *Для исторіи художествъ въ Россіи*	» 1820 »
4. *Географическіе и Этнографическіе синонимы.*	» 1820 »
5. *Этнографія* (смѣсь).	» 1823 »
6. *Землеописаніе Россіи съ XIV по XVIII вѣкъ*, Идрографія (дополненіе къ ней).	» 1819 »
7. *Валы и окопы, засѣки* и пр.	» 1827 »
8. *Могилы* (Tumuli.)	» 1819 »
9. *Имена* (собственныя и проч.)	» 1819 »
10. *Нравы и обычаи, народныя преданія, баснословіе* и проч. (Большая часть была сообщена И. М. Снѣгиреву въ Москвѣ)	» 1819 »
11. *Разныя древности.*	» 1819 »
12. *Нумизматическія разныя замѣчанія*	» 1819 »
13. *Кавказъ*	» 1816 »
14. *Разныя статистическія свѣдѣнія о Россіи* . .	» 1827 »
15. *Для статистики Новороссійскихъ губерній* . .	» 1827 »
16. *Иностранные поселенцы въ Россіи*	» 1827 »
17. *Судакъ*	» 1827 »

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Филаретъ М. Московскій.





СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 7.

ОТЧЕТЪ

ПО

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1867 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Май 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ,

ЗА 1867 ГОДЪ.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ 29 ДЕКАБРЯ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ А. В. Никитенко.

Дѣятельность Отдѣленія выражается въ трудахъ его наличныхъ членовъ, обсуживаемыхъ въ обычныхъ засѣданіяхъ его. Произведенія сторонніхъ лицъ, предлагаемыя на судъ Отдѣленія, подвергаются также предварительно спеціальному разсмотрѣнію одного изъ членовъ, отчетъ коего и служитъ основаніемъ для окончательнаго о нихъ вывода въ академическомъ собраніи. Вотъ почему, имѣя честь представить благосклонному вниманію вашему, мм. гг., обозрѣніе занятій Отдѣленія за истекающій годъ, я прямо обращаюсь къ тому, что сдѣлано каждымъ изъ нашихъ сочленовъ.

Ординарный Академикъ И. И Срезневскій продолжалъ заниматься разработкою и объясненіемъ памятниковъ Славянскаго и древне-Русскаго языковъ и литературы. Какъ часть этихъ трудовъ, онъ читалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія начало своихъ изслѣдованій о нарѣчіяхъ старо-Славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. Между прочимъ, онъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые писаны юсовымъ письмомъ, и въ представленномъ имъ по этому предмету обозрѣніи указалъ на данныя, заставляю-

щія полагать, что и въ этихъ памятникахъ, рѣзко отличающихся не только отъ Русскихъ, но и отъ Сербскихъ и Хорватскихъ, нельзя искать того чистаго старо-Славянскаго языка, для котораго создана азбука, и что въ нихъ видиѣется особое мѣстное нарѣчіе.—Не вполнѣ твердо установившееся и до сихъ поръ наше правописаніе побуждаетъ искать въ составѣ и образованіи языка его истинныхъ основаній. Предварительнымъ и важнымъ для этого пособіемъ должно служить историческое обозрѣніе правописанія, какое употреблялось у насъ въ прежніе вѣка. Г. Срезневскій, занявшись этимъ обозрѣніемъ, обозначилъ главныя черты древняго русскаго правописанія, какъ оно образовалось въ XI и XII столѣтіяхъ, и показалъ его видоизмѣненія въ долгій періодъ господства рукописей и въ послѣдовавшій за тѣмъ періодъ печатанія книгъ исключительно церковными буквами, когда утвердились первоначальныя основанія и привычки новаго правописанія. — По порученію Археологическаго Общества, Академикъ Срезневскій совершилъ ученую поѣздку въ Кіевъ для осмотра тамошнихъ древностей. Случаемъ этимъ онъ рѣшился воспользоваться, чтобы произвести тамъ нѣкоторыя изысканія, и до исторіи литературы относящіяся, сколько могли ему дозволить время и главная задача его командировки. Съ этою цѣлію обозрѣлъ онъ богатое собраніе древнихъ рукописей, принадлежащихъ достопочтенному ученому Епископу Чигиринскому Порфирію. Собраніе это составлено преосвященнымъ во время продолжительныхъ странствованій его по Востоку. Академикъ между этими рукописями нашелъ многія чрезвычайно любопытныя по части славянской филологіи и лингвистики. — Къ дѣятельности г. Срезневскаго въ истекающемъ году принадлежитъ также разсмотрѣніе ученыхъ трудовъ, исполненныхъ сторонними лицами. Онъ представилъ свой отзывъ о сочиненіи профессора Харьковскаго университета П. А. Лавровскаго: «изслѣдованіе о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ». Одобривъ вполнѣ трудъ ученаго Харьковскаго профессора, Академикъ изъявилъ надежду, что авторъ окончательно подкрѣпитъ свои выводы и допол-

нитъ свои изслѣдованія сравненіемъ названій родства и свойства у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ въ простомъ быту, а не въ высшемъ только кругу и литературѣ. — Академія передала на разсмотрѣніе Отдѣленію присланное ей второе изданіе словаря нѣмецко-русскаго языка г. Павловскаго, а Отдѣленіе, съ своей стороны, возложило этотъ трудъ на г. Срезневскаго. Академикъ отозвался, что словарь этотъ, предназначенный для нѣмцевъ, въ такой же мѣрѣ, если не болѣе, пригоденъ и для русскихъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Онъ обработанъ весь, съ начала до конца, съ одинаковымъ тщаніемъ. Излишняго, что можно было бы пропустить, не много; немного и забытыхъ словъ. Сравнивать словарь этотъ съ другими словарями, по мнѣнію рецензента, не возможно: это до сихъ поръ единственный словарь, къ которому можно обращаться съ увѣренностію, что найдемъ нужное. Г. Срезневскій заключаетъ, что если первое изданіе этого полезнаго ученаго труда заслужило въ 1856 году почетный отзывъ Академіи, то тѣмъ болѣе достойно одобренія это второе, значительно улучшенное изданіе, и конечно, въ настоящемъ своемъ видѣ, словарь г. Павловскаго имѣлъ бы полное право на Демидовскую премію, если бы таковая нынѣ существовала.—Членъ корреспондентъ Академіи В. И. Григоровичъ доставилъ г. Срезневскому нѣсколько важныхъ рукописей Юго-западнаго Славянскаго письма XII вѣка и нѣсколько другихъ славянскихъ литературныхъ памятниковъ. По разсмотрѣніи ихъ, Академикъ нашелъ въ этомъ собраніи наиболѣе замѣчательные памятники: Паремейникъ XIII вѣка, Тріодь, чрезвычайно разнообразную по содержанію, заключающую въ себѣ, между прочимъ, «канонъ отцемъ» на сыропустную субботу, гдѣ упоминается о трехъ святыхъ славянскихъ Кириллѣ Философѣ, Меѳодіи и Іоаннѣ Рыльскомъ, и книгу «апостольскихъ чтеній», столь же древнюю, быть можетъ, какъ и извѣстная рукопись И. И. Шафарика. Выписки изъ этихъ памятниковъ, какъ и изъ другихъ, Академикъ предполагаетъ помѣстить въ печатаемомъ имъ сборникѣ памятниковъ юсоваго письма.—Г. Срезневскій заявилъ также

Отдѣленію объ изданіи, предпринятомъ три года тому назадъ въ Загребѣ, подъ названіемъ *Книжевникъ*. По его мнѣнію, изданіе это заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ статей, особенно гг. Ягича, Рачскаго и Богишича по части древней Славянской филологіи и археологіи. — Имѣя въ виду сочиненія, которыя могли бы подходить въ семъ году подъ правила Ломоносовской преміи, Отдѣленіе не могло не обратить вниманіе на обширный и важный трудъ двухъ нашихъ пользующихся почетною извѣстностію ученыхъ гг. Горскаго и Невоструева: «Описанія рукописей, хранящихся въ Синодальной Московской Библіотекѣ». Оно поручило г. Срезневскому вмѣстѣ съ г. Бычковымъ разсмотрѣть составленное ими описаніе, вслѣдствіе чего первый въ своей запискѣ въ краткомъ и ясномъ очеркѣ сперва изобразилъ всѣ предшествовавшіе труду гг. Горскаго и Невоструева, болѣе или менѣе удовлетворительные опыты описей памятниковъ нашей древней словесности, находящихся въ разныхъ книгохранилищахъ, потомъ указалъ на огромное, образцовое описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, покойнаго знаменитаго нашего филолога Востокова и перешелъ къ сочиненію гг. Горскаго и Невоструева. Онъ отдалъ полную справедливость этому истинно ученому превосходному труду, коего началомъ и совершеніемъ наша наука обязана покровительству незабвеннаго святителя, Митрополита Московскаго Филарета, и въ заключеніи выразилъ свое убѣжденіе, что составители его заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ, кому дорога отечественная наука, и что если какое либо ученое произведеніе въ настоящее время можетъ имѣть право на Ломоносовскую премію, то это безъ сомнѣнія произведеніе гг. Горскаго и Новоструева, съ чѣмъ совершенно согласилось и Отдѣленіе.

Ординарный Академикъ Я. К. Гротъ окончилъ въ семъ году печатаніе четвертаго тома сочиненій Державина, къ которому присоединилъ подробный алфавитный указатель ко всѣмъ вышедшимъ досель четыремъ томамъ. Указатель этотъ будетъ служить большимъ облегченіемъ для тѣхъ, которые пожелаютъ изу-

чить Державина и эпоху его. Продолжая занятія свои по изданію Державина, онъ приготовилъ къ печати обширную переписку поэта съ разными лицами, которая, кромѣ интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ самому Державину, заключаетъ въ себѣ многія данныя для характеристики современныхъ ему лицъ. Г. Гротъ уже приступилъ къ печатанію пятаго тома, куда должна войти и эта переписка.—Извѣстно, что нѣкоторое время у насъ было распространено мнѣніе, будто бы Карамзинъ, образуя новыя формы литературной рѣчи, заимствовалъ для этого образцы изъ Французскаго и Англійскаго языковъ. Для приведенія въ ясность этого понятія и установленія правильнаго взгляда на одну изъ важнѣйшихъ сторонъ литературной дѣятельности Карамзина, Академикъ Гротъ рѣшился тщательно изслѣдовать этотъ предметъ по самымъ фактамъ и пришелъ къ убѣжденію, что Карамзинъ, движимый желаніемъ, свойственнымъ таланту, излагать мысли свои изящно по примѣру знаменитыхъ писателей Англіи и Франціи, не могъ довольствоваться тяжелыми оборотами тогдашней нашей литературной рѣчи и принялъ за образецъ легкую и живую конструкцію русской разговорной рѣчи; слѣдовательно тутъ вовсе не было подражанія Французскому и Англійскому синтаксису, а напротивъ господствовала настоящая русская логика языка. Академикъ изложилъ эти мысли въ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ: *Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка*. Въ этой монографіи онъ представляетъ также любопытныя черты того, съ какими чувствованіями встрѣтили современные Карамзину писатели нововведенія его въ литературномъ языкѣ. Нѣкоторые журналы, какъ напр. издававшійся подъ редакціей Крылова и Клушина «С. Петербургскій Меркурій» и «Россійскій Магазинъ» Туманскаго весьма непріязненно отзывались о Карамзинѣ вообще и о его слогѣ, между тѣмъ какъ за него сильно подвизался Подшиваловъ въ своемъ журналѣ: «Полезное и пріятное препровожденіе времени». Подшиваловъ вообще былъ однимъ изъ жаркихъ приверженцовъ Карамзина и его реформы въ языкѣ. Въ составленномъ имъ «сокращенномъ курсѣ россійскаго слога» онъ

видимо старается приблизить теоретическія свои положенія къ новымъ возврѣніямъ на литературный языкъ и слогъ, вытекающимъ изъ опытовъ Карамзина. Такимъ образомъ монографія Академика Грота служитъ къ уясненію нѣкоторыхъ важныхъ явленій въ исторіи нашего языка и литературы въ концѣ прошедшаго столѣтія.—По порученію Отдѣленія тотъ же академикъ разсматривалъ изданный г-мъ Макаровымъ русско-французскій словарь. Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ этомъ трудѣ, г. Гротъ находитъ, что онъ удовлетворяетъ большей части требованій, существующихъ для изданій подобнаго рода, и что, вслѣдствіе этого, онъ долженъ сдѣлаться надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучить одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго. Особенно онъ будетъ нуженъ при переводахъ съ русскаго языка на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Академикъ Пекарскій, занимаясь разработкою матеріаловъ для исторіи Академіи, привелъ въ извѣстность многія любопытныя данныя, извлеченныя имъ изъ ея архивовъ. Плодомъ этихъ изысканій было, между прочимъ, напечатанное, по опредѣленію Отдѣленія, сочиненіе: «Жизнь и Литературная переписка Петра Ивановича Рычкова». Рычковъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей прошедшаго столѣтія. Онъ родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ наукѣ, и только крайній недостатокъ тогдашнихъ способовъ образованія былъ причиною, что онъ не сдѣлался ученымъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Находясь на службѣ въ Оренбургскомъ краю, онъ все время, остававшееся ему отъ служебныхъ занятій, посвящалъ умственнымъ трудамъ и изученію естественныхъ произведеній страны, промышленности и вообще всего, что относилось до исторіи и этнографіи. Его «топографическое описаніе» Оренбургскаго края вмѣстѣ со статьями, какія посылалъ онъ въ находившееся подъ редакціей Академика Миллера періодическое изданіе: «Ежемѣсячныя сочиненія», пріобрѣло ему уваженіе Академіи и званіе ея члена-корреспондента. Знаменитый историографъ Миллеръ находился въ по-

стоянныхъ дружественныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Академикъ Лепехинъ и Палласъ, во время ученаго ихъ путешествія по Россіи, при посѣщеніи Оренбургскаго края, пользовались его указаніями и свѣдѣніями. Это-то достопримѣчательное лице, представлявшееся смутно и неясно въ исторіи нашей литературы, по недостатку положительныхъ о немъ свѣдѣній, съ помощію изданной Академикомъ Пекарскимъ монографіи, является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, какъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ русскихъ дѣятелей въ моментъ едва только пробудившейся у насъ высшей мысли и знанія. Кромѣ свѣдѣній, относящихся непосредственно къ Рычкову, въ сочиненіи г. Пекарскаго находится много любопытныхъ подробностей вообще о ходѣ нашего образованія и нравахъ эпохи.—Въ засѣданіяхъ Отдѣленія онъ читалъ свою записку «о редакторахъ, сотрудникахъ и цензурѣ русскихъ журналовъ въ 1764 и 1765 годахъ», основанную на добытыхъ имъ въ Академическомъ архивѣ данныхъ, особенно относящихся къ первому русскому ученому журналу, который былъ издаваемъ при Академіи Наукъ Академикамъ Миллеромъ, подъ названіемъ, какъ выше упомянуто, «Ежемѣсячныя сочиненія». Здѣсь г. Пекарскій, между прочимъ, открылъ слѣды участія разныхъ сотрудниковъ изданія, которые оставались въ безвѣстности, а между тѣмъ они трудились въ свое время много и добросовѣстно для пользы зарождавшихся въ Россіи науки и литературы. Академикъ вообще весьма справедливо полагаетъ, что обязанность исторіи воскрешать въ памяти потомковъ имена людей, не пользовавшихся громкою извѣстностію, но тѣмъ не менѣе бывшихъ значительными органами умственнаго движенія въ свое время. Въ названной нами монографіи его находятся также нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи цензуры въ Россіи—исторіи, безъ сомнѣнія, весьма важной не только въ отношеніи къ литературѣ, но и въ отношеніи къ ходу всего нашего образованія. Занимаясь, какъ я имѣлъ честь сказать выше, приготовленіемъ матеріаловъ къ исторіи Академіи, г. Пекарскій въ истекающемъ году окончилъ разборъ прежнихъ ака

демическихъ дѣлъ въ 322-хъ фоліантахъ, обнимающихъ періодъ времени отъ 1726 по 1765 годъ. Затѣмъ оставалось приступить къ изученію отдѣльныхъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ изъ исторіи Академіи, о которыхъ сохранились въ дѣлахъ болѣе или менѣе любопытныя подробности. Изъ этихъ эпизодовъ нѣкоторые окончательно обработаны, напр. слѣдствіе о поступкахъ Академическаго Совѣтника Шумахера и о борьбѣ его съ Академиками за присвоеніе себѣ чрезмѣрной власти по управленію Академіи. Въ настоящее время г. Пекарскій занимается изученіемъ актовъ для описанія извѣстной, но исторически неразработанной Камчатской экспедиціи. Она продолжалась десять лѣтъ; въ ней участвовало пять членовъ Академіи, и результаты, достигнутые четырмя изъ нихъ, высоко цѣнятся въ исторіи наукъ, и особенно въ области естествовѣдѣнія. Несмотря на это, на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы хотя вкратцѣ было изложено все то, что пріобрѣтено наукою въ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательномъ ученомъ путешествіи. Найдя въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для описанія его, много характеристическихъ подробностей о бытѣ русскихъ и инородцевъ Восточной Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, Академикъ предпринялъ, независимо отъ исторіи Академіи, составить особую монографію, которая будетъ заключать въ себѣ сводъ всего, что можетъ касаться исторіи и этнографіи названныхъ странъ. Наконецъ, къ трудамъ г. Пекарскаго въ нынѣшнемъ году принадлежитъ его разборъ сочиненія г. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ». Сочиненіе это прежде было уже на разсмотрѣніи г. Пекарскаго, который, признавая его достоинство, положилъ однако возвратить автору для исправленія и пополненія нѣкоторыхъ мѣстъ. Авторъ воспользовался замѣчаніями рецензента и представилъ Академіи въ нынѣшнемъ году свой трудъ на соисканіе Уваровской преміи. Г. Пекарскій одобрилъ его, вслѣдствіе чего Академія присудила автору Уваровскую награду. Къ рецензіи своей академикъ присоединилъ нѣкоторые, имъ самымъ добытые факты и свои изслѣдованія, относящіяся къ Ѳео-

фану Прокоповичу и его времени. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо Ософана къ Архіепископу Кіевскому, бывшему впослѣдствіи Митрополитомъ, Рафаилу Заборовскому, о причинахъ крайняго упадка школъ Кіевскаго братскаго монастыря. Причины эти, заключавшіяся въ небреженіи и своекорыстіи ближайшихъ распорядителей монастырскимъ имуществомъ, были очень хорошо извѣстны знаменитому Іерарху, во время его ректорства въ Кіевской Академіи, и онъ изображаетъ ихъ въ своемъ письмѣ со свойственными ему остроуміемъ и силою слова. Вообще памятникъ этотъ можетъ служить весьма полезнымъ матеріаломъ какъ для біографіи и характеристики Ософана, такъ и общественныхъ нравовъ. Любопытны также приведенные г. Пекарскимъ документы о совращеніи въ царствованіе Анны Іоанновны въ католичество княгини Ирины Долгорукой, свидѣтельствующіе о томъ, какъ ревностно и искусно католическая и іезуитская пропаганда пользовалась издавна всякимъ случаемъ, при свободномъ доступѣ иностранцевъ въ Россію, дѣйствовать на слабые умы нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ и оторгать ихъ отъ православія.

Академикъ А. О. Бычковъ, осматривая лѣтомъ нынѣшняго года, по порученію Археографической Коммиссіи, библіотеку Ярославскаго Спасскаго монастыря, ознакомился съ богатымъ собраніемъ рукописей, въ ней хранящихся. Всѣхъ рукописей, по его исчисленію, находится въ ней 204, изъ которыхъ 13 писаны на пергаментѣ, а остальныя на бомбицинѣ и бумагѣ. Между первыми болѣе замѣчательныя: 1) псалтырь XIII вѣка, уставомъ на 177-ти листахъ, 2) слова Никона Черногорца, также XIII вѣка, полууставомъ въ два столбца разныхъ почерковъ, 262 листа; переводъ ихъ и грамматическій составъ языка значительно отличаются отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка. Изъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) Іоаннъ Лѣствичникъ, уставомъ XVII вѣка; въ концѣ ея помѣщено: «толкованіе неудобь познаваемымъ писаннымъ рѣчемъ, понеже положени суть рѣчи въ книгахъ отъ

начальныхъ переводчикъ ово словеньски, ино сербски, а другая болгарски и гречески». 2) Два другіе списка того же Іоанна Лѣствичника тоже любопытны по разницѣ лицъ, ихъ писавшихъ, и мѣстъ, гдѣ они написаны; 3) Патерикъ печерскій и нѣкоторыя другія. Тотъ же академикъ представилъ копію съ письма Оленина Державину о разговорѣ перваго съ Императоромъ Александромъ I по поводу перваго представленія на театрѣ трагедіи Озерова: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, и читалъ записку свою о нѣкоторыхъ рукописяхъ съ подлинными и подправленными приписками Саларидзева. По поводу вопроса объ удостоеніи сочиненій Ломоносовскою преміей, г. Бычковъ, разсматривавшій вмѣстѣ съ Академикомъ Срезневскимъ описаніе Славянскихъ рукописей гг. Горскаго и Невоструева, представилъ и свое мнѣніе. Оба Академика пришли къ одинаковому результату, т. е., что трудъ гг. Горскаго и Невоструева, какъ трудъ высокаго ученаго достоинства, заслуживаетъ вполнѣ награду Ломоносовской преміей. Г. Бычковъ указалъ въ особенности на нѣкоторыя подробности въ немъ, изъ которыхъ видно, съ какою тщательностію и съ какимъ глубокимъ знаніемъ дѣла они объяснили все, что относится къ содержанію и значенію для нашей науки и литературы памятниковъ, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, такъ что ихъ трудъ будетъ служить необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося исторіей нашей вообще и исторіи словесности.— Г. Бычковъ, въ продолженіе истекающаго года, занимался также редакціей Бѣлорусскаго словаря Носовича и наблюденіемъ за его печатаніемъ.

Въ Бозѣ почившій Митрополитъ Московскій Филаретъ, до конца дней своихъ не переставая принимать дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ церковныхъ и общественныхъ событіяхъ, сопровождалъ нѣкоторыя изъ нихъ краснорѣчивымъ изліяніемъ своихъ чувствованій. Такъ онъ выразилъ свои человѣколюбивыя христіанскія воззрѣнія по поводу подписки въ пользу бѣдствующихъ Критянъ; потомъ онъ написалъ и напечаталъ: всеподданнѣйшее письмо въ день торжественнаго вшествія 22 апрѣля въ Москву Го-

сударя Императора съ Государемъ Цесаревичемъ и съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Замѣчательна также его рѣчь 5 августа, въ день совершившагося пятидесятилѣтія въ его святительскомъ служеніи, предъ собраніемъ, привѣтствовавшимъ его съ этимъ днемъ. За тѣмъ были написаны имъ многія отвѣтныя посланія на поздравительные адресы, присланные къ нему отъ разныхъ мѣстъ и лицъ по поводу празднованія также пятидесятилѣтія.

Преосвященный Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Макарій:

1) пересмотрѣлъ, исправилъ, въ иныхъ мѣстахъ дополнилъ, а въ другихъ сократилъ и напечаталъ вторымъ изданіемъ свой трудъ — исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владиміра, какъ введеніе въ свою исторію русской церкви;

2) пересмотрѣлъ, исправилъ и напечаталъ вторымъ изданіемъ три первые тома самой этой исторіи;

3) напечаталъ третьимъ изданіемъ Православное Догматическое Богословіе въ 2-хъ томахъ.

4) издалъ нѣсколько новыхъ «словъ и рѣчей», и между прочимъ, рѣчь по случаю чуднаго спасенія жизни Государя Императора въ 25-й день мая;

5) занимался продолженіемъ «исторіи русской церкви» въ періодъ раздѣленія ея на двѣ митрополіи, съ половины XV до конца XVI вѣка.

Академикъ М. П. Погодинъ издалъ:

1) Историко-критическихъ опытовъ 2-ю часть,

2) собраніе разсужденій о польскомъ вопросѣ съ 1831 по 1867 годъ,

3) издавалъ политическую и литературную газету; «Русскій»,

4) оканчиваетъ печатаніе Древней Русской Исторіи.

Сверхъ того приготовляетъ къ изданію описаніе совершеннаго имъ путешествія по разнымъ странамъ Европы и ко святымъ мѣстамъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ посѣтили С. Петербургъ представители раз-

ныхъ Славянскихъ племенъ проѣздомъ на Московскую этнографическую выставку. 11 мая нашею церковію празднуется день знаменитыхъ преподобныхъ первоучителей Славянскихъ, Кирилла и Меѳодія. Славянскіе гости, между коими были и члены-корреспонденты нашей Академіи гг. Палацкій и Эрбенъ, отслушавъ литургію въ Исакіевскомъ Соборѣ, пожелали обозрѣть академическіе музеумы и кабинеты, и какъ въ тотъ же день должно было происходить въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности обыкновенное очередное засѣданіе, то они и были приглашены въ него. Въ присутствіи ихъ засѣданіе было открыто краткимъ объясненіемъ Академика Грота о значеніи собранія. Потомъ Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на нѣкоторыя особенно замѣчательныя вновь вышедшія Западно-Славянскія и Русскія книги, какъ то: К. Я. Эрбена, «Лѣтопись Нестора» въ Чешскомъ переводѣ, В. Дювернуа «объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», «Славянскій именословъ» священника Морошкина, В. Макушева: «Задунайскіе Адріатическіе Славяне» и нѣкоторыя другія. Г. Срезневскій обозначилъ кратко ихъ содержаніе и указалъ на значеніе ихъ въ кругу Славянской науки. Затѣмъ г. Гротъ представилъ собранію только что вышедшій томъ сочиненій Державина, при чемъ для Славянскихъ посѣтителей объяснилъ въ краткихъ словахъ какъ значеніе вообще Державина въ нашей литературѣ, такъ и необходимость полнаго изданія его сочиненій съ примѣчаніями и приложеніями.

19 Декабря совершилось столѣтіе со дня рожденія покойнаго знаменитаго нашего ученаго и Іерарха, Евгенія Болховитинова. Одаренный умомъ въ высшей степени любознательнымъ и проницательнымъ, одушевленный жаркою любовію къ христіанскому и научному просвѣщенію своего отечества, этотъ мудрый святитель, въ продолженіе всей своей жизни, дѣлилъ труды свои между заботами объ управленіи ввѣренною ему паствою и отечественною наукою и оказалъ послѣдней важныя услуги своими историческими и критическими изысканіями. Имя высокопреосвя-

щеннаго Евгенія по многимъ вопросамъ знанія въ этомъ родѣ пріобрѣло значительный авторитетъ въ кругу ученыхъ и занимаетъ въ немъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Поэтому Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, питая глубокое уваженіе къ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые своими трудами содѣйствовали утвержденію въ отечествѣ нашемъ строгаго научнаго образованія, вознамѣрилось день рожденія святителя, по истеченіи столѣтія, ознаменовать особеннымъ чрезвычайнымъ засѣданіемъ. Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ гг. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Президентъ Академіи и нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ ея и членовъ корреспондентовъ. Здѣсь были прочитаны рѣчи, приготовленныя Академиками Срезневскимъ, Гротомъ и Бычковымъ. Г. Срезневскій опредѣлилъ ученыя заслуги митрополита Евгенія, и систематически обозрѣвъ его сочиненія, прочиталъ отрывки изъ любопытной переписки его съ бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета, Городчаниновымъ. Г. Гротъ изобразилъ эпизодъ изъ жизни покойнаго архипастыря, относящійся къ знакомству его съ Державинымъ, съ которымъ, какъ извѣстно, онъ былъ постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Тотъ же Академикъ передалъ нѣсколько свѣдѣній, изъ коихъ видно, между прочимъ, какими вѣрными и ясными понятіями и возрѣніями отличался ученый митрополитъ даже въ отношеніи къ изящной литературѣ, и какъ Державинъ нерѣдко пользовался его совѣтами. Академикъ Бычковъ исключительно обратилъ вниманіе собранія на извѣстные, составленные Евгеніемъ два словаря русскихъ писателей и сообщилъ также нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ важнѣйшемъ изъ его ученыхъ трудовъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ истекающемъ году понесло горестныя утраты — смерть похитила нѣсколько лицъ изъ среды нашей. — Въ хронологическомъ порядкѣ печальныхъ событій, мнѣ предстоитъ прежде всего грустная обязанность заявить передъ вами о смерти достойнаго нашего сочлена, экстраординарнаго Академика, Петра Спиридоновича Биляр-

скаго. Это былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ и просвѣщенныхъ тружениковъ науки, которые всѣ свои силы посвящаютъ изысканіямъ, пролагающимъ путь въ святилище ея истинъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства житейскія, при самомъ началѣ его дѣятельности, отвлекали его отъ занятій, близкихъ сердцу и наиболѣе соотвѣтствовавшихъ его способностямъ. Билярскій родился 1819 года. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ и былъ удостоенъ степени кандидата въ 1838 году; въ 1840 году онъ уволенъ изъ духовнаго вѣдомства для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Службу свою началъ онъ съ 1844 года въ Комитетѣ Правленія Академіи Наукъ въ званіи канцелярскаго чиновника 1-го разряда. Отсюда въ 1850 году онъ перешелъ въ Правительствующій Сенатъ и занялъ въ немъ мѣсто протоколиста общаго собранія. Все время, остававшееся ему отъ службы, онъ употреблялъ для ученыхъ изслѣдованій, занимавшихъ его умъ еще въ высшихъ курсахъ академическаго ученія, и такимъ образомъ онъ не прерывалъ союза своего съ наукою, съ которою соединяли его природныя влеченія духа. Усилія, однако, соединить въ своей дѣятельности столь разнородныя задачи, какъ канцелярская работа и наука, не обошлись безъ вредныхъ для него послѣдствій—отъ этого значительно потерпѣло его здоровье, которымъ онъ и впослѣдствіи не наслаждался вполнѣ. Только со вступленіемъ его въ должность члена учебнаго комитета по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ 1856 г. начинается болѣе благопріятный періодъ въ его жизни. Онъ получилъ возможность сосредоточить и время и способности свои въ предметахъ, всегда занимавшихъ его мысли. Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, покойный Я. И. Ростовцевъ, умѣлъ вполнѣ понять и оцѣнить и обширность познаній Билярскаго, и свѣтлый умъ его, и готовность ревностно содѣйствовать образованію молодыхъ людей. По его избранію, онъ сдѣланъ былъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по части русскаго языка и словесности. Билярскій вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе. Лица, дѣйствовавшія

въ качествѣ наставниковъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ его, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ было важно и благодѣтельно вліяніе его на ихъ труды и вообще на ходъ преподаванія русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ старался утвердить это преподаваніе на твердыхъ началахъ. Извѣстно, что въ этой области ученія возникло-было у насъ ложное направленіе, въ силу котораго, подъ предлогомъ развитія въ юношахъ самостоятельнаго мышленія, многое предоставлялось ихъ произволу и случайному набѣгу идей. Особенно это ослабленіе правилъ и умственной дисциплины вредно отражалось на практическихъ упражненіяхъ молодыхъ людей, которые, дѣйствуя безъ правильной методы, привыкали, какъ говорится, идти куда глаза глядятъ и не давать себѣ отчета ни въ ходѣ своихъ мыслей, ни въ выраженіи ихъ. Билярскій твердо противупоставлялъ этому умственному своеволію строгость систематическаго изученія; онъ требовалъ притомъ, чтобъ анализъ фактовъ языка и словесности подчинялся правиламъ, и разумную, на психологическихъ и историческихъ данныхъ основанную теорію, по справедливости, считать необходимымъ условіемъ основательнаго литературнаго образованія.

Несмотря на внѣшнія препятствія, затруднявшія ученую дѣятельность Билярскаго, она не могла не обратить на себя вниманія людей науки. Труды его были признаны достойными академическаго званія, и онъ былъ въ 1860 году избранъ сперва въ адъюнкты Академіи Наукъ, по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а потомъ, въ 1863 году, произведенъ въ экстраординарные академики. Съ тѣмъ вмѣстѣ на него была возложена обязанность члена въ комитетѣ академическаго правленія. Но Билярскій уже чувствовалъ такое истощеніе силъ, которое требовало серіозныхъ заботъ о жизни. Думая поправить свое здоровье въ болѣе благопріятномъ климатѣ, онъ принялъ предложенное ему мѣсто ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской словесности въ новооткрытомъ университетѣ въ Одессѣ, куда и отправился 1865 года. Но не долго лелѣяла его надежда возстановить

утраченныя силы: къ общему сожалѣнію, послѣ продолжительной болѣзни, онъ скончался 2-го минувшаго января.

Ученые труды Билярскаго посвящены были языковѣдѣнію и преимущественно изслѣдованіямъ по части языка древне-славянскаго. Многія статьи его были помѣщаемы въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія», коего долгое время онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Въ числѣ этихъ статей, особенное вниманіе обратили на себя критическіе разборы сочиненій Миклошича и Ганки. Въ 1847 году онъ напечаталъ свое замѣчательное произведеніе *о средне-болгарскомъ вокализмѣ*. Точныя изслѣдованія привели его къ выводу, что для славянской филологіи необходимо изученіе языка болгарскихъ рукописей и что съ этимъ изученіемъ тѣсно связано изъясненіе историческаго хода, не только болгарскаго, но и церковно-славянскаго языка. Затѣмъ Билярскій издалъ свои историко-филологическія изслѣдованія о *реймскомъ Евангеліи*, гдѣ онъ критически оцѣниваетъ все, что было писано объ этомъ древнемъ и знаменитомъ памятникѣ славянской письменности. Академія увѣнчала этотъ превосходный трудъ Демидовскою наградой. Задачу языковѣдѣнія Билярскій понималъ въ обширномъ и глубокомъ значеніи: отъ историческо-сравнительныхъ изслѣдованій объ элементахъ языка онъ обращался къ первоначальнымъ общимъ его условіямъ. Чтобъ усвоить этотъ способъ изученія нашей литературѣ, онъ перевелъ на отечественный языкъ знаменитое твореніе В. Гумбольдта о *различіи организма человѣческаго слова*, и издалъ его въ 1859 году. Кромѣ важности своего содержанія, эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искуснаго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ утонченныхъ философскихъ понятій. Кто знаетъ, какъ трудно передавать на нашемъ языкѣ подобныя понятія, заимствованныя изъ нѣмецкой науки, тотъ отдастъ полную справедливость Билярскому, успѣвшему побѣдить всѣ предстоявшія ему трудности. Послѣдній ученый трудъ, совершенный имъ съ обычнымъ его знаніемъ и рвеніемъ, было собраніе матеріаловъ

для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ изъ академическихъ архивовъ и изданное ко дню празднованія Ломоносовскаго столѣтняго юбилея. Всѣ, занимающіеся исторіей русской словесности, оцѣнили по достоинству этотъ огромный сборникъ, представляющій многія любопытныя данныя не только для біографіи Ломоносова, но и вообще для исторіи нашего образованія въ прошедшее столѣтіе.

Второю жертвой смерти въ кругу нашемъ былъ Н. И. Гречъ, членъ-корреспондентъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, скончавшійся 12-го января. Гречъ принадлежалъ у насъ къ числу дѣятелей умственной среды, которые не прокладываютъ новыхъ путей въ области науки или искусства, но которыхъ дарованія и труды освѣщаютъ, такъ сказать, пути уже открытые и помогаютъ другимъ идти по нимъ поступью надежною и твердою. Они въ то же время оказываютъ обществу ту неоцѣненную услугу, что, служа ревностно интересамъ литературы, мысли, знанія, тѣмъ связываютъ его тѣсно съ высшими задачами гражданственности. Общество нуждается въ этихъ людяхъ точно также, какъ оно нуждается въ просвѣщенныхъ и честныхъ сановникахъ, не имѣющихъ власти установлять новые законы для государства, но твердо соблюдающихъ законы, какіе уже установлены и искусною рукою приводящихъ въ движеніе пружины народной безопасности и благоденствія. Посвятивъ жизнь свою высокимъ цѣлямъ отечественной образованности. Н. И. Гречъ сочувствовалъ глубоко всѣмъ ея требованіямъ, а для нѣкоторыхъ былъ незамѣнимымъ, просвѣщеннымъ труженикомъ и руководителемъ. Педагогъ, публицистъ, журналистъ, лингвистъ, писатель, подававшій постоянно примѣръ чистоты и правильности отечественнаго языка, для которыхъ былъ заботливымъ хранителемъ и уважаемымъ авторитетомъ въ литературѣ, онъ, въ то же время, являлся или участникомъ, или начинателемъ то того, то другаго дѣла, обѣщавшаго полезные умственные результаты.

Н. И. Гречъ родился въ С.-Петербургѣ 3-го августа 1787 года. Одинъ изъ предковъ его, славянинъ чешскаго происхожденія, въ началѣ XVII столѣтія искалъ въ Россіи убѣжища отъ преслѣдованій католическаго духовенства и такимъ образомъ сдѣлался родоначальникомъ русской фамиліи Гречей. Дѣдъ Николая Ивановича получилъ высшее образованіе въ университетахъ марбургскомъ и лейпцигскомъ. Поступивъ на службу въ Россіи, онъ былъ сперва учителемъ въ митавской гимназіи, потомъ инспекторомъ классовъ въ с.-петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ и, наконецъ, удостоенъ былъ званія преподавателя всеобщей исторіи наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу и супругѣ его великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Отецъ Н. И. служилъ нѣсколько времени секретаремъ въ Сенатѣ, и умеръ въ отставкѣ, оставивъ семейство свое въ крайней бѣдности. Начальное воспитаніе, всегда служащее основаніемъ нравственнаго характера человѣка, Гречъ получилъ въ домѣ родительскомъ подъ руководствомъ умной и заботливой матери, а первоначальныя познанія въ наукахъ—въ юнкерской школѣ при Сенатѣ для образованія гражданскихъ чиновниковъ. Стремленіе къ дальнѣйшему умственному развитію побудило его, по окончаніи курса въ юнкерской школѣ, искать мѣста не для службы, а для пріобрѣтенія знаній, соотвѣтствующихъ его внутреннему призванію и способностямъ. Онъ рѣшился слушать лекціи въ педагогическомъ институтѣ, преобразованномъ потомъ въ с.-петербургскій университетъ. Но тутъ встрѣтила его тяжкая борьба, большею частію постигающая людей даровитыхъ какъ бы для испытанія ихъ силъ и для показанія, что превосходство, какимъ они надѣлены отъ природы надъ людьми обыкновенными, даромъ не дается — это была встрѣча съ бѣдностію. Гречъ долженъ былъ учиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только заботиться о своемъ содержаніи, но и помогать своему семейству. Въ свободное отъ институтскихъ лекцій время онъ давалъ частные уроки. Юношескіе его годы такимъ образомъ протекли въ школѣ науки и въ школѣ нужды. Съ 1806 года началась его служебная карьера въ званіи канцеляр-

ского служителя с.-петербургскаго цензурнаго комитета, гдѣ вскорѣ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ. Такъ-какъ главною задачей его жизни были наука и литература, то и въ службѣ онъ старался избирать должности, имѣвшія съ ними соприкосновеніе. Такимъ образомъ онъ былъ учителемъ русской словесности въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра (съ 1809 по 1813 годъ), смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ, потомъ старшимъ учителемъ гимназіи (съ 1813 по 1817 годъ). Въ 1819 году, по волѣ въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ учредилъ классы въ с.-петербургскомъ и гатчинскомъ воспитательныхъ домахъ, и вскорѣ затѣмъ ввелъ систему взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера между нижними чинами гвардейскаго корпуса; въ 1842 и 1843 годахъ преподавалъ русскую словесность въ пажескомъ корпусѣ. Впродолженіе своей служебной дѣятельности въ кругу народнаго образованія, Гречъ участвовалъ въ дѣлахъ и по другимъ вѣдомствамъ — въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, состоя при министерствѣ, основалъ и издавалъ журналъ этого министерства съ 1829 по 1831 годъ, въ министерствѣ финансовъ, въ которомъ съ 1836 по 1843 годъ находился въ качествѣ члена общаго присутствія по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли. Здѣсь съ успѣхомъ было исполнено имъ порученіе осмотрѣть за границей разныя техническія учебныя заведенія, за что и былъ онъ удостоенъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Незадолго до своей кончины онъ состоялъ членомъ ученаго комитета по министерству народнаго просвѣщенія, а по увольненіи изъ него, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, съ производствомъ его въ тайные совѣтники.

Для Академіи преимущественно важны его литературные и ученые труды. Здѣсь личность Греча является уже въ томъ значеніи, въ какомъ предстоитъ ей занять мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія и образованности. Оцѣнка подобныхъ трудовъ опредѣляется болѣе всего потребностями времени, которыми они были вызваны и важностію, какую для него имѣли. Каждая эпоха пред-

лагаетъ свои задачи; честное и разумное содѣйствіе къ ихъ рѣшенію исторія принимаетъ съ благоволеніемъ и потомство не отказываетъ въ справедливости передовымъ умамъ, подвизавшимся въ этомъ смыслѣ. Они видятъ въ этомъ не только удовлетвореніе потребностямъ времени, но и необходимое подготовленіе успѣховъ будущаго. Одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ въ литературной дѣятельности Греча былъ основаніе въ 1812 году и изданіе журнала «Сынъ Отечества». Годъ этотъ, какъ извѣстно, былъ высокознаменательнымъ, роковымъ моментомъ въ нашей исторіи—это былъ какъ бы моментъ испытанія, которому Провидѣнію угодно было подвергнуть народъ русскій для пріобрѣтенія права быть народомъ великимъ. Государству угрожала утрата политической самобытности. Для спасенія ея недостаточно было привести въ движеніе весь механизмъ государственнаго управленія; надлежало явиться на сцену народному духу съ его возбужденною непоколебимою преданностію къ вѣрѣ, престолу и отечеству—и ему надлежало сосредоточится въ одной нераздѣльной силѣ, въ силѣ общественнаго мнѣнія, значеніе и важность котораго познаются особенно въ рѣшительныя минуты и которое оказывается тогда могучимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ дѣятелемъ. Но общественному мнѣнію нуженъ органъ — печатное повсюду распространяющееся слово, и въ XII году этимъ органомъ было основанное Гречемъ періодическое изданіе. Замѣчателенъ поводъ, по которому дано ему названіе. Предпріятіе Греча встрѣтило всеобщее горячее сочувствіе во всѣхъ лучшихъ кругахъ петербургскаго общества. Надлежало немедленно приступить къ его осуществленію; но издатель былъ въ недоумѣніи, какъ ему назвать свой трудъ. Въ это время Николаю Ивановичу сообщили горестную вѣсть, что братъ его, служившій въ арміи, получилъ тяжелую рану и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ со словами на устахъ: «благодареніе Богу! я умираю, *какъ сынъ отечества*». Пусть же, сказалъ Гречъ, изъ этихъ благородныхъ словъ будетъ извлечено и имя для новаго изданія, посвященнаго отечеству. Изданіе это имѣло въ свое время блистательный успѣхъ. Тутъ на-

ходили себѣ мѣсто выраженія высокихъ патріотическихъ чувствованій, одушевлявшихъ всѣ сословія, и общество получало возможность слѣдить за ходомъ чрезвычайныхъ событій эпохи, поддерживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою связь и нравственное единство съ движеніемъ нашихъ побѣдоносныхъ военныхъ силъ. Литераторъ тогдашняго времени не могъ посвятить своей дѣятельности предмету, болѣе достойному и общеполезному, и Гречъ исполнилъ свое дѣло съ одушевленіемъ и ревностію, соотвѣтственными важности его. По окончаніи гигантской борьбы съ Наполеономъ, журналъ «Сынъ Отечества» не переставая слѣдить за современною политикой, съ 1815 года сдѣлался преимущественно литературнымъ. Онъ не проводилъ никакого особеннаго, или новаго умственнаго направленія, но отличался весьма удачнымъ и искуснымъ выборомъ статей, какой только возможенъ былъ въ тогдашнемъ состояніи нашей литературы. Важную часть въ немъ составляла современная библіографія съ изложеніемъ содержанія вновь выходившихъ сочиненій и краткими, но бо́льшею частію умными и мѣткими критическими замѣчаніями. Здѣсь Гречъ особенно наблюдалъ за неприкосновенностію духа и законовъ русскаго языка. При этомъ не излишнимъ нахожу упомянуть, что часть дохода, доставляемаго журналомъ, Гречъ жертвовалъ на воспитаніе одного изъ сиротъ, отецъ коего убитъ былъ въ войну XII года. Еще въ 1866 году оставалось отъ этого гречевскаго капитала 4399 рублей, какъ то видно изъ отчета по комитету раненыхъ.

Въ 1834 году въ обществѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ родилась мысль объ изданіи «Энциклопедическаго Лексикона». Мысль эта, пробѣжавъ во многихъ умахъ, по обширности своей и трудности исполненія, вѣроятно разрѣшилась бы одними добрыми желаніями, еслибы Гречъ не принялъ ее къ сердцу со свойственною ему горячностію. Сильнымъ вліяніемъ своимъ на тогдашнія литературныя дѣла, онъ далъ ей характеръ серьезнаго предпріятія; онъ вошелъ въ сношеніе съ бывшимъ содержателемъ типографіи Плюшаромъ, который принялъ на себя

изданіе будущаго Лексикона. На призывъ Греча отозвались съ живѣйшимъ сочувствіемъ всѣ тогдашніе дѣятели науки и литературы. Болѣе ста человѣкъ собралось ихъ у него, и въ этомъ собраніи рѣшено было, испросивъ разрѣшеніе правительства, приступить немедленно къ приготовительнымъ работамъ. Главнымъ редакторомъ единогласно былъ избранъ Гречъ; всѣ предметы, входившіе въ составъ Лексикона, раздѣлены были на разряды, и каждый изъ разрядовъ, по общему соглашенію, былъ ввѣренъ особому редактору. Едвали когда-нибудь въ литературѣ нашей являлось столько одушевленія и единодушной готовности на общее дѣло, какъ въ этотъ замѣчательный моментъ изданія Энцикл. Лексикона. Есть еще живые свидѣтели прошедшаго, которые могутъ подтвердить, съ какою энергіей, добросовѣстностію и знаніемъ занимался Гречъ этимъ громаднымъ дѣломъ; онъ былъ и душою и главнымъ его двигателемъ. Работы по Лексикону быстро подвигались впередъ, публика доказывала ему полное вниманіе и сочувствіемъ, и подпискою, которая возрасла до такихъ размѣровъ, до какихъ она никогда у насъ не доходила въ подобныхъ случаяхъ, именно до 7,000 подписчиковъ, уже при самомъ началѣ изданія. Къ сожалѣнію, Гречу не суждено было продолжать и довершить постройку этого зданія науки, которое должно было послужить прекраснымъ памятникомъ учено-литературной дѣятельности своего времени. Возникшія вскорѣ недоразумѣнія между редакціей и издателемъ, и надобно сказать по совѣсти, не по винѣ первой, положили преграду благородному и общеполезному начинанію при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ успѣха. На седьмомъ томѣ Гречъ принужденъ былъ, несмотря на оказанныя имъ услуги дѣлу, отказаться отъ званія главнаго редактора; съ нимъ большая часть участниковъ прекратила также свою дѣятельность—и хотя послѣ того издано было еще нѣсколько томовъ, но, утративъ главныя силы свои, Лексиконъ, наконецъ, долженъ былъ прекратиться къ общему сожалѣнію.

Этотъ печальный опытъ не охладилъ усердія Греча къ подобнымъ трудамъ. Въ 1835 году генералъ баронъ Зедделеръ,

пріобрѣвшій почетную извѣстность какъ ученый спеціалистъ въ предметахъ, касающихся военныхъ знаній и исторіи, рѣшился, въ сотовариществѣ съ Гречемъ, издать военный Энциклопедическій Лексиконъ. Гречъ принялъ на себя редакцію по литературной части. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ несъ на себѣ эти новые труды, не оставляя прочихъ литературныхъ занятій; Лексиконъ, при настойчивости и любви къ дѣлу барона Зедделера и ревностномъ содѣйствіи Греча, былъ доведенъ до конца.

Съ 1825 года Гречъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ, началъ издавать литературно-политическу газету «Сѣверную Пчелу». Извѣстно, что газета эта долгое время была у насъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній о современной общественной жизни, имѣла огромный кругъ читателей и вообще пользовалась большою благосклонностью публики.

Изящная словесность во вторую минувшую четверть вѣка сильно занимала собою и общество, и писателей. Это эстетическое расположеніе умовъ протекло свѣтлою струей въ исторіи нашей интеллектуальной жизни и не осталось безъ благотворныхъ для ней послѣдствій. Такіе писатели, какъ Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, не говоря уже о второстепенныхъ, какъ напримѣръ, Баратынскій, Языковъ, Подолинскій и другіе, съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ направленіяхъ возбуждали и развивали въ сердцахъ чувство прекраснаго и воспитывали, такъ сказать, мысль для всѣхъ возвышенныхъ интересовъ, которые должны занимать людей, не погрязшихъ исключительно въ житейскихъ мелочахъ. Къ этимъ писателямъ, по справедливости, слѣдуетъ отнести и романистовъ Загоскина и Лажечникова. Въ общемъ настроеніи тогдашней литературы не могъ не принимать участія и Гречъ. Онъ не обладалъ поэтическимъ талантомъ, или силою творчества; однако, романы его—*Поѣздка въ Германію* и *Черная женщина*, также какъ наблюденія и замѣтки, писанныя имъ во время путешествій его по Англіи, Франціи, Германіи и Италіи въ 1837, 1841, 1843 и 1846 годахъ, по пріятному и чистому изложенію своему, по мно-

гимъ мѣткимъ и вѣрнымъ взглядамъ на вещи, составляли занимательное чтеніе и съ достоинствомъ поддерживали въ публикѣ участіе къ литературѣ.

Важнѣйшій трудъ Греча былъ посвященъ отечественной наукѣ—это его русская грамматика. Считая по справедливости правильность и чистоту въ выраженіи мыслей на отечественномъ языкѣ и, слѣдовательно, основательное знаніе его за одно изъ главныхъ требованій образованности, онъ лучшую часть своихъ умственныхъ силъ и жизни посвятилъ на усовершенствованіе и распространеніе способовъ его изученія. Онъ дѣйствовалъ уже благотворно въ этомъ направленіи, какъ преподаватель, какъ журналистъ и какъ писатель. Долговременная практика, сопровождаемая тщательнымъ наблюденіемъ, дала ему, наконецъ, возможность вникнуть въ составъ и элементы русскаго слова и приступить къ полному систематическому сочиненію о немъ — и это сочиненіе явилось въ 1827 году подъ названіемъ пространной и практической грамматики. Не мѣсто и не время здѣсь излагать подробно значеніе этого обширнаго труда. Настоящей, вполнѣ удовлетворительной русской грамматики не существуетъ и теперь. Мы еще находимся въ періодѣ разработки матеріаловъ для кодификаціи законовъ нашего языка и, вѣроятно, пройдетъ довольно времени, пока эта кодификація сдѣлается возможною при тѣхъ великихъ требованіяхъ, какія предлагаются современною наукой. Поэтому, конечно, и трудъ Греча далеко нельзя считать законченнымъ. Одинъ изъ существенныхъ его недостатковъ состоятъ въ отсутствіи историческихъ и сравнительныхъ данныхъ съ сосѣдственными русскому языку славянскими нарѣчіями и устраненіе изъ круга изслѣдованій элементовъ языка народнаго, который собственно и есть неизсякаемый источникъ богатствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія его законовъ. Гречъ очевидно въ своихъ грамматическихъ началахъ находился подъ вліяніемъ прежней школы языкоученія, считавшей идеи общей или философской грамматики за главныя руководящія истины въ составленіи грамматики частной. Несмотря, однако, на эти недостатки, грамматика

Греча представляетъ богатый запасъ полезныхъ правилъ и указаній при употребленіи языка и служила для нѣсколькихъ генерацій важнѣйшимъ пособіемъ въ его изученіи. Гречъ долго не переставалъ заботиться о возможномъ облегченіи этого изученія. Для употребленія въ школахъ имъ неоднократно была издаваема сокращенная грамматика; въ 1832 г. онъ издалъ уроки русской грамматики и вслѣдъ затѣмъ руководство къ преподаванію ея въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1839 и 1840 годахъ читалъ публичныя лекціи о языкѣ, привлекавшія множество слушателей; онъ умѣлъ сдѣлать свои чтенія не только наставительными, но и пріятными. Преданность его интересамъ русскаго языка, безъ преувеличенія можно сказать, доходила до страсти — и страсть эта не покидала его до конца жизни. Такъ онъ слѣдилъ съ живымъ участіемъ за важнымъ трудомъ В. И. Даля — его словаремъ, и, далекій отъ всякаго соприкосновенства съ лицами, дѣйствовавшими въ одномъ съ нимъ кругу, онъ помогалъ постоянно составителю своими совѣтами и занимался корректурою его книги не задолго еще до своей смерти. Мы видѣли присылаемые ему г. Далемъ изъ Москвы корректурные листы, исписанные его примѣчаніями и поправками; замѣтно, что дрожащая рука ему уже измѣняла; но богатство знанія и вѣрный взглядъ ума оставались прежніе, неистощившіеся ни отъ лѣтъ, ни отъ трудовъ. Задолго до этого времени, въ 1835 г., онъ оказывалъ подобную же радушную услугу Рейфу при изданіи имъ извѣстнаго словаря, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ издатель въ предисловіи къ своему труду.

Гречу мы обязаны также первымъ опытомъ исторіи русской словесности. До него не было у насъ даже покушенія представить факты ея въ послѣдовательномъ систематическомъ порядкѣ. Гречъ принялся за этотъ тяжелый, многосложный трудъ, не имѣя предъ собою никакихъ предварительныхъ изысканій и пособій, которыми такъ богато наше время, ничего, кромѣ однихъ не вполнѣ собранныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, и свѣдѣній, какія онъ могъ почерпнуть въ сихъ послѣднихъ и со-

брать отъ разныхъ близкихъ и знакомыхъ ему лицъ. Кромѣ ознакомленія съ замѣчательнѣйшими въ литературѣ нашей дѣятелями и ихъ произведеніями, авторъ, безъ всякихъ претензій на модные философскіе взгляды и блестящія, хотя нерѣдко произвольныя умозаключенія, указываетъ на общій ходъ просвѣщенія у насъ въ каждомъ данномъ періодѣ и, такимъ образомъ, даетъ книгѣ своей, въ извѣстномъ смыслѣ, характеръ прагматическій. Долгое время она была у насъ единственнымъ пособіемъ при историческомъ изученіи отечественной словесности.

Говоря объ ученомъ и литературномъ дѣятелѣ, недолжно забывать въ немъ и человѣка. Если къ заслугамъ ума и знанія присоединяется доброта и благородство сердца, то человѣкъ, совмѣщающій въ себѣ эти качества, пріобрѣтаетъ вдвойнѣ право на наше уваженіе и любовь. Гречъ, обладая рѣдкими умственными способностями, которыя онъ доказалъ своими произведеніями и всею многолѣтнею своею общественною дѣятельностію, былъ въ то же время истинно добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести многіе факты, еслибъ не боялся слишкомъ увеличить объемъ моей рѣчи. Самое теплое, исполненное любви, расположеніе онъ оказывалъ людямъ литературнаго круга, нуждающимся въ совѣтѣ, руководствѣ и поддержкѣ, особенно молодымъ писателямъ. Никто, изъ имѣвшихъ къ нему дѣло или надобность, не отходилъ отъ него, не получивъ того, что только въ состояніи былъ онъ дать—совѣта, ободренія, или возможной матеріальной помощи. И это дѣлалось у него такъ просто, деликатно, какъ-будто не онъ одолжалъ другихъ, а другіе его одолжали. Это былъ характеръ, который, въ истинномъ смыслѣ, можно было назвать человѣчественнымъ. Всѣ, лично знавшіе его, конечно, помнятъ, какъ въ обращеніи съ людьми онъ былъ привлекателенъ и любезенъ, какимъ блестящимъ остроуміемъ сопровождалась его бесѣда! Нѣкоторыя изъ его остроумныхъ изреченій долго повторялись въ обществѣ. Бывъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей въ литературѣ своего времени, онъ, вопреки обыкновенію многихъ изъ своихъ прошедшихъ, на-

стоящихъ и, вѣроятно, будущихъ собратій, очень скромно, уютно носилъ съ собою свою знаменитость, спрятавъ ее въ чувствованіяхъ и поступкахъ простаго, привѣтливаго и добродушнаго человѣка. Эта-то воздержность въ присвоеніи себѣ извѣстныхъ достоинствъ и давала ему болѣе всего права на признаніе ихъ въ глазахъ людей мыслящихъ и серьезныхъ. Я не могу еще не припомнить одной прекрасной черты его характера: онъ былъ чуждъ духа нетерпимости въ мнѣніяхъ. Случалось и ему, по пылкости его сердца, вдаваться въ споры и горячо отстаивать какое-нибудь изъ своихъ убѣжденій; но пылъ его обыкновенно разрѣшался, наконецъ, какою-нибудь остротой,—этимъ и оканчивались личные его счеты съ противникомъ; что же касалось до убѣжденій, то они, безъ вражды и пререканій, предоставлялись отвѣтственности того, кто ихъ имѣлъ. Никто и никогда не могъ упрекнуть Греча, чтобы онъ не отдавалъ должной справедливости заслугамъ людей, подвизавшихся на одномъ съ нимъ поприщѣ. Я приведу одинъ только примѣръ. Гречъ, по весьма естественнымъ причинамъ, дорожилъ своими грамматическими трудами и распространеніемъ ихъ въ школахъ. Между тѣмъ явилась грамматика Востокова, которая признана была во многомъ превосходящею его и одобрена была, какъ руководство для учащихся. И чтожъ? Ни однимъ словомъ, ни дѣломъ Гречъ не далъ почувствовать, что онъ видитъ въ Востоковѣ своего соперника. Напротивъ, рѣдко кто, до послѣднихъ дней нашего знаменитаго филолога, оказывалъ столько сочувствія къ его трудамъ и уваженія къ его лицу, какъ Гречъ. Онъ слишкомъ высоко стоялъ въ литературномъ кругу, чтобы самому не имѣть враговъ; его нерѣдко старались поразить отвратительнымъ оружіемъ, которое позоръ человѣческой испорченности дѣлаетъ всего позорнѣе—оружіемъ клеветы; но тутъ онъ платилъ болѣе сѣтованіемъ за оказанную ему несправедливость, чѣмъ ненавистію.

Подобныя черты характера не должны быть забыты, какъ прекрасный примѣръ сочетанія достоинствъ сердца съ достоинствами ума и знанія.

Наконецъ, мм. гг., мы должны занести въ наши лѣтописи новую, самую свѣжую горестную утрату и не для одной Академіи, но для цѣлой Россіи. Ноября 19-го скончался великій архипастырь православной церкви, сочленъ нашъ, высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ. Недавно еще Россія праздновала пятидесятилѣтіе его святительскаго служенія; недавно мы слышали въ общемъ академическомъ собраніи выраженіе его чувствованій къ намъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ его на нашъ поздравительный адресъ—«съ глубокимъ уваженіемъ—писалъ онъ къ г. президенту нашему—«принялъ я слово Императорской Академіи наукъ въ день совершившагося пятидесятилѣтія моего въ епископствѣ. Чѣмъ болѣе свѣтло ея возрѣніе на мою посильную дѣятельность, тѣмъ сильнѣе освѣщаетъ оно для меня мое недостаточество, чтобъ соотвѣтствовать оному. Прискорбно мнѣ думать, что, принадлежа Академіи въ теченіе долгаго времени, я не нашелъ свободы отъ занятій болѣе строго для меня обязательныхъ, чтобъ положить мою ленту въ сокровищницу ученыхъ трудовъ Академіи. Но когда и при семъ Академія простираетъ ко мнѣ благоволительное вниманіе, тѣмъ болѣе глубоко чувствую, тѣмъ усерднѣе приношу ей мою совершенную благодарность. Да продолжаетъ умы, въ ней соединенные, озарять вѣчная истина, дабы они во всѣхъ областяхъ мысли и природы открывали и являли истины просвѣтительныя и полезныя для человѣчества». Еще не изгладились отрадныя впечатлѣнія, возбужденныя въ насъ этимъ полнымъ жизни выраженіемъ его сочувствія къ намъ и нашей дѣятельности, какъ насъ постигла скорбная вѣсть, что мы его лишились. Пусть же нѣсколько не искусныхъ, но искреннихъ словъ напомнятъ вамъ, мм. гг., о свѣтлой жизни, уже угасшей для міра, но соединявшей въ себѣ многое, что̀ не должно и нѐ можетъ угаснуть для потомства. Слова мои ничего не прибавятъ къ тому, что̀ уже сказано другими и что̀ знаете и чувствуете вы; но когда повтореніе касается и лица, и дѣлъ, столь намъ драгоцѣнныхъ, оно уже не можетъ быть ни излишнимъ, ни неумѣстнымъ.

Высокопреосвященный Филаретъ родился 1784 года въ Коломнѣ не далеко отъ Москвы, гдѣ суждено было ему совершить большую часть его архипастырскихъ подвиговъ, и въ этомъ средоточіи нашей народности, сдѣлать имя свое столь достолюбезнымъ и досточтимымъ въ народѣ. Мы не знаемъ обстоятельствъ его дѣтства, юношескаго возраста и первоначальнаго умственнаго развитія. Онъ учился и получилъ окончательное образованіе въ Сергіевско-Лаврской семинаріи, гдѣ послѣ и оставался нѣкоторое время учителемъ риторики, а въ 1808 году принялъ монашеское постриженіе. Надобно, однако, полагать, что и въ раннемъ возрастѣ, и въ періодъ своего ученія онъ заявлялъ уже свое умственное и нравственное превосходство. Необыкновенныя дарованія не могутъ не возвѣщать о себѣ прежде, чѣмъ окажутся во всемъ своемъ блескѣ. Безъ сомнѣнія, не напрасно прилагало о немъ попеченіе—лицо тоже высокихъ дарованій—предшественникъ его и въ санѣ, и въ славѣ, митрополитъ Платонъ. Когда юный Филаретъ былъ призванъ въ Петербургъ, гдѣ предстояло болѣе широкое поприще уже проявлявшимся его духовнымъ силамъ, знаменитый іерархъ просилъ Св. Синодъ о возвращеніи его въ Москву, говоря: «Какъ я особливо о немъ прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, стараніе, то сіе много послужитъ къ успокоенію моей старости». Получивъ степень баккалавра богословскихъ наукъ въ Александро-Невской духовной Академіи, Филаретъ въ 1812 году былъ уже ея ректоромъ. Съ того времени слава его, какъ писателя и проповѣдника, начала быстро возрастать. Первыя рѣчи его, произнесенныя въ церкви Александро-Невской Лавры, и потомъ слово въ Казанскомъ соборѣ при гробѣ князя Кутузова-Смоленскаго, произвели глубокое впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ, особенно послѣднее по искусному сліянію въ немъ религіознаго и патріотическаго чувства. Въ то же время его занимали глубокомысленныя ученыя изысканія, плодомъ коихъ были изданные въ 1815 году *разговоры между испытуемымъ и увѣреннымъ о православной греко-россійской церкви*, обширное твореніе *начертаніе церковно-библейской*

исторіи и въ томъ же году *записки на книгу бытія*. Позже онъ составилъ *Пространный Катихизисъ*, принятый, съ одобреніемъ Святѣйшаго Синода, руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Такимъ образомъ Филаретъ соединилъ въ лицѣ своемъ достоинства первокласснаго проповѣдника съ достоинствомъ великаго ученаго въ области Богословія. Для полноты его духовнаго и общественнаго призванія и примѣненія силъ и обширности его знаній и способностей, ему оставалось только сдѣлаться правительственнымъ лицемъ въ дѣлахъ церкви. Его умъ, дарованія и характеръ вскорѣ открыли ему путь и на эту высоту. Въ 1817 году онъ былъ удостоенъ сана епископа-викарія ревельскаго. Затѣмъ, въ 1819 году, онъ переведенъ былъ на епископскую каоедру въ Тверь, съ правомъ засѣдать въ Синодѣ, а въ 1820 году въ Ярославль; въ слѣдующемъ же году былъ возведенъ въ санъ архіепископа московскаго и наконецъ, въ 1826 году—въ санъ митрополита. Съ сего времени дѣятельность Филарета, впродолженіе всей его жизни, раздѣлялась между правительственными заботами о благоустройствѣ ввѣренной ему церкви и назиданіемъ своей паствы силою христіанской проповѣди. Авторитетъ ученаго богослова, снискавный прежними его твореніями, утвердилъ за нимъ на прочномъ основаніи то вліяніе въ церкви и обществѣ, къ какому открывали ему путь его постъ и дарованія.

Изображеніе полустолѣтней обширной дѣятельности нашего архипастыря и ея вѣрная оцѣнка принадлежатъ исторіи. Мы въ немногихъ только чертахъ можемъ коснуться значенія этой высокой личности, какъ современники, побуждаемые естественнымъ сочувствіемъ къ тому, чему были сами свидѣтелями. Мы не имѣемъ права, да и возможности говорить о тѣхъ качествахъ, какими Филаретъ ознаменовалъ себя, какъ іерархъ и ученый богословъ — это требуетъ спеціальнаго изученія. Я позволю себѣ обратить вниманіе ваше, мм. гг., только на то, въ какомъ свѣтѣ вообще представляется онъ передъ людьми своей эпохи. Вамъ извѣстно, что не всегда высокій санъ служитъ ручательствомъ

и высокаго общественнаго значенія лица. Мѣра этого значенія опредѣляется не однимъ употребленіемъ власти, или аттрибутами извѣстнаго положенія, ни даже внѣшнимъ исполненіемъ обязанностей, но тѣмъ вліяніемъ, какое дается лицу довѣріемъ, уваженіемъ и любовію общества, и эти преимущества снискиваются одними качествами душевными. Вы знаете, какъ высоко стоялъ въ общественномъ мнѣніи почившій святитель, какимъ блескомъ было окружено его имя и какое дѣйствіе производилъ онъ на умы всѣхъ, къ нему приближавшихся. Въ способностяхъ и стремленіяхъ его духа была властительная сила, независимая отъ той, какую давало ему его положеніе. Къ драгоцѣннымъ особенностямъ нашей православной церкви принадлежитъ то, что іерархи ея, чуждые всѣхъ притязаній на мірскую власть и мірское преобладаніе, не были, однако, чужды горячаго участія въ судьбахъ отечества. Исторія наша представляетъ многочисленные примѣры, какъ они постоянно въ знаменательные или трудные дни, издревле, являлись передъ лицемъ властей и народа, принося съ собою то утѣшеніе и одобреніе, то урокъ и назиданіе — они являлись дѣятелями общественными въ благороднѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Филаретъ былъ одушевляемъ такими же стремленіями. Инокъ по строгому образу жизни и исполненію уставовъ своего знанія, онъ былъ въ то же время человѣкомъ жизни въ значеніи лучшихъ ея задачъ и требованій. Отъ древнихъ предшественниковъ своихъ онъ отличался тѣмъ, что, къ смиренной и благочестивой простотѣ ихъ сердца, присоединялъ обширную и богатую образованность вѣка, которая однако не скрывала отъ его проницательнаго взора и удручающихъ его язвъ. По высотѣ и просвѣщенію своего ума, Филаретъ знакомъ былъ со всѣми вопросами, волнующими общество, видѣлъ тщету многаго изъ того, что̀ превозносилось ученіями школъ и партій; но отдавалъ полную справедливость тому, что̀ составляетъ лучшее достояніе и славу вѣка — успѣхамъ науки. Онъ всѣмъ сердцемъ желалъ этихъ успѣховъ и для любезной сердцу его Россіи. Злоупотребленія, какими иногда затмѣваютъ область знанія умы поверхностные и шаткіе, онъ не считалъ по-

водомъ препятствовать или угрожать движенію ума человѣческаго, заблужденіямъ коего онъ всегда готовъ былъ противупоставить слово убѣжденія и вѣчной истины, какъ самую дѣйствительную мѣру въ дѣлѣ мысли. Можно сказать, что духъ его равно обнималъ все небесно-святое, на сколько оно доступно человѣку, и все великое на землѣ — а самымъ великимъ для него здѣсь было отечество, преуспѣвающее въ развитіи умственныхъ силъ своихъ и нравственно-религіозномъ ихъ настроеніи, такъ же какъ и во внѣшнемъ величіи и благосостояніи. И надобно сказать, что условія подобнаго преуспѣянія онъ понималъ не только какъ пастырь словеснаго стада, но и какъ мужъ государственный, глубоко изучившій высшія и истинныя потребности человѣческихъ обществъ. Люди съ великими нравственными и умственными силами, на какомъ бы поприщѣ и на сколько бы они ни успѣли ихъ проявить, составляютъ у народа, такъ-сказать, настоящій фондъ его внутренняго могущества, и одно изъ условій на занятіе почетнаго мѣста между народами образованными и первенствующими. И народъ инстинктивно ихъ понимаетъ; онъ окружаетъ ихъ своею любовію и удивленіемъ, чествуетъ ихъ, какъ хранителей своей исторической чести, и гордится ими, чтобъ имѣть право гордиться собою. Въ ихъ имени и славѣ онъ почерпаетъ довѣріе къ самому себѣ и уясняетъ ими степень, до которой можетъ простираться его участіе въ ходѣ общихъ дѣлъ человѣчества. Отраднымъ чувствомъ наполняется сердце гражданина, когда, представляя себѣ все прекрасное и благородное, чѣмъ успѣлъ проявить себя извѣстный дѣятель, онъ можетъ сказать: «это членъ нашей народной семьи!» Такое чувство возбуждалось въ каждомъ Русскомъ при имени Филарета въ Москвѣ, здѣсь и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи. Съ особеннымъ блескомъ и силою оно выразилось въ день празднованія его пятидесятилѣтняго епископскаго служенія. Всѣмъ намъ памятно то одушевленіе, съ какимъ маститый архипастырь былъ привѣтствованъ въ этотъ достопамятный день отъ всѣхъ сословій и обществъ обширнаго нашего Царства. Это была праведная почесть, оказанная всена-

родно высокимъ нравственнымъ и умственнымъ достоинствамъ, проявившимъ себя въ подвигахъ наставника и хранителя вѣры, глубокомысленнаго богослова, геніальнаго оратора церкви и преданнаго сына Россіи, послужившаго Царству Божію въ духѣ вѣчной истины и царству земному въ ревностномъ и плодотворномъ содѣйствіи его духовному совершенствованію.

Слѣдя съ академической точки зрѣнія за дѣятельностію Филарета, мы, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить, не можемъ останавливаться на его ученыхъ трудахъ, такъ-какъ между нами нѣтъ ни одного компетентнаго судьи для нихъ. Но при разнообразіи этой дѣятельности, въ ней является одна сторона, прямо и непосредственно принадлежащая Академіи — это заслуги, оказанныя имъ русскому слову твореніями его слова, заслуги, содѣлавшія его членомъ и украшеніемъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Объ этомъ то я и прошу позволенія вашего, мм. гг., изложить передъ вами нѣсколько мыслей.

При изученіи, съ художественной точки зрѣнія, произведеній слова въ различныхъ его направленіяхъ, можетъ показаться, что витія церкви во многомъ лишенъ средствъ, какими пользуется краснорѣчіе свѣтское. Послѣднее основываетъ преимущественно силу свою на элементахъ такъ-называемаго возбужденія страстей, и это, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій двигать человѣческими сердцами. Напротивъ, главная задача церковнаго витійства заключается въ умиротвореніи всякихъ страстныхъ влеченій, въ покореніи ихъ божественной волѣ и закону божественной премудрости. Но для достиженія цѣли своего призванія оратору церкви нѣтъ вовсе и надобности въ средствахъ, къ какимъ прибѣгаетъ ораторъ свѣтскій. Въ томъ-то и состоитъ великое значеніе христіанства, что оно открываетъ человѣчеству виды другой будущности и другія воззрѣнія на свою судьбу, вводитъ его совершенно въ новый кругъ нравственныхъ интересовъ и соотношеній, что оно дѣйствуетъ на него убѣжденіями, какихъ не въ состояніи дать намъ никакая земная мудрость. Діалектика страстей и всяческихъ житейскихъ отношеній преклоняется здѣсь

передъ нною высшею діалектикой, единственный источникъ коей — слово Божіе. Великіе умы, отцы и проповѣдники церкви исключительно въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ почерпали воодушевленіе, силу, красоту, содѣлавшія имена ихъ безсмертными въ исторіи христіанскаго образованія. Ихъ ораторское творчество состояло не въ томъ, чтобъ изобрѣтать мысли, а въ томъ, чтобъ уяснять смыслъ и значеніе вѣчныхъ истинъ и благодатныхъ обѣтованій. Но требовалась особенная мощь генія, чтобъ эти истины и обѣтованія проводить въ сердца, всегда колеблемыя иными противуположными наклонностями и стремленіями. Наши замѣчательнѣйшіе духовные ораторы, слѣдуя за высокими образцами первобытной церкви, усвоили своему слову въ особенности просвѣтительный характеръ, что̀, однако, не препятствуетъ дарованію дѣйствовать природою данными ему индивидуальными способами. Филаретъ занимаетъ между нашими проповѣдниками одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Въ его краснорѣчіи вполнѣ преобладаетъ величіе и глубина христіанскаго міровоззрѣнія. Но въ немъ есть также свои особенности, видимо отличающія его отъ другихъ нашихъ духовныхъ ораторовъ. Такъ оно не доходитъ прямо и непосредственно къ сердцу, но устремляется къ нему чрезъ высшія сферы мысли, руководимое проразумѣніемъ истинъ и духа божественнаго откровенія. Нужно подняться на извѣстную высоту, чтобъ ощутить всю его силу. То, что плѣняетъ васъ въ самомъ началѣ, дѣлается привлекательнѣе, когда вы его станете изучать. Назиданіе становится полнѣе, проникаетъ въ васъ глубже по мѣрѣ того, какъ вы слѣдите за витіей въ стройномъ и разнообразномъ движеніи его идей, пока, наконецъ, вы совершенно не исполнитесь одушевленія, которымъ объято и проникнуто все его слово. Я говорю о движеніи идей, потому что именно оно, независимо отъ другихъ качествъ, составляетъ неподражаемую красоту его рѣчей. Въ изгибахъ, въ переходахъ, раздѣленіи и сближеніи ихъ витаетъ духъ, самовластно, свободно распоряжающійся богатствомъ содержанія, достающагося ему безъ малѣйшихъ усилій, какъ-будто все это составляло обычный, ежедневный,

такъ сказать, обиходъ его ума. Расширяя поучительное дѣйствіе возвѣщаемыхъ имъ истинъ не только на теоретическую сторону мысли, но и на практическую сферу жизни, витія съ необыкновеннымъ искусствомъ касается нерѣдко предметовъ, съ которыми связывались важные вопросы общества и времени. Слушатели видѣли, какъ эти вопросы теряли свою односторонность, измѣняли свои отношенія къ общимъ задачамъ жизни, какъ прояснялись они и очищались въ горнилѣ его свѣтлаго духа. И сколько благихъ поученій, сколько уроковъ высшей мудрости, сколько живыхъ поощреній къ исполненію своихъ обязанностей почерпали они въ его святыхъ архипастырскихъ бесѣдахъ! Я не могу не обратить вниманія вашего, мм. гг., и на тѣ изъ рѣчей Филарета, гдѣ геній его является съ другой стороны, — на тѣ изъ рѣчей, которыми онъ привѣтствовалъ особъ Царствующаго Дома, посѣщавшихъ въ разное время первопрестольную столицу. Это также истинно образцовыя произведенія по строгой опредѣленности мысли, по искусному примѣненію ея къ данному случаю, по сосредоточенности, сжатости и силѣ выраженія. Витія каждый разъ находитъ такую точку отправленія, которая непримѣтно совпадаетъ съ какимъ-либо знаменательнымъ событіемъ, важнымъ для отечества, или драгоцѣннымъ сердцу Августѣйшаго лица, къ коему была обращаема рѣчь. И для каждаго изъ поводовъ къ своему слову, онъ всегда находитъ и новыя идеи, и новые обороты выраженія съ неизсякаемою полнотою чувства. Притомъ, какая обдуманность, какое тонкое соблюденіе всѣхъ условій времени и обстоятельствъ и вмѣстѣ, какое благородство въ тонѣ! Чувствуешь глубоко и достоинство говорящаго вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ говоритъ, и высокое положеніе слушающаго, и святость мѣста, гдѣ раздавались эти полныя благочестія и изящества слова.

Возвышенному значенію содержанія въ рѣчахъ знаменитаго нашего проповѣдника соотвѣтствуютъ и качества его языка. Онъ является и здѣсь геніальнымъ художникомъ и глубокомысленнымъ знатокомъ. Строгая соразмѣрность въ общемъ тонѣ и характерѣ выраженія съ духомъ и величіемъ, свойственными хри-

стіанской проповѣди, составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ его слова. Онъ не позволяетъ себѣ ни одного изысканнаго оборота, ни одного образа, которые бы изобличали разсчитанное стремленіе овладѣвать умами силою возбуждаемаго въ нихъ эффекта. Что кажется въ нихъ необыкновеннымъ, то необыкновенно только по своеобразію ихъ изящества. Это настоящій уполномоченный свыше глашатай божественныхъ истинъ, который на столько проникнутъ ими, на столько увѣренъ въ животворномъ ихъ дѣйствіи, что не считаетъ нужнымъ искать, для ихъ возвеличенія, пособій гдѣ-нибудь, кромѣ ихъ самихъ. Но, говоря, какъ власть имѣющій въ смыслѣ идей, имъ проповѣданныхъ, онъ въ то же время говорилъ и какъ власть имѣющій надъ всѣми способами и богатствами отечественнаго слова, — и дѣйствительно, онъ имѣлъ эту власть, онъ пріобрѣлъ ее законно, по праву генія и глубокаго знанія. Какъ искусный домостроитель, онъ понималъ въ совершенствѣ качества и цѣнность всякаго матеріала, входящаго въ составъ его словесныхъ построеній, располагалъ ими безъ расточительности, но и безъ скупости. Ему доступны были всѣ правильные, всѣ на духѣ языка основанные способы словоупотребленій и словосочетаній, — всѣ, я разумѣю, какіе могъ онъ считать соотвѣтственными роду и цѣли его витійства. Онъ всегда находитъ слово, какое ему нужно и какое указывается самымъ понятіемъ или его оттѣнкомъ — будетъ ли это живописующій и характеристическій эпитетъ, или то господствующее въ рѣчи слово, на которомъ опирается все ея зданіе. У него вы не видите того рода повторительныхъ поясненій, которыя у многихъ такъ часто употребляются въ дополненіе къ сказанной мысли потому только, что эта мысль не успѣла выразиться отчетливо и явственно, и нуждается въ подпорѣ, которая, однако, не столько ее поддерживаетъ, сколько растягиваетъ и ослабляетъ. Что̀ сказалось у него, то сказалось опредѣлительно и окончательно. Отъ того рядъ его выраженій можно уподобить золотой цѣпи, гдѣ каждое звѣно представляется раздѣльно вылитымъ и отчеканеннымъ. Какъ мысль его, полная внутренней силы, упругая и вмѣстѣ

гибкая въ богатыхъ и разнообразныхъ подробностяхъ своего развитія, двигается свободно и многосторонно, простираясь то въ высоту, то въ сущность вещей, то углубляется, то паритъ, такъ и рѣчь его течетъ свободно, безпрепятственно по всѣмъ извивамъ, по всѣмъ направленіямъ его думъ. Обращаясь къ анализу слога съ этой стороны, не должно терять изъ виду, что въ нашемъ неизмѣримо богатомъ, но еще не вполнѣ развитомъ и установившемся языкѣ для выраженія мыслей высшаго умозрѣнія, архитектоника рѣчи представляетъ не малыя трудности для самыхъ избранныхъ писателей. Мы еще не пріобрѣли достаточной опытности для сложныхъ построеній рѣчи въ этомъ смыслѣ. Одна сильная природная и усовершенствованная логика, въ соединеніи съ особеннымъ дарованіемъ, въ состояніи группировать и концентрировать различныя частности и развѣтвленія одной и той же идеи въ одномъ и томъ же періодѣ, или оборотѣ рѣчи такъ, чтобъ все зданіе ея представляло гармоническое и вполнѣ удовлетворительное цѣлое. И съ этой стороны слогъ Филарета заслуживаетъ особеннаго удивленія и изученія. Конечно, это внѣшняя сторона языка; но кто не овладѣлъ ею вполнѣ, тотъ всегда въ опасности будетъ сказать или больше, чѣмъ должно было, или не сказать того, что̀ онъ хотѣлъ.

Въ подтвержденіе изложенной здѣсь слабой характеристики Филарета, какъ духовнаго витіи, я могъ бы привести и самыя мѣста изъ его рѣчей. Но это увлекло бы меня за предѣлы предмета моей собственной рѣчи и не соотвѣтствовало бы цѣли настоящаго собранія. Можетъ быть, по-крайней-мѣрѣ, я долженъ бы назвать нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр., «слово въ недѣлю третью по пятидесятницѣ, въ недѣлю по Воздвиженіи, въ недѣлю двадесять-четвертую, слово при вступленіи святителя въ управленіе московскою паствой, къ воспріемлющимъ обѣтъ сердобольныхъ вдовъ, при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, передъ присягой для избранія судей, при освященіи Святотроицкой единовѣрческой церкви, рѣчи въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Павловичу, въ день его тезои-

мснитства 1823 года, Императору Николаю Павловичу во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни, при заложеніи храма Христа-Спасителя, слова нынѣ достославно царствующему Государю Императору, рѣчь къ преосвященному епископу Дмитровскому Кириллу по случаю посвященія его въ епископскій санъ, или по тому же случаю высоп опреосвященному Исидору». Но если изъ этого указанія вы, мм. гг., должны были бы заключить о высокомъ достоинствѣ краснорѣчія нашего почившаго архипастыря, то гораздо вѣрнѣе назвать всѣ четыре изданные обширные томы его словъ и рѣчей. Всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, составляютъ великолѣпный памятникъ высшей отечественной словесности, такъ-какъ жизнь, дѣятельность и характеръ его составляютъ безсмертный памятникъ въ исторіи нашей церкви и въ исторіи отечества.

Такимъ образомъ, мм. гг., чтя въ почившемъ святителѣ нашемъ великаго дѣятеля церкви и отечества, Императорская Академія Наукъ всегда будетъ чтить въ немъ и великаго дѣятеля мысли и слова, обогатившаго нашу словесность своими образцовыми произведеніями.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ТОМѢ II СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ номеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга. Имена, встрѣчающіяся въ статьѣ академика Пекарскаго «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» не вошли въ этотъ общій списокъ, а составляютъ содержаніе особаго указателя, помѣщеннаго при самой статьѣ.

Авраамовъ, Илья, студентъ, занимавшійся при Ломоносовѣ. XXVIII, XLIII, XLIII.

Аделунгъ, Ѳ. О. Извлеченіе П. Кеппена изъ его сочиненія о заслугахъ, оказанныхъ Екатеринѣ II сравнительному языкознанію. **6.** 25. — Донесеніе П. Кеппена о его Обозрѣніи всѣхъ языковъ. **6.** 26.

Адодуровъ, адъюнктъ академическій. **4.** 25, 26, 27, 87, 88.

Академія Наукъ. Сношенія ея съ Татищевымъ. VI. Работы Пекарскаго по исторіи ея. XXXIX. См. также въ подробномъ указателѣ къ ст. подъ № 1. Изданіе при Академіи учено-литературнаго журнала. **4.** 3 — 13. Учрежденіе и устройство при Академіи гимназіи и семинаріи. **4.** 57 — 88.

Академія Югославянская наукъ и художествъ въ Загребѣ. Ея основаніе, уставъ, составъ, дѣятельность, первыя изданія. **5.** 1—14. **7.** 4.

Акклиматизація растеній въ Россіи, по Кеппену. **6.** 33.

Аксаковъ, К. С. **3.** 77.

Албанцы. Свѣдѣнія объ Албанцахъ въ Россіи, у Кеппена. **6.** 11.

Александръ Невскій, великій князь. XLVIII, XLIX.

Александръ Павловичъ, императоръ. О разговорѣ его съ Державинымъ по поводу трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ». XXXIII.

Алексѣй Михайловичъ, царь. Между столбцами приказа тайныхъ дѣлъ его времени хранится карта съ изображеніемъ р. Невы и пр. III.

Алешки. Статьи Кеппена объ алешковскихъ летучихъ пескахъ. **6.** 8.

Анна, греческая царевна, XLVII.

Апраксинъ, О. М., графъ. Письмо къ нему Геннинга. IV.

Армяне. Свѣдѣнія объ Армянахъ въ Россіи у Кеппена. **6.** 11. — О жителяхъ Армянской области, по Шопену. **6.** 15, 17.

Архивъ, московскій главный министерства иностранныхъ дѣлъ, библіотека, поступившая въ него отъ академика Миллера. XIV—XXI.

Архивъ югославянской исторіи, поврем. изданіе на Сербо-Хорв. яз. **5.** 3.

Астарооъ, изслѣдованіе Кеппена о ней. **6.** 34.

Астрахань. Статья Паисслера о сравнительной высотѣ ея. **6.** 9.

Аоанасьевъ. 3. 105.

Бакчисарай. Статья Кеппена о немъ, во время холеры 1831 года. **6.** 31.

Барковъ, Иванъ, воспитанникъ при Академіи. **4.** 31—34.

Барсовъ, академическій корректоръ. **4.** 9, 24.

Барсовъ, магистръ академическій. **4.** 34.

Батта. Статья Кеппена о баттачьской рукописи Кіевскаго универс. **6.** 31.

Башкиры, Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Бенфей. 3. 48.

Бергштрессеръ, К. Его Описаніе Олонецкой губерніи. **6.** 16.

Березинъ, А. С. совершаетъ вмѣстѣ съ Кеппеномъ путешествіе по Европѣ. **6.** 2.

Бессарабія. Статья Кеппена о болгарскомъ народонаселеніи. **6.** 14.

Бетлингъ, О. И., академикъ. **3.** 28, 204

Бецкій, И. И. объявляетъ Ломоносову повелѣніе Екатерины касательно картинъ изъ русской исторіи. XLVI. Докладъ его о назначеніи Миллера въ Моск. воспитательный домъ. **4.** 12.

Библіографія. Статьи и Матеріалы Кеппена по этой части. **6.** 22 и слѣд. — 36.

Библіографія, русская историческая, изд. 4 и 5-й выпуски ея. III, XLIV.

Билярскій, П. С., академикъ. Некрологъ его. **7.** 13—17.

Блудовъ, Д. Н., графъ. Ему посвящены Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Кеппена. **6.** 23.

Бобровичъ, 3. 114, 117, 118.

Богишичъ, В., хорватскій писатель. Его сочиненіе о правныхъ обычаяхъ у Славянъ. **5.** 7. Его извѣстіе о рукописи, въ которой помѣщена записка 1551 г. объ обычаяхъ Хорватовъ. **5.** 11. **7.** 4. Участіе его въ «Книжевникѣ». II.

Богомилы. Свѣдѣнія о нихъ въ книгѣ Ягача. **5.** 12. Книга о нихъ. **5.** 11.

Болгаре. Свѣдѣнія Кеппена о болгарскихъ колоніяхъ въ Россіи. **6.** 11, 14.

Болгаре (волжскіе). Статья Кеппена о нихъ. **6.** 31.

Болховитиновъ. См. **Евгеній.**

Бонпъ. 3. 4, 27, 28, 30, 34, 48, 57, 100, 102, 103, 107.

Борисъ Александровичъ, великій князь тверской. О договорной грамотѣ его. XXXVIII.

Борисъ Годуновъ, царь. L. **4.** 52.

Боспоръ (киммерійскій). Матеріалы и статьи Кеппена о древностяхъ боспорскихъ. **6.** 26 — 28, 34.

Браунъ, академикъ. **4.** 20, 32.

Броссе, М. П., академикъ. Рецензія его на соч. Шопена объ Армянской Области. **6.** 17.

Брусинъ, Спир., хорватскій писатель. Его сочиненіе о моллюскахъ. **5.** 8.

Брюсъ, Яковъ, графъ. Письмо къ нему Татищева. V.

Буслаевъ, О. П., академикъ. **3.** 35, 102, 105, 107, 111, 117.

Бушманнъ. 3. 101.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 9, 13. Окончилъ печатаніемъ Описаніе книгъ гражданской печати за время Петра Вел., хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. IV. Сообщилъ часть Супрасльской рукописи. IV. Докладъ его объ обозрѣніи имъ библіотеки ярославскаго Спасскаго монастыря. VIII. Доставилъ въ копіи письмо Державина по поводу разговора его съ имп. Александромъ Павловичемъ о первомъ представленіи «Эдипа въ Аѳинахъ». XXXIII. Предлагаетъ сообщить г. Кеневичу автографы 15 басенъ Крылова. XXXVIII. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL. Сообщилъ письмо П. А. Чистовича о напечатаніи отъ Академіи Наукъ изслѣдованія его о Өеофанѣ Прокоповичѣ. XLII. Доставилъ листки псалтыря безъ толкованій. XLII.

Валахи. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, объ ихъ училищахъ въ Россіи. **6.** 10.

Вареліусъ, магистръ. Отчетъ о его этнографическомъ путешествіи по Финляндіи. **6.** 14.

Вацерадъ. 3. 79.

Веберъ. 3. 30, 48, 109.

Веденскій, С., студентъ академическій и переводчикъ. **4.** 39.

Веселовскій, К. С., академикъ. Статья его о степени населенности Европейской Россіи. **6.** 18.

Виноградовъ, Д. **4.** 24.

Виноградовъ, Я. **4.** 24.

Винодѣліе въ Россіи. Статья Кеппена о немъ. **6.** 22.

Витовтъ, великій князь литовскій. Договорная грамота съ нимъ вел. кн. Бориса Александровича тверскаго. XXXVIII.

Вицманъ, Августъ, содержатель частнаго пансіона. XXIX.

Владиміръ, великій князь. XLVII, XLVIII.

Владиміръ, Мономахъ. XLVIII.

Властарь, Матвей. О переводѣ греческаго сборника его. XI.

Вогулы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Водникъ. **3.** 105.

Водь. Статья Кеппена о ней. **6.** 11, 13.

Войско Донское. Путешествіе Кеппена по землѣ Войска Донскаго. **6.** 17.

Волга. Статьи Кеппена и Бера объ убыли воды ея. **6.** 8.

Волковъ, Д. В. **4.** 53.

Волковъ, С. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ ежемѣс. сочиненіяхъ. **4.** 38—40.

Воронцовъ, А., графъ. Его сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 36.

Воронцовъ, М. С., графъ. По его распоряженію изданъ Крымскій Сборникъ Кеппена. **6.** 3, 29.

Воронцовъ, Р. А., графъ. **4.** 35.

Востоковъ, А. Х., академикъ. Его объясненія Фрейзинскихъ отрывковъ. **6.** 24. **3.** 101, 106, 114. О списанныхъ имъ отрывкахъ Супрасльской рукописи. IV. Объ окончаніи памятника надъ его могилой и пожертвованіяхъ на оный. XXIX.

Вотяки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Вѣроисповѣданіе въ Россіи. Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ. **6.** 35. См. еще Иновѣрцы.

Ганка **3.** 13, 14.

Ганушъ. **3.** 104.

Гекате, богиня. Сочиненіе Кеппена о ней. **6.** 28.

Геннингъ. Письмо его къ гр. О. М. Апраксину. IV, V.

Гильфердингъ, А. О. **3.** 32, 35, 40, 69, 70, 104, 105, 107, 109, 115.

Глинка, О. Н. Его письма къ Кеппену о древностяхъ въ Тверской Карелін. **6.** 30.

Голицынъ, А. М., князь. Письмо къ нему Ломоносова. XLIII, XLVI.

Голубцевъ, Иванъ. Сотрудничество его въ Ежемѣс. сочиненіяхъ. **4.** 21, 22, 48. Воспитаніе его. **4.** 24 — 29.

Горловъ, проф. Рецензіи Кеппена на его Экономическую статистику Россіи и Теорію Финансовъ. **6.** 16, 32.

Города Россійской Имперіи. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 18.

Горы Таврическія. См. Крымъ.

Горскій, А. В. О присужденіи ему Ломоносовской преміи за Описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки. **7.** 4, 50. Принесъ

въ даръ Академіи Наукъ портретъ покойнаго митрополита Филарета московскаго. XLI.

Греки въ Россіи. Свѣдѣнія Кеппена объ ихъ селеніяхъ въ Россіи. **6.** 11.

Гречъ, Н. И., академикъ. Некрологъ его. **7.** 17 — 27.

Григоровичъ, В. И. Доставилъ важныя рукописи, подаренныя ему въ Слѣпченскомъ монастырѣ. **7.** 3. **1.** XXX, XXXVIII.

Гришау, астрономъ академикъ. **4.** 22.

Гротъ, Я. А., академикъ. Его труды въ 1867 г. **7.** 4 и слѣд. 12, 13. По возвращеніи изъ путешествія заявилъ о затрудненіяхъ въ книжныхъ сообщеніяхъ между Россіей и другими славянскими странами. XII. Докладъ его о способѣ печатанія переписки Державина. XIII. Разсматривалъ, по порученію Отдѣленія, русско-французскій словарь Макарова, XIII, и сообщилъ о немъ отзывъ. XXI. Представилъ списки пожертвованій на памятникъ Востокову. XXIX. Отзывъ его о словарѣ В. И. Даля. XXX. О передачѣ ему копіи съ письма Державина къ Оленину по поводу перваго представленія «Эдипа въ Аѳинахъ». XXXIII. Заявилъ о доставленіи Г. К. Рѣпинскимъ двухъ бумагъ для біографіи Державина. XXXIII. Представилъ рукопись г. Кеневича о баснях Крылова. XXXVII. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XLI. Читалъ полученныя имъ отъ А. В. Горскаго, П. И. Саввантова и К. Г. Рѣпинскаго письма. XLI.

Грузинцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Губерніи. Свѣдѣнія, изданныя или собранныя Кеппеномъ, о нихъ.

Объ Архангельской г. **6.** 16.
— Астраханской г. **6.** 15.
— Вологодской г. **6.** 16.
— Воронежской г. **6.** 35.
— Вятской г. **6.** 16, 35.
— Казанской г. **6.** 19.
— Ковенской г. **6.** 35.
— Костромской г. **6.** 12.
— Нижне-Новгородской г. **6.** 12.
— Новгородской г. **6.** 12.
— Олонецкой г. **6.** 16.
— Орловской г. **6.** 17.
— С.-Петербургской г. **6.** 13, 34.
— Тамбовской г. **6.** 35.
— Тверской г. **6.** 12.
— Тульской г. **6.** 11, 17.
— Ярославской г. **6.** 12.

Даль, В. И. **3.** 101, 106. О словахъ, прибавленныхъ и пропущенныхъ въ его Словарѣ. XXII, XXV. Отзывъ акад. Грота о Словарѣ его. XXXI.

Даничичъ. Юрій, сербскій писатель и секретарь юго-славянской академіи. **3.** 101. **5.** 7. Его сочиненія о ђ и ђ. **5.** 8—10. Обзоръ записей при рукописяхъ. **5.** 8.

Делиль, Н. І., академикъ. Его проектъ о способѣ для повѣрки часовъ жителей Петербурга. XIII, XIV.

Демидовъ, Александръ. Ошибочно приписано ему стихотвореніе Дубровскаго. **4.** 29, 30.

Державинъ. Г. Р. Объ изданіи IV и V томовъ соч. его и указателѣ къ первымъ томамъ. **7.** 4 и слѣд. О копіи съ письма его къ Оленину по поводу разговора съ нимъ. Александромъ Павловичемъ о первомъ представленіи «Эдипа въ Аѳинахъ». XXXIII. О доставленіи матеріаловъ для біографіи его. XXXIV, XLII. Чтеніе акад. Грота о сношеніяхъ Державина съ митрополитомъ Евгеніемъ. XLI. О способѣ печатанія переписки его въ изданіи его сочин. XIII.

Диффенбахъ. 3. 73, 114.

Дмитрій самозванецъ. L. **4.** 52.

Днѣпръ. О земляхъ при нижнемъ Днѣпрѣ. **6.** 8.

Древности. Статьи Кеппена о древностяхъ сѣвернаго Черноморья. **6.** 28 — 30. О древностяхъ въ Польшѣ, Венгріи и Трансильваніи. **6.** 28. Письмо Кеппена о славянскихъ древностяхъ въ Сирміи. **6.** 23. Письма О. И. Глинки о древностяхъ Тверской Кареліи. **6.** 30. О русскихъ древностяхъ, Кеппена. **6.** 29. Рукописные матеріалы, касающіеся Крымскихъ и разнородныхъ древностей. **6.** 34.

Дубровскій, А. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 29 — 37.

Дюбрюксъ (Dubrux). Бумаги и рисунки его, касающіеся Крымскихъ древностей. **6.** 34.

Дювернуа, В. **7.** 12.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій. О празднованіи столѣтняго юбилея его. **7.** 12. XL. О двухъ спискахъ его изслѣдованія о славянскомъ переводѣ библіи. XLI.

Евреи. Статьи Кеппена о числѣ и устройствѣ Евреевъ въ Россіи. **6.** 11. 12.

Эйлеръ, Л., академикъ. Лекціи его при Академіи. **4.** 28. Покровительствуетъ Котельникову и Румовскому. **4.** 30, 34, 35.

Эйлеръ, сынъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Екатерина II, императрица. Извлеченіе изъ соч. Аделунга объ услугахъ, оказанныхъ ею сравнит. языкознанію. **6.** 25. Заботы о пріобрѣтеніи для Московскаго архива иностранной коллегіи библіотеки Миллера. XVI. Повелѣніе ея объ осмотрѣ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX. Порученіе Ломоносову касательно содержанія для картинъ изъ русской исторіи. XLIII, XLVI.

Елецъ. Статья Кеппена о крупчатыхъ мельницахъ въ немъ. **6.** 21.

Елагинъ, И. П. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 14.

Елисавета Петровна, императрица. Повелѣніе ея о правописаніи представляемыхъ ей дѣловыхъ бумагъ. XXXIII. Жалоба къ ней отъ синода на Ежем. сочиненія. **4.** 44, 45.

Епифаній Славинецкій. Свѣдѣнія о немъ. XI.

Ефремовъ, П. А. Доставилъ три записки Державина и письмо къ нему отъ Гнѣдича. XLII.

Забой. **3.** 5, 6.

Заведенія транспортныя въ Россіи. Статья Кеппена. **6.** 21.

Завилейскій. Рецензія Кеппена на его статистику Царства Польскаго. **6.** 17.

Залокаръ. **3.** 106.

Зуевъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Зыряне. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Иванъ Васильевичъ, великій князь. XLIX.

Иванъ Васильевичъ, царь. L.

Ижора. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о ней. **6.** 11, 13.

Имена лицъ, рѣкъ и пр., собранныя Кеппеномъ. **6.** 34.

Иновѣрцы въ Россіи. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 12, 35.

Инородцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 10, 12, 34.

Ирина Оедоровна, царица. L.

Іоаннъ Лѣствичникъ. Рукопись. IX.

Кавказъ. Статьи Кеппена о немъ. **6.** 9, 33, 17.

Калайдовичъ. **3.** 109. Издаетъ списокъ русскимъ памятникамъ, составленный Кеппеномъ. **6.** 24.

Калмыки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11, 15.

Камень Рогволодовъ 1171 г. Статья Кеппена о немъ. **6.** 30.

Камень Тмутараканскій. Письмо Кеппена о немъ. **6.** 30.

Каницъ, директоръ Казанской гимназіи. О письмахъ его къ Державину. XIII.

Кантемиръ, А., князь. Жалоба Синода на изданіе его перевода. **4.** 44.

Каразинъ, В. Н. Біографическія свѣдѣнія Кеппена о немъ. **6.** 31.

Караджичъ. **3.** 103, 115, 117.

Карамзинъ, Н. М. **3.** 106. О значеніи его въ исторіи русскаго литературнаго языка. **7.** 5.

Каратаи, мордовское племя. Статья Кеппена о немъ. **6.** 14.

Кареллы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Карта южнаго берега Крыма, изд. Кеппеномъ. **6.** 29.

Карта Европ. Россіи, изд. военно-топогр. Депо. Отзывъ Кеппена о ней. **6.** 7.

Кастренъ, М. Дополнительная инструкція, составленная Кеппеномъ, при отъѣздѣ въ Сибирь. **6.** 15.

Кёлеръ (Köhler), академикъ. Его полемика съ Кеппеномъ, **6.** 27, и Рауль-Рошетомъ о Черноморскихъ древностяхъ. **6.** 27, 28.

Кеневичъ, В. О. О напечатаніи его «Библіографическихъ и историческихъ примѣчаній къ баснямъ Крылова». XXXVII.

Керчь. 3. 102.

Киргизы, подвластные Россіи. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 15.

Киркоръ. 3. 117.

Клоцъ, графъ. **3.** 27.

Клунъ. 3. 117.

Книга кормчая. Статья Кеппена о ней. **6.** 23.

Книжевникъ, повременное изданіе на Сербо-хорват. яз. **5.** 3.

Кобеко, Д. О. Доставилъ собственноручную записку Державина. XLII.

Ковринъ, М. **4.** 24.

Козицкій, Г. Воспитаніе на счетъ Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 37, 38.

Козодавлевъ, О. П., министръ внутр. дѣлъ, покровитель Кеппена **6.** 2.

Комитетъ (центральный статистическій). Издастъ съ 1861 г. «Списки населенныхъ мѣстъ». **6.** 11.

Коммерцъ-коллегія. Вѣдомости ея съ 1758 по 1773 годъ. **6.** 35.

Кондратовичъ, Кириакъ. Пребываніе его въ Екатеринбургѣ. V.

Константиновъ, А., академическій магистръ. **4.** 34.

Контора (главная соляная). Дѣла ея съ 1770 по 1776 г. **6.** 35.

Корфъ, баронъ, президентъ Академіи. Представляетъ о проектѣ академика Делиля. XIII, XIV. Его заботы объ образованіи русскихъ при Академіи. **4.** 22—24, 57, 58, 85—87.

Котельниковъ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 30—34.

Красильниковъ, Матвей. Статья его въ Ежем. соч. **4.** 48.

Крейцеръ (Creutzer). Его разборъ сочиненія Кеппена о Гекатѣ **6.** 28.

Крекшинъ, П. Представленіе его о бумагахъ князя Меньшикова. VII.

Крестьяне. Статистическія свѣдѣнія о нихъ. **6.** 20, 35.

Кромаренковъ, В., академическій студентъ и переводчикъ. **4.** 39.

Кружали, аббатъ, исторіографъ временъ Петра Великаго. III.

Крыловъ, Александръ. Вѣдомость, составленная имъ о народонаселеніи Россіи. **6.** 19.

Крыловъ, П. А. О напечатаніи къ его юбилею труда г. Кеневича о

басняхъ его. XXXVII. Автографы 15 басенъ его въ Имп. Публичной библіотекѣ. XXXVIII. О празднованіи столѣтняго юбилея его. XXXIX.

Крымъ. Крымскій сборникъ, Кеппена. **6.** 29. Рукописные матеріалы для описанія Крымскихъ древностей, Кеппена. **6.** 34. О виноділіи на Южномъ берегу Крыма, Кеппена. **6.** 22. Сочиненія и рукописные матеріалы Кеппена для ближайшаго познанія горной части Крыма. **6.** 8, 35. Статья Кеппена о саранчѣ въ Крыму въ 1859 г. **6.** 33.

Куникъ, А. А., академикъ. Побуждаетъ Кеппена къ изданію матеріаловъ для исторіи инородцевъ въ Россіи. **6.** 10. Предлагаетъ вмѣстѣ съ Кеппеномъ Академіи Наукъ собирать приходскіе списки для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. **6.** 11. Письмо Кеппена къ нему объ образцахъ бѣлорусскаго и малороссійскаго нарѣчій. **6.** 25. Предисловіе его къ объяснительному тексту Этнографической карты С.-Петербургской губерніи, Кеппена. **6.** 34. Участіе его въ составленіи плана «Русской истор. библіографіи». III. Доставилъ сдѣланный подъ его надзоромъ снимокъ съ «привилегіи», данной Ломоносову на учрежденіе стеклянной фабрики. XXXVII. Участвуетъ въ празднованіи столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL.

Купъ. **3.** 48, 116.

Кургановъ, П. Статьи его въ Ежем. сочин. **4.** 48.

Курганы. См. Могилы.

Курляндія. Статья Кеппена о ея народонаселеніи. **6.** 13.

Курій. **3.** 34. 75, 101, 113.

Лавровскій, П. А. Его изслѣдованіе «О коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ» въ настоящемъ томѣ сборника № 3.

Ламбинъ, Б. П. Издастъ матеріалы для исторіи инородцевъ Европейской Россіи, собранные Кеппеномъ. **6.** 10.

Ламбины, П. и Б. Изданіе въ свѣтъ составленнаго имъ 4 и 5 вып. «Русск. истор. Библіографіи. III. XLIV.

Лапонцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Лассенъ. **3.** 25, 26, 27, 28, 57, 104.

Латамъ (Latham). Издалъ Этнографическую карту Кеппена въ уменьшенномъ видѣ. **6.** 10.

Латкинъ. Его путешествіе по Архангельской губерніи. **6.** 16.

Лебедевъ, Василій. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 21. 22, 48. Воспитаніе его. **4.** 24 — 28.

Лемке. **3.** 22.

Лео, Генир. **3.** 102.

Лепехинъ, академикъ. Указатель къ его сочиненіямъ, изготовленный Д. Языковымъ. **6.** 35. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ, XXVIII, XXIX.

Лербергъ, академикъ. Его изслѣдованія объ Югорской землѣ, переведено въ извлеченіи П. Кеппеномъ. **6.** 2, 31.

Летроннъ. Его статья объ ольвійскомъ псефисмѣ. **6**. 27.

Летты. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Ливы. Свѣдѣнія, сообщенныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 13.

Линде. **3**. 40. Переведъ Кеппеновы «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи» на польскій языкъ. **6**. 22. Біографія его, составленная Кеппеномъ. **6** 31.

Литературы славянскихъ народовъ. Свѣдѣнія, сообщенныя Кеппеномъ. **6** 24.

Литовцы. Свѣдѣнія о нихъ, напечатанныя Кеппеномъ. **6**. 12, 23.

Лифляндія. Свѣдѣнія, напечатанныя Кеппеномъ о ея народонаселеніи. **6**. 13.

Лихтенштедтъ, докторъ. Пишетъ предисловіе къ сочиненію Кеппена о холерѣ въ Бакчисараѣ. **6**. 31.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. О первомъ присужденіи учрежденной въ память его преміи. **7**. 4. О воспитаніи его въ московскихъ духовныхъ школахъ. XIV. Его прошеніе о чинѣ и пенсіи. XIV, XXVI — XXVIII. Мысли его о картинахъ изъ русской исторіи. XLIII, XLVI — LII. См. также подробный указатель къ статьѣ подъ № 1. Споры по поводу изданія Миллеромъ при Академіи журнала. **4**. 4, 5, 8, 9, 12, 13. О вызовѣ его изъ Москвы въ Академію Наукъ. **4**. 22 — 26. Приписаны ему несправедливо стихи Дубровскаго. **4**. 36, 37. Цензурныя придирки къ Миллеру. **4**. 45—48, 51—56. О снимкѣ съ «привилегіи», данной ему на учрежденіе стеклянной фабрики. XXXVII.

Лоттнеръ. **3**. 106, 107.

Лѣса. Статья Кеппена о нихъ въ приволжскихъ странахъ. **6**. 8.

Любичъ, Симонъ, хорватскій писатель. Его сочиненіе о Римской надписи въ Далмаціи. **5**. 8. Его Обзоръ хорватской исторіи. **5**. 11.

Люди крѣпостные. См. Крестьяне.

Магницкій, попечитель Казанскаго учебнаго округа. Донось его на издателя Библіографическихъ листовъ, П. Кеппена. 31.

Мадьяры. Библіографическая статья Кеппена о мадьярскихъ нарѣчіяхъ. **6**. 26.

Макарій, архіепископъ Харьковскій. **3**. 117. Труды его въ 1867 г. **7**. 11.

Макаровъ. **3**. 113.

Макаровъ, Ник. Петр. Отзывъ акад. Грота о русско-французскомъ словарѣ его. **7**. 6. XIII, XXI.

Макъ-Миллеръ. **3**. 72, 74.

Макушевъ, В. **7**. 12.

Мальте-Бренъ. Переводитъ на французскій языкъ статью Кеппена объ ольвійскомъ псефисмѣ. **6**. 27.

Мамай. XLIX.

Манганари. Отзывъ Кеппена объ его Атласѣ Чернаго моря. **6**. 8.

Марфа Посадница. XLIX.

Масонъ, Иванъ, содержатель пенсіона и авторъ Записокъ о Россіи. XXIX.

Матковичъ, Петръ, хорватскій писатель. Его сочиненіе о Московской этнографической выставкѣ и объ успѣхахъ географіи въ Россіи. 5. 8.

Медеръ, секретарь академической канцеляріи. 4. 26.

Меншиковъ, Александръ Даниловичъ, князь. Разборъ бумагъ его въ Академіи. VII.

Метлинскій. 3. 105, 115.

Метрологія (русская). Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ. 6. 35.

Мещеряки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. 6. 11.

Миклошичъ. 3. 4, 64, 101, 105, 114, 117. Объ изданной имъ части Супральской рукописи. IV.

Микуцкій. 3. 101, 111.

Миллеръ, Герардъ Фридрихъ, академикъ. 7. 6, 7. Его библіотека. III, XIV—XXI. Представленіе о сохраненіи бумагъ, касающихъ русской исторіи. VII. VIII. См. также подробный указатель въ ст. подъ № 1. Изданіе имъ Ежемѣсячн. сочиненій. 4. 2, 4 — 13. Отзывы о своихъ академическихъ сотрудникахъ. 4. 18, 40. Нападки на него Ломоносова по цензурѣ Ежемѣс. сочиненій. 4. 45 — 48, 51 — 56.

Миллеръ (Johannes von Müller). Его статья объ источникахъ Римской исторіи переведена П. Кеппеномъ. 6. 31.

Миллеръ, О. О., магистръ. 3. 89, 113. Доставилъ Пекарскому рукопись Рыбникова. VII.

Милютинъ, В. А. 4. 1, 2, 29, 49.

Мининъ, Косма. I.

Михаилъ, первый митрополитъ Кіевскій. XLVII.

Михаилъ Оедоровичъ, царь. Изображенія событій изъ его царствованія. XLVI.

Могилы. Статья Кеппена о курганахъ въ Россіи вообще. 6. 29, 36. Въ южной Россіи. 6. 29. Въ Московской губерніи. 6. 30. Рукописныя свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о курганахъ вообще въ Россіи и о Керченскихъ могилахъ. 6. 34.

Модерахъ, адъюнктъ Академіи. Разборъ имъ бумагъ кн. Меншикова. VII.

Моисѣенко, адъюнктъ Академіи. Осмотръ имъ школъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Мордва. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. 6. 11.

Море Черное. Статья Кеппена о немъ. 6. 33.

Москва. Рукописный списокъ жителямъ ея. 6. 35.

Мотонисъ, Н. Воспитаніе на счетъ Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 37, 38.

Мстиславъ Владимировичъ, великій князь. XLVII, XLVIII.

Мухановъ, издатель Историческаго сборника, въ которомъ помѣщена грамота велик. кн. Бориса Тверскаго. XXXVIII, XXXIX.

Надписи. Греческія надписи Кеппена. **6**. 34. Русскія Двинскія надписи, изданныя Кеппеномъ. **6**. 30.

Народонаселеніе Россіи. Статья Кеппена о немъ. **6**. 7, 17, 18.

Нарѣчія (русскія). Матеріалы, собранные для познанія ихъ Кеппеномъ **6**. 25.

Нартовъ, А. К. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 48.

Небольсинъ. Рецензія Кеппена на его Коммерческую статистику. **6**. 20.

Невоструевъ, К. И. О присужденіи ему Ломоносовской преміи за «Описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки» **7**. 4, 10.

Несмѣяновъ, Яковъ. **4**. 24.

Нессельманнъ. **3**. 103.

Несторъ. **3**. 8, 45, 88.

Николай Павловичъ, императоръ. Заботы его о сохраненіи историческихъ матеріаловъ. VIII.

Никонъ Черногорецъ. Отрывокъ изъ словъ его. VIII.

Новаковичъ, Стоянъ, сербскій писатель. Его Исторія сербской письменности. **5**. 11.

Новотный. **3**. 81, 116.

Носовичъ, И. И. О печатаніи Бѣлорусскаго словаря его. **7**. 10. IV.

Нумизматика (русская). Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ по ея части. **6**. 35, 36.

Нѣмцы. Статья Кеппена о ихъ числѣ и селеніяхъ въ Россіи и Польшѣ. **6**. 11, 12, 13, 34.

Ободовскій. Рецензія Кеппена на его Теорію статистики. **6**. 15.

Общество (С.-П—ское археологическое). Пріобрѣло въ 1861 г. матеріалы Кеппена по части славянской палеографіи. **6**. 1, 25.

Общество (вольное) любителей россійской словесности въ С.-Петербургѣ основано при содѣйствіи И. Кеппена. **6**. 33.

Общество Человѣколюбивое въ С.-Петербургѣ основано при содѣйствіи И. Кеппена. **6**. 33.

Озера Россійской имперіи. Статья Кеппена о нихъ. **6**. 7.

Озеровъ, В. А. О письмѣ Державина къ Оленину по поводу перваго представленія трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ». XXXIII.

Олегъ, князь. L, LI.

Оленинъ, А. Н. О сдѣланной имъ копіи съ письма Державина. XXIII.

Ольвія. Планъ города Ольвіи, изданный Кеппеномъ. **6**. 26. Ольвійскій псефисмъ, изданный Кеппеномъ. **6**. 27. Рукописныя замѣтки Кеппена объ Ольвіи поступили въ Одесское общество исторіи. **6**. 34.

Ольга, великая княгиня. XLVII.

Ольдекопъ. Реценсія Кеппена на его Географію Россійской имперіи. **6.** 7.

Орловъ, Н. М. О снимкѣ съ принадлежащей ему привилегіи, данной Ломоносову на учрежденіе стеклянной фабрики. XXXVII.

Осташковъ, городъ. О сравнительной высотѣ его по Панслеру. **6.** 8.

Остерманъ, графъ, кабинетъ-министръ. Письмо къ нему Татищева. V.

Павинскій, Григорій. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 35.

Павловскій. Отзывъ акад. Срезневскаго о Нѣмецко-русскомъ словарѣ его. **7.** 3. XXXIV. Реценэія Кеппена на его Географію Россійской имперіи. **6.** 9.

Павскій. 3. 110.

Палацкій, Ф. Ю. **7.** 12.

Палеографія, русская. Труды Кеппена по этой части. **6.** 24, 30.

Памятники, славянскіе внѣ Россіи, собранные и изданные Кеппеномъ. **6.** 24. 25.

Панслеръ. Его статья о сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани. **6.** 8.

Пантикапея. Рукописныя свѣдѣнія Кеппена о ней. **6.** 34.

Пекарскій, П. П., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 6. Доставленныя имъ свѣдѣнія: о до-петровской картѣ съ изображеніемъ р. Невы и пр. II. О библіотекѣ академика Миллера. III. Объ окончаніи печатаніемъ 4 и 5 выпусковъ «Русскои историч. библіографіи». III, XLIV. Объ изданіи въ свѣтъ изслѣдованія о П. Рычковѣ. VI, VII. О разсказѣ въ лѣтописной формѣ 1700 года. VII, XXXVIII. О проектѣ Делиля для повѣрки часовъ въ Петербургѣ. XIII, XIV. О подробностяхъ первоначальнаго воспитанія Ломоносова. XIV. О прошеніи Ломоносова о чинѣ и пенсіи. XIV. О частныхъ училищахъ въ Петербургѣ 1780 г. XXVIII, XXIX. Написалъ изслѣдованіе «Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго журнала въ 1755—1764 годахъ». XXXIII. Доставилъ извѣстіе о повелѣніи императрицы Елисаветы на счетъ правописанія дѣловыхъ бумагъ. XXXIII. О ходѣ работъ своихъ по исторіи Академіи. XXXIX. О грамотѣ Тверскаго князя Бориса Александровича. XXXVIII. О мысляхъ Ломоносова касательно картинъ изъ Русской исторіи. XLIII, XLVI—LII. Изслѣдованія его, вошедшія въ настоящій томъ сборника: **1.** Жизнь и литературная дѣятельность П. И. Рычкова. 1—184. **4.** «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ». 1—88. О замѣчаніяхъ его касательно изслѣдованія г. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. XLII.

Пермяки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Петрановичъ, Божидаръ, сербскій писатель. Его книга о Богомилахъ. **5.** 11.

Пещеры, крымскія. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 9.

Пикте. 3. 26, 28, 31, 33, 48, 57, 72, 75, 89, 104, 108, 114.

Пинто, М. А. О снимкахъ съ болонской псалтыри, сдѣланныхъ подъ его наблюденіемъ. XXXII.

Писатели, русскіе. Статья Кеппена о правахъ ихъ. **6**. 32.

Писатели, харьковскіе. Статья Кеппена о нихъ. **6**. 25.

Погодинъ, М. П., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7**. 11.

Пожалостинъ, Ив. Петр. О заказѣ ему вырѣзать на мѣди портретъ митрополита Филарета Московскаго. XLI.

Пожарскій, Д. М. князь. LI.

Полетика, Г. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 15.

Польша. Статья Кеппена о народонаселеніи ея. **6**. 12, 14. Статистика Польши Завилейскаго. **6**. 17.

Помѣщики. О числѣ ихъ по 8 ревизіи. **6**. 35.

Порфирій, епископъ чигиринскій. О его рукописяхъ и древностяхъ. XII. **7**. 2.

Полѣновъ, А., академическій студентъ. **4**. 39.

Поповскій, П. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 29—35.

Поповъ, П., академикъ. Просмотръ имъ акад. журнала. **4**. 10. Воспитаніе его. **4**. 23 — 28. Участіе въ помѣщеніи стиховъ въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 49, 50.

Порошинъ, С. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 43, Отзывы его объ академическихъ переводчикахъ. **4**. 22.

Поттъ. **3**. 21, 29, 57, 74, 109.

Почта. Статья Кеппена о письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи. **6**. 20. Статьи Кеппена о числѣ почтовыхъ лошадей. **6**. 20.

Почта, сѣверная. Основаніе ея. **6**. 2.

Прокудинъ-Горскій, Михаилъ. **4**. 49.

Промыслъ мочальный. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о немъ. **6**. 21.

Просвѣщеніе въ Россіи. Труды Кеппена по исторіи его. **6**. 22, 23, 32.

Протасовъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Протогенъ, ольвійскій гражданинъ. Псефисмъ въ честь его. **6**. 27.

Пшено сарачинское. Кеппенъ о разведеніи его въ Кавказской области. **6**. 27.

Разумовскій, К. Г., графъ. См. о немъ въ подробномъ указателѣ въ ст. подъ № 1. Предложеніе его издавать русскій журналъ. **4**. 4, 5. Распоряженіе его о томъ. **4**. 8, 10, 11, 15, 19, 41, 45.

Разумовъ, Алексѣй. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4**. 38 — 40.

Рауль-Рошетъ, французскій академикъ. Рецензія Кеппена на его сочиненія о Босворѣ Киммерійскомъ. **6**. 26. Письмо его о критикѣ Кеппена. **6**. 27. Замѣчанія Кёлера о трудѣ его и о критикѣ Кеппена. **6**. 27.

Рачскій, Фр., каноникъ, хорватскій писатель, одинъ изъ издателей

Книжевника. 5. 3. Предѣдатель югославянской академіи. 5. 7. Его изданіе грамотъ, относящихся къ исторіи хорватовъ и сербовъ. 5. 8. 7. 4.

Рачскій. Участіе его въ Книжевникѣ. II.

Редедя, князь косожскій. XLVII, XLVIII.

Рейнъ, проф. гельсингфорскій. Его статья о народныхъ переписяхъ въ Финляндіи. 6. 19.

Реке (фонъ-деръ). Извѣстіе Кеппена о его Словарѣ лифляндскихъ писателей. 6. 25.

Ренье. 3. 112.

Реннель. 3. 118.

Рихманъ, академикъ. 4. 32.

Рогальскій, Леонъ. Перевель на польскій языкъ сочин. Кеппена о языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. 6. 23.

Рогнѣда или Горислава, княжна полоцкая. XLVIII.

Розенкампфъ, баронъ. Извѣстіе Кеппена объ его трудѣ о Кормчей книгѣ. 6. 23.

Розенкампфъ. 3. 118.

Романовъ, О. И., боярин. Д.

Руконись фрейзингская. Изданы Кеппеномъ и объяснены Востоковымъ. 6. 24.

Румянцовъ, П. П., графъ. Представилъ П. Кеппена министру внутр. дѣлъ Козодавлеву. 6. 2. На его иждивеніи издано Кеппеново собраніе слав. памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. 6. 24. Ему Кеппенъ посвятилъ свою книгу о Черноморскихъ древностяхъ. 6. 26.

Румовскій. С., академикъ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 30 — 34.

Рыбниковъ. Принадлежность ему руконися съ лѣтописнымъ разсказомъ о 1700 годѣ. VII.

Рычковъ, Д. И. Приноситъ въ даръ руконися его предка. XXXVII.

Рычковъ, Петръ Ивановичъ. 7. 6. Изслѣдованіе о немъ напечатано акад. Пекарскимъ. VI, VII, въ отдѣлѣ № 1. Письма его и бумаги подарены Академіи правнукомъ его Д. И. XXXVII. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 14, 15. Письмо Миллера. 4. 54, 55.

Рѣпинскій, Г. К. Доставилъ матеріалы для біографіи Державина. XXXIV. Заявилъ о разрѣшеніи оставить въ Академіи Наукъ дѣла съ подлинными письмами Державина. XLI, XLII.

Рѣки. Рукописное собраніе Кеппена объ ихъ названіяхъ. 6. 34, 36.

Саввантовъ, П. И. Доставилъ свѣдѣнія о приготовительныхъ трудахъ митрополита Евгенія къ изслѣдованію о славянскомъ переводѣ библіи. XLI.

Савитри. 3. 116.

Сакко, Либера, танцовщица. 4. 49, 50.

Самоѣды. Свѣдѣнія о нихъ, собранныя Кеппеномъ. 6. 11.

Саранча. Статья Кеппена объ ихъ появленіи въ Крымѣ въ 1859 г. **6.** 33.

Сатьяванъ. **3.** 116.

Сахаровъ. **3.** 115.

Сборникъ Крымскій. Сочиненіе П. Кеппена. **6.** 28.

Святославъ Игоревичъ, великій князь. LI.

Святославъ Ярославичъ, великій князь. LI.

Святцы сравнительные. Матеріалы, собранные Кеппеномъ. **6.** 35, 36.

Сербиновичъ, К. С. XL.

Сербо-хорватскій народъ. **5.** 12. Исторія его литературы. **5.** 12.

Сербы. Объ ихъ селеніяхъ въ Россіи. **6.** 11.

Сибирь. Статья Кеппена о ней. **6.** 7. Его же дополнительная инструкція М. Кастрену. **6.** 15.

Симеонъ Полоцкій. Свѣдѣнія о немъ. XI.

Симонъ Тодорскій. **4.** 45.

Синодъ, свят. прав. Представленіе его императрицѣ о безбожныхъ статьяхъ въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 43—45.

Скальковскій, А. А. Рецензія Кеппена на его Статистич. описаніе Новороссійскаго края. **6.** 16.

Словесность русская. Обозрѣніе источниковъ ея, составленное Кеппеномъ. **6.** 22.

Снегиревъ, И. М. Получилъ отъ Кеппена большую часть собранныхъ имъ извѣстій о народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ. **6.** 36. Объясненіе имъ одной пословицы. XXV.

Собраніе законовъ. Извлеченіе изъ нихъ для исторіи инородцевъ въ Россіи. **6.** 10.

Соймоновъ, О. И. **4.** 11, 49, 55.

Соколовъ, О. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 30 — 35.

Сословія въ Россійской имперіи. Свѣдѣнія, напечатанные Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 18.

Софроновъ. Воспитаніе его при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочин. **4.** 30 — 35.

Списки приходскіе, собранные Академіею Наукъ на пользу Этнографіи Россіи. **6.** 10.

Спревичъ, художникъ. О рисованномъ имъ портретѣ митрополита Филарета Московскаго. XLI.

Срезневскій, И. И., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 1 и сл. 12, 13. Сообщилъ объ юго-славянской рукописи XII вѣка и другихъ, доставленныхъ В. И. Григоровичемъ. I. Докладъ о загребскомъ изданіи «Книжевникъ». II. Ему сообщена часть супральской рукописи. IV. По возвращеніи изъ командировки представилъ фотографическій портретъ митрополита Евгенія и прочелъ записку о рукописяхъ епископа Порфирія,

которыя видѣть въ Кіевѣ. XII. Прочель записку о сдѣланныхъ имъ снимкахъ и спискахъ съ доставленныхъ ему рукописей. XXIX. Представилъ два снимка съ болонской псалтыри XII вѣка и заявилъ о возможности испросить присылку ея въ Академію. XXXII. Отзывъ его о 2-мъ изданіи Нѣмецко-русскаго словаря г. Павловскаго. XXXIV. Доложилъ о содержаніи печатаемыхъ имъ дополненій къ сборнику юсоваго письма. XXXVIII. Прочелъ статью свою о трудахъ загребской юго-славянской Академіи. XXXIX. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL. Читалъ записку о псалтыри безъ толкованій, относимой имъ къ XI вѣку. XLII. 3. 102, 118. Издалъ снова Востокова объясненіе фрейзингскихъ отрывковъ. 6. 24.

Старковъ. 4. 24.

Статистика Россіи. Труды Кеппена по этой части. 6. 15 и слѣд.

Стевенъ, Хр. Хр., ботаникъ. Біографія его, составленная Кеппеномъ, 6. 31.

Стефанъ, архимандритъ Спасскаго монастыря. 4. 23, 24.

Строевъ, М., издатель Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи. 6 9.

Стросмайеръ, Іосифъ, епископъ Босенскій и Срѣмскій. Его участіе въ основаніи Юго-славянской академіи. 5. 4. Избранъ ея покровителемъ. 5. 6.

Стрыйковскій. 3. 79.

Судакъ. Изслѣдованія Кеппена о немъ. 6. 36.

Сумароковъ, А. П. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 14, 17. Ссылки его на Козицкаго и Мотониса. 4. 37. Ссоры съ Тредіаковскимъ за стихи. 4. 41 — 43.

Сумароковъ, П. И. Записка къ нему Державина. XLII.

Сумбека, царица Казанская. XLIX.

Сухомлиновъ, М. И. XL.

Татары. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. 6. 11.

Татищевъ, В. Н. Свѣдѣнія о немъ изъ Екатеринбургскаго архива IV—VI. См. также въ подробномъ указателѣ къ ст. подъ № 1, о его исторіи. 4. 53.

Таубертъ, Н. Н., академическій совѣтникъ. См. подробный указатель въ статьѣ подъ № 1. Причина недовольства на него Сумарокова. 4. 17 Объясненія съ нимъ по поводу стиховъ къ танцовщицѣ. 4. 49. Жалоба на него Ломоносова. 4. 51. Письмо къ нему Миллера. 4. 56.

Тверь. Письмо Ѳ. Н. Глинки къ П. Н. Кеппену о древностяхъ въ Тверской Карелін. 6. 30.

Тепловъ, А., капитанъ. Его статья въ Ежем. соч. 4. 48.

Тепловъ, В., академическій переводчикъ. 4. 22.

Тепловъ, Г. Н. 4. 6, 31.

Тецманъ, Ф. Его статья о южно-русскихъ степяхъ. 6. 8.

Тиршъ, Ф. Его сочиненіе объ ученыхъ училищахъ извлечено Кеппеномъ на русскомъ языкѣ. **6.** 32.

Тихонравовъ. **3.** 117.

Толстой, Осд. Андр., графъ. Его пждивеніемъ напечатанъ Кеппеновъ «Списокъ памятникамъ». **6.** 24.

Торбаръ, Іосифъ, хорватскій писатель, одинъ изъ издателей Книжевника. **5.** 3. Его сочиненія о перелетныхъ птицахъ. **5.** 8.

Торговля, винная, въ Россіи. Сочиненіе Кеппена о ней. **6.** 22.

Тредіаковскій, В. К. Переводъ его проекта академика Делиля. XIII. См. также подробный указатель въ ст. подъ № 1. Споръ по поводу цензуры и пр. съ Ломоносовымъ. **4.** 5, 8, 9. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 15 — 17, 48. Экзаменъ Шестаковскаго. **4.** 20. Выборъ воспитанниковъ для Академіи въ Новгородѣ и Москвѣ. **4.** 31, 32. Лекціи его. **4.** 32. Пререканія съ Сумароковымъ и доносъ на него. **4.** 41, 42, 43. Жалобы на него Ломоносова. **4.** 51.

Труберъ. **3.** 70.

Труды Юго-славянской Академіи. Ея повременное изданіе. **5.** 7 — 11.

Тула. См. Губерніи.

Тютчевъ, О. П. XL.

Уваровъ, А. С. графъ. Объ историческихъ задачахъ для соисканія установленныхъ ихъ наградъ. XXXVII.

Улихъ, гиттенмейстеръ. Донесенія его Татищеву. VI.

Устряловъ, Н. Г., академикъ Участвуетъ въ празднованіи юбилея митрополита Евгенія. XL.

Училища сельскія. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 32.

Фестъ. **3.** 11.

Филаретъ, митрополитъ Московскій. Труды его въ 1867 г. **7.** 10. Некрологъ его. **7.** 28 — 38. О доставленномъ А. В. Горскимъ портретѣ высокопреосвященнаго. XLI.

Финляндія и **финляндцы.** Статья Кеппена по части этнографіи и географіи ея. **6.** 14, 19.

Фишеръ, Э. Извѣстія его объ академическихъ воспитанникахъ. **4.** 32 — 34.

Фотій, митрополитъ. Сборникъ поученій и посланій его. XI.

Французы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ объ ихъ поселеніяхъ въ Россіи. **6.** 11.

Ходаковскій. Его Археологическо-этнографическій именословъ, находящійся въ Имп. публичной библіотекѣ. **6.** 11.

Хрущевъ. Его переписка съ Татищевымъ. V.

Художества въ Россіи. Труды Кеппена по исторіи ея. **6.** 29, 36.

Цейгеръ, академикъ. **4.** 22.

Цицеронъ, Ц. Записки Кеппена о рукописяхъ его сочиненія: De republica. **6.** 26.

Цыгане русскіе. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Чадовъ, А. **4**. 24.

Черемисы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Черкасовъ, П. А., баронъ. Объявленія его о повелѣніи императрицы Елисаветы касательно правописанія. XXXIII.

Черкасскій, князь. Его переписка съ Татищевымъ. V.

Чистовичъ, И. А. Разсмотрѣніе акад. Некрасовымъ его изслѣдованія о Осодорѣ Прокоповичѣ. **7**. 8. О напечатаніи этого изслѣдованія на счетъ Академіи. XLII.

Чуваши. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Чупинъ, И. К. Собранные имъ матеріалы о В. Н. Татищевѣ. VI—IV.

Шайноха. **3**. 99.

Шафарикъ. **3** 13, 102, 108. Его отзывъ объ Археологическо-этнографическомъ именословѣ. **6**. 11.

Шафарикъ, П. Й. О принадлежащей ему рукописи XII вѣка. **7**. 3. I, XXX.

Шелководство въ Россіи. Статья Кеппена о немъ. **6**. 22.

Шестаковскій, О., академическій адъюнктъ. Приключенія его. **4**. 19, 21.

Шимановичъ. **3**. 83, 114.

Шимкевичъ. **3**. 3, 22, 23, 81, 102.

Ширинскій-Шихматовъ, Ив. Андр., князь. Письмо Кеппена къ нему о доносѣ Магницкаго. **6**. 31.

Шишкаревъ, П. Наказанъ за бранные отзывы о нѣмцахъ. **4**. 24, 25, 26.

Шишковъ, А., министръ народн. просвѣщ. Отношенія Кеппена къ нему. **6**. 3.

Шлейхеръ. **3**. 3, 104, 108.

Шлецеръ. См. о немъ въ подробномъ указателѣ въ ст. подъ № 1.

Шмеллеръ. Его описаніе рукописи фрейзингскихъ отрывковъ. **6**. 24.

Шопенъ. Его описаніе Армянской области. **6**. 17.

Штреттеръ, Петръ. Перевелъ на нѣм. языкъ сочиненіе Кеппена о языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. **6**. 23.

Штелинъ, Я. **4**. 36, 37.

Штеръ, М. П. Его описаніе Воронежской губерніи. **6**. 35.

Штросмайеръ. См. Стросмайеръ.

Штруде-де-Шармонъ, академикъ. Разборъ имъ бумагъ князя Меншикова. VII. Его лекціи. **4**. 32.

Штукенбергъ, П. Рецензія Кеппена на его Описаніе русскихъ каналовъ и русскую гидрографію. **6**. 20.

Шуваловъ, И. И. **4**. 51.

Шуйскій, П. В. князь. L, LII.

Шульгинъ, Н. П. XL.

Шумахеръ, совѣтникъ академич. **7**. 8. См. въ подробномъ указателѣ

къ ст. подъ № 1. Вліяніе его на академическія дѣла. 4. 6. Отзывъ его о русскомъ журналѣ. 4. 9. Требованіе диссертацій отъ магистровъ. 4. 34.

Эйлеръ. См. Ейлеръ.

Эрбенъ, К. Я. 7. 12.

Юго-славянская академія наукъ и художествъ въ Загребѣ. Ея основаніе, уставъ, составъ, дѣятельность, первыя изданія. 5. 1 — 14. 7. 4.

Юнгманнъ. 3. 6, 40, 65, 105, 114.

Ягичъ, В., хорватскій писатель, одинъ изъ издателей Книжевника. 5. 3. 7. 4. Его исторія хорватской письменности. 5. 12 — 14. Участіе его въ Книжевникѣ. II.

Языковъ, Дм. Ив. Его біографія, составленная Кеппеномъ. 6. 31. Его Указатель къ сочиненіямъ академика Лепехина. 6. 35.

Яремскій, Филиппъ. Воспитаніе его при Академіи и сотрудничество его въ Ежемѣс. сочин. 4. 30 — 35.

Оедоръ Ивановичъ, царь. L. 4. 53.

Оеодоръ Ростиславовичъ, великій князь. XL. IX.

Оеофанъ Прокоповичъ. Изслѣдованіе о немъ г. Чистовича. 7. 8. XLII. Переписка съ Татищевымъ. V. Ученики изъ его семинаріи въ Академіи Наукъ. 4. 30.

ПОПРАВКА. Въ I-мъ томѣ «Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ», на стр. LV вкралась важная ошибка: въ строкахъ 4 и 6 снизу напечатано имя *Бутурлина*, тогда какъ рѣчь идетъ о *Болтинѣ*, котораго сочиненіе 1788 года тамъ и названо. Таже ошибка вкралась и въ указателѣ, гдѣ на стр. 2 вм. *Бутурлина* слѣдовало поставить *Болтинъ*.

Академіи Наукъ СССР

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.